
ВЕСЬ МИР ЧИТАЕТ КУЛЬТОВЫЕ РОМАНЫ О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ
misterium
КНИГИ О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ
выходят многомиллионными тиражами по всему миру. Они стали классикой не только детективно-остросюжетного жанра, но и современного психологического романа.
ТОМАС ХАРРИС
КРАСНЫЙ ДРАКОН
ТОМАС ХАРРИС – ГЕНИЙ ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА!
ВЕЛИКАЯ КНИГА ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАСТЕРОВ ЖАНРА!
САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА СЕЗОНА!
ЭКСМО

Красный Дракон
Томас Харрис

Аннотация
Томас Харрис. Красный дракон
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

47
48
49
50
51
52
53
54

Аннотация

Мы все безумцы или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер, легендарный убийца-каннибал, попав за решетку, становится консультантом и союзником ФБР. Несомненно, Ганнибал Лектер — маньяк, но он и философ, и блестящий психиатр. Его мучает скука и отсутствие «интересных» книг в тюремной библиотеке.

Зайдя в тупик в расследовании дела серийного убийцы, прозванного Красным Драконом, ФБР обращается к доктору Лектеру. Ведь только маньяк может понять маньяка. И Ганнибал Лектер принимает предложение. Для него важно доказать, что он умнее преступника, которого ищет ФБР.

Роман Томаса Харриса «Красный Дракон» был с успехом экранизирован ведущими режиссерами Голливуда дважды: в 1986 и 2002 годах.

Томас Харрис
Красный дракон

Сердце человека — Милосердие,
Жалость и Печаль — его лицо,
Любовь — его божественное тело,
Покой — его бессменная одежда.

Уильям Блейк, из цикла «Песни невинности»
(Божественный образ)

Сердце человека — Бессердечность,
Ревность с Завистью — его лицо,
Ужас — его дьявольское тело,
Тайна — его вечная одежда.

Сердце человека — голодная бездна,
Лицо человека — закрытая печь,

Тело человека — кузница огня,
Одежда человека — кованое железо.

Уильям Блейк, из цикла «Песни опыта»
(Божественный образ).
Перевод на русский язык Ларисы Васильевой

1

Усадив Крофорда за небольшой столик, стоявший в нескольких шагах от полоски прибоя, Уилл Грэм предложил ему стакан чая со льдом. Джек Крофорд оглянулся на старый, но очень симпатичный дом — его крепкие просоленные доски сверкали в ярком свете дня.

— Надо было поговорить с тобой еще в Марафоне, сразу как закончилась твоя смена на верфи, — начал Крофорд. — Здесь ты вряд ли захочешь об этом говорить.

— Джек, я вообще не хочу об этом говорить, — ответил Грэм. — Но раз уж приехал — выкладывай. Только без фотографий. Скоро придут Молли и Вилли. Я не хочу, чтобы они все это видели.

— Что ты об этом знаешь? — спросил Крофорд.

— Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте — вторая. В обоих случаях почерк схожий.

— Не схожий, а одинаковый, — поправил Крофорд.

— Ложных признаний много? — осведомился

Грэм.

— Сегодня после обеда звонил нашим, было восемьдесят шесть. Психи. Ни один не знает, что тот бьет зеркала и использует осколки.

— Чего еще не знают газетчики? — спросил Грэм.

— Убийца — блондин, правша, физически сильный. Сорок пятый размер обуви. Умеет завязывать беседочный узел. Работает в резиновых перчатках.

— Ну, об этом ты говорил в интервью.

— Замки открывать, видимо, не умеет, — продолжал Крофорд. — Последний раз, чтобы попасть в дом, вырезал стекло алмазом. Чуть не забыл, у него первая группа крови, резус положительный.

— Его что, кто-нибудь зацепил?

— Насколько нам известно, нет. Определили по сперме и слюне. Он относится к тем, у кого в секреторных выделениях содержатся антигены группы крови.

Крофорд посмотрел вдаль, на спокойную воду океана.

— Уилл, я хочу тебя спросить, — осторожно начал он. — Ты ведь видел газеты. А после второго убийства была куча телерепортажей. Неужели

тебе ни разу не захотелось мне позвонить?

— Нет.

— Почему? — поинтересовался Джек.

— Бирмингемский случай описывали очень скупо. Убийство как убийство. Может, месть, а может, с родственником что-нибудь не поделили, — объяснил Грэм.

— Но после Атланты ты, конечно, понял, кто тут замешан, — возразил Крофорд.

— Да. Психопат, — согласился Грэм. — А не позвонил потому, что не хотел. Что я, не знаю, кто у вас там работает? Да таких криминалистов еще поискать надо. Тебе, поди, помогают и Гаймлих из Гарвардского университета, и Блум из Чикагского…

— В то время как некоторые продолжают чинить долбаные лодочные моторы.

— Вряд ли я на что-нибудь сгожусь, Джек. Я обо всем этом уже и думать забыл.

— Да ну? А двое последних, которых мы посадили? Ведь брал их ты.

— Да ладно тебе. Ничего особенного я не делал.

— Ничего особенного? Да ты же думаешь по-другому, не как все!

— Правильно, теперь ты будешь этот бред повторять…

— Постой, постой. Ты же выходил на них внезапно, ни с того ни с сего. Как? До сих пор никто не знает.

— Улики анализировал, вот как, — проворчал Грэм.

— Какие улики? Улики потом появились, после ареста. Ты вспомни, мы даже мотив установить не могли!

— Джек, у тебя неплохая команда. От меня особого прока не будет. Я нарочно забрался сюда, чтобы уйти от всего.

— То, что тебя ранили, я не забыл. Но сейчас ты вроде выглядишь нормально.

— А я и чувствую себя нормально. Дело не в том, что меня порезали. Тебя тоже резали.

— Резали, но не так сильно.

— Дело не в этом. Просто я решил поставить точку. Не могу объяснить почему.

— Не можешь больше на все это смотреть? Прекрасно понимаю, ей-богу.

— Нет, не смотреть. Смотреть просто приходится. Приятного, конечно, мало, но работать с трупами можно научиться, привыкнуть, что ли… А вот допросы, больницы… Когда все это стоит перед глазами, а нужно думать, думать, думать… Нет, не потяну. Смотреть еще бы смог, а постоян-

но об этом думать — уволь…

— Эти уже мертвые, Уилл, — произнес Крофорд, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее.

Слушая Грэма, Крофорд узнавал в речевом ритме и построении фраз свою собственную манеру говорить. Он замечал это за Грэмом и раньше, в беседах с другими. В напряженные моменты Грэм вдруг начинал как бы копировать собеседника. Поначалу Крофорду казалось, что Уилл делает это намеренно, рассчитывая разговорить собеседника, но потом он понял, что тот сам ничего не может поделать: это происходит помимо его воли.

Крофорд двумя пальцами вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и бросил их на стол изображением вверх.

— Уже мертвые, — повторил он.

Грэм на секунду задержал взгляд на его лице. Потом потянулся за фотографиями.

Перед ним были два любительских снимка. На одном — пруд. По склону берега поднимается женщина. В руках у нее — корзина для пикника. За ней идут трое детей и утка. На другом — семья вокруг праздничного торта.

Не прошло и полминуты, как Грэм положил снимки на стол. Пальцем он подвинул верхний

так, что тот аккуратно совместился с нижним. Он отвернулся и посмотрел вдаль. У самой воды он увидел мальчика: сидя на корточках, тот что-то искал в песке. Рядом, по щиколотки в воде, стояла подбоченясь женщина и наблюдала за ним. Вот она повернулась к воде спиной, наклонилась и откинула влажные волосы с плеч.

Грэм некоторое время наблюдал за ними, словно забыв о Крофорде.

Крофорд понял, что приехал не зря. Он правильно выбрал место для разговора, теперь важно не показать радости.

«Похоже, поддается, — подумал он. — Теперь пусть дозревает».

Подошли три на редкость страшные дворняги и улеглись у стола.

— Это что такое? — спросил Крофорд.

— По-моему, это собаки, — ответил Грэм. — Сюда со всей округи приходят щенков топить. Тех, что посимпатичнее, мне удается пристроить. Те, что остаются, вырастают вот в таких.

— Довольно упитанные.

— Молли подкармливает. Она жалеет бродячих собак.

— Вы неплохо здесь устроились, — произнес Крофорд. — Сколько мальчику лет?

— Одиннадцать, — сказал Грэм.

— Славный парень. Вырастет — будет выше тебя.

Грэм кивнул.

— Отец у него был высокий… А жить здесь здорово, ты прав. Я хотел перевезти сюда Филлис, выйти на пенсию, обосноваться тут как следует. Надоело жить как перекати-поле. Она скучает — ничего удивительного. Все ее друзья остались в Арлингтоне.

— Кстати, передай ей, что я благодарен за книги, которые она мне приносила в больницу. Сам я не успел.

— Конечно передам.

Прямо на стол сели две птички, видимо надеясь найти остатки джема. Крофорд смотрел на них, пока они не упорхнули.

— Очевидно, на этого типа влияет луна, Уилл. Джейкоби он убил в субботу, двадцать восьмого июня, в полнолуние. Двадцать шестого июля, позапрошлой ночью, — Лидсов. За один день до полнолуния. В следующий раз полная луна выйдет почти через месяц. У нас есть три недели, чтобы подготовиться к встрече. Не думаю, что ты сможешь спокойно сидеть и ждать, пока газеты сообщат о его новой вылазке. Черт возьми, Уилл,

я ведь не проповедь читать приехал. Скажи, тебе не безразлично мое мнение?

— Конечно нет, — ответил Грэм.

— С твоей помощью у нас больше шансов быстро его взять. Так что давай седлай — и по коням. Поезжай в Атланту, в Бирмингем, посмотри, а потом приезжай в Вашингтон. Я же не предлагаю тебе вернуться в штат, — продолжал уговаривать Крофорд.

Грэм молчал.

Волны набегали на берег и откатывались назад. Крофорд помедлил, потом встал, накинул пиджак на плечи.

— Ну ладно, — сказал он, — поговорим после ужина.

— Оставайся с нами, — предложил Грэм.

Крофорд покачал головой.

— Не могу, — ответил он. — Мне будут звонить в гостиницу, еще надо кое с кем связаться. Передай Молли спасибо за приглашение.

Взятая напрокат машина Крофорда оставила после себя облако редкой пыли, осевшее на придорожных кустах. Грэм вернулся к столу. Он уже знал, что потом будет вспоминать последний день счастливой жизни на мысе Шугалауф именно вот так: стол красного дерева, тающие кусочки

льда в двух стаканах, салфетки, разлетающиеся от ветра, и далекие силуэты Молли и Вилли.

Закат над мысом Шугалауф: неподвижные цапли и уходящий за горизонт солнечный диск. По лицам Уилла и Молли, сидящих на выбеленном морской водой бревне, выброшенном на берег, бродили оранжевые блики. Их спины отбрасывали фиолетовые тени. Молли взяла Грэма за руку.

— По дороге Крофорд заглянул ко мне в магазин, спросил, как сюда проехать, — сказала она. — Я пыталась до тебя дозвониться. Хоть иногда подходи к телефону. У дома мы увидели его машину, ну и свернули на пляж.

— Он о чем-нибудь еще тебя спрашивал?

— Да, поинтересовался, как ты.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что у тебя все в порядке и чтобы он оставил тебя в покое. Что ему надо? — спросила Молли.

— Джек хочет, чтобы я изучил улики, я ведь как-никак судмедэксперт. Ты видела мой диплом.

— Да, видела, когда ты заклеивал им дырку в обоях на потолке. — Она оседлала бревно, чтобы видеть его глаза. — Если бы ты тосковал о своей прежней жизни, о том, чем ты занимался раньше, ты бы сказал. Так мне кажется. Но ты

же молчишь. С тобой сейчас легко и спокойно… таким я тебя люблю.

— Нам хорошо, правда?

Она зажмурилась, поморщившись, и Грэм понял, что сказал что-то не то.

Он хотел поправиться, но Молли продолжала:

— Работа с Крофордом пошла тебе во вред. У него полно людей, за ним все государство! Почему он не может оставить нас в покое?

— Я на следственную работу уходил из академии дважды. И оба раза работал под его началом. Те два дела даже для него были в новинку, а уж у него-то следственный стаж — ого-го! И вот опять… Психопаты такого типа — редкость. Ну а Крофорд знает: у меня есть… опыт, что ли.

— Да уж, — сказала Молли.

Рубашка на Грэме была расстегнута, и она видела шрам, пересекавший живот до самого паха. Выпуклый, шириной в палец шрам белел на фоне загорелой кожи.

За год до того, как Грэм встретил Молли, это ранение нанес ему ножом для резки линолеума доктор Ганнибал Лектер. Уилл тогда чудом остался в живых. Лектер — Ганнибал-Каннибал, как позднее окрестили его журналисты, — был вторым психопатом на счету у Грэма. Попра-

вившись, Грэм уволился из Федерального бюро расследований, уехал из Вашингтона во Флориду и устроился работать механиком-мотористом на небольшую верфь в Марафоне. Грэм был знаком с этой работой с детства. Сначала жил в трейлере, пока не переселился к Молли, в ее старый уютный дом на мысе Шугалауф.

Грэм сел верхом на выброшенное прибоем бревно и взял руки Молли в свои. Грэм почувствовал, как под его подошвами ступни Молли зарывались в песок.

— Видишь ли, Крофорд вбил себе в голову, что у меня нюх на маньяков.

— А сам ты как думаешь?

Грэм отвел взгляд. Над ровной полосой берега один за другим летели три пеликана.

— Молли, психопата, если он не глуп, поймать трудно. Особенно садиста. Во-первых, нет мотивов преступления. Значит, этот путь закрыт. Во-вторых, почти никакой помощи от информаторов. Чаще всего задержание преступника — результат доноса, а не собственно розыскной работы. А в таких делах стучать просто некому, понимаешь? Никто ничего не знает, иногда даже сам психопат — часто он просто не отдает себе отчета в своих поступках. Поэтому приходится

брать след — иногда единственный — и думать, думать… Нужно влезть в его шкуру, воссоздать картину, найти закономерности его поведения.

— А затем выследить и поймать, — вставила Молли. — Я боюсь, что если ты начнешь выслеживать этого маньяка, или как его там, то он просто всадит в тебя нож, как в прошлый раз, понимаешь? Мне страшно за тебя.

— Он не увидит моего лица, не будет знать моего имени. Когда его найдут, то брать буду не я, а полиция. Крофорд просто хочет знать мое мнение.

Молли отвернулась. Солнце напоследок окрасило волны и перистые облака в вышине багряным цветом.

Слева ее профиль был не таким правильным, и Грэму нравилось, как Молли поворачивает голову — просто, без тени кокетства. Увидев пульсирующую на шее жилку, Грэм вдруг отчетливо вспомнил вкус соли на ее коже. Проглотив подступавшую слюну, он сказал:

— Что же мне делать, черт побери?

— По-моему, ты уже все решил. Если ты будешь сидеть здесь, а он там будет убивать и убивать, вполне возможно, что ты возненавидишь это ме-

сто. Знаешь, как в фильме «Ровно в полдень»?[1] Если так оно и будет, то зачем тогда меня спрашивать?

— А если я все-таки спрошу?

— Оставайся со мной. Со мной и с Вилли — я и его брошу на весы, если он что-нибудь для тебя значит. Я — что, мне положено смахнуть слезу прощания и помахать платком. А если все закончится печально, я успокоюсь мыслью, что ты не мог поступить иначе. Только спокойствие это закончится с последними тактами твоего похоронного марша. А потом я приеду домой и включу половину одеяла.[2]

— Меня и близко к нему не подпустят.

— Так я тебе и поверила. Я эгоистка, да?

— Да. Но мне все равно.

— И мне. Мне никогда не было до такой степени хорошо. Я знаю, потому что помню все, что было со мной раньше. И поэтому я ценю то, что у нас есть сейчас, понимаешь?

Грэм кивнул.

— Я ни в коем случае не хочу лишиться этого, —

---

[1] Примечания: 1

Американский классический вестерн, где главную роль играет Гари Купер.

[2] Примечания: 2

Имеется в виду одеяло с электроподогревом.

сказала Молли.

— Я тоже. Все будет нормально, вот увидишь.

Быстро стемнело. На юго-западе, низко над горизонтом, показался Юпитер. Они пошли к дому в свете ущербной луны. В море, далеко за отмелями, из воды выпрыгивала мелкая рыбешка, пытаясь спасти свою жизнь.

Крофорд пришел после ужина. Снял пиджак, галстук и закатал рукава, чтобы придать себе непринужденный вид. Молли было противно смотреть на его полные бледные руки. Он был ей смешон своей недалекой хитростью. Пока Грэм с Вилли кормили собак, она провела его на террасу, посадила под вентилятором и налила кофе. Говорить ей не хотелось. Было слышно, как о сетки в окнах бьются мотыльки.

— Знаешь, Молли, а Уилл хорошо выглядит, — сказал Крофорд. — Да и ты тоже. Вы оба такие стройные и загорелые.

— Что бы я ни сказала, ты все равно его увезешь? — спросила она.

— Да, это необходимо. Я не могу поступить иначе. Но я тебе торжественно обещаю, что сделаю все, чтобы ему было как можно легче. Он теперь совсем другой. Здорово, что вы поженились.

— Ему лучше с каждым днем. И кошмары муча-

ют реже. Одно время он был просто помешан на собаках. Сейчас, правда, он за ними только ухаживает, а не порывается всем о них рассказать. Джек, ты ведь ему друг, почему ты не можешь оставить Уилла в покое?

— Он самый лучший. В этом его проклятие. Он мыслит как-то по-другому. Никогда не действует по шаблону.

— Уилл считает, что ты хочешь, чтобы он познакомился с материалами дела.

— Конечно, — подтвердил Крофорд. — Никто так хорошо не может анализировать улики. Но есть и другое — воображение, проницательность, называй как хочешь. Он сам-то не очень рад, что это в нем есть.

— А тебя бы не беспокоило, если б в тебе это было? Джек, пообещай мне… пообещай, что присмотришь за ним в случае чего. Если ему придется драться, то это его доконает.

— Ему не придется драться, это я могу обещать.

Грэм покормил собак, и Молли помогла ему собраться.

2

Уилл Грэм медленно ехал мимо дома, в котором жили и умерли Лидсы. Темные окна. В саду горел один фонарь. Он оставил машину, проехав пару кварталов, и вернулся к дому пешком. Было темно и тепло. Грэм нес картонную папку с протоколами, полученными в полицейском управлении Атланты.

Сюда Грэм хотел приехать непременно один. Присутствие полицейских будет только мешать. Так он сказал Крофорду. На самом деле у него была другая причина. Грэм не знал, как будет реагировать на то, что увидит. Ему не хотелось, чтобы на него был постоянно направлен посторонний взгляд.

Морг он выдержал нормально.

Двухэтажный кирпичный дом Лидсов стоял в глубине поросшего лесом участка. Грэм долго стоял, прислонившись к стволу дерева, чтобы успокоиться. Перед его мысленным взором в темноте качался серебряный маятник. Он ждал, пока маятник остановится.

То и дело по дороге проезжали соседи. Бросив

осторожный взгляд на дом Лидсов, они быстро отворачивались. Место, где произошла трагедия, для них как бельмо на глазу. Люди относятся к убийству, произошедшему в соседнем доме, как к предательскому удару в спину. На таких домах задерживаются взгляды лишь детей и чужаков.

Грэм с удовлетворением заметил, что занавески на окнах не были опущены. Значит, родственники там побывать не успели. Родственники всегда опускают занавески.

Осторожно ступая и не зажигая фонарика, Грэм зашел за дом. Пару раз он останавливался и прислушивался. В отличие от полиции соседи не знали, кто он и зачем пришел. Появление ночью незнакомца может их напугать. Так недолго и пулю получить.

Грэм заглянул в одно из окон, выходивших в сад. Дом отсюда просматривался насквозь: в свете фонаря, висевшего перед фасадом, виднелись очертания мебели. В воздухе стоял сильный запах жасмина.

Грэм подошел к террасе с зарешеченными окнами. Дверь была опечатана полицией. Сорвав полоску бумаги, Грэм переступил порог и вошел.

Стекло двери, ведущей с веранды на кухню, сняли для экспертизы, вставив взамен кусок фанеры.

Подсвечивая себе фонариком, Грэм отпер кухню ключом, взятым в полицейском управлении, и вошел. Ему хотелось зажечь свет. Ему хотелось надеть блестящую полицейскую бляху и как-то поофициальнее представиться, чтобы оправдать свое присутствие перед этим молчащим домом, где убили пять человек. Но он просто вошел в темную кухню и сел за кухонный стол.

На газовой плите плясали язычки пламени запальников, отбрасывая голубой свет. Пахло яблоками и мебельной политурой.

Вдруг раздался щелчок. Это автоматически включился кондиционер. Грэм вздрогнул, в него вонзились иголочки страха. Грэм был со страхом на короткой ноге. Сейчас он с ним тоже справится. Да, он боялся, но знал, что будет продолжать осмотр.

Грэм давно усвоил, что видит и слышит лучше, когда ему страшно; в то же время страх мешал ему четко выражать свои мысли. Но в пустом доме говорить было не с кем и обижаться было некому.

Несколько дней назад в этот дом через дверь кухни пришла беда. На ней были ботинки сорок пятого размера. Сидя в темноте, Уилл просто чуял побывавшее здесь безумие, как собака — след.

Еще утром Грэм изучил протокол осмотра места преступления, составленный отделом по расследованию убийств полицейского управления Атланты. Он помнил, что подсветка вытяжки над плитой была включена, когда приехала полиция. Он поднялся и включил подсветку.

Рядом с плитой висели две вышивки, оправленные в рамки. Одна гласила: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Другая утверждала: «И именно на кухню приходят все друзья — услышать сердце дома, погреться у огня».

Часы показывали 11.30. По мнению судмедэксперта, смерть всех пяти членов семьи наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи.

Сначала была дверь. Грэм медленно закрыл глаза…

Маньяк поддел крючок на первой двери, покрытой противомоскитной сеткой. Постоял на темной террасе, опустил руку в карман. Достал присоску, может отломанную от точилки, что прилепляется к столу. Присев перед второй, наполовину застекленной дверью, ведущей на кухню, маньяк осторожно заглянул внутрь. Облизнув присоску, он прижал ее к стеклу, чтобы можно было вырезать круг. К присоске ниткой привязан небольшой стеклорез.

Тихо взвизгнул стеклорез, одна рука сильно нажимает на стекло, другая — держит присоску. Осколок не должен упасть. Вырезанный кусок стекла имеет яйцевидную форму, потому что нитка, которой привязан стеклорез, намоталась на стержень присоски. Неприятный скрип: это он вытаскивает вырезанный кусок наружу. Оставить на стекле следы слюны, по которой можно определить группу крови, он не боится. Вот в вырезанное отверстие пролезает его рука и открывает замок. Дверь тихо отворяется. Преступник входит на кухню. Подсветка освещает его фигуру в незнакомом помещении. В доме приятная прохлада…

Разорвав упаковку, Грэм съел два кусочка мармелада. Громкий хруст целлофана заставил его поморщиться. Он прошел через гостиную, по привычке держа фонарь подальше от тела. Изучив расположение комнат заранее, он тем не менее нашел лестницу не сразу. Ступени не скрипели.

Грэм остановился в дверях самой большой спальни. Его фонарик был выключен, и он едва различал очертания комнаты. Электронные часы на ночном столике отбрасывали блики на потолок. Над карнизом у входа в ванную висел оранжевый ночник. В комнате еще чувствовался

сильный, отдающий медью запах крови.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Да, маньяк мог различить, где лежит Лидс, а где его жена. Здесь было вполне достаточно света для того, чтобы пересечь комнату, схватить спящего Лидса за волосы и полоснуть ножом по горлу. А что было потом? Наверное, он зажег свет, поздоровался с миссис Лидс, затем выстрелом ранил ее, чтобы она не двигалась.

Грэм повернул выключатель и тут же сжался, как от боли: с матраца, пола и даже со стен на него смотрели бурые пятна крови. Ему показалось, что даже воздух в спальне пропитан криками захлебывающихся в крови людей. Грэм вздрогнул от этого неслышного шума в тихой комнате, полной подсыхающих пятен крови.

Он тяжело опустился на пол и сжал голову руками. «Спокойно, спокойно», — повторял он про себя.

Хотя все трупы были обнаружены в своих постелях, многочисленные пятна крови разной конфигурации были чуть ли не по всему дому. Полицию это поставило в тупик.

Сначала они решили, что Чарльз Лидс подвергся нападению в комнате дочери, а затем его труп был перетащен в спальню. Однако данные

экспертизы заставили их отказаться от этой версии. Следствию никак не удавалось установить последовательность действий убийцы.

Теперь, зная результаты вскрытия и экспертизы, Грэм начал понимать, как все произошло на самом деле. Убийца перерезал горло спящему Лидсу, потом включил свет: на кнопке выключателя остались следы жира и несколько волосков. Он выстрелил в порывавшуюся подняться миссис Лидс и отправился в детские спальни. Лидс с перерезанным горлом пытался защищать детей, при этом кровь из него буквально хлестала, как это всегда бывает при ранении аорты. Потом убийца его оттолкнул, Лидс упал и умер рядом с дочерью, в ее комнате.

Оба сына Лидсов были найдены мертвыми в своих постелях, но у одного из них в волосах были обнаружены пылинки. Полицейские думали, что, услышав выстрелы, ребенок пытался спрятаться под кроватью, но убийца настиг его и там.

Когда все, кроме миссис Лидс, были мертвы, преступник стал крушить зеркала, выбирая подходящие осколки. Затем он вновь занялся женщиной.

У Грэма при себе были протоколы всех вскрытий, в том числе и миссис Лидс. Там было на-

писано, что пуля вошла в правое подреберье и застряла в позвоночнике, но смерть наступила от удушения.

Повышение уровня серотонина и свободного гистамина в крови убитой давало основание полагать, что смерть наступила по крайней мере через пять минут после ранения. Причем уровень гистамина был значительно выше, чем уровень серотонина, — значит, она не могла прожить более пятнадцати минут. Остальные ранения, нанесенные миссис Лидс, видимо, носили посмертный характер.

Если принять, что остальные ранения были нанесены миссис Лидс после смерти, а после выстрела она прожила как минимум пять минут, то что делал в это время убийца? Наверное, он добивал Лидса, убивал детей, крушил зеркала, но даже и это не могло занять у него больше минуты.

Грэму было важно понять, что именно делал убийца в течение этих пяти минут. Эксперты из полицейского управления Атланты знали свое дело. Они все замерили, сфотографировали, исследовали каждый сантиметр, даже раскручивали «стаканы» под раковинами. Тем не менее Грэм хотел увидеть все сам.

Сверившись с фотографиями места преступле-

ния и посмотрев на матрацы, где специальной лентой были отображены контуры тел, Грэм понял, где были найдены трупы. Микроскопические частицы несгоревшего пороха, найденные на постельном белье, показывали, что трупы, обнаруженные полицией, лежали примерно так же, как и в момент выстрелов. Оставалось непонятным, почему на ковре в гостиной было так много пятен и даже каких-то полос, напоминающих следы поскальзывающихся ног. Грэм вспомнил гипотезу одного из полицейских. Якобы одна из жертв пыталась уползти от убийцы. Но Грэму это казалось маловероятным. Он был уверен, что убийца зачем-то перемещал трупы, а потом возвратил в то положение, в котором они были убиты.

То, что преступник сделал с женщиной, Грэму было понятно. А какая участь постигла остальных? Убийца не обезобразил их, как миссис Лидс. Дети были убиты выстрелом в голову. Чарльз Лидс умер от потери крови. У него на груди была обнаружена поперечная вдавленная полоса, которая, вероятно, появилась после смерти. Что же убийца делал с трупами?

Грэм вынул из папки фотографии, заключения экспертов о лабораторных анализах органиче-

ских проб, взятых у жертв, таблицы стандартных траекторий падения капель крови. Чтобы мысленно выстроить события в обратном порядке, он поднялся в спальни детей и тщательно осмотрел каждую группу пятен крови, пытаясь понять, где именно была нанесена каждая рана.

Спустившись вниз, он стал наносить каждую группу на план большой спальни, а потом, сверяясь с таблицами, старался определить направление и скорость полета капель и установить таким образом положение трупов в разное время.

Вот группа пятен дугообразно поднимается по стене и огибает угол. На ковре под ними пятна поменьше. В крови были и обои над изголовьем кровати — с той стороны, где лежал муж. Схема в руках Грэма уже напоминала картинку-головоломку «Соедини точки», только у него они не были пронумерованы. Он снова и снова переводил взгляд с блокнота на кровавые следы, пока у него не заболела голова.

Грэм пошел в ванную и принял две последние таблетки аспирина, запив их водой, которую набирал в пригоршню из-под крана. Потом он умылся и вытер лицо полой сорочки. Под раковиной растекалась лужа. Грэм забыл, что в поисках

улик эксперты сняли «стакан» под раковиной. Все в ванной, за исключением разбитого зеркала и следов красного порошка для снятия отпечатков, прозванного полицейскими «кровь дракона», было как обычно. На полочке аккуратно стояли зубные щетки, баночки с кремом и бритва.

Посмотрев на вещи в ванной комнате, можно было подумать, что Лидсы живы. На сушилке висели колготки. Миссис Лидс не выбрасывала рваные пары, а сшивала из двух одну целую, экономя таким образом деньги. У Грэма защемило сердце: Молли делает так же.

Грэм выбрался через окно второго этажа на крышу террасы и сел на грязную черепицу. Он сидел, обхватив колени руками, влажная рубашка холодила спину. Грэм фыркнул, пытаясь изгнать из себя запах крови.

Ночное небо озаряли огни города. Во Флориде сейчас ясная ночь. Посидеть бы сейчас, как бывало, с Молли и Вилли, глядя в небо и ожидая шипения, с которым, как они договорились, должны по их желанию падать звезды. Тем более сейчас, в самый звездопад.

Грэм снова фыркнул и поежился. Он не хотел сейчас думать о Молли. Это было бестактно и к тому же отвлекало от того, за чем он пришел.

Вкус Грэму изменял часто; нередко его мысли оказывались далеки от изящества. В его голове отсутствовали надежные переборки, разделяющие возвышенное и низкое. То, что он видел и слышал, немедленно выстраивалось в ассоциативные цепочки с образами, хранящимися в памяти. Иногда предугадать их Грэм был не в силах. Усвоенные им в процессе жизни ценности — целомудрие, стыдливость — безнадежно отставали, не успевая преградить путь ужасным мыслям, чудовищным образом нападающим на него во сне; для сокровенного в его голове просто не находилось убежища. Ассоциации возникали молниеносно, неподвластные нравственным ограничениям, которые просто не могли за ними угнаться.

Собственная психика представлялась ему как нечто гротескное, но полезное, как, например, кресло, сделанное из рогов оленя. Как бы ни хотелось изменить положение вещей, он был бессилен.

Грэм выключил свет в доме Лидсов и вышел через кухню на террасу. Луч фонарика выхватил из темноты велосипед и подстилку для собаки. Во дворе он заметил собачью конуру и миску около ступеней.

Судя по материалам следствия, Лидсы были застигнуты врасплох во время сна.

Прижав фонарик щекой к плечу, Грэм достал блокнот и записал: «Джек, а что с собакой?»

Грэм сел в машину и вернулся в гостиницу. Часы показывали полпятого утра, шоссе было почти пустынно. Ему приходилось заставлять себя следить за дорогой. Голова все еще болела. Уилл стал искать ближайшую круглосуточную аптеку.

Он нашел ее на Пичтри-авеню. У входа в аптеку дремал неопрятный охранник. Аптекарь в несвежем халате протянул Грэму упаковку таблеток от головной боли. Яркий свет резал глаза. Грэму никогда не нравились молодые аптекари. Они всегда имели вид самоуверенной посредственности и были, как подозревал Грэм, домашними тиранами.

— Вы еще что-нибудь брать будете? — спросил аптекарь, держа пальцы наготове над клавишами кассового аппарата. — Будете еще что-нибудь брать?

Управление ФБР Атланты заказало Грэму номер в нелепого вида гостинице рядом с только что построенным Пичтри-центром. Грэм вошел в прозрачную кабину лифта, имевшую форму стручка молочая, и сразу ощутил, что находится

в городе. Вместе с ним ехали два делегата какой-то конференции с нацепленными на лацканах карточками аккредитации. «Привет!» — было написано на каждой. Пока лифт поднимался, они рассматривали людей сквозь его прозрачные стены и крепко держались за поручень. Тот, который повыше, сказал:

— Ба, гляди-ка! Никак Уилма с ребятами подвалила. Эх, впендюрить бы ей по самое дальше некуда!

— Выдрать, пока кровь носом не пойдет, — подхватил другой.

Страх, животное вожделение и вызванная страхом агрессия.

— Знаешь, чем отличается баба от статуи?

— Чем?

— Статуя сначала падает, а потом ломается, а баба — наоборот.

Двери лифта открылись.

— Приехали, что ли? — удивился тот, что повыше, и, выходя, ударился о дверцу.

— Разуй глаза, обуй ноги, — посоветовал ему приятель.

Войдя в номер, Грэм положил папку с делом на стол, потом подумал и спрятал в ящик, чтобы она не мозолила глаза. На сегодня с него было

достаточно мертвецов с широко раскрытыми глазами. Хотелось позвонить Молли, но было слишком рано.

На совещании в полицейском управлении Атланты, которое было назначено на восемь утра, он мало что сможет доложить о результатах осмотра. Грэм постарался заснуть. Голова у него гудела. В сознании раздавалось множество спорящих голосов, а где-то в его закоулках дело дошло до драки.

Грэм чувствовал себя опустошенным. Прежде чем растянуться на кровати, он в каком-то оцепенении выпил полстакана виски. Темнота показалась нестерпимой. Он поднялся, зажег в ванной свет и вернулся в постель. Теперь можно думать, будто это Молли там причесывается.

Грэм слышал свой голос, читающий заключение патологоанатома, хотя он никогда не читал этого вслух: «…следы кала оставлены на… на икре правой ноги следы талька. Перелом медиальной стенки глазницы вызван осколком зеркала…»

Грэм попытался представить себе пляж на мысе Шугалауф, шум прибоя, свой верстак и систему стока для водяных часов, которую они делали с Вилли. Он стал вполголоса напевать «Виски-ривер» и даже попробовал прокрутить в голове

«Блэк-Маунтин рэг» от начала до конца. Молли нравилась эта музыка. Партия гитары в исполнении Дока Уотсона у него получилась, а вот со скрипками он запутался. Грэм вспомнил, как Молли пыталась научить его отбивать чечетку, подпрыгивая во дворе… Потом он задремал.

Через час Грэм проснулся, все тело затекло, а белье было мокрым от пота. В неясном свете, пробивавшемся из ванной, вырисовывался чей-то силуэт на второй подушке. На ней лежала миссис Лидс, искусанная, нет — истерзанная зубами, с зеркалами вместо глаз, из которых, как дужки очков, стекали по вискам и за уши струйки крови. Грэм не мог заставить себя повернуться к ней лицом. В его голове что-то оглушительно гудело. Он протянул руку и ощутил сухую ткань под пальцами.

Это его немного успокоило, но сердце продолжало бешено колотиться. Он встал и надел сухую футболку, а мокрую бросил в ванну. Грэм не мог заставить себя лечь на сухую сторону кровати. Вместо этого он положил на простыни широкое полотенце, уперся в спинку кровати, взял стакан с виски и сделал большой глоток.

Он судорожно думал, чем бы занять мысли… Аптека, где он покупал лекарство. За весь день

это было единственное место, не связанное со смертью.

Он еще помнил старые аптеки, где стояли автоматы с содовой. В детстве ему всегда казалось, что в аптеках живет хитринка: стоило только войти, и мысли тотчас начинали вертеться вокруг презервативов, независимо от того, нужны они были или нет. Там вообще было много всякого, на чем не полагалось задерживать взгляд.

В аптеке, где он был этой ночью, презервативы в разноцветных упаковках были выставлены в специальной витрине прямо за кассой, словно произведения искусства.

Грэму больше нравились старые аптеки времен его детства. Ему стукнуло почти сорок, а он едва только начинал чувствовать притягательность прошлого, оно было как якорь, тащившийся по дну во время шторма.

Грэм вспомнил Смута. Смут сочетал обязанности продавца содовой и помощника фармацевта — владельца аптеки — в те времена, когда Грэм был ребенком. Смут пил на работе и однажды, поднабравшись, забыл опустить маркизу, и кеды, выставленные на витрине, скукожились под солнцем. Как-то он забыл выключить кофеварку, и пришлось вызывать пожарных. Детям

Смут мороженое продавал в кредит.

Свой самый знаменитый ляп Смут совершил в отсутствие хозяина, закупив у оптовика целлулоидных пупсов. Вернувшись, тот приказал Смуту не появляться ему на глаза целую неделю. После этого устроили распродажу пупсов. Пятьдесят кукол усадили полукругом в витрине таким образом, что казалось, будто они в упор смотрят на каждого, кто бы ни остановился перед витриной.

Они представляли собой непривычное зрелище, и Грэм подолгу простаивал перед витриной в каком-то оцепенении, чувствуя на себе их пристальный взгляд, хотя и понимая, что это всего лишь куклы. Витрина, словно магнит, притягивала прохожих. Гипсовые головки украшали одинаковые глупые кудряшки, но пятьдесят пар широко раскрытых васильковых глаз вызывали у него мурашки.

Грэм чувствовал, как напряжение отпускает его. Стеклянные глаза… Пристальный взгляд… Он взял стакан, отпил, поперхнулся и закашлялся. Грэм зажег ночник и вытащил из ящика папку с делом, потом взял протоколы вскрытия детей Лидсов и масштабный, с его пометками, план комнаты, где произошло убийство, и разложил все на кровати.

Вот три пятна, тянущиеся вверх по стене в углу спальни, а вот три соответствующих им пятна на ковре. Вот антропометрические данные всех троих детей. Брат, сестра, старший брат. Так. Так. Так. Все так!

Все трое сидели у стены лицом к кровати. Зрители. Мертвые зрители. И Лидс, привязанный к спинке кровати веревкой, пропущенной под мышками так, что казалось, он полусидит в постели. Вот откуда вдавленная полоса на его теле, вот откуда кровь над кроватью. На что же они смотрели? Ни на что. Они были мертвы. Но глаза их были открыты. Они смотрели представление с участием маньяка и мертвой миссис Лидс, разыгрывающееся перед мистером Лидсом, сидящим на кровати. Зрители. Маньяк то и дело оглядывался на их лица.

Интересно, зажигал ли он свечу? Блики света, играющие на мертвых лицах, вполне могли бы сойти за живую мимику. Но свечу не нашли. Может, он в следующий раз до этого додумается?

Первая ниточка, соединяющая его с убийцей, принесла с собой беспокойство и сосущую боль. Покусывая кончик простыни, Грэм продолжал размышлять.

«Почему ты снова передвинул их? Почему не

оставил так, как они лежали? — спрашивал себя Грэм. — Ты что-то от меня прячешь. Ба, да ты чего-то стыдился? Или просто знаешь, что, если я узнаю, тебе конец?

Это ты открывал им глаза?

Миссис Лидс была прекрасна, правда? Ты перерезал ему горло и включил свет, чтобы миссис Лидс увидела, как он захлебывается? Ласкать такую женщину в перчатках… С ума сойти».

«На ее ноге нашли тальк. В ванной талька не было…» — раздался чей-то ровный голос. Почудилось…

«Значит, ты снимал перчатки? Тальк просыпался, когда ты стягивал резиновую перчатку, чтобы погладить миссис Лидс, ТАК, СУКИН ТЫ СЫН? Ты гладил ее голыми руками, снова надел перчатки и вытер свои отпечатки с ее тела. Но когда ты открывал им глаза, на тебе ведь не было перчаток?»

Джек Крофорд поднял трубку после пятого звонка. Ему часто звонили по ночам, поэтому лишних вопросов он не задавал.

— Джек, это Уилл.

— Слушаю, Уилл.

— Прайс по-прежнему в отделе дактилоскопии?

— Да, но он почти не выезжает. Занимается картотекой единичных отпечатков.

— Нужно, чтобы он приехал в Атланту.

— Для чего? Ты ведь сам говорил, что дактилоскопист в Атланте тебя вполне устраивает.

— Устраивает. Но Прайс лучше.

— Зачем он тебе? Думаешь, где-то еще остались пальчики?

— Нужно посмотреть ногти женщины. На руках и на ногах. Они покрыты лаком, это идеальная поверхность. И потом, роговицы глаз у остальных. Мне кажется, он снимал перчатки.

— Черт возьми, Прайсу придется поторопиться, — пробормотал Крофорд. — Похороны сегодня днем.

3

— Я считаю, он все-таки трогал ее, — с порога начал Грэм.

Крофорд протянул ему банку кока-колы, извлеченную из автомата в полицейском департаменте Атланты. Было 7.50 утра.

— Конечно, он же перетаскивал ее с места на место, — согласился Крофорд. — Под коленями и на запястьях синяки. Но все отпечатки в доме оставлены гладкими перчатками. Да ты не волнуйся, приехал Прайс. Ну и ворчливый же он. Уехал в похоронное бюро. Тела забрали из морга вчера вечером, но в похоронном бюро еще не начинали. Ты что такой смурной, не выспался?

— Вздремнул с часок… Ты знаешь, он прикасался к ней голыми руками.

— Хотелось бы надеяться. Хотя дактилоскописты клянутся, что он не снимал резиновых, ну вроде хирургических, перчаток. На осколках те же гладкие отпечатки. На том, что был вставлен в малые половые губы, — указательный палец на темной стороне, смазанный большой — на зеркальной.

— Он его протер после того, как вставил. Скорее всего, чтобы полюбоваться своим изображением, — сказал Грэм.

— На осколке во рту следы крови. В глазах — то же самое. Нет, перчаток он не снимал, Уилл.

— Миссис Лидс была красивой женщиной, — сказал Грэм. — Ты ведь видел ее фотографии? Так вот, мне бы захотелось погладить ее… ну… в интимной обстановке, а тебе?

— В интимной?

В голосе Крофорда послышалось отвращение. Поняв это, он смутился и сделал вид, что ищет по карманам платок.

— Конечно. Ведь они были наедине. Все остальные мертвы. Он, правда, мог открыть или закрыть им глаза — это уж как ему хотелось.

— Как ему хотелось, — повторил Крофорд. — Когда искали отпечатки, изучили каждый квадратный сантиметр ее кожи. И ничего. Нашли только след от руки на шее.

— Кстати, в отчете ничего не говорится об отпечатках на ногтях.

— Ногти, наверное, уже не годятся — все смазали, когда искали под ногтями. Там нашли только ее эпидермис. Убийцу она не царапала.

— У нее были красивые ноги, — задумчиво

сказал Грэм.

— Да уж, — буркнул Крофорд и поднялся. — Ну что, пойдем наверх. Войско, наверное, уже в сборе.

Джимми Прайс привез с собой массу оборудования: два тяжелых чемодана, фотоаппарат в футляре и штатив. Грохот, который он произвел, входя в дверь похоронного бюро Ломбарда, был устрашающим. Прайс был болезненного вида старик, и долгая поездка в такси из аэропорта по забитым машинами утренним улицам отнюдь не улучшила его настроение.

Назойливо услужливый молодой человек с аккуратной прической провел его в кабинет, отделанный в пастельных тонах. На письменном столе не было ничего, кроме статуэтки под названием «Руки молящегося».

Когда на пороге появился сам мистер Ломбард, Прайс изучал кончики пальцев молящихся рук. Ломбард придирчиво проверил его удостоверение.

— Мистер Прайс, мне уже позвонили из вашего отдела, или агентства, или как там еще. Но видите ли, вчера вечером нам пришлось вызывать полицию из-за одного невыносимого типа, пытавшегося сделать фотографии для «Нэшнл

тэтлер», поэтому я так осторожен. Думаю, вы понимаете меня. Итак, тела мы получили сегодня в час ночи, похороны сегодня же в пять часов вечера. Откладывать, сами понимаете, нельзя.

— Это не займет много времени, — заверил его Прайс. — Мне нужен один толковый помощник, если таковой у вас имеется. Кстати, вы прикасались к телам, мистер Ломбард?

— Нет.

— Тогда, пожалуйста, выясните, кто их касался. Нужно будет у всех взять отпечатки.

На утреннем совещании по делу Лидсов говорили главным образом о зубах.

Начальник следственного отдела полиции Атланты Р. Д. Спрингфилд, кряжистый мужчина в рубашке без пиджака, стоял у дверей вместе с доктором Домиником Принси, ожидая, пока все двадцать три детектива соберутся в дежурной комнате.

— Ну что ж, ребятки, давайте улыбнемся, раз уж мы здесь все вместе, — зычно начал он, — покажем доктору Принси наши зубки. Так, отлично, улыбочку пошире. Ну и язычище у тебя, Спаркс. Как, зубам не тесно?

Огромный рисунок передних зубов, верхних и нижних, был вывешен на доске объявлений у

входа в дежурку. Он сразу же напомнил Грэму оскал пластмассовой маски из тыквы в виде фонаря. Детективы расположились за школьными столами, Грэм и Крофорд пристроились сзади.

Комиссар общественной безопасности Атланты Гилберт Льюис с начальником пресс-службы полицейского управления заняли места отдельно, на раскладных стульях. Через час Льюису нужно было присутствовать на пресс-конференции.

Слово взял Спрингфилд:

— Итак, начнем. Потише там, сзади, когда начальник говорит. Если вы читали оперативные отчеты, то поняли, что мы топчемся на месте. Опрос соседей будем продолжать. Расширяем радиус от места преступления еще на четыре квартала. Отдел картотеки и архивов выделил нам двух человек. Посадим их сверять заказы на авиабилеты с журналами проката автомобилей в Бирмингеме и Атланте. Теперь аэропорт и отели. Сегодня опять туда поедете. Да-да, опять, не ослышались. Отловить и допросить каждую горничную, каждого администратора. Ему нужно было где-то помыться. Возможно, остались следы. Если что-то найдете, из номера всех выставить, опечатайте его и быстро звоните в прачечную. А сейчас мы вам кое-что покажем. Доктор Принси,

вы готовы?

Доктор Доминик Принси, главный медицинский эксперт округа Фултон, поднялся и встал рядом с рисунком. В руках он держал слепок зубов.

— Посмотрите, вот так выглядят зубы подозреваемого. Специалисты Смитсоновского института в Вашингтоне воссоздали их по следам укусов на теле миссис Лидс и по четкому надкусу на куске сыра, найденном в холодильнике Лидсов, — начал Принси. — Как видите, латеральные резцы у него неправильной формы — так называемые собачьи зубы, вот они. — Принси указал на слепок и рисунок. — Зубы образуют неправильную линию, вот у этого резца отколот кусочек. У другого — выемка вот здесь. Похож на «зарубку портного», которая появляется от постоянного перекусывания ниток.

— Кривозубый, сукин сын, — вставил кто-то вполголоса.

— А вы уверены, что именно преступник кусал сыр, док? — спросил высокий детектив с переднего ряда.

Принси не нравилось, когда его называли «док», но он не подал виду.

— Слюна, оставленная на сыре и на телах

жертв, соответствует группе крови преступника, — разъяснил он. — Зубы и группа крови ни одной из жертв не подходят.

— Хорошо, доктор, — проговорил Спрингфилд. — Мы разошлем фотографии зубов.

— Может, дать об этом материал в газеты? — предложил начальник полицейской пресс-службы Симпкинс. — Что-то вроде: «Не встречались ли вам такие зубы?»

— Почему бы и нет? — отозвался Спрингфилд. — А вы как думаете, комиссар?

Льюис кивнул.

Но Симпкинс еще не закончил.

— Доктор Принси, журналисты непременно поинтересуются: почему на реконструкцию зубов преступника ушло целых четыре дня? И зачем это нужно было делать в Вашингтоне?

Крофорд внимательно изучал кнопку на своей шариковой ручке. Принси вспыхнул, но голос его оставался спокойным.

— Дело в том, что, когда тело передвигают, следы укусов мягких тканей имеют свойство видоизменяться, мистер Симпсон, и…

— Симпкинс.

— Да-да, Симпкинс. К тому же следы укусов на телах жертв не давали полной картины. Другое

дело — сыр. Он имеет более твердую структуру, но с него сложно брать слепки. Прежде всего его необходимо обработать жиром, чтобы не допустить увлажнения этой своеобразной формы для литья. Эксперты Смитсоновского института уже делали такие вещи для криминалистической лаборатории ФБР. Они лучше оснащены для такой экспертизы, как снятие угла лицевого изгиба, и имеют анатомический артикулятор. Имеют и судмедэксперта-одонтолога. Мы, к сожалению, ничем подобным не располагаем. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

— Значит, по правде говоря, задержка произошла по вине лаборатории ФБР, а не по вашей?

Принси накинулся на него:

— По правде говоря, мистер Симпкинс, именно Крофорд два дня назад обнаружил в холодильнике этот сыр — уже после того, как ваши люди обследовали место преступления. И именно он по моей просьбе ускорил работу вашингтонских экспертов. И по правде говоря, я с облегчением узнал, что сыр откусил не один из ваших людей.

В спор громогласно вмешался комиссар Льюис:

— Никто не сомневается в правильности вашего решения, доктор Принси. Нам, Симпкинс, только склоки с ФБР не хватало. Давайте про-

должим.

— Конечно, все мы делаем общее дело, — поддержал Спрингфилд. — Джек, ваши ребята что-нибудь добавят?

Надо было ответить. Смотревшие на Крофорда отнюдь не излучали дружелюбия. Нужно было как-то исправлять положение.

— Хочу лишь прояснить ситуацию. Вплоть до недавнего времени самым важным было первыми подоспеть с наручниками. Каждая сторона — и ФБР, и местная полиция — тянула одеяло на себя. Между нами пролегала трещина, через которую ускользали преступники. Сейчас же в Бюро такая политика непопулярна, и у меня тоже. Честно говоря, и мне, и следователю Грэму плевать, кому будет принадлежать честь произвести арест. Кому интересно — следователь Грэм сидит сзади. Да что там говорить: если человека, которого мы ищем, завтра переедет мусоровоз, я буду счастлив, потому что он больше не сможет выйти на охоту. Думаю, присутствующие со мной согласны.

Крофорд оглядел детективов в надежде, что те поняли и теперь с ними можно будет работать как надо — одной командой. К нему обратился комиссар Льюис:

— По-моему, следователь Грэм уже вел такие дела?

— Да, сэр.

— Можете вы что-нибудь добавить или предложить, мистер Грэм?

Крофорд, прищурившись, посмотрел на Грэма.

— Прошу вас сюда, — пригласил Спрингфилд.

Грэм предпочел бы общаться со Спрингфилдом наедине. Говорить перед всеми ему не хотелось. Но он все-таки подошел.

Весь взъерошенный, до черноты загорелый, Грэм мало походил на следователя. Он больше смахивал на маляра, явившегося в выходном костюме в суд.

Детективы заерзали на стульях.

Грэм повернулся лицом к аудитории, и на его бронзовом лице блеснули льдисто-голубые глаза.

— Я коротко, — начал он. — Вряд ли мы имеем дело с бывшим пациентом психбольницы или кем-то, кто привлекался за развратные действия. Скорее всего, он вообще не проходит по нашей картотеке. А если и проходит, то за незаконное проникновение со взломом. Не исключено, что он уже кого-то кусал во время совершения преступлений — драки в барах, жестокое обращение

с детьми. Можно обратиться к сотрудникам «Скорой помощи» или в детские благотворительные организации и проверить все факты нанесения более или менее серьезных укусов, которые они смогут припомнить, независимо от того, кого укусили и при каких обстоятельствах. Вот, собственно, и все.

Высокий детектив с переднего ряда поднял руку и сразу же спросил:

— Пока он кусал только женщин, так?

— Насколько мы знаем, да. Шесть серьезных укусов на теле миссис Лидс, восемь — у миссис Джейкоби. Намного выше нормы.

— Какой еще нормы?

— Три укуса — норма для убийств на сексуальной почве. Он любит кусать.

— Женщин.

— Обычно при сексуальных нападениях в центре укуса имеется синевато-багровый кровоподтек — след засоса. В нашем случае его нет. Доктор Принси отмечал это в протоколах вскрытия, да и я сам осматривал труп в морге — никаких кровоподтеков. Так что для него укус может быть как сексуальным поведением, так и способом нанесения телесных повреждений.

— Негусто, — сказал детектив.

— Все нужно проверить, — продолжал Грэм. — Каждый укус. Люди такие вещи, как правило, скрывают. Родители укушенного ребенка скажут, что на него бросилась собака, даже будут делать ребенку уколы от бешенства, лишь бы скрыть любителя кусаться в семье. Да вы и сами это знаете. Следует выяснить в больницах, кому делали прививки от бешенства. Вот, пожалуй, и все.

Сев на место, Грэм почувствовал, как от напряжения дрожат мышцы ног.

— Раз надо, значит, проверим, — сказал шеф полиции Спрингфилд. — Пойдем дальше. Отдел краж вместе с отделом поджогов займутся собакой. Почитайте материалы дела, там есть фотография пса. Необходимо установить, не крутился ли кто-нибудь возле собаки. Отдел борьбы с проституцией и наркотиками. После дневного обхода проверьте бары, где собираются наркоманы и рокеры. Маркус и Уитман — на похороны. Берите родственников, друзей — своих и жены, — пусть тоже придут и наблюдают. Так. С фотографами договорились? Прекрасно. Сдадите список присутствующих на похоронах в нашу картотеку. У них уже есть подобный из Бирмингема. Остальные работают по плану. Вперед.

— Одну минуту, — подал голос комиссар Льюис,

и вскочившие было детективы снова опустились на стулья. — Я слышал, как некоторые из здесь присутствующих называли убийцу Зубастиком. Так вот, мне все равно, как вы называете его между собой, в конце концов, его ведь нужно как-то называть. Но не дай бог кому-нибудь из вас назвать его так при посторонних. Имя для убийцы несерьезное и звучит как-то кощунственно. Попрошу также не упоминать эту кличку в отчетах и других документах. Теперь все.

Крофорд и Грэм проследовали за Спрингфилдом в его кабинет. Пока тот наливал им кофе, Крофорд названивал по телефону, отдавая бесконечные распоряжения.

— Вчера так и не нашлось времени поговорить с вами, — обратился Спрингфилд к Грэму. — У нас тут сумасшедший дом. Вас ведь Уилл зовут, верно? Кстати, мои ребята дали вам все, что вы просили?

— Да, все в порядке, спасибо им большое.

— Фирма веников не вяжет, — пряча улыбку, сказал Спрингфилд. — Да, мы тут попытались воссоздать его фигуру и походку по следам на клумбе. Кусты он обходил, поэтому мы смогли определить только размер обуви и приблизительный рост. След левой ноги немного глубже,

видимо, что-то нес. Да, муторная работа. Как-то пару лет назад мы брали одного грабителя с болезнью Паркинсона, имея только особенность походки. Его тогда Принси вычислил. А сейчас вообще никакой зацепки.

— Зато у вас хорошая команда, — сказал Грэм.

— Так-то оно так, но с подобными вещами мы еще не сталкивались, слава богу. Вот хочу спросить вас. Вы все время работаете вместе? Я имею в виду вас, Джека и доктора Блума. Или собираетесь по таким вот случаям?

— Только по таким вот случаям.

— Типа сборной, да? Комиссар говорил, это вы три года назад взяли Лектера?

— Мы работали вместе с полицией штата Мэриленд, — ответил Грэм. — Его арестовали тамошние полицейские.

Грубоватый на вид Спрингфилд был отнюдь не глуп. Заметив, что Грэм чувствует себя неловко, он крутанулся на стуле и взял со стола какие-то бумаги.

— Вы спрашивали о собаке. Вот, есть такая информация. Прошлой ночью местный ветеринар позвонил брату Лидса. Собака у него. Лидс со своим старшим сыном привез ее к ветеринару за день до того, как их убили. У нее была колотая

рана на животе. Ветеринар сделал операцию, и сейчас с собакой все в порядке. Вначале он подумал, что рана огнестрельная, но не нашел пули. Он считает, что пса пырнули чем-то острым вроде шила. Сейчас мы опрашиваем соседей, может, кто-то видел, как чужой дразнил собаку, и обзваниваем всех ветеринаров в округе, выясняем, не было ли похожих увечий животных.

— На собаке был ошейник с именем хозяев?

— Нет.

— А у Джейкоби в Бирмингеме была собака?

— Мы это как раз выясняем, — сказал Спрингфилд. — Одну минуту. Сейчас проверю. — Он набрал внутренний номер. — Лейтенант Флетт, связь с Бирмингемом… Да-да. Флетт. Что там у нас насчет собаки этих Джейкоби? Так… так… Подожди минутку. — Он прикрыл трубку ладонью. — Никакой собаки у них не было. В ванной нашли коробку с кошачьим пометом. Но самого кота нет. Соседи предупреждены. Если увидят — позвонят.

— Попросите Бирмингем проверить вокруг дома, во дворе и за хозяйственными постройками, — быстро проговорил Грэм. — Если с котом что-то случилось, дети могли похоронить его или вообще не найти. Знаете, ведь коты перед смер-

тью уходят из дома, в отличие от собак. Кстати, был ли у кота ошейник?

— Спроси, не нужен ли им прибор для обнаружения метана. У нас есть, — подключился Крофорд. — Не придется все перекапывать.

Не успел Спрингфилд положить трубку, как телефон сразу же зазвонил. Из похоронного бюро звонил Джимми Прайс и спрашивал Крофорда. Тот снял трубку параллельного аппарата.

— Алло, Джек, я кое-что нашел. Видимо, большой палец — не полностью — и фрагмент ладони.

— Джимми, что бы мы без тебя делали!

— На том свете сочтемся угольками… Поехали дальше, палец с папиллярными линиями, но смазанный. Вернусь — посмотрю, что с ним можно сделать. Снял его с левого глаза старшего ребенка. В жизни такого не делал. Да я бы и сейчас ничего не заметил, но там как раз большая гематома от стреляной раны, и на ее фоне…

— Идентифицировать сможешь?

— Чертовски сложно, Джек. Если он есть у меня в компьютере, тогда может быть… Это как в лотерее, ты же знаешь. А ладошку снял с ногтя большого пальца миссис Лидс. Подойдет только для сравнения. Если шесть точек наберется,

считай, что повезло. Понятыми были помощник начальника горотдела ФБР и Ломбард. Ломбард — нотариус. Снимки я сделал. Что-нибудь еще?

— А как там с отпечатками служащих похоронного бюро?

— Измазал чернилами Ломбарда и всю его веселую команду. Снял отпечатки со всех, даже тех, кто божился, что ничего не трогал. Клянут сейчас меня на чем свет стоит и отмывают свои руки. С твоего позволения, Джек, я возвращаюсь домой. Хочу поработать со всем этим в своей собственной лаборатории. Кто знает, что здесь за вода, а вдруг в ней черепаха попадется. Я еще успею на вашингтонский самолет через час и сразу после обеда перешлю тебе отпечатки по факсу.

Крофорд на секунду задумался.

— Хорошо, Джимми, только поторапливайся. Отправишь копии в управления полиции Бирмингема и Атланты и во все отделения ФБР.

— Сделаем в лучшем виде. А теперь надо обсудить еще один вопрос.

Крофорд манерно закатил глаза:

— Провалиться мне на этом месте — тебе хочется получить гонорар.

— Так точно.

— Джимми, дорогой, сегодня — все, что угодно.

Глядя в окно, Грэм молча выслушал рассказ Крофорда об отпечатках.

— Вот это да, — только и смог проговорить Спрингфилд.

Лицо Грэма ничего не выражало. «Как у заключенного с пожизненным сроком», — подумал Спрингфилд.

Когда Крофорд и Грэм вышли из кабинета Спрингфилда, проходившая в фойе пресс-конференция комиссара полиции и представителей прессы уже близилась к завершению. Газетчики направлялись к телефонам. Телерепортеры делали так называемые вставки, стоя перед камерами и задавая лучшие вопросы, которые были услышаны ими во время пресс-конференции, направляя микрофоны для ответа в пустое пространство. Позже лишнее будет вырезано, а материалы подгонят и смонтируют в единый сюжет.

Крофорд и Грэм уже спускались по центральной лестнице, когда от толпы журналистов вдруг отделился маленький человечек и кинулся к ним, быстро щелкая на ходу фотоаппаратом.

— Уилл Грэм! — закричал он. — Вы меня не помните? Фредди Лаундс. Я освещал дело Лектера в «Тэтлер». И книжку выпустил.

— Помню, — сказал Грэм, продолжая вместе с Крофордом двигаться вниз по лестнице.

Но Лаундс не отставал:

— Когда вы включились в расследование, Уилл? Удалось узнать что-нибудь новенькое?

— Я не желаю разговаривать с вами, Лаундс.

— Можно ли сравнивать нынешнего убийцу с Лектером? Как он их…

— Послушайте, Лаундс! — рявкнул Грэм, и Крофорд быстро встал между ними. — От ваших лживых статеек дерьмом несет, а ваша «Нэшнл тэтлер» годится только на подтирку. Убирайтесь!

Крофорд сжал Грэму локоть.

— Убирайтесь, Лаундс. Да поживее. Уилл, нам надо перекусить. Пошли, пошли.

Они скрылись за углом.

— Прости, Джек. Видеть не могу этого негодяя. Он приходил ко мне, когда я лежал в больнице. Пришел и…

— Знаю, — перебил Крофорд. — Я тогда еще здорово наорал на него, да, видно, все без толку.

Крофорд вспомнил фотографию, опубликованную в «Нэшнл тэтлер», когда следствие по делу Лектера уже завершалось. Лаундс пробрался в палату Грэма, когда тот спал, сдернул простыню и сфотографировал дренажную трубку, выходя-

щую у него из живота. Газета напечатала снимок подретушированным, с черным квадратом в паху. Заголовок гласил: «Маньяк выпотрошил фараона».

В закусочной было светло и чисто. У Грэма дрожали руки, и он пролил кофе на блюдце. Он обратил внимание, что дым сигареты Крофорда нервирует парочку, в благоговейном молчании поглощавшую пищу в соседней кабинке, и мешает нормальному процессу пищеварения. Их раздражение висело в воздухе, смешиваясь с дымом. За столиком у самой двери ругались две женщины, очевидно мать и дочь. Тихие голоса, отвратительные гримасы гнева. Грэм кожей почувствовал исходящие от них волны злобы.

Крофорд был раздражен. Утром ему предстояло давать показания на суде в Вашингтоне, и он боялся, что это может затянуться на несколько дней. Прикуривая новую сигарету, он озабоченно взглянул сквозь пламя на руки и лицо Грэма.

— В Атланте и Бирмингеме теперь смогут сличить отпечаток большого пальца с отпечатками уже известных им сексуальных маньяков, — наконец проговорил Крофорд. — Мы тоже. А Прайсу уже приходилось отыскивать преступника по отпечатку одного пальца. Он просто заложит его

в свою программу… «Искатель», что ли…

«Искатель» — компьютеризированное устройство для считывания и анализа отпечатков пальцев — мог идентифицировать введенный в него единственный отпечаток пальца.

— Когда мы его возьмем, этот отпечаток и следы зубов наверняка обеспечат приговор в суде.

— Сейчас нам надо постараться вычислить, что он собой представляет. В самом общем виде. Вот смотри. Допустим, он арестован. Ты входишь в камеру. Ты на него смотришь и говоришь себе: «Так я и думал!»

— Черт его знает, Джек. Я пока не вижу его лица. И вообще, мы, по-моему, ерундой занимаемся и только зря теряем время. Кстати, ты с Блумом говорил?

— Звонил вчера вечером. Он сомневается, что у убийцы склонность к суициду. Гаймлих того же мнения. Блум приезжал ненадолго в первый день, он сейчас принимает экзамены у аспирантов. И у него, и у Гаймлиха есть копии дела. Кстати, Блум передавал тебе привет. У тебя есть его чикагский телефон?

— Есть.

Грэму нравился доктор Алан Блум, маленький круглый человечек с печальными глазами, пре-

красный судебный психиатр, наверное, даже лучший. Грэм ценил, что доктор Блум никоим образом не проявлял к нему своего профессионального интереса. На такое способен далеко не каждый психиатр.

— Блум говорит, что вряд ли удивится, если этот Зубастик оставил нам какое-нибудь послание. Он вполне мог нацарапать нам записку.

— Да, на стене в спальне.

— Блум думает, что это может быть урод или человек, считающий себя уродом. Но советует не придавать этому особого значения. «Я бы не стал охотиться за соломенным чучелом. Это может помешать работе и отвлечь внимание» — вот так он сказал. Он говорит, что так изъясняться он научился у аспирантов.

— Он прав, — согласился Грэм.

— Ты уже что-то в нем понял, иначе бы не нашел этот отпечаток? — спросил Крофорд.

— Да нет же, просто на этой проклятой стене был след, Джек. Не нужно приписывать мне все подряд. И ради всего святого, не жди от меня чудес, договорились?

— Мы все равно возьмем его. Ты ведь знаешь, что мы возьмем его.

— Возьмем. Так или иначе.

— Что ты имеешь в виду, говоря «так»?

— Ну, найдем улику, которую вначале проглядели.

— А «иначе»?

— Он будет заниматься этим снова и снова, пока однажды не наделает слишком много шума, забираясь в окно, и муж не схватится вовремя за ружье.

— А других возможностей нет?

— Ты, наверное, думаешь, что я смогу узнать его в толпе? Нет, Джек. Я не волшебник. Зубастик будет выходить на свою охоту еще и еще, пока мы его не вычислим или пока нам просто не повезет. Ему уже не остановиться.

— Почему?

— Потому что он узнал вкус всего этого.

— Смотри, все-таки ты кое-что знаешь о нем, — сказал Крофорд.

Грэм не ответил. Они вышли наружу и медленно двинулись по тротуару.

— Подожди следующего полнолуния, — произнес он наконец. — А там скажешь, много ли я знаю.

Грэм вернулся в отель и проспал два с половиной часа. Проснувшись в полдень, он принял душ и заказал кофе с бутербродами. Пришло

время поближе познакомиться с присланным из Бирмингема делом Джейкоби. Грэм протер очки, уселся возле окна и раскрыл папку. Первые несколько минут он вздрагивал при каждом доносящемся до него звуке — будь то шаги в коридоре или стук двери лифта вдалеке. Но вскоре полностью погрузился в чтение.

Официант с подносом стучал, ждал, снова стучал и снова ждал. Наконец он оставил поднос под дверью и сам подписал чек.

4

Хойт Льюис, контролер электрокомпании Джорджии, остановил свой грузовичок под большим деревом в тихом переулке и, достав коробку с завтраком, блаженно откинулся на сиденье. Правда, открыл он коробку без особой радости, так как собирать ее приходилось теперь самому. Никаких записок, никаких шоколадок от жены.

Льюис уже почти расправился с бутербродом, как вдруг громкий крик над самым ухом заставил его вздрогнуть.

— Это что же, опять у меня на тысячу долларов нагорело?

Льюис обернулся и увидел в окне красное лицо Х. Г. Парсонса. Парсонс был одет в шорты и сжимал в руках метлу.

— Простите, не понял.

— Вы что, хотите сказать, что я опять нажег электричества на целую тысячу? Теперь поняли?

— Не знаю, на сколько вы там нажгли, мистер Парсонс, потому что еще не смотрел ваш счетчик. А когда я сниму с него показания, то запишу их вот на этом листе бумаги.

Парсонс постоянно возмущался астрономической суммой счетов. Он уже не раз жаловался в компанию, считая, что ему установили неправильный тариф.

— Да я каждый киловатт считаю! — возмущался Парсонс. — Я еще в Комиссию по коммунальному обслуживанию населения пойду!

— Хотите, пойдем сейчас вместе и посмотрим, сколько у вас накрутило?

— Я и без вас знаю, как снимать показания счетчика. Думаю, вы бы тоже смогли научиться, если бы захотели.

— Ну-ка, ну-ка, погодите, — вылезая из машины, произнес Льюис. — Вы что, забыли, как в прошлом году магнит на счетчик положили? Ваша жена плакалась тогда, что вы в больнице, поэтому я просто вытащил его оттуда и ни слова никому не сказал. Но когда вы залили в счетчик патоку, я просто обязан был доложить об этом начальству. И как только дело запахло судом, вы сразу все заплатили. Если хотите знать, у вас столько накручивать стало, когда вы сами проводку поменяли. Ведь говорил вам сто раз: у вас где-то в доме утечка электроэнергии. А вы что, наняли электрика, чтобы ее найти? Нет, вместо этого вы позвонили в контору и нажаловались

на меня. Да вы меня просто достали, понимаете, достали! — Льюис побелел от злости.

— Ты это… того… не больно-то… Тоже мне, честный нашелся! — огрызнулся Парсонс, пятясь боком к своему двору. — Вас и самого проверяют. Видел я, видел, как после вас счетчики проверяют. Так что скоро вы будете отсиживать с восьми до пяти на рабочем месте, как все нормальные люди! — прокричал он уже из-за калитки.

Стиснув зубы, Льюис завел грузовик и двинулся по переулку. Доедать завтрак придется в другом месте. А жаль. Под этим большим тенистым деревом он завтракал каждый день вот уже несколько лет.

Дерево росло прямо за домом Чарльза Лидса.

В пять тридцать вечера Хойт Льюис забрался в собственный автомобиль и отправился в «Седьмое небо», где он прочищал себе мозги при помощи виски с пивным прицепом.

Он позвонил жене, превратившейся для него сейчас в чужую женщину, но единственная фраза, которая пришла ему на ум, была:

— Я так хочу, чтоб ты снова собирала мне завтрак в дорогу.

— Раньше нужно было думать об этом, мистер Умник, — ответила она и бросила трубку.

Льюис сыграл унылую партию в шафлборд[3] с монтерами и диспетчером электрокомпании, потом стал разглядывать посетителей бара. Чертовы служащие аэропорта. Что-то зачастили они в «Седьмое небо». И все как один с какими-то усиками дурацкими и печатками на мизинцах. Скоро, чего доброго, начнут играть в дартс, как англичане. Да, наступили времена, расслабиться негде.

— Эй, Хойт, дернем по пивку, — раздался за спиной голос Билли Микса, его начальника.

— А, Билли. Мне как раз нужно с тобой поговорить.

— Что случилось?

— Помнишь эту старую сволочь Парсонса, который постоянно обрывает нам телефон?

— Еще бы, последний раз, помнится, он вынимал из меня кишки на прошлой неделе. Опять что-то не так?

— Он сказал, что кто-то ездил вместо меня по моему маршруту. Как будто проверял мою работу. Надеюсь, ты не думаешь, что я снимаю показания счетчиков, не выходя из собственного дома?

---

[3] Примечания: 3

Настольная игра типа бильярда, с той разницей, что вместо шаров используются фишки, которые игроки стараются продвинуть на пронумерованные квадраты при помощи кия.

— Нет, конечно.

— Знаешь, просто я считаю, что если уж меня занесли в черный список, то можно было сказать мне об этом прямо.

— Думаешь, если бы ты был у меня в черном списке, я бы постеснялся сказать тебе об этом?

— Да нет.

— Тогда успокойся. Если бы кто-то проверял твой маршрут, я был бы в курсе. Администрация всегда ставится в известность. Так что никто не ездил по твоему маршруту, Хойт. И не обращай внимания на этого Парсонса. В конце концов, он всего лишь зловредный старикашка. Так вот, помню, позвонил он мне на прошлой неделе и прошамкал: «Поздравляю, наконец-то вы разобрались, что за тип этот ваш Хойт Льюис». Я не успел трубку положить, как уже забыл про него.

— Нужно было бы подать на него в суд за то, что он тогда со счетчиком сделал, — буркнул Льюис. — Представляешь, только остановился сегодня в переулке перекусить, так он на меня как накинется! Ну дождется он у меня когда-нибудь!

— Когда я ездил по маршруту, тоже, бывало, любил останавливаться на завтрак в этом переулке, — начал вспоминать Микс. — Слушай, Хойт, однажды я видел миссис Лидс! Конечно,

сейчас вроде как неудобно про это говорить, но пару раз она загорала на заднем дворе в тако-ом купальнике! Да, фигура у нее была — что надо!

— Не знаешь, поймали уже кого-нибудь?

— Не-а.

— Жаль, конечно, этих Лидсов. Нет чтобы ему в соседний дом залезть, к Парсонсу, — вздохнул Льюис.

— Я тебе вот что скажу. Я своей бабе никогда не разрешаю загорать во дворе в купальнике. Она мне говорит: «Дурак ты, Билли, кто ж на меня захочет смотреть, кроме тебя?» А я ей: «Знаешь, дорогая, ты и моргнуть не успеешь, как какой-нибудь недоносок перепрыгнет через забор со срамотой наружу». Полиция с тобой уже беседовала? Я имею в виду, спрашивала, не видел ли ты кого?

— Да они уже, наверное, расспросили всех, кто ходит по этой улице. Почтальонов там, ну и вообще всех подряд. Но я всю ту неделю до сегодняшнего дня работал в Лавровой роще на той стороне Бетти-Джейн-драйв. — Льюис ковырнул этикетку на бутылке с пивом. — Так, говоришь, звонил тебе Парсонс.

— Будь он неладен.

— Тогда и вправду он мог видеть того, кто сни-

мал показания с его счетчика. Я-то, грешным делом, подумал, что это он с ходу придумал, чтобы позлить меня. Если ты никого не посылал, а меня там в этот день не было…

— Может, телефонщики из «Саутистерн белл» что-нибудь проверяли?

— Черт его знает.

— Хотя нет. У них там нет линии.

— Думаешь, стоит позвонить в полицию?

— Да не помешало бы, — нахмурившись, ответил Микс.

— Вот Парсонс наложит полные штаны, когда к нему с сиренами подъедут.

5

Вечером Грэм снова отправился в дом Лидсов. Вошел через главный вход, стараясь не обращать внимания на страшные следы, оставленные убийцей. Он уже видел фотографии места преступления, видел кровь и изрезанную плоть. Он знал многое о них, мертвых. Сегодня он должен был попробовать представить себе их живыми.

Вначале общий осмотр. В гараже стояли видавший виды, но ухоженный катер, водные лыжи, огромная пятидверная машина с вместительным багажником, а также клюшки для гольфа. Мотоцикл с толстыми колесами для езды по бездорожью. Набор электроинструментов. Ими почти не пользовались. Игрушки для взрослого.

Грэм вынул биту из сумки для гольфа и замахнулся, имитируя удар. Ручка оказалась слишком длинной. Из сумки пахнуло кожей, когда он прислонял ее к стене. Вещи Чарльза Лидса.

Грэм попытался пройти за хозяином по всему дому. В кабинете висели гравюры с охотничьими сюжетами. На полках стояли рядами сочинения классиков. Ежегодники Сивани. Х. Аллен Смит,

Перельман и Макс Шульман, Воннегут и Ивлин Во. Раскрытая «Четверть такта» Сесила Скотта Форестера лежала на столе.

В стенном шкафу — хорошее спортивное ружье, фотоаппарат «Никон», кинокамера «Болекс» под пленку «Супер-8» и проектор.

Грэм, все имущество которого состояло из простейших рыболовных снастей, древнего «фольксвагена» да двух ящиков «монтраше», к своему удивлению, почувствовал легкую зависть, глядя на эти игрушки взрослого человека.

Что же представлял собой Лидс? Преуспевающий адвокат, специализирующийся на налоговых делах, футболист. Добродушный здоровяк. Даже с перерезанным горлом он нашел в себе силы бороться.

Грэм прошел по всему дому. Его влекло какое-то странное чувство: узнать хоть что-то о Лидсе значило для Грэма получить молчаливое согласие мужа на то, чтобы поближе познакомиться с женой.

Грэм чувствовал, что именно из-за нее и проник в этот дом монстр. Именно она манила его сюда, как пение сверчка манит к тому его смертельного врага — красноглазую муху.

Итак, миссис Лидс.

Маленькая гардеробная наверху. Дверь в нее Грэм увидел сразу, как только вошел в спальню. Комната, выдержанная в желтых тонах, казалась нетронутой, если не считать разбитого зеркала над туалетным столиком. На полу напротив стенного шкафа стояла пара дорогих мокасин, словно хозяйка только что разулась. Халат висел на вешалке, в самом шкафу царил легкий беспорядок, как и у всякой женщины, которой приходится следить за порядком сразу в нескольких стенных шкафах.

Дневник миссис Лидс лежал в темно-фиолетовой бархатной шкатулке на туалетном столике. Ключ от шкатулки был приклеен липкой лентой к крышке, как и бирка полицейской камеры хранения. Грэм присел на белый крутящийся стул и наугад открыл дневник:

> 23 декабря, вторник. Мы у мамы. Дети еще спят. Когда мама застеклила веранду с солнечной стороны, мне ужасно не понравилось, как изменился внешний вид дома, но потом оказалось, что зимой здесь тепло — можно сидеть и любоваться, как идет снег. Сколько раз она еще сможет устраивать внукам такое вот Рождество?

Надеюсь, много.

Дорога из Атланты была вчера довольно трудной, после Рейли повалил снег. Машина еле ползла. К тому же я безумно устала, пока собрала всех в поездку. Проехав Чепел-Хилл, Чарли остановился и вышел из машины. Сбил с дерева несколько сосулек, чтобы приготовить мне мартини. Возвращаясь, высоко поднимал длинные ноги, когда пробирался сквозь сугробы. На волосах и ресницах у него был снег, и я вдруг вспомнила, что люблю его. Я почувствовала, что от этой мысли во мне разлилось приятное тепло.

Надеюсь, эта парка ему будет впору. Боже, если он купил мне то кольцо, я умру. Как мне хотелось стукнуть Мэдлин по ее толстой заднице, когда она принеслась с ее кольцом и ну расхваливать. Четыре огромных бриллианта. Цвета грязного льда, фи! Сосульки такие прозрачные и чистые. Луч солнца упал на бокал и, преломившись, отбросил на мою руку красно-зеленый блик. Даже не глядя на руку, я чувствовала на ней этот цвет.

Он спросил, что бы я хотела получить

от него в подарок на Рождество. Я наклонилась и прошептала ему в самое ухо: «Твоего шалуна, большого и упругого, мой глупышка, и поглубже».

У него даже лысина покраснела. Бедный, он всегда боится, что дети могут нас услышать. Мужчины не доверяют шепоту…

Грэм снова углубился в чтение. Он узнал, как нервничала миссис Лидс, когда у дочки был тонзиллит, и как запаниковала, обнаружив в июне небольшую опухоль у себя в груди. («Боже, прошу Тебя, ведь дети еще такие маленькие».)

Через три страницы выяснилось, что опухоль оказалась всего лишь небольшой доброкачественной кистой, легко удалявшейся хирургическим путем.

Доктор Дженович выпустил меня на свободу сегодня днем. Мы вышли из больницы и поехали на озеро. Давно уже там не были. Все не хватало времени. Чарли прихватил с собой две бутылки шампанского в ведерке со льдом, мы пили вино, кормили уток и любовались закатом. Он стоял у самой воды, повернувшись ко

мне спиной, и, как мне показалось, прослезился.

Сьюзен сказала, что очень боялась, как бы мы не вернулись домой из больницы еще с одним братиком для нее. Наконец-то дома!

Грэм услышал телефонный звонок в спальне. Щелкнул и зажужжал автоответчик: «Здравствуйте, говорит Вэлери Лидс. К сожалению, я не могу сейчас подойти к телефону, но, если после гудка вы сообщите свое имя и номер телефона, мы перезвоним вам позже. Спасибо».

Грэм ожидал услышать после гудка голос Крофорда, но раздался щелчок. Звонивший повесил трубку.

Вот он и услышал ее голос. Теперь он хотел увидеть ее. Грэм спустился вниз и вошел в комнату.

У него в кармане лежала кинопленка «Супер-8», принадлежавшая Чарльзу Лидсу. За три недели до гибели Лидс отправил ее на обработку. Получить ее обратно ему не пришлось. Пленку забрала полиция, обнаружив в бумажнике Лидса квитанцию. Но, просмотрев фильм и сравнив его с фотографиями, сделанными в то же время, полицейские не нашли ничего, что могло бы заинтересовать их.

Грэму нужно было увидеть Лидсов живыми. Полицейские предложили ему воспользоваться их проектором. Но Грэм хотел посмотреть фильм в доме Лидсов. С большой неохотой ему позволили забрать пленку с собой.

Найдя в стенном шкафу экран и проектор, Грэм заправил пленку и уселся в большое кожаное кресло Чарльза Лидса. На подлокотнике четко виднелись липкие отпечатки детских пальцев. Грэм потрогал их и поднес руку к лицу. Она пахла карамелью.

Это был короткий немой фильм, довольно изобретательный для любительской ленты. Вначале на экране появился серый скотчтерьер, дремлющий на ковре в кабинете. Услышав стрекот кинокамеры, пес проснулся, поднял голову и глянул в объектив. Затем, успокоившись, снова улегся. Собака крупным планом. Пес навострил уши, вскочил, залаял и бросился наутек. Камера проследовала за ним на кухню. Он подбежал к входной двери и замер в ожидании, помахивая куцым хвостом.

Грэм прикусил губу. Он тоже ждал. На экране открылась дверь, и вошла миссис Лидс с пакетами зелени. От неожиданности она широко раскрыла глаза, потом рассмеялась. Свободной

рукой отвела назад пышные волосы. Ее губы зашевелились, и она вышла из кадра. За ней, с пакетами поменьше, шли дети. Девочке шесть лет, мальчикам — восемь и десять.

Младший, по всей вероятности звезда домашнего кинематографа, показал на свои уши и подвигал ими. Камера поднята довольно высоко. Согласно заключению о смерти, рост Лидса составлял сто девяносто четыре сантиметра.

Грэм предположил, что эту часть фильма снимали ранней весной. Дети в ветровках. Лицо миссис Лидс довольно бледное. Когда Грэм увидел ее в морге, у нее был уже сильный загар на фоне белой кожи, оставшейся под купальником.

Далее следовали короткие сюжеты: мальчики играют в пинг-понг на нижнем этаже; в своей комнате девочка, Сьюзен, заворачивает подарок в блестящую бумагу. Высунутый от усердия язычок, упавшие на глаза волосы. Вот она отбросила их назад тем же жестом, что и мать.

Следующие кадры запечатлели Сьюзен в ванне, полной пены, барахтающуюся на дне, словно лягушонок. На голове большая купальная шапочка. Точка съемки теперь была ниже, а фокус хуже: видимо, снимал кто-то из братьев. Сцена заканчивалась беззвучным криком Сьюзен в сторону

камеры. Шапочка сползает на глаза, но девочка не может ее поправить, потому что закрывает руками свою грудку.

Эта мысль пришлась по вкусу старшему Лидсу. И вот он крадется в душ, где купается миссис Лидс. Шторка душа дернулась и медленно поползла в сторону, словно занавес в школьном театре. Оттуда показалась рука миссис Лидс, сжимающая большую губку. Все исчезает в мыльной пене. Фильм заканчивался изображением работающего телевизора и наплывом на спящего Лидса — он храпел в том самом кресле, где сейчас сидел Грэм.

Грэм долго не мог оторвать взгляд от яркого квадрата света на пустом экране. Семья Лидсов ему понравилась. Он пожалел, что побывал в морге. Ему пришло в голову, что маньяку, пробравшемуся в дом той страшной ночью, Лидсы тоже понравились. Но видно, мертвые Лидсы нравились ему еще больше.

Грэм чувствовал, что голова уже не соображает. Поплавав в бассейне отеля, пока у него не начало сводить ноги, он вышел из воды, думая одновременно о бокале мартини с джином «Тэнкрей» и губах Молли.

Мартини он приготовил сам в пластмассовом

стаканчике и позвонил Молли.

— Привет, красавица.

— Привет, милый. Ты откуда?

— Из ночлежки в Атланте.

— Ведешь себя хорошо?

— Прекрасно. Умираю от скуки.

— Я тоже.

— Хочу тебя.

— Я тоже.

— Расскажи, как ты там без меня?

— Ну, поругалась сегодня с миссис Хольпер. Она хотела вернуть мне платье с огромным пятном от виски на заднице. Не иначе в гости надевала.

— Ну а ты что сказала?

— Сказала, что не продавала ей платье в таком виде.

— А она?

— Разоралась, что раньше мы не отказывались принимать товар обратно, поэтому она здесь и покупала, хотя кроме нас ей есть куда пойти.

— А ты?

— Я ответила, что очень огорчена, потому что Уилл разговаривает со мной по телефону как последний осел.

— Понятно…

— У Вилли все нормально. Сейчас охраняет че-

репашьи яйца, которые раскопали собаки. Лучше расскажи, чем ты там занимаешься.

— Читаю отчеты. Питаюсь всякой дрянью.

— Ломаешь голову целыми днями. Да?

— Так точно.

— Я могу помочь?

— Понимаешь, Молли, никак не могу ни за что зацепиться. Не хватает информации. Вернее, информации навалом, просто я в ней пока никак не разберусь.

— Сколько ты еще пробудешь в Атланте? Не подумай, я не собираюсь просить тебя побыстрее возвращаться домой. Просто хочу знать.

— Понятия не имею. По крайней мере еще несколько дней. Я так скучаю по тебе.

— Я тоже. Я тебя хочу.

— О боже, боюсь, я этого не выдержу. Давай не будем.

— Не будем что?

— Говорить об этом.

— Ладно, но думать-то об этом хоть можно?

— Конечно.

— У нас новая собака.

— О господи!

— Что-то среднее между бассетом и пекинесом.

— Замечательно.

— С большущими яйцами.

— Меня не интересует, какие у него яйца.

— Прямо по земле волочатся. Когда он бежит, ему приходится их втягивать.

— Он не может их втягивать.

— Может. Ты ничего не понимаешь.

— Понимаю.

— А ты свои можешь втягивать?

— Я так и знал, что мы к этому придем.

— Ну так как с яйцами-то?

— Ну, если уж тебе так интересно, то один раз втягивал.

— Когда же?

— В молодости. Когда пришлось быстро перепрыгивать через забор из колючей проволоки.

— Зачем?

— Да я нес арбуз с чужого огорода.

— Ты что, удирал? От кого?

— От одного знакомого свинопаса. Он услышал, как залаяли собаки, и выскочил из дому в трусах и с двустволкой. К счастью, споткнулся и дал мне фору.

— Он стрелял в тебя?

— Тогда я думал, что да. Хотя этот звук могла произвести и моя задница. С перепугу. Так что я до сих пор не знаю, кто из нас стрелял.

— Ты перепрыгнул через забор?

— Запросто.

— Ясно. Преступные наклонности с детства.

— Нет у меня никаких преступных наклонностей.

— Ну конечно нет. Да, слушай, я тут задумала покрасить кухню. Какой тебе нравится цвет? Уилл! Я спрашиваю: какой тебе нравится цвет? Эй, ты меня слышишь?

— Да-да, желтый. Давай покрасим в желтый.

— Нет, желтый мне не нравится. На желтом фоне я по утрам буду выглядеть зеленой.

— Ну, тогда голубой.

— Голубой слишком холодный.

— Черт возьми, по мне, так хоть цвет детской неожиданности… Хотя нет, знаешь, я скоро, наверное, вернусь, мы пойдем с тобой в магазин и там выберем все на месте. А может, еще и новые дверные ручки купим.

— Ладно, купим. Сама не знаю, зачем я несу всю эту чушь. Ведь совсем другое хотела сказать. Я люблю тебя, скучаю по тебе. Ты делаешь нужное дело. Тебе трудно, я знаю. Но я здесь, и я буду ждать тебя, когда бы ты ни вернулся, или приеду к тебе куда угодно и когда угодно. Вот что я хотела сказать тебе.

— Милая. Милая моя Молли. Наверное, уже пора спать.

— Хорошо.

— Спокойной ночи.

Грэм лег, положил руки под голову и вспомнил обеды, которые они готовили вместе с Молли. Крабы, соленый бриз вперемешку с вином. Его проклятием были эти «разборки» про себя. И сейчас у него в голове снова всплыла беседа с Молли. Как он огрызнулся на нее за безобидное, в сущности, замечание по поводу его «преступных наклонностей». Болван.

Странно, что могла найти в нем Молли.

Грэм позвонил в управление и попросил передать Спрингфилду, что хотел бы с утра подключиться к работе местной полиции. Больше делать ему было нечего.

Джин помог уснуть.

6

На письменном столе Спрингфилда лежали копии записей всех телефонных звонков по делу Лидсов. Когда во вторник в половине восьмого утра он вошел в свой кабинет, их было уже шестьдесят три. К самому важному была прикреплена красная бумажка.

В нем сообщалось, что полиция Бирмингема отыскала кота, похороненного в коробке из-под обуви за гаражом Джейкоби. Кот был укутан в кухонное полотенце, с цветочком между лапами. На крышке коробки детской рукой нацарапана кличка. Ошейника не было. Коробка перевязана веревкой, завязанной на бантик.

Бирмингемский судмедэксперт определил, что кота задушили. Он специально побрил его, но колотой раны не обнаружил.

Спрингфилд постукивал дужками очков по зубам.

Могилку нашли по мягкой почве, не потребовалось никаких проб на содержание метана, просто копнули лопатой. Грэм снова оказался прав.

Начальник следственного отдела лизнул указа-

тельный палец и перелистал остальные записи. В большинстве из них говорилось о подозрительных машинах, которые проезжали недалеко от места преступления в течение прошедшей недели. Описания, как правило, сводились к типу и цвету машины. В четырех случаях жителям города звонили неизвестные и угрожали, что сделают с ними то же, что и с Лидсами.

Запись звонка Хойта Льюиса лежала в середине стопки.

Спрингфилд позвонил дежурному:

— Слушай, что это за заявление контролера по поводу некоего Парсонса?

— Ночью мы связались с коммунальной службой, чтобы узнать, направляли ли они своих людей в тот переулок, — доложил дежурный. — Они перезвонят утром.

— Пошлите кого-нибудь к ним немедленно, — распорядился Спрингфилд. — Свяжитесь также с санитарной и эксплуатационной службами. Позвоните мне прямо в машину.

Он набрал номер Грэма в гостинице:

— Уилл, через десять минут ждите меня у входа в отель. Прокатимся кое-куда.

Без четверти восемь Спрингфилд остановил машину в конце переулка и вместе с Грэмом

зашагал по продавленной колесами колее. Несмотря на раннее время, солнце уже припекало.

— Вам бы следовало надеть что-нибудь на голову, — посочувствовал Спрингфилд.

На нем самом была щеголеватая шляпа из соломки, которую он надвинул на самые глаза.

Ограда из металлической сетки позади дома Лидсов была увита виноградной лозой. Они остановились у столба, на котором висел счетчик.

— Если он проходил по переулку, то с этого места мог видеть всю заднюю часть дома, — заметил Спрингфилд.

Прошло всего пять дней, а участок Лидсов начал приобретать запущенный вид. На газоне пробивался дикий лук. Во дворе валялись сорванные ветром ветки. Грэму вдруг захотелось собрать их. Казалось, дом погрузился в глубокий сон. Веранда выглядела полосатой из-за длинных теней деревьев. Стоя в переулке рядом со Спрингфилдом, Грэм попытался представить, как он заглядывает в заднее окно и открывает дверь на веранду. Однако сейчас, при солнечном свете, представить себе проникновение убийцы в дом было трудно. Он перевел взгляд на детские качели, едва раскачивающиеся на легком ветру.

— А вот, кажется, и Парсонс, — сказал Спринг-

филд.

Несмотря на ранний час, Парсонс уже ковырялся на клумбе во дворе. Его участок находился через два дома от владений Лидсов. Спрингфилд и Грэм подошли к задней калитке и остановились у мусорных контейнеров, крышки которых были прикованы цепями к забору. Спрингфилд померил высоту крепления счетчика при помощи рулетки.

На всех соседей Лидсов у Спрингфилда были составлены справки. Поэтому он знал, что Парсонса досрочно отправили на пенсию из-за «прогрессирующей рассеянности» по решению администрации почты, где он служил. Записи Спрингфилда содержали также и сплетни. Так, соседи утверждали, что жена Парсонса почему-то часто подолгу гостит у своей сестры в Мейконе, а сын никогда не звонит ему.

— Мистер Парсонс! — крикнул Спрингфилд.

Парсонс прислонил к стене вилы и подошел к забору. Его сандалии и белые носки были испачканы землей. Розовое лицо блестело.

«Атеросклероз», — определил Грэм.

— Да?

— Мистер Парсонс, не могли бы вы уделить нам несколько минут? Мы надеемся на вашу

помощь, — начал Спрингфилд.

— Вы из электрокомпании?

— Нет, меня зовут Спрингфилд, мы из полиции.

— А, значит, по поводу убийства. Я уже говорил полицейским, мы с женой были в Мейконе…

— Я знаю, мистер Парсонс. Мы хотели бы узнать кое-что о вашем электросчетчике. Вы…

— Если этот… контролер заявил вам, что я совершил что-нибудь противозаконное, то…

— Нет-нет, мистер Парсонс, нас интересует, видели ли вы незнакомца, снимавшего показания с вашего счетчика на прошлой неделе.

— Нет.

— Вы уверены? По-моему, вы сами говорили Хойту Льюису, что кто-то крутился возле вашего счетчика.

— Говорил. Давно пора его проверить. Ничего, я это так не оставлю. Я еще в Комиссию по коммунальному обслуживанию позвоню.

— Конечно, сэр. Уверен, там разберутся. Так кого вы видели у вашего счетчика?

— Как кого? Сотрудника электрокомпании Джорджии.

— Откуда вы знаете, что это был сотрудник?

— Ну, он выглядел как контролер счетчиков.

— Как он был одет?

— Да так же, как все они, по-моему. Ну, коричневый комбинезон, кепка.

— Вы рассмотрели его лицо?

— Да не помню я уже. Я увидел его, когда выглянул из окна в кухне. Хотел поговорить с ним, но мне нужно было сначала одеться, а когда я вышел из дому, его уже не было.

— У него был грузовик?

— Да вроде нет. А что случилось? Почему вы спрашиваете?

— Мы проверяем всех, кто находился вблизи места преступления на прошлой неделе. Это очень важно, мистер Парсонс. Постарайтесь вспомнить.

— Стало быть, вы все же по поводу убийства. Поймали уже кого-нибудь?

— Нет.

— Конечно. Вчера вечером я смотрел в окно на улицу, и за целых пятнадцать минут не проехало ни одной патрульной машины. Это просто кошмар, что случилось с Лидсами. Моя жена до сих пор не может прийти в себя. Интересно, кто же теперь купит их дом? Пару дней назад я видел, как тут два негра его осматривали. Знаете, мне несколько раз приходилось беседовать с Лидсами

по поводу их детей, они казались довольно порядочными людьми. Конечно, он не стал ничего делать с газоном, как я ему советовал. Министерство сельского хозяйства издает чудесные книжечки о борьбе с сорняками на газонах. Я потом их опускал ему в почтовый ящик. Честно скажу, когда он косил газон, от запаха дикого лука дышать было невозможно.

Спрингфилд начал терять терпение.

— Мистер Парсонс, когда точно вы видели этого парня в переулке?

— Не помню, надо подумать.

— Вы что, не можете вспомнить время суток? Утро? День? Вечер?

— Я знаю, из чего состоят сутки, можете не перечислять. Кажется, днем это было. Я не помню.

Спрингфилд потер рукой шею.

— Вы меня простите, мистер Парсонс, но мне необходимо узнать точное время. Не будете ли вы так любезны проводить нас на кухню и показать то место, откуда вы его видели?

— Предъявите ваши удостоверения. Оба.

В доме царили чистота и порядок. И спертый воздух. Чистота. Чистота. Доведенный до отчаяния порядок престарелой пары, которая осознает, как постепенно теряет прозрачность их жизнь.

Грэм пожалел, что зашел в дом. Он был уверен, что в ящиках лежит полированное столовое серебро с неотмытым яичным желтком между зубцами вилок.

«Ну ладно. Пора браться за дело».

Из окна над кухонной раковиной был хорошо виден весь задний двор.

— Отсюда. Удовлетворены? — спросил Парсонс. — Да видно отсюда счетчик, видно. А с контролером я не разговаривал. И не помню, как он выглядел. Если это все, то простите, у меня много работы.

В разговор вмешался Грэм:

— Вы сказали, что пошли одеваться, а когда вернулись, его уже не было. Значит, вы были раздеты?

— Да.

— Днем? Вам что, нездоровилось, мистер Парсонс?

— Все, что я делаю в своем доме, это мое дело. Захочу, буду, как индеец, в перьях ходить. И вообще, почему вы торчите здесь, вместо того чтобы ловить убийцу? Здесь что, попрохладнее?

— Я понимаю, мистер Парсонс, вы сейчас на пенсии, поэтому вам необязательно одеваться каждый день. Вы вообще, наверное, редко одева-

етесь дома, верно?

У Парсонса даже вены вздулись на висках от таких слов.

— То, что я на пенсии, вовсе не значит, что я не одеваюсь и бездельничаю целыми днями. Мне стало жарко, я зашел в дом и принял душ. Я работал. Мульчировал.[4] И между прочим, к полудню уже всю дневную норму заканчивал, а это побольше, чем вы сделаете за день.

— Чем, вы говорите, занимались?

— Мульчировал.

— Когда это было?

— В пятницу. В прошлую пятницу. Мне как раз привезли целую кучу навоза в то утро, и я… я все перетаскал до обеда. Можете проверить в Садоводческом центре. Они вам скажут, сколько там было.

— Итак, вам стало жарко, вы зашли в дом и приняли душ. А что вы делали на кухне?

— Готовил себе чай со льдом.

— А, так вы брали лед из морозилки. Но ведь холодильник вон там, довольно далеко от окна.

Сбитый с толку, Парсонс перевел взгляд с окна на холодильник. Глаза стали безжизненными,

---

[4] Примечания: 4

Мульчировать — обкладывать корни растений соломой, навозом и т. п., чтобы ослабить испарение влаги с поверхности почвы.

словно у рыбы на рынке к концу дня. Но внезапно они победоносно вспыхнули. Он подошел к столу сбоку раковины.

— Когда я увидел его, я как раз стоял вот здесь и доставал снизу сахарин. Так-то. Теперь все? Еще вопросы будут?

— Наверное, это был Хойт Льюис, — сказал Грэм.

— Я тоже так думаю, — ответил Спрингфилд.

— Не Льюис это был! Не Льюис!

Глаза Парсонса слезились.

— Откуда вы знаете? — пожал плечами Спрингфилд. — Это вполне мог быть Хойт Льюис, просто вы подумали…

— Да Льюис весь черный от загара. У него седые жирные волосы и редкие бакенбарды, словно выщипанные. — Парсонс повысил голос и затараторил так быстро, что его с трудом можно было понять: — Вот откуда я знаю. Говорю вам, не Льюис это был. Этот был бледнее, и волосы светлые. Он еще повернулся, чтобы что-то записать себе в блокнот, и я разглядел волосы сзади. Точно, блондин. А на шее волосы под скобку подстрижены.

Спрингфилд слушал его со скучающим видом.

— Лица его, конечно, не видели? — спросил он скептическим тоном.

— Не помню. По-моему, у него были усы. А может, не было…

— Как у Льюиса?

— У Льюиса нет усов.

— Ах да. А как он смотрел показания счетчика? Может, голову задирал или нагибался?

— Да нет, просто стоял.

— Узнали бы его, если бы снова увидели?

— Нет.

— Какого он примерно возраста?

— Не старый. Больше ничего не знаю.

— А собаки Лидсов вы поблизости не видели?

— Нет.

— Мистер Парсонс, я понял, что был не прав, — улыбнулся Спрингфилд. — Вы нам очень помогли. Если не возражаете, я пришлю вам нашего художника, и если вы позволите ему присесть тут у окна, то, может быть, он сможет нарисовать, как выглядел этот человек. Это наверняка был не Льюис.

— Не хватало еще, чтобы мое имя появилось в газетах.

— Можете не беспокоиться, не появится.

Парсонс пошел провожать их до калитки.

— Вы столько труда вложили в этот участок, мистер Парсонс, — заметил Спрингфилд, проходя

мимо клумб. — Ваши цветы — да на конкурс бы!

Парсонс не ответил. Его красное лицо подергивалось, глаза слезились. Стоя в своих мешковатых шортах и стоптанных сандалиях, он молча смотрел на удаляющихся полицейских. Когда они отошли достаточно далеко, старик схватился за вилы и принялся яростно разбрасывать навоз прямо на траву и цветы.

Машину Спрингфилда вызвали на связь. Ни одна из коммунальных служб города не посылала своих людей в переулок накануне убийства. Спрингфилд передал описание, сделанное Парсонсом, и отдал распоряжения для художника.

— Скажите, чтобы он нарисовал сначала столб и счетчик, а от этого уже плясал дальше. И пусть будет помягче со свидетелем. Наш художник не очень-то любит выезжать на дом, — пояснил он Грэму, пробираясь на своем «форде» по запруженной машинами улице. — Ему больше по душе работать на глазах у юных секретарш, чтобы свидетель переминался с ноги на ногу и робко заглядывал ему через плечо. Но полицейский участок не совсем подходящее место для спокойного разговора со свидетелем, которого не хочешь пугать до полусмерти. Как только рисунок будет готов — сразу же пойдем с ним по

всему району, из дома в дом. Знаете, Уилл, я как та старая гончая, чувствую, что мы только что взяли след. Запах еще очень легкий, но уже есть, а? Как вы думаете? Все же мы раскрутили этого старого черта. Теперь главное — не упустить ниточку.

— Если человек в переулке был тем, кого мы ищем, то это пока самая главная зацепка, — согласился Грэм.

После визита к Парсонсу на душе у него было муторно.

— Правильно. Значит, он не просто выходит из автобуса и вслепую бежит туда, куда указывает ему его поганый хрен, а действует по плану. Он на сутки задерживается в городе, планирует все на день-два вперед. У него есть своя тактика. Разведка места преступления, убийство домашнего животного, а затем всей семьи. Но что это за тактика и почему именно так, черт возьми? — Спрингфилд умолк и взглянул на Грэма. — Да, это, мне кажется, уже по вашей части.

— Что ж, если все так, похоже, он мой клиент.

— Я знаю, вы работали и раньше по таким делам. Когда я спросил вас насчет Лектера, вам не хотелось затрагивать эту тему. Но мне все же необходимо поговорить с вами об этом.

— Хорошо.

— На его счету девять жертв, так?

— Девять умерли. Двое выжили.

— И что с ними сейчас?

— Один до сих пор в реанимации в больнице Балтимора, другой — в частной психиатрической лечебнице в Денвере.

— Но что заставило убийцу заниматься подобными делами? Он что, сумасшедший?

Грэм посмотрел в окно на спешащих куда-то пешеходов. Голос его сделался бесстрастным, как будто он диктовал письмо.

— Он стал заниматься этим, потому что ему нравилось этим заниматься. Но доктор Лектер не сумасшедший, по крайней мере не такой, какими мы их обычно себе представляем. Он совершал страшные убийства, потому что получал от этого удовольствие. Но когда ему нужно, он ведет себя как нормальный человек.

— А что говорят психиатры? Что с ним такое?

— Они называют его социопатом, потому что не могут найти более подходящего слова. У него действительно есть некоторые признаки социопата. Например, полное отсутствие угрызений совести или чувства вины. А главный признак — садизм по отношению к животным, проявившийся в детстве.

Спрингфилд выматерился.

— Но у него отсутствуют все остальные признаки социопатии, — продолжал Грэм. — Бродягой он не был, в конфликт с законом не вступал. Не хитрит по мелочам, как большинство социопатов. Он восприимчив ко всему, что его окружает. Так что до сих пор непонятно, как его называть. Энцефалограмма показала некоторые отклонения, но по ним трудно сделать определенные выводы.

— А как бы вы сами его назвали? — спросил Спрингфилд.

Грэм задумался.

— Ну, для себя как вы его называете?

— Чудовище. Я сравниваю его с теми существами, которые рождаются время от времени: в роддоме их кормят, держат в тепле, но не подключают систему жизнедеятельности, и они умирают. Так вот, Лектер такой же, как они, только с виду нормальный.

— Я знаю нескольких офицеров полиции в Балтиморе и спрашивал их, каким образом вам удалось поймать этого Лектера. Они сказали, что не знают. Так как вы это сделали? Как вы на него вышли?

— Случайное стечение обстоятельств, — по-

жал плечами Грэм. — Шестой по счету человек был убит в своей собственной мастерской. У него там стоял деревообрабатывающий станок, инструменты всякие, там же он держал и свои охотничьи принадлежности. Он был подвешен на крюках, вбитых в стену, и буквально изрезан, изрублен, разодран на части. В теле торчали стрелы. Его раны что-то мне напомнили, но я никак не мог понять, что именно.

— И что, пришлось ждать следующих убийств?

— Да, и Лектер зачастил — всего за девять дней три новые жертвы… Так вот, у шестого было два старых шрама на бедре. Патологоанатом не поленился съездить в местную больницу и установил, что этот человек пять лет назад во время охоты с луком, напившись, упал с дерева и проткнул ногу стрелой. Запись сделана хирургом, но первую помощь ему оказал Лектер — он как раз дежурил в травмпункте. Он расписался в журнале приемного отделения. Времени с тех пор прошло, конечно, много, но я подумал, что Лектер сможет припомнить, не было ли в той ране от стрелы чего-нибудь подозрительного. Поэтому я отправился к нему поговорить. Нам больше не за что было зацепиться. У него к тому времени была своя практика. Психиатрический кабинет, об-

ставленный антикварiатом. Когда я спросил его об этом случае, он сказал, что плохо его помнит — только то, что этого беднягу приволок в больницу его приятель, и все. Но что-то меня насторожило. То ли он говорил как-то не так, то ли что-то подозрительное было в самом его кабинете. Мы с Крофордом долго ломали голову. Проверили по картотеке, но Лектер там не значился. Я уж сам хотел покопаться в его кабинете, но не смог получить ордер — не было оснований для обыска. Тогда я снова пошел к нему. Было воскресенье, но он принимал без выходных. В здании было пусто, за исключением нескольких человек у него в приемной. Он пригласил меня сразу же. Мы беседовали, и он сделал мне любезное предложение — помочь в поисках убийцы, и тут я увидел книги по медицине на полке у него над головой и сразу понял, что это ОН. Я снова взглянул на него, и, наверное, выражение лица у меня изменилось. Теперь я знал его тайну, и он понял это. Хотя я еще не был так уж уверен, что это именно он. Мне нужно было собраться с мыслями. Я что-то промямлил и вышел из кабинета. В холле был телефон. Нельзя было его вспугнуть, тем более не имея поддержки, и я позвонил в полицию. Но он вышел через другую дверь и, разувшись, в одних

носках, подкрался сзади. Я даже не услышал, как он подошел. Только почувствовал его дыхание, ну а потом… дальше вы знаете.

— Так как же вы все-таки догадались?

— Я понял это только через неделю, уже когда лежал в больнице. Мне помогла иллюстрация «Ранения человека», она встречается почти во всех старых книгах по медицине, каких у Лектера была целая полка. Я видел ее, когда проходил курс судебной медицины, который вел один патолого-анатом в Университете Джорджа Вашингтона. Так вот, оказалось, что поза и раны той шестой жертвы очень походили на «Ранения человека».

— «Ранения человека», говорите? И это все, что у вас было?

— Ну да. Просто случайность, что я когда-то уже видел этот рисунок. Повезло.

— Ничего себе, повезло.

— Слушайте, если вы мне не верите, так какого черта я все это рассказываю!

— Ну ладно, ладно, не кипятитесь.

— Простите. И тем не менее все так и было.

— Ну ладно, — сказал Спрингфилд. — Спасибо, что рассказали. Мне нужно знать такие вещи.

Описание человека в переулке, сделанное Парсонсом, и информация о задушенном коте и

раненой собаке указывали на возможную тактику убийцы: предположительно он проводил разведку под видом контролера электрической компании и, прежде чем убить всю семью, расправлялся с домашними животными.

И сразу же встал вопрос: стоит ли предавать огласке данную версию?

С одной стороны, население будет настороже. Возможно, кто-то сообщит что-нибудь новое. А с другой — убийца тоже, наверное, следит за новостями.

В следующий раз он может действовать по-иному.

Полиция склонялась к мнению, что все эти скудные сведения должны быть сохранены в тайне. Однако следовало разослать ветеринарам и обществам охраны животных по всему юго-восточному побережью предписания с просьбой немедленно сообщать обо всех случаях жестокого обращения с животными.

Но население не будет предупреждено об опасности. Полиция в этой ситуации чувствовала определенный моральный дискомфорт.

Проконсультировались с доктором Аланом Блумом из Чикаго. Он подтвердил, что если убийца прочтет в газетах о ходе следствия, то, скорее

всего, изменит тактику. В то же время доктор Блум высказал предположение, что, несмотря на риск, маньяк вряд ли перестанет нападать на домашних животных. Психиатр предупредил полицию, что у них в запасе лишь двадцать пять дней. Следующее полнолуние — 25 августа.

Утром 31 июля, через три часа после того, как Парсонс дал описание преступника, состоялся телефонный разговор между полицейскими управлениями Бирмингема, Атланты и Крофордом, который находился в Вашингтоне. Они приняли решение разослать письма ветеринарам, рисунок художника в течение трех дней показать во всех близлежащих к месту преступления домах, а затем передать предупреждение через средства массовой информации.

За эти три дня Грэм и полицейские Атланты буквально отполировали ногами тротуары, показывая рисунок всем живущим в районе дома Лидсов. Портрет был весьма схематичный, но они надеялись, что хоть кто-нибудь поможет его дополнить.

Копия, которую носил с собой Грэм, замахрилась по углам. Ночью он отсыпался у себя в номере, посыпав тальком натертые ноги. Вопросы, на которые никак не находились ответы,

выстраивались у него в голове причудливыми голограммами. Он испытывал чувство, которое обычно возникало у него перед тем, как рождалась идея. Но идея так и не приходила.

Тем временем в Атланте произошли четыре несчастных случая, один со смертельным исходом. Главы семей открыли огонь по припоздниившимся родственникам. Стали чаще звонить по поводу бродяг, замеченных поблизости. Столы в полицейском управлении были завалены грудой заявлений и протоколов с бесполезной информацией. Отчаяние наступало со всех сторон, словно чума.

К концу третьего дня из Вашингтона вернулся Крофорд. Он заглянул к Грэму как раз в тот момент, когда тот, сидя на кровати, стягивал с затекших ног мокрые от пота носки.

— Ну что, тяжко приходится?

— Бери завтра утром рисунок и сам узнаешь, — буркнул Грэм.

— Не стоит, вечером это все уже будет в газетах. Ты что, целый день ходил пешком?

— Да, понимаешь, там между домами заборы понаставлены. На машине хрен проедешь.

— Честно говоря, я и не надеялся, что из этого выйдет что-нибудь путное, — признался Кро-

форд.

— Чем же мне было заниматься, черт возьми?

— Тем, что у тебя лучше всего получается, вот чем. — Крофорд поднялся, чтобы уйти. — Иногда я тоже сам себе ищу работу. Особенно после того, как пить бросил. Ты, я вижу, тоже.

Грэм разозлился. Крофорд был прав.

У Грэма была привычка все откладывать на потом. И он знал за собой этот грех. Давным-давно, когда он учился в школе, он компенсировал этот недостаток скоростью исполнения. Но сейчас он был не в школе.

Кое-что Грэм мог предпринять прямо сейчас — уже не первый день об этом думал. Но он мог ждать до тех пор, пока обстоятельства не заставят его сделать все в последние дни перед полнолунием.

Ему нужно было выслушать чужое мнение. Посмотреть на вещи другими глазами. Постараться восстановить то особое состояние, исчезнувшее за годы тихой и счастливой жизни с Молли.

Уверенность, что этого избежать не удастся, неумолимо росла. Грэм чувствовал себя человеком, взбирающимся все выше и выше в крохотном вагончике американских горок. Вот вагончик замер на головокружительной высоте,

и, перед тем как соскользнуть вниз, Грэм сказал вслух:

— Придется повидаться с Лектером.

Он не почувствовал, как инстинктивно схватился при этом за живот.

7

Доктор Фредерик Чилтон, директор Чесапикской больницы для невменяемых преступников, вышел из-за стола, чтобы поздороваться с Уиллом Грэмом.

— Доктор Блум позвонил мне вчера, мистер Грэм. Вас, наверное, следует называть «доктор Грэм»?

— Я не доктор.

— Мне было приятно услышать доктора Блума, ведь мы знаем друг друга целую вечность. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Мы надеемся на вашу помощь, доктор Чилтон.

— Честно говоря, я иногда чувствую себя скорее секретарем Лектера, нежели врачом, под чьим контролем он находится, — заметил Чилтон. — Он получает обширную почту. По-моему, в научных кругах считается особым шиком завязать с ним переписку. Я собственными глазами видел, что его письма даже висят в рамочках на стенах факультетов психиатрии. Одно время мне казалось, что каждый аспирант, специализиру-

ющийся по психиатрии, жаждет побеседовать с ним. И я всегда рад помочь вам и доктору Блуму.

— Мне нужно поговорить с доктором Лектером, желательно наедине, — сказал Грэм. — После сегодняшней встречи мне, вероятно, понадобится увидеть его еще раз или позвонить ему по телефону.

Чилтон кивнул.

— Начнем с того, что доктор Лектер останется в своей камере. Это единственное место, где его можно держать без смирительной рубашки. Одна из стен его камеры представляет собой двойной барьер, отделяющий ее от коридора. Я распоряжусь поставить там стул и ширму, если хотите. Должен попросить вас не передавать ему никаких предметов, кроме листов бумаги без скрепок. Никаких скоросшивателей, ручек или карандашей. У него есть фломастеры.

— Мне, возможно, придется показать ему кое-какие материалы, чтобы дать стимул к разговору.

— Вы можете показывать ему что угодно, если это написано или нарисовано на мягкой бумаге. Документы можно передавать, положив их на лоток для передачи пищи. Не передавайте ничего руками и не принимайте от него ничего, что он

будет протягивать вам через барьер. Он может вернуть вам бумаги, положив на тот же лоток. Я настаиваю на этом. Доктор Блум и мистер Крофорд заверили меня, что вы будете подчиняться моим требованиям.

— Хорошо, — сказал Грэм и приподнялся на стуле.

— Понимаю, вам не терпится, мистер Грэм, но я хочу вначале рассказать вам одну историю, весьма поучительную. Наши меры предосторожности могут показаться вам излишними. Но доктор Лектер действительно очень опасен и дьявольски хитер. Целый год после того, как его сюда поместили, он вел себя просто идеально и даже был контактен во время психотерапии. И как результат — это было еще при старом директоре, — меры безопасности по отношению к нему слегка ослабили. Восьмого июля тысяча девятьсот семьдесят шестого года после обеда он пожаловался на боль в груди. В смотровом кабинете его освободили от смирительной рубашки, чтобы сделать электрокардиограмму. Один из сопровождавших его санитаров вышел покурить, а другой на секунду отвернулся… Слава богу, сестра оказалась сильной и смогла увернуться. Один глаз ей удалось спасти. Этот момент может

показаться вам любопытным.

Чилтон вытащил из ящика кардиограмму и, развернув ее на столе, начал водить по линии указательным пальцем.

— Смотрите, здесь он просто лежит на смотровом столе. Пульс семьдесят два. Здесь он хватает медсестру за голову и тянет ее вниз, к себе. Вот тут к нему подбежал санитар. Кстати, Лектер и не сопротивлялся, но санитар все же вывихнул ему руку. Видите? Странная вещь. Его пульс ни разу не превысил восьмидесяти пяти. Даже когда он вырывал ей язык.

Лицо Грэма оставалось бесстрастным. Он откинулся на стуле и сцепил руки у подбородка. Ладони у него были сухие.

— Знаете, когда Лектера только привезли, мы подумали, что нам представилась возможность изучить социопата в классически чистом виде, — продолжал Чилтон. — Так редко удается заполучить их живыми. У Лектера ясный, восприимчивый ум, он занимался психиатрией… и в то же время он изощренный убийца, на совести которого столько жертв. Он показался нам контактным, и мы подумали, что с его помощью мы проникнем в тайны этого вида психического отклонения. Как Беймон изучал процесс пище-

варения, вскрыв желудок святому Мартину. Но даже сейчас мы вряд ли понимаем Лектера лучше, чем в первые дни его пребывания у нас. Вам когда-нибудь приходилось с ним разговаривать?

— Нет. Только видел его, когда… В основном я видел его в суде. Доктор Блум показывал мне статьи Лектера в научных журналах.

— А он-то вас хорошо знает. Много о вас думает.

— Вы с ним беседовали?

— Да, двенадцать раз. Он полностью закрыт для изучения. Слишком искушен в психодиагностике, тестировать его бесполезно. Расколоть его пытались и Эдвардс, и Фабре, и даже сам доктор Блум. У меня есть их записи. Для них он тоже остался загадкой. По нему незаметно, когда он что-нибудь скрывает, а когда знает больше, чем говорит. Находясь в изоляции, он опубликовал блестящие статьи в ведущих психиатрических журналах. Но ни одна из них не помогает понять его самого. Мне кажется, он боится, что если мы разгадаем его, то больше никто не будет интересоваться его персоной и всю оставшуюся жизнь ему придется провести в полном забвении.

Чилтон умолк. Когда-то давно он научился рассматривать своего собеседника боковым зрением

и поэтому был уверен, что Грэм не заметит, что он наблюдает за ним.

— По нашему единодушному мнению, единственный человек, который действительно понял поведение Ганнибала Лектера, — вы, мистер Грэм. Не могли бы вы нас, так сказать, просветить?

— Нет, — отрезал Грэм.

— Тут у нас многие интересуются одним вопросом: вот вы расследовали убийства, совершенные доктором Лектером, поняли их стиль. Вы смогли воссоздать его фантазии? Помогло ли это вам разоблачить его?

Грэм не ответил.

— Нам, знаете ли, катастрофически не хватает материалов по этому вопросу. Была одна-единственная статья в журнале «Патопсихология». Может, побеседуете с моими подчиненными, ну не в этот раз, конечно. Доктор Блум меня строго предупредил, чтобы вам не мешали. Но может быть, в следующий раз?

Доктор Чилтон нередко чувствовал враждебность к своей персоне. Он ощутил ее и на этот раз.

Грэм поднялся.

— Благодарю вас, доктор. А теперь я хотел бы увидеть Лектера.

Стальная дверь отделения строгого режима закрылась. Снаружи щелкнул засов.

Грэм знал, что утром Лектер просыпается поздно. Он окинул взглядом все помещение, но не смог заглянуть в камеру Лектера, а лишь заметил, что там царит полумрак.

Грэму хотелось застать Лектера спящим. Ему нужно было время, чтобы собраться. Если он почувствует, что безумие Лектера проникает в его мозг, то ему придется всеми силами защищаться от этого.

Чтобы заглушить звук шагов, Грэм пошел за санитаром, толкающим перед собой тележку с бельем. Доктора Лектера так просто не проведешь.

Грэм остановился недалеко от входа в камеру, его перегораживали стальные решетки. За ними, на расстоянии немногим больше вытянутой руки, от пола до потолка и от стены до стены была натянута прочная нейлоновая сеть.

По ту сторону заграждений Грэм разглядел намертво прикрепленные к полу стол и стул. Стол был завален книгами в мягких обложках, журналами и письмами. Он подошел к решеткам и положил на них руки, затем поспешно убрал их.

Доктор Лектер спал на кровати, положив голову на прислоненную к стене подушку. На груди

покоился открытый «Большой кулинарный словарь» Александра Дюма.

В течение нескольких секунд Грэм молча разглядывал Лектера. Тот вдруг открыл глаза и произнес:

— Тот же самый лосьон после бритья, которым вы пользовались во время суда.

— Я получаю его в подарок на каждое Рождество.

Грэм почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы. Он потер шею ладонью.

— Кстати, о Рождестве, — вспомнил Лектер. — Вы получили мою открытку?

— Да. Спасибо.

Рождественская открытка Лектера была переправлена Грэму криминалистической лабораторией ФБР из Вашингтона. Грэм пошел на задний двор, сжег ее и тщательно вымыл руки, прежде чем дотронуться до Молли.

Лектер встал с кровати и подошел к столу. Невысокий изящный человек. Очень аккуратный.

— Может, присядете, Уилл? В стенном шкафу, дальше по коридору, вроде держат складные стулья. По крайней мере, судя по звуку, их достают откуда-то оттуда.

— Сейчас санитар принесет.

Стоя, Лектер ждал, пока Грэм сядет.

— Как там Стюарт?

— Прекрасно.

Стюарт ушел в отставку, увидев подвал доктора Лектера. Сейчас он работал управляющим в мотеле. Но Грэм решил не говорить этого. Вряд ли Стюарт обрадуется, получив послание от доктора Лектера.

— Как жаль, что он оказался таким эмоционально неустойчивым. По-моему, его ждала блестящая карьера. А у вас никогда не возникало никаких проблем, Уилл?

— Нет.

— Действительно, откуда им взяться.

Грэму показалось, что Лектер видит его насквозь. Его пронзительный взгляд был мучительно неприятен, как назойливый зуд, раздражающий мозг.

— Я рад, что вы пришли. Сколько уже прошло, года три, кажется? Обычно меня посещают только профессионалы. Ничего из себя не представляющие психиатры из клиник да пытливые горе-доктора психологии с периферии — тугодумы, вымучивающие из себя статейки из страха лишиться места в своих забытых богом колледжах.

— Доктор Блум показывал мне вашу статью об особенностях садизма у хирургов в «Журнале клинической психиатрии».

— Ну и?..

— Любопытно. Даже для меня, дилетанта.

— Для дилетанта… Дилетанта. Интересный термин, — задумчиво сказал Лектер. — Сколько тут перебывало ученых мужей. Сколько приходило так называемых экспертов, всеми правдами и неправдами пробившихся к государственной кормушке. Если вы дилетант, то кто же тогда специалист? Разве не вы поймали меня тогда, а, Уилл? Вы хоть сами-то знаете, как это у вас получилось?

— Вы знакомились с материалами дела. Там все написано.

— Нет там ничего. Вы знаете, как вам это удалось, Уилл?

— Все в материалах следствия. Да и какое сейчас это имеет значение?

— Конечно. Для меня уже не имеет.

— Мне нужна ваша помощь, доктор Лектер.

— Я так и думал.

— Это по поводу Атланты и Бирмингема.

— Слушаю.

— Вы ведь, конечно, читали об этом.

— Я читал об этом в газетах, правда, не смог сделать вырезки. Мне не разрешают держать здесь ножницы. Угрожают, что отберут книги. Мне бы не хотелось, чтобы подумали, будто я снова замышляю что-нибудь ужасное. — Он рассмеялся, обнажая ровные белые зубы. — Вам хочется знать, как он выбирает жертвы?

— Я подумал, у вас могут быть какие-то предположения. Мне бы хотелось их услышать.

— С какой стати?

Грэм предвидел этот вопрос. Такая причина, как стремление прервать цепь убийств, явно не могла воодушевить Лектера.

— У нас есть что вам предложить, — сказал Грэм. — Материалы исследований, видеофильмы по психиатрии, даже киноролик. Я переговорю с администрацией больницы.

— А, с Чилтоном. Ну да, вы ведь должны были встретиться с ним, когда пришли. Отвратительный тип, правда? Обратили внимание, как неумело он пытается заглянуть к вам внутрь — словно подросток, который впервые лезет под юбку? Рассматривает вас исподтишка. Заметили, да? Хотите — верьте, хотите — нет, но он пытался

прогнать меня через ТАТ.[5] Меня! Сидел тут с непроницаемым лицом, не мог дождаться, когда я дойду до Эм-эф-тринадцать. Ха-ха. О, простите, забыл, что вы не относитесь к клану посвященных. Речь идет о рисунке — женщина на кровати и на переднем плане мужчина. Он ждал, что, интерпретируя эту ситуацию, я буду скрывать возникшие у меня сексуальные ассоциации. Я просто рассмеялся ему в лицо. А он надулся как индюк и объявил всем, что я избежал тюрьмы лишь благодаря синдрому Ганзера, — не будем вдаваться в психиатрию. Все это очень скучно.

— Вы получите доступ к фильмотеке Американской медицинской ассоциации.

— Я все равно не получу того, что меня интересует.

— Откуда такая уверенность?

— Мне достаточно и моих книг.

— Я познакомлю вас со всеми материалами этого дела. Но есть еще одна причина, по которой вы не откажетесь.

— Да? И какая же?

---

[5] Примечания: 5

ТАТ (Тематический апперцепционный тест) — психологический тест, предложенный Х. Мюрреем в 30-х годах. Составлен из 20 карточек-рисунков, изображающих так называемые неопределенные ситуации. Пациент должен рассказать историю, придуманную им по каждой карточке.

— Я полагаю, вам было бы любопытно проверить, кто умнее — вы или тот, кого я ищу.

— По вашей логике, вы умнее меня, поскольку вы меня поймали!..

— Нет, я знаю, что не умнее вас.

— Тогда как же вы меня поймали, Уилл?

— Вам кое-что мешало.

— Что же?

— Страсть. К тому же вы душевнобольной.

— А вы неплохо загорели, Уилл.

Грэм промолчал.

— И руки у вас огрубели. Они больше не похожи на руки полицейского. А ваш лосьон как будто выбирал ребенок. Там парусник на этикетке, да?

Доктор Лектер редко держит голову прямо. Задав вопрос, он наклоняет голову то вправо, то влево; его пытливый взгляд вкручивается в лицо собеседника, словно штопор в пробку. Снова наступила пауза. Наконец Лектер произнес:

— Не рассчитывайте уговорить меня, играя на моем тщеславии.

— Я и не рассчитываю вас уговорить. Вы или согласитесь мне помочь, или откажетесь. Кстати, над этой проблемой работает сейчас доктор Блум, а это лучший…

— Дело у вас с собой?

— С собой.

— А снимки?

— И снимки.

— Хорошо, оставьте. Посмотрю на досуге.

— Нет.

— Вы умеете мечтать, Уилл?

— До свидания, доктор Лектер.

— Что же вы не пригрозили книги отобрать?

Грэм повернулся, чтобы уйти.

— Ну ладно, давайте досье. Я скажу вам, что думаю.

Папку пришлось буквально втискивать в лоток для передачи пищи, хотя она содержала далеко не все материалы дела. Лектер потянул его к себе.

— Сначала идет краткое изложение. Вы можете прочесть его прямо сейчас.

— Не возражаете, если я поработаю один? Дайте мне час.

Грэм ждал, сидя на видавшем виды продавленном диванчике в мрачноватой, служившей для отдыха медперсонала комнате. То и дело заходили санитары перехватить чашечку кофе. Но он не разговаривал с ними. В каком-то оцепенении он переводил взгляд с одного предмета на другой, с радостью убеждаясь, что они не плывут у него перед глазами. Дважды ему пришлось выйти в

туалет.

Через час санитар снова впустил Грэма в отделение строгого режима.

Лектер с отрешенным видом сидел за своим столиком. Грэм знал, что почти все это время Лектер рассматривал снимки.

— Ну что я могу сказать… Он очень стеснителен, этот наш мальчик. Я бы с удовольствием встретился с ним. А вам не приходило в голову, что он урод? Или считает себя таковым?

— Зеркала?

— Именно. Вы заметили, в обоих случаях он вдребезги разбил все зеркала. Только ли ради нескольких осколков? Кстати, их он использует не только в качестве… гм… режущих инструментов. Они вставлены так, чтобы он мог видеть свое отражение. В глаза Джейкоби и… как ее? Как звали вторую?

— Миссис Лидс.

— Именно.

— Интересно, — пробормотал Грэм.

— Перестаньте. Вы не могли не догадаться об этом сами.

— Да, я действительно об этом думал.

— А сюда пришли просто взглянуть на меня? Восстановить, так сказать, нюх? Без меня не по-

лучается?

— Мне хотелось бы узнать ваше мнение.

— У меня его пока нет.

— Я подожду.

— Могу я оставить дело у себя?

— Я еще не решил, — медленно сказал Грэм.

— Кстати, почему нет описания участков? У вас здесь есть фотографии фасадов, планы этажей и комнат, в которых произошли убийства, и почти ничего нет об участках вокруг домов. Что они собой представляли?

— Большие участки, огорожены заборами, кое-где живые изгороди. А что?

— А то, мой дорогой Уилл, что если этот наш странник находится в особых отношениях с луной, то он, видимо, выходит из дома и смотрит на нее. Перед тем как привести себя в порядок, ну вы понимаете. Вы когда-нибудь видели кровь в лунном свете, Уилл? Она выглядит абсолютно черной. Хотя, конечно, сохраняет свой естественный блеск. Чтобы так развлекаться, да еще в чем мать родила, нужно быть уверенным, что соседи не увидят. Соседей нужно уважать… хм.

— Вы считаете, что при выборе жертв огражденный участок является для него одним из необходимых условий?

— Конечно. А эти жертвы не последние. Позвольте мне оставить у себя дело, Уилл. Я поработаю с ним, изучу. Если есть еще какие-нибудь материалы, я хотел бы взглянуть и на них. Вы можете позвонить мне. В тех редких случаях, когда звонит мой адвокат, мне приносят телефон сюда. Раньше его голос просто пускали через интерком и, конечно, нас слушали все, кому не лень. Вы не дадите мне номер своего домашнего телефона?

— Нет.

— Знаете, как вам удалось поймать меня, Уилл?

— До свидания, доктор Лектер. Вы можете звонить по номеру, записанному на обложке дела. Мне все передадут.

Грэм пошел по коридору.

— Знаете, почему вы поймали меня?

Грэм уже исчез из виду и быстро шагал к стальной двери.

— Вы поймали меня, потому что мы с вами одинаковые!

Это были последние слова Лектера, которые услышал Грэм, — его голос остался за стальной дверью.

Опустив голову, никого не замечая, Грэм брел как сомнамбула, боясь только одного — проснуть-

ся. В висках гулко стучала кровь, словно удары крыльев большой птицы. От стальной клетки до выхода — рукой подать. Три коридора, пять дверей отделяют доктора Лектера от внешнего мира. В вестибюле Грэму вдруг почудилось, что Лектер вышел вместе с ним. Остановившись у выхода, он огляделся, удостоверяясь, что рядом никого нет.

Из машины, стоящей по другую сторону улицы, Фредди Лаундс просунул в окно телеобъектив и сделал великолепный снимок. Грэм в профиль у входа в здание с гранитной доской, на которой красовалась надпись: «Чесапикская больница для невменяемых преступников».

Перед публикацией редакторы «Тэтлер» обрезали фотографию, оставив лицо Грэма и два последних слова из названия.

8

После ухода Грэма доктор Ганнибал Лектер лег на кровать и погасил свет. Прошло несколько часов.

Сначала он наслаждался фактурой ткани наволочки, на которой лежали его сцепленные за головой руки… затем кончиком языка скользнул по нежнейшей плоти — внутренней стороне щеки.

Потом он перешел на запахи. Появились фантазии. Один запах он действительно чувствовал, другие — воображал. Раковину посыпали хлоркой — сперма. В конце коридора начали раздавать острое мясо — затвердевшая от пота рубашка цвета хаки. Грэм не захотел давать ему свой домашний телефон — горький зеленый запах размятого лопуха.

Лектер сел на кровати. А Грэм мог быть и повежливее. В памяти возник теплый латунный запах электрических часов.

Лектер несколько раз моргнул. Его брови поползли вверх. Он включил свет и написал записку Чилтону с просьбой принести ему телефон, чтобы

он мог позвонить своему адвокату.

По закону Лектер имел право разговаривать с адвокатом наедине. Он не злоупотреблял этим. Поскольку Чилтон не позволял ему выходить к телефону, аппарат приносили прямо в камеру.

Вот и сейчас два охранника приволокли его, раскручивая на ходу длинный шнур, подключенный к розетке около их стола. Один открыл дверь ключом. Другой держал наготове баллончик со слезоточивым газом.

— Отойдите в глубину камеры, доктор Лектер. Лицом к стене. Если вы повернетесь или попытаетесь подойти к барьеру раньше, чем услышите щелчок замка, я выпущу газ вам в лицо. Все понятно?

— Да, вполне, — кивнул Лектер. — Спасибо, что принесли телефон.

Номер пришлось набирать, просунув руку сквозь нейлоновую сетку. В справочной Чикаго ему дали телефонные номера факультета психиатрии Чикагского университета и кабинета доктора Алана Блума. Он позвонил на коммутатор факультета психиатрии.

— Я хотел бы поговорить с доктором Аланом Блумом.

— Не знаю, на месте ли он сегодня, но сейчас

соединю вас.

— Секундочку. У меня совсем вылетело из головы имя его секретаря.

— Линда Кинг. Сейчас я вас соединю.

Раздалось восемь гудков, прежде чем трубку наконец подняли.

— Слушаю вас.

— Это вы, Линда?

— Линда не работает по субботам.

Доктор Лектер на это и рассчитывал.

— Быть может, вы мне поможете, если вас не затруднит. Это Боб Грир из издательства «Блейн энд Эдвардс паблишинг». Доктор Блум просил меня переслать экземпляр книги «Психиатр и закон» Уиллу Грэму, и Линда должна была отправить мне его адрес и номер телефона, но, видно, забыла.

— Дело в том, что я всего лишь аспирантка, она будет в поне…

— Понимаете, тогда придется связаться с доктором Блумом, но мне страшно не хотелось бы беспокоить его, ведь он поручил все это Линде, и как-то неудобно подводить ее. Милочка, все эти данные обязательно там где-то поблизости, в картотеке. Я на вашей свадьбе спляшу, если вы меня выручите.

— У Линды нет картотеки.

— Может, у нее там телефонная книжка лежит?

— Да, тут есть книжка.

— Будьте так добры, отыщите мне этого Грэма, и я от вас отстану.

— Как, вы сказали, его зовут?

— Грэм… Уилл Грэм.

— Подождите минутку… Ага, вот нашла. Домашний телефон 305 JL5-7002.

— Но я бы хотел отправить ему книгу по почте.

— Здесь адреса нет.

— А что там есть?

— Так, Федеральное бюро расследований, Пенсильвания-авеню, десять, Вашингтон, округ Колумбия… ага, и почтовый ящик три тысячи шестьсот восемьдесят, Марафон, Флорида.

— Замечательно, вы просто ангел.

— Рада была помочь.

Лектер почувствовал себя намного лучше. Теперь он сможет как-нибудь порадовать Грэма телефонным звонком, и если тот не станет вести себя повежливее, то придется позвонить в аптеку и по старой дружбе заказать для него калоприемник с дренажной трубкой.

9

А в тысяче с лишним километрах на юго-запад, в Сент-Луисе, в кафетерии кинофабрики «Гейтуэй филм лабораториз» Фрэнсис Долархайд ждал, когда поджарится его бифштекс. Образцы предлагаемых закусок на витрине были покрыты прозрачной пленкой. Он стоял у кассового аппарата и потягивал кофе из бумажного стаканчика.

Молодая рыжеволосая женщина в белом халате вошла в кафетерий и принялась внимательно разглядывать автомат для продажи карамелек, покусывая губы. Несколько раз она оглядывалась на Фрэнсиса Долархайда, стоящего к ней спиной. Наконец она подошла к нему и тихим голосом произнесла:

— Мистер Долархайд.

Долархайд обернулся. На нем были защитные очки с красными стеклами, которые он не снимал, даже выходя из проявочной. Она уставилась ему на переносицу.

— Мы не могли бы присесть с вами на минутку? Мне нужно вам кое-что сказать.

— В чем дело, Эйлин?

— Я… я хотела извиниться. Понимаете, Боб был сильно пьян и… ну, в общем, строил из себя шута. Он не имел в виду ничего такого. Прошу вас, давайте присядем. Ну пожалуйста. Больше минуты я вас не задержу.

— Угу.

Долархайд не сказал «сядем», потому что плохо произносил звук «с».

Они сели. Эйлин нервно теребила в руках салфетку.

— Все так хорошо веселились на той вечеринке, и мы были так рады, что вы заглянули, — начала она. — Честно, рады и… приятно удивлены. Вы ведь знаете Боба, он постоянно всех копирует. Ему бы по радио выступать. Он стал имитировать акценты, рассказал пару анекдотов, представляете, как настоящий негр. Когда он копировал ваш голос, у него и в мыслях не было вас обидеть. Он был слишком пьян, чтобы понимать, кто находится в комнате.

— Все так хохотали, но потом… больше не хохотали.

Долархайд избегал слова «перестали» из-за звука «с».

— Это только позже до Боба дошло, что он натворил.

— Но тем не менее он продолжал.

— Да, — произнесла она. — Я потом спрашивала его. Он сказал, что не имел в виду ничего дурного, а когда сообразил, в чем дело, то решил, что если сейчас остановится, тогда уж точно все подумают на вас. Вы сами видели, как он покраснел.

— Он предложил мне подыграть ему.

— Он обнял вас и просто хотел похлопать по плечу. Чтобы вы улыбнулись и все превратилось в шутку.

— Я ее уже оценил, Эйлин.

— Бобу ужасно неловко.

— Ну, я не хотел бы, чтобы ему было неловко. Не хотел бы. Передайте ему это от меня. На его работе это никак не… Его положение на нашем предприятии будет прежним. Черт, будь у меня его талант, я бы такие чуде… номера откалывал. — Долархайд изо всех сил старался избегать звука «с». — Вот организуем какую-нибудь вечеринку, там он увидит мое отношение к этому.

— Спасибо, мистер Долархайд. Конечно, он номера дай боже откалывает, но вообще-то он парень чуткий. Даже чувствительный какой-то.

— Это уж точно. Я думаю, даже нежный!

Голос Долархайда был приглушен; садясь, он всегда прикрывал рот кулаком, уперев его в ос-

нование носа.

— Простите?

— Я говорю, общение с вами идет ему на пользу.

— Да. Думаю, что да. Он теперь почти совсем не пьет, только по выходным. Потому что как только приходит суббота, сразу же начинает названивать его жена. Когда я с ней разговариваю, он корчит смешные рожи, но, по-моему, очень расстраивается. Женщины всегда это чувствуют. — Она коснулась его запястья и, несмотря на то что Долархайд был в темных очках, заметила, как что-то промелькнуло в его глазах. — Не принимайте все это близко к сердцу, мистер Долархайд. Я рада, что мы смогли поговорить.

— Я тоже, Эйлин.

Долархайд посмотрел ей вслед. На одной ноге, выше икры, виднелся засос. Он подумал, что вряд ли симпатичен Эйлин, да и всем остальным тоже.

В огромном проявочном цехе было прохладно и пахло химическими реактивами. Фрэнсис Долархайд проверил раствор в проявочном резервуаре А. Первостепенное значение имели температура и насыщенность раствора. Ежечасно через него проходили сотни метров любительских фильмов,

присланных со всей страны. Долархайд отвечал за всю цепочку операций проявления пленки, вплоть до просушки. Много раз в течение дня он вынимал пленки из проявочных резервуаров и просматривал их кадр за кадром. В огромной темной комнате было тихо и спокойно. Долархайд пресекал болтовню подчиненных на рабочем месте, общаясь с ними главным образом жестами.

Вечерняя смена закончилась, но он остался в проявочной, чтобы обработать и смонтировать свой собственный фильм.

Долархайд вернулся домой около десяти вечера. Он жил один в огромном доме, доставшемся ему от бабушки. Дом стоял в самом конце дороги, идущей через яблоневый сад к северу от Сент-Чарльза, что по другую сторону реки Миссури, если ехать из Сент-Луиса. За бесхозным садом никто не следил. Сухие, скрюченные деревья торчали среди молодых яблонек. Сейчас, в конце июля, над садом стоял запах прелых яблок. Днем множество пчел жужжало над деревьями. Ближайшие соседи жили в восьмистах метрах.

Возвращаясь, Долархайд всегда делал обход дома: несколько лет назад кто-то пытался залезть к нему. Он зажег свет во всех комнатах и осмотрелся. Пусть грабитель думает, что он не один.

Одежда бабушки и дедушки все еще висела в стенных шкафах, на туалетном столике лежали бабушкины расчески со спутанными волосами. Ее зубы покоились в стакане на прикроватной тумбочке. Вода из стакана уже давно испарилась. Бабушка умерла десять лет назад.

(Распорядитель на похоронах попросил его тогда: «Мистер Долархайд, не могли бы вы принести мне зубы вашей бабушки?» «Заколачивайте крышку», — ответил он.)

Убедившись, что в доме никого нет, Долархайд поднялся наверх, где долго принимал душ и мыл голову.

Затем облачился в кимоно из искусственного шелка и улегся на узкую кровать в комнате, которую ему отвели, когда он был еще ребенком. Фен у него был старый, еще бабушкин, со шлангом и колпаком. Он надел его и, пока волосы сушились, пролистал новый журнал мод. Некоторые фотографии носили явный отпечаток ненависти и жестокости.

Он почувствовал возбуждение. Повернув металлический абажур настольной лампы, он направил свет на репродукцию, висевшую на стене возле кровати. «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце» Уильяма Блей-

ка.[6] Когда-то картина ошеломила его с первого взгляда. Никогда раньше он не видел ничего, что так соответствовало бы образам, жившим внутри его. Казалось, Блейк заглянул через ухо в его сознание и увидел там Красного Дракона. Поначалу Долархайда не отпускал страх, когда он представлял, как его мысленные образы, светясь, выплывают у него из ушей. А вдруг их увидят в темноте проявочной? А вдруг они засветят пленки? Он заткнул уши ватными шариками. Потом, боясь, что простая вата может загореться, он попробовал использовать комочки металлической ваты. Но уши стали кровоточить. Тогда он отрезал немного асбестовой ткани с гладильной доски, скатал небольшие шарики-затычки.

Долгое время в жизни Долархайда ничего, кроме Красного Дракона, не было. Сейчас у него появилось кое-что еще: он стал ощущать начало эрекции.

Сегодня он хотел насладиться этим не спеша, но, увы, он не мог больше ждать.

Он быстро задернул тяжелые шторы на окнах

---

[6] Примечания: 6

Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт и график. Часто выражал свои взгляды философа-бунтаря в форме загадочно-символических «видений». Картина «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце» — символический образ из Откровения св. Иоанна Богослова, 12, 1–3.

комнаты в нижнем этаже. Повесил экран, установил проектор. Дедушка поставил в этой комнате откидное кресло, несмотря на протесты бабушки. (Она потом повесила на спинку какую-то вышитую накидку.) Теперь Долархайд на него нарадоваться не мог: кресло было очень удобное.

Он погасил свет, откинул спинку кресла, и скоро фантазии увлекли его прочь из этой темной комнаты. Закрепленная на потолке светоустановка, вращаясь, отбрасывала разноцветные блики на стены, пол и его кожу. Он представил себя летящим в ракете. За выпуклым стеклом кабины мелькали звезды. Закрыв глаза, он, казалось, ощущал, как яркие пятна света двигаются по его телу, а когда открывал их — разноцветные блики превращались в огни далеких городов, окружающих его со всех сторон. Не было больше ни верха, ни низа. Разогреваясь, светоустановка начинала вращаться быстрее, рисуя на мебели угловатые линии, проливаясь на стены метеоритным дождем. Долархайд представлял себя кометой, летящей через созвездие Рака.

Но одно место в комнате было укрыто от света. За светоустановкой он укрепил кусок картона так, чтобы блики не падали на киноэкран.

Когда-нибудь, но не сейчас, для усиления эф-

фекта он попробует покурить травку.

Долархайд включил проектор. На экране вспыхнул яркий прямоугольник света. Промелькнуло несколько черных полос, крестов и точек, и вот уже серый скотч-терьер навострил уши и понесся к двери кухни, пытаясь схватить зубами поводок.

Следующие кадры показывают, как собака бежит по тротуару, пытаясь на бегу куснуть себя за бок.

На кухню заходит миссис Лидс с пакетами зелени. Она смеется и проводит рукой по волосам. Сзади гурьбой вваливаются дети…

Следующие кадры сняты в спальне самого Долархайда. Освещение плохое. Он стоит обнаженный перед репродукцией «Большого красного дракона». На нем «боевые очки» — плотно прилегающая пластмассовая маска, как у хоккеистов. У него эрекция, он усиливает ее рукой.

Вот он приближается к камере, имитируя движения восточного танцора, изображение теряет резкость, рука регулирует фокусное расстояние, и лицо заполняет весь экран. Изображение на экране подпрыгивает и вдруг неожиданно замирает. Крупным планом его рот — обезображенный задранной верхней губой, просунутым

между зубами языком — и закатившийся глаз. И снова рот заполняет весь экран, излом оскала, губы смыкаются на объективе, и изображение гаснет.

Трудности при съемке следующей части были очевидны.

Камера прыгает в руках, нерезкое пятно света приобретает очертания кровати и корчащегося на ней мистера Лидса, Прикрывая глаза от света, миссис Лидс садится на постели, поворачивается к мужу и протягивает к нему руки, затем пытается перекатиться на край кровати и встать, но ноги запутываются в покрывале. Камера дергается в руках, и на экране появляется потолок, его лепнина крутится, как велосипедные спицы, потом изображение меняется, становится более устойчивым. Женщина лежит навзничь на матраце, по ночной рубашке расплывается темное пятно. Рядом ее муж с дико вытаращенными глазами сжимает рукой горло. Экран на секунду гаснет, затем в месте монтажной склейки промелькнула галочка, поставленная на пустом кадре.

Теперь камера устойчиво стоит на штативе. Все они уже мертвы и рассажены по местам: двое детей — у стены лицом к кровати, третий — в углу, лицом к камере, мистер и миссис Лидс — в

постели, укрытые одеялом. Мистер Лидс прислонен к спинке кровати, веревка, стягивающая грудь, не видна, голова свесилась набок.

Слева в кадре появляется Долархайд, двигаясь как индонезийский танцор. Он весь перепачкан кровью, на нем нет ничего, кроме маски и резиновых перчаток. Он гримасничает и прыгает среди трупов. Затем подходит к дальней стороне кровати, где лежит миссис Лидс, сдергивает одеяло и замирает в позе Христа, принимающего плат от Вероники.

Сейчас, сидя в гостиной бабушкиного дома, Долархайд весь покрылся потом. Он то и дело высовывает язык, шрам на верхней губе влажен, он постанывает, не давая ослабнуть возбуждению.

Но, даже находясь на самой вершине блаженства, ему немного неприятно смотреть последнюю сцену, где он, утратив всю грацию и элегантность движения, подобно свинье, роющей землю рылом, мельтешит задницей перед самой камерой. Никаких драматических пауз, никакого чувства ритма и пика наивысшего возбуждения, одна лишь животная страсть.

И все-таки замечательно получилось. Смотреть фильм — одно наслаждение. Хотя наяву все, конечно, намного сильнее.

Долархайд увидел в фильме два упущения. Первое — нет сцены смерти Лидсов, и второе — его собственное действо в конце оставляло желать лучшего. Куда подевались величие и достоинство, присущие Красному Дракону?

Ничего, это не последний фильм в его жизни. Набравшись опыта, он сможет добиться настоящего актерского мастерства даже в самых интимных сценах.

Он все преодолеет. Ведь это труд всей его жизни, величественное творение, которое будет жить в веках. Скоро поступят фильмы о семейных пикниках 4 июля,[7] и он подберет себе новый актерский состав. Конец лета всегда приносил уйму хлопот: люди тысячами возвращались из отпусков. Да еще День благодарения подбросит работенки.

Каждый день семьи со всей страны присылали ему заявки на участие в его фильмах.

---

[7] Примечания: 7

4 июля — День независимости США.

10

В салоне самолета, следующего рейсом Вашингтон — Бирмингем, было много свободных мест. Грэм расположился у иллюминатора, соседнее кресло оставалось пустым.

Он отказался от предложенного стюардессой неаппетитного сандвича и разложил на откидном столике материалы следствия по делу об убийстве семьи Джейкоби. Он заранее выписал данные, которые были общими для Джейкоби и Лидсов.

Обеим парам было под сорок. И те и другие имели детей — двух мальчиков и девочку. У Эдварда Джейкоби был еще один сын, от первого брака, который в день гибели семьи находился в общежитии при колледже.

Родители имели высшее образование, жили в двухэтажных домах в богатых районах. И миссис Джейкоби, и миссис Лидс были весьма привлекательны. Семьи пользовались одинаковыми кредитными карточками и выписывали одни и те же популярные журналы.

На этом сходство кончалось. Чарльз Лидс был

юристом, специализирующимся на налоговом законодательстве, Эдвард Джейкоби — инженером-металлургом. Лидсы были пресвитериане, Джейкоби — католики. Лидсы родились и жили в Атланте, Джейкоби переехали в Бирмингем из Детройта всего за три месяца до своей трагической гибели.

Слово «случайность» не переставало звучать в ушах у Грэма, как стук капель, падающих из подтекающего крана. «Случайный выбор жертв», «Отсутствие очевидных мотивов» — эти газетные клише полицейские детективы, расследующие убийства, повторяли не иначе, как матерясь.

Но слово «случайность» сейчас не годилось. Грэм знал, что убийцы такого типа жертвы наугад не выбирают.

Тот, кто убил Джейкоби и Лидсов, увидел в них нечто такое, что привлекло его, заставило сделать то, что он сделал. Он мог быть хорошо знаком с ними — Грэм надеялся на это, — но мог и вовсе не знать их. В одном он был уверен — убийца видел их до того, как принял решение расправиться с ними. Он выбрал их потому, что увидел в них что-то, и это что-то было связано с женщинами. Но что именно?

В самих преступлениях имелись некоторые

различия.

Эдвард Джейкоби был застрелен, когда спускался с фонариком по лестнице — скорее всего, его разбудил шум.

Миссис Джейкоби и дети убиты выстрелами в голову, миссис Лидс — в живот. Оружие в обоих случаях — девятимиллиметровый пистолет. В ранах обнаружены частицы металлической ваты из самодельного глушителя. На гильзах — никаких отпечатков пальцев.

От ножа погиб только Чарльз Лидс. Доктор Принси определил, что у ножа тонкое и очень острое лезвие, возможно, это филейный нож.

Способы проникновения в дом также различны. У Джейкоби он применил фомку, а у Лидсов — стеклорез.

Судя по фотографиям бирмингемской трагедии, там было меньше крови, чем в доме Лидсов. Но на стене в спальне, на высоте шестидесяти и сорока пяти сантиметров от пола, — кровавые пятна. Значит, в Бирмингеме убийца тоже рассаживал своих жертв. Полиция Бирмингема проверила отпечатки пальцев на телах, осматривая каждый квадратный сантиметр, включая ногти, но не обнаружила никаких следов. Если какие-то отпечатки вроде тех, что нашли на ребенке Лидсов,

и были пропущены, то с трупов, пролежавших в могиле в течение жаркого летнего месяца, уже ничего снять не возможно.

В обоих случаях на месте преступления были найдены те же белокурые волосы, та же слюна и сперма…

В салоне самолета стояла тишина.

Грэм установил фотографии двух улыбающихся семей на откидной столик и стал смотреть на них.

Что же все-таки привлекло убийцу именно к ним? Грэму хотелось верить в то, что жертв обязательно объединяет какая-нибудь черта и она скоро отыщется.

Если же нет… Тогда ему придется входить еще не в один дом и искать новые следы, которые оставит ему Зубастик.

Грэм получил инструкции городского управления полиции Бирмингема сразу же по прибытии в аэропорт и связался с ними по телефону. Кондиционер взятой напрокат малолитражки выплюнул ему на рубашку струю дождевой воды.

Первым делом Грэм поехал на Деннисон-авеню, в принадлежащую Джиэну контору по продаже недвижимости.

Джиэн, высокий лысый мужчина, поспешил к

двери, ступая по паласу бирюзового цвета, чтобы поприветствовать посетителя. Но стоило Грэму показать удостоверение и попросить ключ от дома Джейкоби, как улыбка с его лица сползла.

— Скажите, а там сегодня будут полицейские в форме? — спросил Джиэн, почесывая затылок.

— Не знаю.

— Дай бог, чтобы не было. Сегодня после обеда должны появиться два клиента. Дом-то красивый, что и говорить. Видя его, люди сразу забывают о других вариантах. В прошлый четверг была у меня одна пара, состоятельные пожилые люди, желающие переселиться сюда, на юг. Я повез их туда, довел до калитки, и мы уже начали торговаться, но тут, как назло, возьми да и появись патрульная машина. Мои клиенты что-то у них спросили, те ответили. Ну, слово за слово. В общем, эти полицейские им целую экскурсию по дому устроили, не поленились показать, кто где лежал. И все, будь здоров, Джиэн, очень тебе признательны. Я попытался показать им, какой системой безопасности мы снабдили дом, так они даже и слушать не стали. Залезли в машину, и только я их и видел.

— А одинокие мужчины не приходили посмотреть дом?

— Вроде нет. Правда, другой агент тоже может привести своего клиента посмотреть мой дом, а при продаже получит свой процент. Полиция долго не разрешала делать внутренний ремонт. Вот только во вторник закончили. В два слоя пришлось красить, а кое-где и в три. А снаружи все никак закончить не можем. Но дом будет, я вам доложу, — конфетка!

— Но вы ведь все равно не сможете его продать, пока не появится официально утвержденное имущественное завещание?

— Полностью оформить сделку, конечно, пока нельзя, но все подготовить я могу. В конце концов, можно въехать туда и на основании договора о намерениях. Надо ведь что-то делать. В моем положении приходится как-то крутиться. Бумаги на дом сейчас у другого агента. Процент отдавать не хочется. В общем, я об этом доме не могу забыть даже во сне.

— Кто является душеприказчиком мистера Джейкоби?

— Байрон Меткаф из фирмы «Меткаф и Барнз». Сколько вы собираетесь там пробыть?

— Не знаю. Пока не закончу.

— Можете потом опустить ключ в почтовый ящик. Чтобы не возвращаться сюда.

Дом Джейкоби стоял у самой границы стремительно расширяющегося в последнее время города. Чтобы отыскать поворот на нужную дорогу, пришлось останавливаться на обочине автострады и сверяться с картой. Грэм ехал, не испытывая особого энтузиазма — след явно остыл.

Убийство произошло больше месяца назад. Что же он сам делал в это время? Устанавливал два дизельных двигателя на двадцатиметровую яхту, сигналя сидящему на кране Арьяге. Ближе к вечеру приходила Молли, и они втроем усаживались на корме почти готового судна перекусить. Ели принесенных Молли крупных креветок, запивая холодным пивом. Арьяга объяснял, как лучше чистить лангуста, рисуя пальцем на опилках, которыми была усыпана палуба, а солнечный свет, отражаясь от воды, играл на крыльях кружащихся над морем чаек.

Вода из кондиционера снова брызнула на рубашку, и Грэм снова оказался в Бирмингеме, вдали от креветок и белых чаек. Справа от дороги простирались лесистые участки и обширные луга, на которых паслись козы и лошади. Слева раскинулся Стоунбридж, хорошо обжитой район с несколькими элегантными домами и первоклассными особняками богачей.

Табличка с надписью «Продается» была видна за сотню метров. Дом Джейкоби одиноко стоял по правую сторону от дороги. Мелкие камешки застучали по крыльям машины — гравий, по которому он ехал, был местами липким от живицы, капающей с ореховых деревьев, стоявших вдоль дороги. Плотник, взобравшись на лестницу, устанавливал на окно решетку. Заметив обходящего дом Грэма, он приветственно махнул ему рукой.

Мощенный плитами внутренний дворик утопал в тени могучего дуба. Должно быть, ночью крона дерева заслоняет его от света уличного фонаря. Здесь, через стеклянную раздвижную дверь, и проник в дом незваный гость. Теперь она была уже заменена на новую, с блестящей на солнце алюминиевой рамой, на которой еще виднелись кое-где заводские наклейки. Перед новой дверью была вделана кованая решетка. Новая стальная дверь цокольного этажа, установленная заподлицо со стеной, закрывалась на засовы с защелками. В деревянных ящиках на каменных плитах двора ждала своего часа сантехника для ванной комнаты.

Грэм вошел внутрь. Голые полы и запах нежилого помещения. Шаги гулким эхом разносились по всему дому. В новых зеркалах в ванной никогда

не отражались лица ни Джейкоби, ни убийцы. На них еще сохранились белые обрывки ценников. В углу самой большой спальни маляры оставили, свернув в рулон, заляпанную высохшей краской бумагу, которой застилали во время работы полы. Грэм просидел на рулоне довольно долго, пока квадрат солнечного света, проникающего через голое окно, не отполз от него на ширину одной половой доски.

Нет, здесь ничего не было. Уже ничего.

Если бы он приехал сюда сразу же после смерти Джейкоби, быть может, Лидсы были бы еще живы? Внезапно Грэм ощутил всю непосильную тяжесть, которую ему предстояло нести.

Он вышел из дома. Небо было голубое, ни облачка. Но легкости он не почувствовал.

Опустив плечи и засунув руки в карманы, Грэм стоял в тени орехового дерева у калитки и молча смотрел на подъездную дорогу, ведущую к основной, проходящей перед домом Джейкоби.

Как же Зубастик подобрался к дому Джейкоби? Сюда он мог приехать только на машине. Где он ее оставил? Может, подкатил по засыпанной гравием подъездной дороге прямо к калитке? Нет, слишком шумно. Хотя полиция Бирмингема так не считала.

Грэм не спеша направился к асфальтовой дороге. Вдоль обочины, насколько видел глаз, тянулся кювет. Если почва сухая и твердая, то вполне можно, переехав кювет, загнать машину в кусты со стороны дома Джейкоби. Через дорогу, напротив дома Джейкоби, был единственный въезд в Стоунбридж. Дорожный указатель предупреждал, что район охраняет частная патрульная служба. Там вполне могли заметить незнакомую машину. Да и человека, одиноко гуляющего поздно ночью. Итак, Стоунбридж исключается.

Грэм вернулся в дом и с удивлением обнаружил, что телефон работает. Позвонив в метеорологическую службу, он узнал, что за день до убийства Джейкоби шел сильный дождь. Значит, кюветы были заполнены водой и Зубастик вряд ли смог съехать с дороги и оставить машину в кустах.

Грэм зашагал вдоль свежевыкрашенного забора в глубь участка Джекоби. На соседнем участке он увидел пасущуюся лошадь. Обойдя хозяйственные постройки, он остановился, увидев в земле яму, в которой был похоронен кот. Размышляя об этом эпизоде в управлении, он почему-то представлял себе, что все дворовые постройки белого цвета. На самом же деле они были темно-зелеными. Дети завернули кота в посудное

полотенце и похоронили в коробке из-под обуви, вложив между лапок цветок.

Грэм облокотился на забор и закрыл лицо руками.

Похороны домашнего любимца, печальный ритуал детства. Родители возвращаются в дом, не зная, уместна ли тут молитва. Дети беспокойно поглядывают то друг на друга, то на могилку, где покоится дорогое им существо. Девочка первой склоняет голову, за ней — братья. Они роют землю лопатой, которая больше самого высокого из них. Затем начинают спорить, попадет ли кот на небеса.

Стоя у забора под жаркими лучами летнего солнца, Грэм мысленно представлял себе эту сцену. Внезапно к нему пришла догадка, переросшая в уверенность. Убив кота, Зубастик не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за его похоронами. Такое зрелище он пропустить не мог.

Вряд ли он приезжал сюда дважды: сначала для того, чтобы убить кота, а затем — покончить с Джейкоби. Он пришел, убил кота и подождал, пока дети найдут его.

Где дети нашли мертвого кота, сейчас уже не узнать. Полиции не удалось отыскать никого, кто

разговаривал бы с Джейкоби после ланча.

Какой дорогой приехал сюда Зубастик? Где прятался?

За задним забором начинались густые заросли кустарника, тянувшегося метров на тридцать, до самого леса. Грэм достал из кармана карту и разложил ее на заборе. Непрерывная полоса леса шириной метров четыреста тянулась от дома Джейкоби в обоих направлениях. За лесом шла грунтовая дорога, параллельная той, что проходила напротив дома Джейкоби.

Грэм отъехал от дома и вырулил на шоссе, измеряя расстояние по спидометру. Свернув на юг, он промчался по автостраде и наконец добрался до грунтовой дороги, указанной на карте. Снизил скорость и проехал до места, которое, судя по спидометру, находилось точно за домом Джейкоби по другую сторону леса.

Здесь дорожное покрытие заканчивалось и начинались новые постройки, еще не обозначенные на карте. Грэм втиснулся на автостоянку. Большинство автомобилей на ней были старыми, с просевшими рессорами. Две машины стояли на деревянных колодках.

Чернокожие мальчишки играли в баскетбол, прыгая вокруг единственного кольца без сетки.

На минуту Грэм оперся на крыло своей машины, наблюдая за их сражением.

Он хотел было снять пиджак, но вовремя вспомнил о пистолете и фотоаппарате, которые наверняка привлекут внимание. Он всегда смущался, когда рассматривали его оружие.

В команде тех, кто играл в рубашках, было десять игроков, без рубашек — одиннадцать. Все играли одновременно, беспрекословно повинуясь знакам арбитра.

Вытолкнутый из игры полуголый мальчишка, скрывая досаду, прошествовал домой.

Но вскоре, подкрепившись булочкой, он вернулся и снова нырнул в общую кучу. Веселый детский визг и глухой звук ударов мяча о щит слегка улучшили настроение Грэма.

Одно баскетбольное кольцо, один мяч. Грэм снова вспомнил, как много вещей было у Лидсов. Судя по отчетам полиции Бирмингема, вначале классифицировавшей преступление как ночную кражу со взломом, Джейкоби тоже не были бедняками. Лодки, спортивное и туристское снаряжение, кинокамеры, ружья, спиннинги. Еще одно сходство двух семей.

Но, представив себе Лидсов и Джейкоби живыми, он сразу же вспомнил, как они выглядели

потом, и после этого Грэм уже не мог смотреть на играющих в баскетбол детей. Он глубоко вздохнул и направился к лесу за дорогой. Перед соснами рос частый кустарник. Под густым темным покровом деревьев он редел, и вскоре Грэм уже свободно зашагал по легко пружинящим под ногами сосновым иголкам.

Воздух в сосновом бору был теплым и неподвижным. Голубые сойки на деревьях оповещали лес о его вторжении.

Грэм медленно спустился до русла давно пересохшего ручья, где росло несколько кипарисов и где на красноватой глине отпечатались следы енотов и полевых мышей. А вот и несколько глубоких следов детских и взрослых ног. Они опали и деформировались — видимо, прошедшие дожди хорошо потрудились над ними.

За руслом пришлось подниматься вверх по песчаному суглинку, пробираясь среди густых папоротников, растущих под соснами. Было очень жарко. Грэм с трудом лез вверх и наконец увидел проблески света между деревьями. Лес кончался. Вскоре между стволами показался верхний этаж дома Джейкоби.

Вот и подлесок в рост человека, тянущийся от края леса до самого забора. Грэм с трудом про-

дрался сквозь кусты до самого забора.

Зубастик мог также оставить машину у строящихся зданий и пройти через лес к кустам за домом. Потом заманить в заросли кота, придушить его, глядя, как бессильно повисает маленькое тельце в руке. Зубастик, видимо, подполз на коленях к забору, опираясь на свободную руку. Грэм представил, как, описав дугу, мертвое тело пролетает над забором, заканчивая свой последний прыжок не на все четыре лапы, а громко шмякнувшись спиной о землю во дворе.

Зубастик проделал все это днем — дети не смогли бы найти и похоронить кота ночью. Потом остался посмотреть, как ребятишки найдут животное. Провел ли Зубастик весь остаток дня в кустарнике под палящим солнцем? Ведь его вполне могли заметить через забор обитатели дома. Если бы он просто отошел подальше, чтобы видеть, что делается во дворе, ему пришлось бы вытянуться в полный рост лицом к окнам, прямо на освещенном солнцем месте. Нет, он должен был вернуться в лес. Грэм сделал то же самое.

В полиции Бирмингема не дураки работают. Само собой, они вдоль и поперек прочесали кустарник, обыскивая местность. Но это было до того, как нашли кота. Они искали улики, об-

роненные предметы, следы, но вовсе не пункт наблюдения убийцы.

Грэм вошел в лес и, очутившись в тени деревьев, которую пронизывали лучи солнца, начал поиски. Прошло больше часа, прежде чем его взгляд привлекло какое-то тусклое мерцание на земле между деревьями. Он потерял его из виду, затем снова нашел. Это было колечко-ушко от жестянки из-под пива или кока-колы, полузасыпанное листьями под вязом, одним из немногих в сосновом бору.

Грэм разглядел колечко метрах в двух с половиной от себя и не подходил к нему минут пять, пока пристально не осмотрел землю вокруг дерева. Присев на корточки, он осторожно двинулся вперед, отгребая перед собой листья в сторону, пока не добрался до вяза, переваливаясь, как утка, по этой созданной им тропинке. Затем не спеша очистил пространство вокруг ствола. Но и на прошлогоднем слое листьев не отпечаталось ни одного следа.

Рядом с алюминиевым ушком Грэм отыскал высохший огрызок яблока, весь изъеденный муравьями. Птицы выклевали из него семечки. Грэм еще минут десять изучал почву. Наконец он тяжело опустился на землю, прислонился спиной

к дереву и вытянул гудевшие ноги.

В солнечном луче роились мошки. По листу проползла гусеница.

На суку чуть выше его головы виднелся высохший комок грязи, сохранивший узор подошвы ботинка. Глина из пересохшего русла ручья.

Грэм повесил пиджак на ветку и стал осторожно взбираться на дерево по противоположной стороне ствола, внимательно изучая кору выше грязного отпечатка. Поднявшись метров на девять, он огляделся. Метрах в пятидесяти виднелся дом Джейкоби. С этой точки он смотрелся совершенно по-другому, особенно выделялась яркая крыша. Грэм прекрасно видел задний двор и участок за хозяйственными постройками. С помощью хорошего полевого бинокля с такого расстояния легко можно рассмотреть даже выражения лиц. Вдали Грэм различил шум машины, а где-то совсем далеко лаяла собака. Затянула свою монотонную трель цикада, заглушая остальные звуки.

Толстый сук над его головой рос точно в направлении дома Джейкоби. Грэм подтянулся на руках, прижался к стволу и выглянул из-за дерева.

Рядом с его щекой торчала засунутая между суком и стволом жестяная банка.

— Слава тебе, господи, — прошептал Грэм. — Иди-ка сюда, баночка.

Но ее мог оставить здесь и ребенок.

Грэм взобрался повыше со своей стороны ствола, осторожно становясь на тонкие ветки. Рискуя сорваться, перебрался на другую сторону и взглянул сверху вниз на большой сук. На его верхней стороне был снят небольшой участок коры. В центре зеленого прямоугольника размером с игральную карту Грэм увидел вырезанный на дереве какой-то знак.

Вырезано аккуратно и чисто, очень острым ножом. Нет, это не мог сделать ребенок.

Грэм сфотографировал знак несколько раз с разными выдержками.

Вид с большого сука был довольно неплохим, преступник же его еще улучшил, слегка подрезав, а затем сломав ветку, заслонявшую обзор.

Грэм поискал ветку глазами. Если бы она упала на землю, он бы ее увидел раньше. Она запуталась в кроне, высохшие коричневые листья хорошо выделялись на общем зеленом фоне.

Чтобы измерить угол заточки и давление лезвия, лаборатории понадобятся оба среза. Значит, нужно будет снова возвращаться сюда с ножовкой. Грэм сделал несколько снимков сучка, что-то

тихо бормоча себе под нос.

«Значит, задушив кота и бросив труп во двор, ты забрался сюда и ждал. Понаблюдал за детьми и провел остаток дня, строгая дерево и мечтая. Когда наступила ночь, ты видел в освещенных окнах, как они ходят, как задергивают занавески и гасят в комнатах свет. Ты еще немного подождал, а затем спустился с дерева и пошел к ним. Правильно? Поди, тяжко слезать с дерева при ярком свете полной луны, да еще и фонариком себе подсвечивая?»

Спускаться вниз с такой высоты было нелегко. Грэм подцепил жестянку веточкой, осторожно освободил ее и полез вниз, держа веточку с банкой в зубах.

Вернувшись на автостоянку, Грэм увидел, что на пыльном боку его машины красуется выведенная пальцем надпись: «Левон — дуралей». Высота надписи позволяла сделать заключение, что даже самые юные аборигены овладели грамотой.

Интересно, оставили ли они свои автографы и на машине Зубастика?

Грэм забрался на сиденье и несколько минут сидел, задумчиво разглядывая окна новостроек. Домов здесь было, наверное, не меньше ста. Быть может, поздно ночью кто-то видел незнакомого

блондина на автостоянке. Прошло уже больше месяца, но попробовать все равно стоит. Чтобы быстро опросить всех местных жителей, потребуется помощь полиции Бирмингема.

Грэм испытывал искушение отослать пустую жестянку прямо Джимми Прайсу в Вашингтон. Но ему ведь придется просить помощи у полиции Бирмингема. Поэтому лучше передать находку им. Снять с банки отпечатки пальцев — дело нехитрое. Совсем другое — обнаружить их по остаткам едкого пота на металле. Если жестянки не касаться голыми руками, Прайс сможет проделать это и после того, как над банкой поработают в Бирмингеме. Да, лучше отнести ее в полицию.

Он знал, что в ФБР набросятся на снимки таинственного знака, как голодные волки. Фотографий он сделал достаточно, ничего не пропустил.

Из дома Джейкоби Грэм позвонил в управление полиции Бирмингема. Детективы прибыли как раз в тот момент, когда Джиэн сватал дом очередным клиентам.

11

Войдя в кафетерий, Долархайд увидел там Эйлин. Перед ней лежала газета «Нэшнл тэтлер». Девушка уже прочитала заметку «Мусор в хлебе!», поэтому, видимо, съела только начинку купленного бутерброда, оставив хлеб на тарелке. Скрытые за красными стеклами очков глаза Долархайда пробежали сверху вниз первую страницу. Заголовки «Мусор в хлебе!», «Тайное любовное гнездышко Элвиса», «Рак побежден!» и огромная кричащая строка «Ганнибал-Каннибал помогает стражам закона. Полиция советуется с безумным чудовищем по поводу убийств Зубастика».

Стоя у окна, Долархайд с отсутствующим видом потягивал кофе, пока не услышал, что Эйлин встала из-за стола. Она сунула одноразовый поднос в мусорный контейнер и уже собралась было проделать то же самое и с газетой, как Долархайд тронул ее за плечо:

— Эйлин, можно взять почитать?

— Конечно, мистер Долархайд, только ради гороскопа и купила.

Долархайд вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и развернул газету. На центральном развороте он нашел две статьи, подписанные Фредди Лаундсом. Большая представляла собой захватывающее повествование об убийствах двух семейств: Джейкоби и Лидсов. Так и не получив от полиции конкретных деталей, Лаундс сдабривал свой рассказ леденящими кровь подробностями, созданными собственным воображением.

Долархайду они показались начисто лишенными оригинальности. Однако боковая колонка была поинтереснее.

> Фредди Лаундс: Полицейский, расследующий серию убийств, просит совета у маньяка, который когда-то пытался убить его самого.
>
> Чесапикская больница для невменяемых преступников. Оказавшись в тупике, сыщики из ФБР, брошенные на поиск Зубастика — убийцы-психопата, расправившегося с двумя семьями в Бирмингеме и Атланте, — обратились за помощью к самому кровожадному злодею, находящемуся сейчас в заключении.
>
> На этой неделе Уильям (Уилл) Грэм по-

сетил круглосуточно охраняемую камеру, в которой под строжайшим надзором содержится доктор Ганнибал Лектер, о чьих кровавых преступлениях, поражающих своей жестокостью, мы рассказывали нашим читателям три года назад.

Тогда Грэм, разоблачив маньяка, чуть было сам не погиб от его руки.

И вот недавно полицейский снова вернулся в строй после временной отставки, чтобы принять участие в охоте на Зубастика.

О чем же говорили на этой странной встрече два непримиримых врага? Зачем туда ходил Грэм?

— Клин клином вышибают, — заявил нашему корреспонденту один из высокопоставленных чиновников ФБР, по-видимому имея в виду Лектера, известного под именем Ганнибал-Каннибал психиатра-убийцу.

А может, он имел в виду Грэма?

«Тэтлер» выяснила, что Грэм, преподаватель судебной медицины Школы ФБР

в Квонтико,[8] штат Виргиния, однажды был помещен в психиатрическую лечебницу, где провел четыре недели…

Официальные лица ФБР отказались ответить на вопрос, почему человек с психиатрическим диагнозом возглавляет отчаянную охоту за убийцей.

К сожалению, причину пребывания Уилла Грэма в психиатрической клинике нам не раскрыли, но один бывший медицинский работник охарактеризовал ее как глубокую депрессию.

Гарман Эвантс, бывший санитар психиатрического отделения Военно-морского госпиталя в Бетесде, заявил, что Грэм попал к ним вскоре после того, как убил Гэррета Джекоба Хоббса — Миннесотского Волка. Грэм застрелил Хоббса в 1975 году, положив таким образом конец цепочке убийств, державших в течение восьми месяцев в страхе жителей Миннеаполиса.

Эвантс припомнил, что Грэм тогда полностью замкнулся в себе. В течение

[8] Примечания: 8

В Квонтико находится учебный центр для сотрудников ФБР и некоторых других федеральных служб США.

первых недель пребывания в госпитале он отказывался от пищи и не разговаривал.

Грэм никогда не являлся агентом ФБР, поскольку, как свидетельствуют бывшие сотрудники Бюро, все кандидаты при приеме на работу проходят строжайшую проверку в целях выявления психической нестабильности.

Федеральные источники лишь сообщили, что Грэм работал в криминалистической лаборатории ФБР и был направлен на преподавательскую работу в Школу ФБР, видимо, для передачи курсантам опыта, накопленного за время службы как в самой лаборатории, так и на оперативной работе следователя по особо важным делам.

«Тэтлер» установила, что до службы в ФБР Грэм работал в отделе убийств полицейского управления Нового Орлеана, откуда был направлен в аспирантуру на кафедру судебной медицины в Университете Джорджа Вашингтона.

Один из сослуживцев Грэма по Новому Орлеану пояснил нам: «Вы можете счи-

тать, что он в отставке, но фэбээровцам удобно всегда иметь его в резерве. Представьте, что у вас где-то в доме живет мангуст. Вы можете даже никогда не увидеть его, но приятно осознавать, что он где-то рядом, всегда готовый вцепиться в заползшую во двор змею».

Доктору Лектеру суждено остаток жизни провести за решеткой. Если когда-либо его объявят вменяемым, то ему придется предстать перед судом по обвинению в девяти предумышленных убийствах с отягчающими обстоятельствами.

Адвокат Лектера сообщил, что убийца проводит время, работая над статьями, представляющими немалый интерес для научных кругов, и поддерживая активную переписку с некоторыми из самых крупных фигур в мире психиатрии.

Долархайд, оторвавшись от статьи, взглянул на фотографии, иллюстрировавшие текст. Одна из них изображала Лектера, прижатого к полицейской машине во время ареста. На втором снимке, сделанном Фредди Лаундсом, — Уилл Грэм у Чесапикской больницы для невменяемых преступников. Возле названия каждой статьи

помещался небольшой портрет самого Лаундса.

Долархайд долго рассматривал снимки, медленно водя указательным пальцем взад и вперед по грубой газетной бумаге. На пальце остался черный след типографской краски. Он лизнул его и вытер бумажной салфеткой. Затем, вырезав статью о Грэме, он сунул ее в карман.

По пути с работы домой Долархайд купил растворяющуюся туалетную бумагу, которой пользуются яхтсмены и туристы, и ингалятор для носа.

У него был приступ сенной лихорадки, но настроения это не портило. Он, как и большинство людей, перенесших обширную ринопластику,[9] не имел растительности в носу и часто страдал от заболеваний дыхательных путей.

Когда застрявший грузовик десять минут не позволял ему съехать на мост через Миссури, Долархайд не проявил ни капли нетерпения. Пол в его черном фургоне был устлан ковриками, внутри царили прохлада и тишина. Из стереомагнитофона струилась музыка Генделя.

Он барабанил пальцами по рулю, изредка ощупывая воспалившийся нос.

---

[9] Примечания: 9
Пластическая операция по изменению или исправлению формы носа.

Рядом с его фургоном в автомобиле с открытым верхом скучали две женщины. Обе были в шортах и блузках, завязанных узлом под грудью. Долархайд взглянул на них сверху. Женщины устало щурились под лучами заходящего солнца. Та, что сидела на пассажирском сиденье, откинулась в кресле и положила ноги на панель, изогнувшись так, что на животе образовались две толстые складки. На внутренней стороне бедра Долархайд разглядел засос. Она заметила его пристальный взгляд, быстро уселась прямо и закинула ногу на ногу. На ее лице отразились утомление и раздражение.

Вот она что-то шепнула подруге, и обе при этом стали смотреть прямо перед собой. Долархайд понял, что они говорили о нем. Он с удовольствием отметил, что это его нисколько не разозлило. Теперь разозлить его было уже трудно: у него появилось приличествующее его роли неторопливое достоинство.

Музыка приятно ласкала слух.

Машины впереди его фургона тронулись с места. Соседний ряд еще стоял. Долархайду не терпелось поскорее попасть домой. Барабаня в такт музыке по рулю, он опустил стекло и, отхаркавшись, выплюнул зеленоватую мокроту прямо

на живот сидящей в открытой машине женщины. Он тронулся с места, едва различая сквозь музыку Генделя ее тонкий, визгливый голос…

Огромному альбому Долархайда было по меньшей мере сто лет. Обтянутый черной кожей, с латунными уголками, он был настолько тяжел, что лежал на прочной подставке в запертом стенном шкафу на верхней полке. В ту самую минуту, когда Долархайд увидел его на распродаже имущества одной старой издательской компании Сент-Луиса, он понял: альбом должен быть его.

Приняв душ и облачившись в кимоно, Долархайд открыл стенной шкаф и выдвинул подставку наружу. Разместив альбом строго под Большим Красным Драконом, он удобно расположился в кресле и открыл его. Долархайд почувствовал запах старой, покрытой бурыми пятнами бумаги.

Через всю первую страницу его собственной рукой были выведены крупными буквами слова из Откровения св. Иоанна Богослова: «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон…»

Первый раздел альбома был оформлен не совсем аккуратно. Между страницами лежала пожелтевшая фотография Долархайда — маленького мальчика, стоящего рядом с бабушкой на

ступенях огромного дома. Он держится за бабушкину юбку. Руки бабушки сложены на груди, спина прямая.

Долархайд перевернул страницу, стараясь не замечать фотографию, словно она попала сюда по ошибке.

Альбом пестрел множеством газетных вырезок, самые ранние — об исчезновениях пожилых женщин в Сент-Луисе и Толедо. Под вырезками — надписи, сделанные самим Долархайдом. Черные чернила, красивый каллиграфический почерк, похожий на руку самого Уильяма Блейка.

Прикрепленные на полях неровные кусочки кожи, срезанные с головы, волокли за собой хвосты волос, подобно кометам, спрессованным в альбоме самого Бога.

Здесь же вырезки о семье Джейкоби из Бирмингема вместе с кадрами из кинопленки и слайдами в наклеенных на страницы кармашках.

А вот статья о Лидсах и отпечатки кадров из фильма, отснятого им самим.

Кличка Зубастик стала появляться после Атланты. Она была аккуратно вычеркнута из всех статей о Лидсах.

Сейчас Долархайд проделал то же самое и с вырезкой из «Тэтлер», гневно замазав слово «Зу-

бастик» красным фломастером.

Он открыл чистую страницу альбома и, взяв ножницы, обрезал статью из «Тэтлер» под размер листа. Стоит ли помещать в альбом фотографию Грэма?

Слова «невменяемых преступников», высеченные на каменной табличке над головой следователя, раздражали Долархайда. Ему было неприятно смотреть на любое место заключения. Лицо Грэма ни о чем не говорило ему. Он отложил снимок в сторону. На время.

Теперь Лектер… Лектер. Это, конечно, не самая красивая фотография доктора. У Долархайда имелся снимок получше. Он встал и вытащил его из коробки в стенном шкафу. На фотографии, опубликованной после того, как Лектера поместили в больницу, прекрасно вышли глаза. Но и этот снимок чем-то его не устраивал. По его мнению, характер Лектера можно передать, лишь написав его портрет темными, холодных оттенков красками, изобразив его итальянским князем эпохи Возрождения. Ведь только Лектер обладал достаточным опытом и проницательностью, чтобы увидеть триумф и величие Пришествия Долархайда.

Он чувствовал, что Лектер понимает всю ир-

реальность людей, смерть которых призвана ускорить Пришествие Дракона. Что они вовсе не плоть, но свет, воздух, цветовые пятна и мимолетные звуки, мгновенно исчезающие, когда он изменяет их. Как лопающиеся воздушные шарики. Они не понимают, что намного важнее служить материалом для изменения, нежели продолжать жить, чего они так страстно желают, моля о пощаде.

Долархайд сносил их вопли, как скульптор терпит гранитную пыль, летящую во время работы с камнем.

Да, Лектер в состоянии понять, что кровь и воздух, именуемый дыханием живых, — простые химические вещества, которые, изменяясь, обеспечивают сияние его Славы. Подобно тому, как горение является источником света.

Долархайду хотелось бы встретиться с Лектером, поговорить, поделиться мыслями, порадоваться вместе с ним их общей мечте. Хотелось, чтобы Лектер признал его, подобно тому, как Иоанн Креститель признал когда-то Мессию; хотелось подмять его под себя, как Дракон попирает 666 на акварели Блейка, и запечатлеть на кинопленке, как, умирая и растворяясь, Лектер перейдет в силу Дракона.

Долархайд натянул новую пару резиновых перчаток и подошел к письменному столу. Сорвав обертку с только что купленной туалетной бумаги, он отмотал от рулона длинную полоску.

Старательно выводя печатные буквы левой рукой, он стал писать письмо Лектеру. Речь редко служит показателем того, как человек умеет излагать свои мысли на бумаге. Из-за существующих и мнимых дефектов Долархайд говорил скованно и упрощенно, но разница между разговором и письмом была просто поразительной. И все же он обнаружил, что так и не смог высказать в письме свои самые сокровенные чувства.

Он хотел бы получить ответ от Лектера. Ему требовался живой отклик, прежде чем он сможет довериться доктору Лектеру.

Как же это организовать? Порывшись в коробке с вырезками, Долархайд еще раз перечитал все, что было посвящено Лектеру.

Внезапно его осенило, и он снова взялся за перо.

Перечитав письмо, он оценил его слог как слишком скромный, неуверенный. Подпись гласила: «Пламенный Поклонник».

Долархайд обдумывал ее в течение нескольких минут.

И в самом деле пламенный поклонник. Он гордо поднял голову.

Долархайд сунул в рот большой палец, снял зубные протезы и положил их на промокательную бумагу.

Верхняя пластинка была необычной. Зубы, правда, нормальные — белые, ровные, но верхняя часть, выполненная из розового акрила, искривлена, чтобы точно соответствовать изгибам и выемкам на деснах. К пластинке крепился мягкий пластиковый обтуратор, закрывающий небо при разговоре.

Он взял со стола небольшой футляр, в котором лежала еще одна пара протезов. Верхний ряд точно такой же, но без обтуратора. Зубы были стертые, с темными пятнами и испускали едва уловимое зловоние.

Это была точная копия бабушкиных зубов, покоившихся в стакане на прикроватной тумбочке.

Ноздри Долархайда раздулись, втягивая запах. Он растянул губы в страшной ухмылке, вставил себе протезы и облизнул их.

Сложив письмо в том месте, где стояла подпись, он с силой надкусил его. Когда он снова развернул письмо, подпись была окружена овальным

укусом. Его гербовой печатью, знаком власти, помеченным старой, запекшейся кровью.

12

В пять часов вечера адвокат Байрон Меткаф снял галстук, налил себе виски и уселся, положив ноги на письменный стол.

— Точно не хотите выпить? — спросил он.

— В другой раз.

Вспотевший Грэм был благодарен, что Меткаф включил кондиционер. Двумя пальцами он снял с манжеты прицепившуюся на улице колючку.

— Честно говоря, я не очень-то хорошо знал Джейкоби, — начал адвокат. — Они прожили здесь всего три месяца. Правда, несколько раз мы с женой приходили к ним выпить. Эд Джейкоби как-то зашел ко мне составить новое завещание. Сразу же после того, как перевелся сюда. Так мы и познакомились.

— И вы являетесь его душеприказчиком?

— Да. Правда, сначала душеприказчиком, согласно завещанию, назначалась его жена. Если же она заболеет или окажется недееспособной, тогда эта обязанность переходит ко мне. В Филадельфии у него есть брат, но, по-моему, они не очень-то ладили друг с другом.

— Вы работали помощником прокурора округа?

— Да, с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого по семьдесят второй. А в семьдесят втором баллотировался на пост прокурора. Правда, проиграл выборы. Но сейчас не жалею.

— Как вы оцениваете то, что здесь произошло, мистер Меткаф?

— Знаете, первое, что пришло мне в голову, — это убийство Джозефа Яблонского, профсоюзного лидера.

Грэм кивнул.

— Преступление с мотивом, там была замешана борьба за власть, убийство обставили как нападение сумасшедшего. Мы просеяли все бумаги Эда Джейкоби, так сказать, сквозь мелкое сито — я и Джерри Эстридж из окружной прокуратуры. Ничего. Никому не было никакой выгоды от смерти Эда Джейкоби. Он имел хороший доход: приличное жалованье плюс гонорары за патенты, но он сразу все тратил, не откладывая. Все имущество должно было отойти жене, кроме небольшого земельного участка в Калифорнии, наследуемого детьми и их потомками без права отчуждения. Да еще три года будет оплачиваться учеба сына Эда от первого брака, студента колледжа, един-

ственного, кто выжил. Правда, я не уверен, что за это время он одолеет и первый курс.

— Это Найлз Джейкоби?

— Да. Ну и попортил же он крови отцу! Жил с матерью в Калифорнии. Попал в колонию за кражу. Мне кажется, его мамаша — довольно легкомысленная особа. В прошлом году Эд ездил туда повидаться с ним. Потом забрал парня в Бирмингем и определил в колледж. Хотел, чтобы мальчишка жил дома, но тот плохо влиял на младших детей, а это не очень-то приятно. Миссис Джейкоби терпела-терпела, а потом… в общем, пришлось переселяться парню в общежитие при колледже.

— Где он тогда был?

— В ночь на двадцать восьмое июня? — Меткаф взглянул на Грэма. — Полиция тоже подозревала его. Но он ходил в кино, а потом вернулся в общежитие. Все проверено. К тому же у него другая группа крови… Мистер Грэм, через полчаса мне нужно заехать за женой. Если не возражаете, мы могли бы продолжить наш разговор завтра. Скажите только, чем я могу быть вам полезен.

— Мне хотелось бы взглянуть на личные вещи Джейкоби. Дневники, фотографии и тому подобное.

— От них осталось не так уж и много — почти все сгорело во время пожара в Детройте, перед тем как они переехали сюда. Нет-нет, ничего подозрительного. Эд занимался в подвале сварочными работами, искры попали на хранившуюся там краску, и дом вспыхнул как спичка. Да, есть несколько личных писем. Я храню их в сейфе вместе с ценными вещами. А вот дневников вроде нет. Все остальное находится в хранилище. Кое-какие фотографии могут быть у Найлза, хотя вряд ли. Знаете что, завтра утром к половине десятого я еду в суд и мог бы подбросить вас в банк. Посмотрите все, что вам нужно, а потом я заеду за вами.

— Прекрасно, — согласился Грэм. — И еще. Мне могут понадобиться копии всего, что связано с официальным утверждением завещания: иски по недвижимости, имущественные споры, переписка. Я бы хотел иметь на руках все документы.

— Мне уже прислали запрос из окружной прокуратуры. Думаю, хотят сравнить с завещанием Лидсов из Атланты.

— И все же, если не возражаете, я бы тоже хотел их получить. Для себя лично.

— Ладно, будут вам копии, — улыбнулся Меткаф. — Кстати, надеюсь, вы не думаете, что их

убили из-за денег?

— Нет. Просто надеюсь, что здесь и в Атланте всплывет какое-нибудь одно и то же имя.

— Хорошо бы.

Студенческий городок колледжа состоял из четырех небольших типовых строений, расположенных вокруг истоптанного вдоль и поперек двора. Когда там появился Грэм, война стереоаппаратуры была в самом разгаре.

Колонки, установленные на балконах, обстреливали друг друга пассажами тяжелого рока. Группа «Кисс» исполняла собственную версию увертюры «1812 год» Чайковского. Наполненный водой презерватив, описав дугу, плюхнулся на землю в десяти шагах от Грэма.

Чтобы пройти через холл в комнату Найлза Джейкоби, пришлось нырнуть под бельевую веревку и перешагнуть через валявшийся на полу велосипед. Дверь в комнату была приоткрыта. Внутри грохотала музыка. Грэм постучал.

Никакой реакции.

Он толкнул дверь. Посасывая мундштук длиннющей трубки, на одной из кроватей сидел высокий прыщавый парень. На другой лежала девица в протертых джинсах.

Голова парня резко повернулась. Мутные глаза

уставились на Грэма. Наморщив лоб, юноша пытался сообразить, что происходит.

— Мне нужен Найлз Джейкоби, — прокричал Грэм.

Бесполезно. Грэм выключил музыку.

— Мне нужен Найлз Джейкоби, — повторил он.

— Вот решил немного астму подлечить, — пояснил парень, указывая на трубку. — Слушай, старик, а тебя в детстве учили стучаться, когда входишь в чужую комнату?

— Где Найлз Джейкоби?

— Хрен его знает. А на черта он тебе нужен?

Грэм показал свой жетон.

— Напрягись и постарайся вспомнить.

— А-а, черт, — простонала девица.

— Отдел наркотиков, — пробормотал парень. — Вот это влип… Слушай, командир, ну на черта я тебе сдался, а? Давай все обсудим спокойно.

— Давай обсудим, где сейчас Джейкоби.

— Пойду поищу его, — поднялась с кровати девица.

Грэм ждал, пока она бегала по комнатам.

Везде, куда она заходила, начинали спускать воду в унитазах.

Кое-что в комнате напоминало о Найлзе. На

тумбочке валялась семейная фотография Джейкоби. Грэм убрал с нее стакан с тающими ледяными кубиками и вытер оставшееся на снимке мокрое пятно.

Наконец девица вернулась.

— Сходите в «Гадюку», — посоветовала она.

Бар «Гадюка» с выкрашенными в темно-зеленый цвет окнами располагался рядом с небольшим магазинчиком. Припаркованные возле него автомобили представляли собой довольно пеструю картину: огромные грузовики, лишенные своих фур и выглядевшие куцыми обрубками, старые малолитражки, сиреневый «рено» с откидным верхом, потрепанные «доджи», «шевроле» с поднятыми задними мостами, что делало их похожими на уродливых монстров, и четыре мотоцикла «харлей-дэвидсон» со всеми возможными наворотами.

Грэм проскочил под брызгающим водой кондиционером, установленным над входом, и оказался внутри.

Помещение было забито до отказа. Разило хлоркой и потом. Рослая барменша в джинсовом комбинезоне протянула ему стакан кока-колы. Она была единственной женщиной в заведении.

Найлз Джейкоби, темноволосый и тощий, как

велосипедная спица, стоял у музыкального автомата.

Он опустил монету, но кнопку почему-то нажал парень, стоявший рядом.

Джейкоби выглядел как повеса-школьник в отличие от своего спутника, в котором странно сочетались мальчишеское лицо и накачанное, мускулистое тело, втиснутое в майку и потертые на карманах джинсы. Руки бугрились мышцами. На левом плече виднелась мастерски исполненная татуировка: «Рожден для секса». Явно тюремная татуировка на другой руке предупреждала: «Крутой». Короткая прическа тоже наводила на кое-какие мысли. Когда он протянул руку, чтобы нажать на кнопку музыкального автомата, Грэм разглядел у него на руке выбритую полоску кожи.

По спине пробежал неприятный холодок.

Он двинулся за Найлзом Джейкоби и Крутым через толпу в дальний конец зала. Парни уселись в кабинку.

Грэм остановился за метр от их столика.

— Найлз, меня зовут Уильям Грэм. Мне нужно поговорить с тобой.

Крутой поднял глаза и одарил Грэма фальшивой улыбкой. Один передний зуб у него был

гнилой.

— Я тебя знаю? — осведомился он.

— Нет. Найлз, я хочу поговорить с тобой.

Найлз манерно вскинул брови.

«Интересно, что они с тобой сделали в колонии», — подумал Грэм.

— У нас приватная беседа. Канай отсюда, — процедил Крутой.

Грэм задумчиво оглядел его мускулистые руки, обезображенные татуировками, кусок лейкопластыря, приклеенный на сгибе локтя, выбритый участок кожи на руке, где проверялась острота лезвия ножа. Дешевый хулиганский шик.

«А ведь я его боюсь. Нужно брать быка за рога или отступать».

— Ты что, глухой? — повторил Крутой. — Я сказал: канай, пока цел.

Грэм расстегнул пиджак и показал жетон.

— Сиди спокойно, Крутой. Если попытаешься встать, сделаю тебе второй пупок.

— Прошу прощения. Извините, сэр.

В голосе зазвучала притворная вежливость, отработанная в заключении.

— Крутой, я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Засунь-ка руку в левый задний карман. Не всю — только два пальца. Там у тебя кнопочный

нож. Положи на стол… Молодец.

Грэм спрятал нож, показавшийся ему каким-то липким, в карман.

— Так. В другом кармане бумажник. Вытаскивай. Сдавал сегодня кровь, да?

— Ну, сдавал.

— Достань карточку донора, которую тебе велели не выбрасывать. Раскрой ее на столе.

У Крутого оказалась другая кровь — нулевая группа. Этого и следовало ожидать.

— Когда освободился?

— Три недели назад.

— Досрочно? Как фамилия полицейского, к которому тебя прикрепили?

— Я отмотал весь срок.

— Врешь, наверное.

Грэму хотелось подразнить Крутого. Можно было задержать его за нож: по длине лезвия он вполне соответствовал холодному оружию. К тому же парень торчал в месте, где торгуют спиртным, а это было грубым нарушением условий досрочного освобождения. Грэм знал, что злится на Крутого, потому что испугался его.

— Крутой.

— Чего, начальник?

— Проваливай.

— Вряд ли я смогу помочь вам, я плохо знал отца, — пробормотал Найлз Джейкоби, когда Грэм подвозил его на машине к колледжу. — Он ушел от нас, когда мне было три года, и с тех пор я с ним не виделся — мать не разрешала.

— Но прошлой весной он приезжал к тебе.

— Да.

— В колонию.

— И это знаете.

— Я просто хочу уточнить. Что там произошло?

— Ну, он пришел в комнату для посетителей, застегнутый на все пуговицы, и старался не смотреть по сторонам, хотя там многие ведут себя словно в зоопарке. Мать много рассказывала о нем, но он оказался не таким уж чудовищем. Обыкновенный человек в ярком спортивном пиджаке.

— Что он говорил?

— Ну, я ожидал, что он кинется мне на грудь или будет стоять с виноватым видом, как чаще всего и происходит в этой комнате. А он просто спросил, не хочу ли я учиться. Сказал, что возьмет меня на свое попечение, если поступлю в колледж и буду стараться. «Тебе нужно хоть немного самому себе помочь. Постарайся, а я попробую

устроить тебя в колледж». Ну и все такое прочее.

— Когда тебя освободили?

— Через две недели после его приезда.

— Найлз, а ты кому-нибудь рассказывал о своей семье, когда был в колонии? Ну, своим сокамерникам или еще кому-то?

Найлз Джейкоби окинул Грэма быстрым взглядом.

— Я понял. Нет. Об отце я бы не стал рассказывать. Я о нем до этого и не думал-то вообще. С какой стати я стал бы вдруг что-то рассказывать?

— А здесь? Ты водил своих друзей в дом к родителям?

— К родителю, вы хотите сказать? Она мне не мать.

— Так ты приводил туда кого-нибудь? Приятелей или…

— Или уголовников, да?

— Да.

— Нет.

— Никогда?

— Ни разу.

— А отец не жаловался, что кто-то угрожает ему? Может, был чем-то расстроен? Я имею в виду, в последние месяц-два до случившегося?

— Когда я говорил с ним в последний раз, он

был очень расстроен. Это из-за моих оценок в колледже. У меня много пропусков. Он купил мне тогда два будильника. Вот, пожалуй, и все.

— У тебя есть что-нибудь из его личных бумаг? Письма, фотографии…

— Нет.

— А как же семейная фотография? На тумбочке в комнате. Возле твоего кальяна.

— Это не мой. Я бы ни за что не сунул в рот грязный мундштук.

— Мне нужен этот снимок. Когда сделаю копию, верну. Что у тебя еще есть?

Джейкоби вытряс из пачки сигарету и пошарил по карманам в поисках спичек.

— Больше ничего. Я даже не представляю, зачем они подарили мне именно это фото. Отец улыбается там своей миссис Джейкоби и всей малышне. Можете оставить его себе. На меня он никогда так не смотрел.

Грэм должен был узнать Джейкоби поближе. Но их новые знакомые в Бирмингеме мало чем могли помочь ему.

Байрон Меткаф открыл ему сейф. Грэм прочел тоненькую пачку писем, главным образом деловых, и покопался в драгоценностях и столовом серебре.

В течение трех дней, проклиная жару, Грэм трудился на складе, где хранилось домашнее имущество Джейкоби. По вечерам ему помогал Меткаф. Было проверено содержимое каждого ящика. Фотографии, сделанные полицией, помогли представить, где стояла каждая из вещей в доме.

Почти вся мебель была новая, купленная на страховку после пожара в Детройте. Джейкоби не успели оставить на своих вещах какие-либо следы, которые могли бы рассказать Грэму о характере их хозяев.

Но один предмет, прикроватный столик с остатками порошка для снятия отпечатков пальцев, все же привлек внимание Грэма. В центре виднелось пятно зеленого воска.

Он во второй раз подумал, что убийца любил свечи.

Здорово помогли бирмингемские эксперты. Неясный отпечаток, оставленный кончиком носа, было все, что им и Джимми Прайсу удалось выжать из снятой с дерева банки. Лаборатория огнестрельного оружия и технический отдел подготовили заключение по поводу сломанной ветки. Лезвие, которым ее отсекали, было толстым, с небольшим углом наклона. По всей

вероятности — клещи или большие кусачки.

Отдел документов переслал снимок знака, вырезанного на коре, в восточный отдел ЦРУ в Лэнгли.

Сидя на ящике в хранилище, Грэм прочел их заключение. Оказалось, что знак является китайским иероглифом, означающим «Ты угадал» или «Ты попал в точку». Этот символ часто встречается в азартных играх. Кроме того, как писал эксперт из ЦРУ, этот же символ изображен на одной из фишек для маджонга, означающей Красного Дракона. Относится к «положительным», или «счастливым», знакам.

13

Сидя в своем кабинете в управлении ФБР в Вашингтоне, Крофорд беседовал с Грэмом, звонившим из аэропорта Бирмингема. В дверь заглянула секретарша:

— Звонит доктор Чилтон из Чесапикской больницы для невменяемых преступников. Говорит, срочно.

Крофорд кивнул.

— Не вешай трубку, Уилл. — Он нажал кнопку. — Крофорд слушает.

— Мистер Крофорд, это Фредерик Чилтон из…

— Слушаю вас, доктор.

— Ко мне попала записка, вернее, две части от записки. Похоже, она написана тем самым убийцей из Атланты, и…

— Откуда она у вас?

— Из камеры Ганнибала Лектера. Написана на туалетной бумаге, представляете? На ней отпечатки зубов.

— Прочитайте мне ее, пожалуйста. Только не берите в руки.

В напряженной тишине кабинета из трубки

зазвучал голос Чилтона:

— «Уважаемый доктор Лектер! Я хочу сообщить Вам, что польщен Вашим интересом ко мне. Узнав, что Вы ведете обширную переписку, я подумал, почему бы и мне не удостоиться такой чести. Вы вряд ли расскажете им, кто я такой, даже если узнаете. Кроме того, совершенно не имеет никакого значения, в каком теле я пребываю в данный момент. Все бренно. Главное, наступает мое Пришествие. Я знаю, что только Вы один сможете понять меня. Мне хочется кое-что Вам показать. Быть может, когда-нибудь, если позволят обстоятельства. Надеюсь, мы сможем переписываться…» Мистер Крофорд, тут запись обрывается. Далее следует: «Я с восхищением следил за Вами многие годы и собрал, наверное, все газетные статьи, посвященные Вашей деятельности. По-моему, они весьма далеки от объективности, как и те, что посвящены Вашему покорному слуге! Как им нравится навешивать глупые ярлыки! Например, Зубастик. Можно ли придумать более неуместное имя. Мне было бы стыдно упоминать его, если бы я не знал, что газетные писаки и Вам придумывали идиотские прозвища. Меня заинтересовал следователь Грэм. Странный, не правда ли? Не очень красив, но

целеустремлен. Жаль, Вы не научили его не совать нос в чужие дела. Прошу извинить за столь необычную почтовую бумагу. Я выбрал ее лишь потому, что она быстро растворяется. Это на тот случай, если Вам вдруг придется проглотить это письмо». Здесь замазан целый кусок, мистер Крофорд. Я прочту самый конец: «Если получу от Вас ответ, то в следующий раз постараюсь порадовать Вас чем-нибудь свеженьким. Остаюсь искренне Ваш, Пламенный Поклонник».

Чилтон умолк. Ни звука с другого конца провода.

— Алло, вы слушаете?

— Да-да. Лектер знает, что письмо у вас?

— Еще нет. Сегодня утром, пока камеру убирали, его поместили в соседнюю. Вместо тряпки уборщик решил использовать для чистки раковины туалетную бумагу Лектера. Он отрывал ее большими кусками и обнаружил это письмо, спрятанное внутри рулона. Уборщик принес его мне. Мне приносят все, что больные прячут. Когда удается найти.

— Где сейчас Лектер?

— Все еще в соседней камере.

— Ему оттуда ничего не видно?

— Так, дайте подумать… Нет, не видно.

— Подождите секунду, доктор.

Крофорд положил трубку на стол. Несколько мгновений невидящим взглядом смотрел на мигающие огоньки на телефонном аппарате, как рыбак на поплавок. Он взял трубку другого телефона и соединился с Грэмом:

— Уилл… В камере Лектера нашли спрятанное послание. Видимо, от Зубастика. Написано как письмо кумиру от поклонника. Он ждет от Лектера одобрения. Интересуется тобой. Задает вопросы.

— Как Лектер должен ему ответить?

— Пока не знаю. Некоторые куски вырваны, некоторые зачеркнуты. Похоже, они собираются переписываться, если Лектер не сообразит, что мы об этом узнали. Хочу отдать письмо на экспертизу и перетрясти всю камеру. Хотя и очень рискованно. Если Лектер догадается, вдруг он сумеет предупредить эту сволочь? Конечно, их связь нам нужна, но и записка тоже нужна.

Крофорд рассказал, куда поместили Лектера и как было обнаружено письмо.

— До Чесапика почти сто тридцать километров. Я тебя уже не дождусь. Как ты считаешь?

— За месяц погибли десять человек, нет времени затевать долгую игру с перепиской. Давай

за письмом.

— Еду.

— Увидимся через два часа.

Крофорд вызвал секретаршу.

— Сара, я очень спешу. Мне нужен готовый к вылету вертолет. Не важно чей — наш, полиции, морской пехоты. Я буду на крыше через пять минут. Свяжитесь с отделом документов и попросите принести чемодан для экспертизы. Герберт пусть собирает группу для обыска. Всех на крышу через пять минут. — Он схватил трубку. — Доктор, нам необходимо осмотреть камеру Лектера так, чтобы он не узнал об этом. Нам нужна ваша помощь. Вы говорили кому-нибудь о письме?

— Нет.

— Где сейчас уборщик, который нашел письмо?

— Здесь, у меня в кабинете.

— Не отпускайте его, пожалуйста, да предупредите, пусть не распускает язык. Когда Лектера отвели в другую камеру?

— Минут тридцать назад.

— Это не может насторожить его?

— Какое-то время нет. Обычно на уборку уходит около тридцати минут. Но скоро он заподозрит неладное.

— Хорошо, тогда сделайте следующее: вызовите своего сантехника или инженера, кто там у вас этими делами командует. Прикажите ему перекрыть в здании воду и вывинтить пробки в том коридоре, где сейчас Лектер. Пусть он сам возьмет ящик с инструментами и пройдет мимо Лектера. Он должен выглядеть так, как будто спешит, злится и слишком занят, чтобы отвечать на вопросы, поняли? Скажите, что я приеду и все ему объясню. Не выбрасывайте сегодняшний мусор, если, конечно, его уже не увезли. И не прикасайтесь к записке, хорошо? Мы вылетаем.

Крофорд набрал номер заведующего научно-технической лабораторией.

— Брайан, я сейчас слетаю за одним письмом, возможно, от Зубастика. Бросишь на него все силы. Оно должно вернуться туда, где лежало, в течение часа. И без всяких помарок. Сначала им займется отдел волос и волокон, потом отдел дактилоскопии и отдел документов. Ты должен все четко организовать. Понятно? Да. Я сам его привезу и лично передам тебе в руки.

Казалось, летняя жара достигла высшей точки. Когда Крофорд сошел с крыши со своей добычей, термометр в лифте показывал тридцать четыре градуса. На ходу поправляя взъерошенные после

полета волосы и вытирая платком мокрое от пота лицо, он вошел в лабораторию и направился в отдел волос и волокон.

Отдел был небольшим, люди работали спокойно и неторопливо. Общая комната завалена ящиками и коробками с вещественными доказательствами, присланными сюда со всей страны. Куски лейкопластыря, которым заклеивали рты и связывали руки. Разодранная в клочья окровавленная одежда, простыни, в которые были завернуты трупы.

Лавируя между коробками, Крофорд еще издали заметил в окошке лабораторного бокса Беверли Кац. Та колдовала над детским комбинезоном, подвешенным на кронштейне над покрытым белой бумагой столом. Работая при ярком освещении в комнате, где напрочь отсутствовало движение воздуха, она водила по комбинезону металлической лопаточкой. По ворсу и против, вдоль рубца и поперек. На бумагу сыпался мелкий дождик из пыли и песка. Вместе с ним, но немного медленнее опустился на стол туго скрученный волосок. Беверли по-птичьи наклонила голову и оглядела его острым взглядом профессионала.

Крофорд увидел, как зашевелились ее губы. Он

знал, что она прошептала:

— Попался, голубчик.

Она всегда говорила одно и то же.

Крофорд постучал по стеклу. Беверли вышла из бокса, на ходу стягивая тонкие белые перчатки.

— Отпечатки пальцев еще не снимали? — деловито спросила Кац.

— Нет.

— Пошли в другой бокс.

Она быстро надела новую пару перчаток. Крофорд открыл чемоданчик.

Обе части письма были аккуратно уложены между двумя листами тонкого пластика. Увидев следы зубов, Беверли лишь вопросительно посмотрела на Крофорда.

Тот кивнул: следы укуса на туалетной бумаге соответствовали отпечаткам зубов убийцы, которые Крофорд возил с собой в Чесапик.

Он молча наблюдал, как Беверли Кац подвесила письмо на тонкий металлический штырек над разложенным на столе белым листом бумаги, осмотрела с помощью лупы и слегка встряхнула. Потом, постучав по штырьку шпателем и снова взяв в руки лупу, стала внимательно осматривать лист белой бумаги.

Крофорд взглянул на часы.

Кац перевернула письмо и тончайшим пинцетом сняла с поверхности какую-то мельчайшую былинку.

Под большим увеличением она сфотографировала края обрыва и уложила письмо обратно в чемоданчик. Туда же сунула пару чистых белых перчаток. Белые перчатки — сигнал, означающий «не трогать руками», — всегда находятся рядом с вещественным доказательством, пока с него не будут сняты отпечатки пальцев.

— Все, — произнесла Кац, возвращая чемодан Крофорду. — Один волосок длиной примерно в восемь десятых миллиметра. Несколько частиц голубого цвета. Сейчас поработаю с ними. Что там у тебя еще?

Крофорд передал ей три помеченных конверта.

— Волосы с расчески Лектера. Волоски из электробритвы, которой ему разрешают пользоваться. А это — волосы уборщика. Все, я убегаю.

— Увидимся, — улыбнулась Кац. — Кстати, о волосах: мне нравится твоя новая прическа.

Джимми Прайс в отделе дактилоскопии скривился, увидев рыхлую туалетную бумагу. Сильно щурясь, он смотрел через плечо лаборанта, который склонился над гелиево-кадмиевым лазером,

пытаясь нащупать узким, как игла, лучом скрытый отпечаток и заставить его засветиться. То и дело загорались какие-то точки, но это были всего лишь частицы пота. Отпечатки не появлялись.

Крофорд попытался задать какой-то вопрос, но передумал и стал терпеливо ждать. В стеклах его очков отражался голубоватый свет.

— Так, без перчаток письма касались три человека, да? — вскинул брови Прайс.

— Да. Уборщик, Лектер и Чилтон.

— У уборщика, что чистил раковины, похоже, руки были обезжирены. А все остальные — просто кошмар какой-то. — Рукой, покрытой старческими пятнами, Прайс взял пинцет и поднес бумагу к свету. — Можно, конечно, обработать в парах йода, но тогда, скорее всего, останутся пятна.

— А если нингидрин? Может, подвергнуть тепловой обработке?

Обычно Крофорд не осмеливался давать технические советы Прайсу, но сейчас было не до церемоний. Вопреки его ожиданиям старик не обиделся, а лишь тяжело вздохнул:

— Нет, Джек. Пятна потом не отмоем. Я не могу дать тебе отпечаток. Его здесь просто нет.

— Твою мать! — вырвалось у Крофорда.

Старик отвернулся. Крофорд положил руку на

его костлявое плечо:

— Ладно, Джимми. Не расстраивайся. Я-то знаю: если бы тут был отпечаток, ты бы обязательно нашел его.

Прайс не ответил. Он уже вскрывал новый пакет с отпечатками. В мусорной корзине испарялся сухой лед. Крофорд швырнул белые перчатки прямо в клубы белого пара. На душе у него начинали скрести кошки.

Крофорд поспешил в отдел документов, где его уже ожидал Ллойд Боумен. Его вызвали прямо из зала суда, и теперь, пытаясь сосредоточиться, он часто моргал, словно его подняли среди ночи с постели.

— О, новая прическа! Смело, смело, — заметил он, раскладывая письмо под лампой. — Сколько у меня времени?

— Максимум двадцать минут.

Два клочка туалетной бумаги, казалось, вот-вот вспыхнут от яркого освещения.

— Нам до зарезу необходимо узнать, как Лектер должен ответить на письмо, — пояснил Крофорд, дождавшись, когда Боумен прочтет письмо.

— Вероятно, инструкции находились в вырванной части, — отозвался Боумен, плавными движениями управляясь с рефлекторами,

светофильтрами и специальным фотоаппаратом. — Вот здесь, сверху, он написал: «Надеюсь, мы сможем переписываться...» Дальше обрыв. Лектер замазал фразу фломастером, сложил листок вдвое и вырвал это место.

— Правильно, вырезать-то нечем.

Боумен сфотографировал следы зубов и обратную сторону письма под максимально острым углом освещения. Делая снимки, он все время перемещал лампу вокруг письма, и каждый раз его огромная тень перепрыгивала со стены на стену. Руки с молниеносной быстротой сновали над столом.

— Ну вот, а теперь попробуем заглянуть в это любовное послание.

Боумен положил письмо между двумя стеклами, чтобы выровнять края. Разлохмаченные обрывки были измазаны ярко-красными чернилами. Боумен что-то бормотал себе под нос. Прислушавшись, Крофорд различил одну и ту же повторяющуюся фразу:

— Ты хитрый, ну а мы еще хитрее.

Боумен поменял фильтры на небольшой телекамере и сфокусировал резкость на письме. Затем выключил освещение, оставив лишь тусклый красный фонарь и сине-зеленый экран

монитора.

В увеличенном виде на экране появились слова «Надеюсь, мы сможем переписываться» и рваный край бумаги. Чернильная полоса на самом краю исчезла, и проступили обрывки букв.

— Анилиновые красители в цветных фломастерах прозрачны для инфракрасных лучей, — пояснил Боумен. — Вот, например, здесь и здесь — кончики буквы «Т». В самом конце — остаток буквы «М» или «Н», а может, «Р». — Боумен сделал снимок и включил свет. — Джек, в такой ситуации связь может осуществляться только двумя путями: телефон и газеты. Лектеру можно позвонить?

— Позвонить-то можно, но не так уж просто. Все его разговоры ведутся через внутренний коммутатор.

— Тогда у него остается только один надежный способ — газеты.

— Нам известно, что Зубастик почитывает «Тэтлер». Статейку про Лектера и Грэма напечатали как раз там. Во всяком случае, я не видел больше ни одной газеты, которая писала бы об этом.

— А ведь в слове «Тэтлер» как раз две буквы «Т» и одна «Р». Может, колонка объявлений? Стоит поискать.

Крофорд связался с библиотекой ФБР, затем отдал распоряжения в чикагский отдел.

Боумен закончил работу и передал ему чемодан.

— «Тэтлер» как раз выходит сегодня вечером, — заметил Крофорд. — Ее печатают в Чикаго по понедельникам и четвергам. Мы достанем гранки частных объявлений.

— Возможно, попозже смогу сообщить тебе еще кое-что, правда, не очень много.

— Будет что-то важное — сразу же звони в Чикаго. Постарайся успеть к моему возвращению из психушки, — бросил Крофорд уже на ходу.

14

Турникет станции метро «Центральная» в Вашингтоне выплюнул магнитный многоразовый билет Грэма, и он с дорожной сумкой в руках вышел в раскаленный полдень.

Здание Центра Эдгара Гувера было похоже на гигантскую клетку из стекла и бетона, повисшую над маревом Десятой улицы. Когда Грэм уезжал из Вашингтона, управление ФБР только собиралось перебираться в новое здание. Он еще здесь не работал.

Во избежание недоразумений с охраной Крофорд встретил его в подземном гараже. Грэм выглядел усталым и чуть не вспылил на пропускном пункте. Крофорд неотвязно думал о том, какие чувства испытывает человек, зная, что им заинтересовался убийца.

Грэму выдали магнитную бирку-ключ с кодом, подобную той, что висела на лацкане пиджака у Крофорда. Он сунул ее в замок автоматической калитки и вошел в лабиринт узких белых коридоров. Крофорд нес его сумку.

— Извини, я, конечно, забыл сказать Саре, что-

бы послала за тобой машину.

— На метро даже быстрее. Вернул Лектеру письмо? Все в порядке?

— Да, все в порядке, — ответил Крофорд. — Только что прилетел. Весь коридор залили водой. Специально. Имитировали прорыв трубы и короткое замыкание. Задействовали Симмонса — он сейчас замначальника в Балтиморе. Пришлось бедняге немного поработать шваброй, когда Лектера вели обратно в камеру. Симмонс считает, что тот поверил.

— Знаешь, я, пока летел, вот о чем подумал: а что, если Лектер сам написал это письмо?

— Меня тоже мучил этот вопрос, пока я не увидел оригинал. Следы зубов совпадают с теми, что обнаружены на телах женщин. Вдобавок письмо написано шариковой ручкой, а у Лектера ее нет. Дальше, автор письма читал «Тэтлер». Лектеру эту газету не приносят. Рэнкин и Уиллингем перерыли всю камеру сверху донизу, но ничего не нашли. Сначала все сняли на «Поляроид», чтобы потом разложить как было. После них пришел уборщик и прибрался — как обычно.

— Твое мнение обо всем этом?

— В общем, так: письмо это — улика слабая. На Зубастика оно нас не выведет, — задумчиво

произнес Крофорд. — Однако мы просто обязаны им воспользоваться. Убей, если знаю как. Кстати, с минуты на минуту будут готовы результаты экспертизы.

— Взяли под контроль и телефон больницы, и переписку Лектера?

— Все его телефонные разговоры будем записывать. Кстати, он уже звонил кому-то в субботу. Сказал Чилтону, что собирается поговорить с адвокатом, но мог и соврать. Засечь не смогли, знаешь ведь, как они на междугородных линиях работают.

— А что говорит адвокат?

— Ничего. Мы подключились к больничному коммутатору, чтобы снова не сесть в лужу. С завтрашнего дня будем просматривать всю его почту и все письма, которые он будет отправлять. Слава богу, не надо просить ордер.

Около двери Крофорд снял с пиджака бирку и сунул в щель электронного замка.

— Мой новый кабинет, — вздохнул он. — Давай заходи. Стены выкрасили в серый цвет, как на крейсере. Другого, что ли, не могли найти? Смотри, вот это письмо. Копия по размеру один к одному.

Грэм дважды перечитал написанное. В ушах у

Грэма зазвенело, когда он увидел свое имя, написанное небрежным почерком.

— Наша библиотека заверяет, что «Тэтлер» — единственная газета, опубликовавшая статью о тебе и Лектере, — произнес Крофорд, бросая в стакан таблетку «Алка-зельцер». — Освежиться не желаешь? Завидую. Так вот, этот номер вышел неделю назад, в понедельник вечером, поступил в киоски по всей стране во вторник — кое-куда был, правда, доставлен только в среду. Ну там Аляска, Мэн и прочая периферия. Так что прочитать газету и написать письмо раньше вторника Зубастик не мог. Рэнкин и Уиллингем до сих пор в больнице мусор просеивают в поисках конверта. Пока без толку. В Чесапике все валят в одну кучу — и письма, и полотенца… Ну хорошо, значит, Лектер получает послание от Зубастика не раньше среды. Вырывает ту часть, где указывается, как он может на него ответить, зачеркивает ее — буквально рвет фломастером бумагу — и выбрасывает в унитаз. Но я никак не пойму, почему он не уничтожил письмо полностью.

— Зачеркнутое предложение в самой гуще комплиментов, — предположил Грэм. — Рука не поднялась. Поэтому и не выбросил все письмо.

Грэм потер виски.

— Боумен считает, что отвечать он будет через «Тэтлер». Видимо, такой у них план. Как думаешь, он будет отвечать?

— Конечно. Он ведь любит писать письма. У него же по всей стране друзья по переписке.

— Если они остановились на «Тэтлер», то в сегодняшний номер Лектер не успевает, даже если послал ответ срочной почтой в тот же день, когда получил письмо от Зубастика. Честер из чикагского отделения уже в редакции. Проверяет объявления. Номер как раз сейчас верстают.

— Только бы они ничего не заподозрили, — встревожился Грэм.

— Метранпаж думает, что Честер — агент по продаже недвижимости, пытающийся перехватить выгодное объявление. Втихаря продает ему гранки одну за другой, по мере поступления. Мы берем все объявления скопом, чтобы не поняли, что мы ищем. Ну ладно, допустим, мы разгадаем, как он собирался ответить на письмо, и сможем послать свою записку Зубастику. Что мы напишем? Что вообще нам это даст?

— Самое простое — это попытаться заставить его прийти в условленное место. Например, к абонентскому ящику на почте, — предложил Грэм. — Привлечь чем-нибудь. Ну, скажем, «важной

уликой», о которой Лектер якобы узнал от меня. Вроде он сделал ошибку, а мы ожидаем, что он ее повторит.

— Он был бы полным идиотом, если бы купился на это.

— Знаю. А хочешь, скажу, что могло бы стать лучшей приманкой?

— Могу себе представить, — скептически ответил Крофорд.

— Самой лучшей приманкой мог бы стать сам Лектер.

— И как это устроить?

— План-то есть, но чертовски трудно его исполнить. Мы могли бы перевести Лектера под нашу юрисдикцию. Тут, правда, Чилтон такой шум поднимет! Затем замуруем его в любой федеральной психиатрической лечебнице, например у военных. А сами сообщим, что он совершил побег.

— О боже!

— На следующей неделе мы печатаем в «Тэтлер» объявление «оказавшегося на свободе» Лектера. И уже сам Лектер будет просить его о встрече.

— Неужели кому-то захочется встретиться с Лектером? Даже Зубастику.

— Чтобы убить его, Джек. — Грэм встал и

взглянул в окно. — Понимаешь, таким образом Зубастик сможет впитать, поглотить его — и тем самым превзойти.

— Ты так уверенно говоришь…

— Нет, Джек, я не очень уверен во всем этом. Да и кто вообще может дать стопроцентную гарантию? Но он пишет: «Мне хочется кое-что Вам показать. Быть может, когда-нибудь, если позволят обстоятельства…» Что, если это серьезное намерение встретиться? По-моему, он писал не просто из вежливости. Интересно, что он собирается показать. Трупы оставались целыми — только кожа и волосы кое-где срезаны, и то это он, как сказал Блум, «восполнялся». — Грэм задумчиво почесал затылок. — Черт его знает, что он там припас. Помнишь дело Тремонта? Уже спеленали его, к носилкам привязали, так он подбородком все показывал в сторону полицейского участка! В общем, не уверен я, что Зубастик обязательно придет на встречу с Лектером. И все-таки это самый лучший выход.

— Знаешь, какая поднимется паника, когда узнают, что Лектер сбежал? А пресса, так та нас вообще с дерьмом смешает. Мысль, конечно, неплохая, но приберегем ее на крайний случай.

— Что касается абонентского ящика, то он,

может, к нему и не подойдет, но наверняка захочет хотя бы взглянуть издали, чтобы узнать, не продал ли его Лектер. Можно подобрать такой, чтобы просматривался всего с нескольких точек, и выставить наблюдение.

Грэм подумал, как наивно то, что он только что сказал.

— У Секретной службы есть ящик для подобных игр, им еще не пользовались. Они готовы предоставить его в наше распоряжение. Но если мы не напечатаем наше объявление сегодня, придется ждать до понедельника, то есть до выпуска следующего номера. Газету сдают в типографию в пять по нашему времени. Значит, у Чикаго есть час с четвертью, чтобы передать нам объявление Лектера. Если, конечно, оно там есть.

— Может, попытаемся перехватить в редакции само письмо Лектера с объявлением? Будет быстрее.

— В Чикаго уже прощупывают метранпажа, — сказал Крофорд. — Вся почта попадает в кабинет редактора по рекламе. Он потом продает имена и обратные адреса фирмам, торгующим по почте, — ну, сам знаешь, «товары для одиноких», «любовный напиток для вас», всякие там «таблетки для эрекции», «восточные девушки» и

так далее. Конечно, мы могли бы воззвать к его гражданскому долгу, и взять с него подписку о неразглашении. Но это рискованно. С этой «Тэтлер» только свяжись, они потом нас с головы до ног грязью обольют. К тому же потребуется ордер на перлюстрацию корреспонденции. В общем, тут надо сто раз подумать…

— Если в Чикаго ничего не найдем, можно поместить свое объявление, — предложил Грэм. — Даже если это не «Тэтлер», то что мы теряем?

— А если это все-таки «Тэтлер»? Мы печатаем свое объявление исходя из текста письма. Ему что-то там не нравится, и все, пиши пропало. Да, забыл спросить, что там у тебя в Бирмингеме? Новости есть?

— Забудь о Бирмингеме. Дом Джейкоби переоборудовали, перекрасили и не сегодня-завтра продадут. Все их вещи в хранилище и ждут наследника. Я ни одного ящика не пропустил, все перетряхнул. Говорил с людьми, но там их почти никто не знает. Правда, все в один голос замечали, что Джейкоби надышаться друг на друга не могли. А сейчас все, что осталось от их жизни, — пара ящиков в хранилище да несколько писем в сейфе. Кстати, что там насчет этого знака на дереве?

— «Ты попал в точку»? Абсолютно ничего мне не говорит, — пожал плечами Крофорд. — И сочетание Красный Дракон тоже. Беверли знает эту игру, маджонг. С ее умом и то не видит связи. Во всяком случае, судя по волосам, Зубастик не китаец.

— Он откусил ветку клещами. Не могу понять…

Зазвонил телефон. Крофорд что-то коротко бросил в трубку.

— Ну вот, Уилл, готовы лабораторные анализы. Пошли в кабинет к Зеллеру. Там попросторнее, и стены — не то что в этом кубрике.

Ллойд Боумен нагнал их в коридоре, бодрый и свежий, несмотря на жару. В обеих руках он держал еще влажные фотографии, под мышкой — рулон бумаги для факса.

— Джек, в пятнадцать минут пятого мне нужно быть в суде, — предупредил он. — Судят Нилтона Эскью и Нэн, его пассию. Фальшивомонетчики. Специализируются на подделке чеков. Нет такого казначейского билета, который бы она от руки не нарисовала. Два года у меня от них голова болела — представляешь, печатали себе дорожные чеки на цветном ксероксе! Из дома без них не выходили. Я в суд успею или лучше позвонить и

предупредить прокурора?

— Успеешь, — успокоил Крофорд и повернулся к Грэму: — Вот мы и пришли.

Беверли Кац, удобно расположившаяся на диване в кабинете Зеллера, улыбнулась Грэму. За себя и за Прайса, который сидел рядом мрачнее тучи.

Заведующий научно-технической лабораторией Брайан Зеллер выглядел довольно молодо, несмотря на бифокальные очки и редеющие волосы. На полке над его столом Грэм заметил монографию Х. Д. Уэллса по судебной медицине, трехтомник «Судебная медицина» Тедеши, очень авторитетный труд, антикварное издание «Крушение Германии» Хопкинса.

— А, Уилл, мы, кажется, уже встречались в Университете Джорджа Вашингтона? — приветствовал он Грэма. — Вы здесь со всеми знакомы?.. Отлично.

Крофорд присел на край стола.

— Ну, кто нас порадует? Никто? Тогда поставим вопрос так: есть сомнения в авторстве Зубастика?

— Нет, — ответил Боумен. — Только что я звонил в Чикаго и дал им цифры, оттиски которых я обнаружил на обратной стороне письма: шесть-

шесть-шесть. Потом покажу, когда дело дойдет до них. В Чикаго уже просмотрели больше двухсот объявлений. — Он отдал рулон с переданными по факсу объявлениями. — Я прочел все до единого, обычная белиберда: брачные объявления, всякие там «вернись, я все прощу!» и так далее. Я вообще не представляю, как мы узнаем наше, если оно тут есть.

Крофорд покачал головой:

— Я тоже. Но давайте вначале закончим с письмом. Итак, Джимми Прайс сделал все, что можно, но отпечатков на письме не оказалось. Что у тебя, Бев?

— Один волосок. Полностью соответствует образцу из электробритвы Ганнибала Лектера. Кстати, цвет значительно отличается от образцов, взятых в Атланте и Бирмингеме. Три голубых и несколько темных частичек передала Брайану.

Она вопросительно посмотрела на Зеллера.

— Частицы представляют собой остатки гранулированного чистящего вещества, содержащего хлор, — объяснил он. — Видимо, с рук уборщика. Было еще несколько мельчайших частичек засохшей крови. Но для того, чтобы определить группу, количество явно недостаточное.

— Туалетная бумага оторвана не по перфора-

ции, — продолжала Беверли Кац. — Если найдем где-нибудь этот рулон и если им больше не пользовались, то сможем доказать соответствие. Я советую приложить это к делу, чтобы при аресте знали, что нужно найти этот рулон.

Крофорд кивнул.

— Боумен?

— Этой бумагой занималась Шарон из моего отдела. У нее были образцы туалетной бумаги разных производителей. Это туалетная бумага для домов-трейлеров и морских судов. Текстура соответствует продукции фирмы «Уэдекер» из Миннеаполиса. Поставляется во все штаты.

Боумен закрепил фотографии на пюпитре у окна. Голос его казался слишком глубоким для довольно хрупкого тела. Когда он говорил, галстук-бабочка на шее слегка подрагивал.

— Судя по почерку, письмо писал правша — левой рукой, печатными буквами. Легко просматривается неравномерность усилий и различная высота букв. Пропорции наводят на мысль, что писавший страдает астигматизмом. Чернила на обоих листах при обычном освещении кажутся абсолютно одинаковыми. Обычная паста для шариковой ручки стандартного темно-синего цвета. Но под цветными светофильтрами замет-

на едва уловимая разница. Сначала он писал одной ручкой, потом, где-то на пропавшей части письма, заменил ее на другую. Вот отсюда первая начинает плохо писать. Первой ручкой пользовались довольно редко — видите, сгусток пасты на первой букве. Возможно, она хранилась в вертикальном положении и без колпачка — в пенале или стакане для карандашей. Скорее всего, все это предполагает наличие письменного стола. Когда писалось письмо, под бумагу было подложено что-то мягкое типа промокашки. Если ее найти, то по отпечаткам на ней можно прочесть весь текст. Я считаю, ее тоже нужно причислить к объектам поиска, как и рулон, о котором говорила Беверли.

Боумен указал на фотографию обратной стороны письма. Благодаря сильному увеличению бумага казалась ворсистой, с темными оттисками букв.

— Он сложил письмо, чтобы дописать последнюю часть, включая то, что было уничтожено. При таком увеличении проступают слабые следы продавленного текста. Можно различить цифры шесть-шесть-шесть. Возможно, именно в этом месте ему пришлось сменить ручку и снова обвести написанное. Я обнаружил все это, когда сделал

высококонтрастный снимок. Но пока эти шестерки не встретились ни в одном объявлении. Так… Построение предложений обычное, текст связный. Сгибы указывают на то, что письмо было запечатано в стандартный конверт. Вот эти два темных пятна — от полиграфической краски. Возможно, письмо лежало среди какого-нибудь безобидного печатного текста. Вот, пожалуй, и все. — Боумен вздохнул. — Если у тебя нет никаких вопросов, Джек, то мне нужно бежать в суд. Заключение напишу, когда вернусь.

— Засади их там всех подальше, — напутствовал его Крофорд.

Грэм внимательно изучал колонку объявлений в «Тэтлер». («Привлекательная женщина с роскошными формами, 52 лет, ищет христианина, Льва, от сорока до семидесяти лет, некурящего, без детей. Искусственные конечности и органы не помеха. Только с серьезными намерениями. Ждет фото в первом же письме».)

Погрузившись в боль и отчаяние объявлений, Грэм не заметил, что все постепенно разошлись, пока к нему не обратилась Беверли Кац.

— Прости, что ты сказала?

Он взглянул в ее ясные глаза и доброе усталое лицо.

— Я говорю, что рада снова видеть тебя. Ты неплохо выглядишь. Сол поступил на кулинарные курсы. Пока ему удается приготовить что-нибудь через раз. Как только станет получаться, приходи к нам на обед. Если не боишься.

— Спасибо, Беверли.

Зеллер вышел посмотреть, как там идут дела. Оставшись одни, Крофорд и Грэм посмотрели на часы.

— Через сорок минут начнут печатать «Тэтлер», — сообщил Крофорд. — Будем проверять их почту. Что скажешь?

— Придется.

Из кабинета Зеллера Крофорд позвонил в Чикаго. Затем обратился к Грэму:

— Уилл, нужно подготовить свое объявление на случай, если Чикаго нас обрадует.

— Сейчас сделаю.

— А я пока займусь абонентским ящиком.

Крофорд набрал номер Секретной службы и стал объяснять им суть дела. Когда он положил трубку, Грэм все еще писал.

— Все в порядке, ящик просто загляденье, — не выдержал наконец Крофорд. — Прямо на улице. На стене пожарной станции в Аннаполисе. Лектеру эти места хорошо знакомы. Зубастик

это должен знать. Там алфавитные ячейки для писем. Их агенты подъезжают туда на машинах, забирают свои задания и корреспонденцию. Наш приятель сможет увидеть, что там к чему, из парка через дорогу. Секретная служба уверяет, что место — лучше не придумаешь. Они сами установили этот ящик, когда ловили фальшивомонетчика, но потом как-то обошлись. Вот адрес. Как там с объявлением?

— Нам придется опубликовать сразу два. Первое предупредит Зубастика, что враги ближе, чем он думает. В нем будет говориться, что он совершил грубую ошибку в Атланте и, если еще раз повторит ее, его сразу же схватят. Напишем, что Лектер выслал ему «секретную информацию», которой я с ним поделился, о том, что мы сейчас предпринимаем, как близко к нему подошли и какие у нас есть зацепки. В конце сообщим, что второе послание будет начинаться со слов «Ваш псевдоним» и содержать адрес абонентского ящика. Другого выхода у нас нет. Даже написанное эзоповым языком, первое письмо может привлечь внимание какого-нибудь психа. Но если не знать адреса, то невозможно найти ящик и сорвать нам операцию.

— Здорово. Просто здорово. Будешь у меня в

кабинете?

— Я бы лучше чем-нибудь занялся. Пойду поищу Брайана Зеллера.

— Давай. Если что, я тебя позову.

Грэм отыскал Зеллера в отделе изучения крови.

— Брайан, не могли бы вы кое-что показать мне?

— Конечно, а что именно?

— Образцы, по которым вы классифицировали Зубастика.

Вскинув голову, Зеллер удивленно взглянул на Грэма через свои очки.

— В заключении что-то неясно?

— Да нет, все понятно.

— Какие-то неточности?

— Нет.

— Может, что-нибудь пропущено?

Произнося последнее слово, Зеллер поморщился, как будто оно имело горький привкус.

— Ну что вы, заключение просто блестящее. Просто хочу пощупать улику своими собственными руками.

— Ах вот оно что. Сейчас сделаем. — Зеллер считал, что все оперативники, подобно охотникам, ужасно суеверны, и был рад оказать услугу

Грэму. — Пойдемте, я вам покажу.

Они двинулись между длинными столами, на которых были установлены приборы.

— Я смотрю, вы Тедеши читаете? — сказал Грэм.

— Да, — на ходу бросил Зеллер. — Как вы знаете, мы здесь не занимаемся судебной медициной, но у Тедеши есть много полезных вещей, Грэм. Уилл Грэм… Это не вы ли написали ту великолепную монографию об определении времени смерти по поведению насекомых? Или это ваш однофамилец?

— Нет, это моя работа. — Грэм сделал небольшую паузу. — Однако работы Мэнта и Нуортевы, приводимые Тедеши, лучше, чем моя.

Зеллер удивился: Грэм высказал вслух его собственную мысль.

— Вообще-то там действительно больше фотографий и приведена таблица роста количества насекомых у трупа. Извините, не хотел вас обидеть.

— Я не обиделся. У них все изложено намного лучше. Я и сам им это говорил.

Зеллер вынул из шкафа и холодильника пузырьки и предметные стекла и разложил их на лабораторном столе.

— Если понадоблюсь, я буду там, где вы меня нашли. Свет на микроскопе включается вот здесь, сбоку.

Но Грэму не требовался микроскоп. В правильности выводов Зеллера он не сомневался. Честно говоря, он и сам не знал, чего хотел. Посмотрев пузырьки и предметные стекла на свет, он взял в руки блестящий конверт из пергаментной бумаги с двумя светлыми волосками, обнаруженными в Бирмингеме. В другом конверте хранились три волоска, найденные на миссис Лидс.

На столе перед Грэмом лежали волосы, слюна и сперма… а вокруг пустота, в которой он пытался разглядеть образ, лицо, хоть что-нибудь, что могло бы вытеснить засевший в душе бесформенный ужас.

Из динамика в потолке вырвался женский голос:

— Уилл Грэм, в кабинет следователя по особо важным делам Крофорда. Немедленно!

Он вошел и увидел, что Сара в наушниках склонилась над пишущей машинкой, а Крофорд заглядывает ей через плечо.

— В Чикаго нашли заявку на объявление с цифрами шесть-шесть-шесть, — бросил он, не поворачивая головы. — Сейчас они как раз диктуют

его Саре. Говорят, одна его часть похожа на код.

Чистый лист, вставленный в печатную машинку, быстро заполнялся текстом:

«Дорогой Странник, Вы оказали мне честь…»

— Точно! — воскликнул Грэм. — Лектер называл его Странником, когда разговаривал со мной.

«Предлагаю 100 молитв во имя Вашего спасения. Найдите утешение в: Ин 6, 22; 8, 16; 9, 1. Лк 1, 7; 3, 1. Гол 6, 11; 15, 2. Деян. 3, 3. Откр. 18, 7. Иона 6, 18…»

Машинка начала стучать реже. Сара повторяла каждую группу цифр сотруднику в Чикаго. Когда она закончила, список библейских названий покрывал четверть страницы. Он заканчивался словами: «Благословляю Вас, 666».

— Все, — с облегчением вздохнула Сара.

Крофорд взял трубку:

— Хорошо, Честер, как вы там договорились с редактором?.. Нет, правильно сделали… Вот именно, за деньги мать родную продадут. Не вешайте трубку, я сейчас.

— Шифр, — сказал Грэм.

— Должно быть. У нас двадцать две минуты, чтобы дать объявление, если, конечно, сумеем прочесть все это. Через десять минут нужно предупредить начальника цеха. За триста долларов

он пустит объявление в этом номере. Я поговорю с шифровальщиками в Лэнгли. Сара, пошли это телексом шифровальщикам в ЦРУ, а я позвоню, предупрежу, чтобы ждали.

Боумен положил листок с объявлением на стол, поправив, чтобы он лег точно на середину большого регистрационного журнала. Пока он протирал очки, Грэм подумал, что прошла уже целая вечность. Однако Боумен считался очень быстрым человеком. И отдел взрывчатых веществ не только простил ему тот факт, что он никогда не носил военной формы, но даже присвоил почетное звание морского пехотинца.

— У нас всего двадцать минут, — напомнил Грэм.

— Понимаю. Вы позвонили в Лэнгли?

— Крофорд позвонил.

Боумен бесчисленное количество раз прочел текст, просмотрел его вдоль и поперек, пробежал пальцем по полям. Достал с полки Библию. Целых пять минут в комнате висела тишина, нарушаемая лишь дыханием и шелестом тонких страниц.

— Нет, — вздохнул наконец Боумен. — Нам не успеть. Лучше использовать оставшееся время на какой-нибудь другой вариант.

Грэм только развел руками.

Боумен круто развернулся, взглянул на Грэма и снял очки. По обеим сторонам носа стали видны красные полоски.

— Вы уверены, что это письмо — единственная весточка, которую Лектер получил от вашего Зубастика?

— Да.

— Тогда шифр должен быть довольно простым. Им нужно просто скрыть информацию от слишком любопытных читателей. Судя по перфорациям на бумаге, в письме к Лектеру не хватает около семи с половиной сантиметров текста. Не так уж много места для сложных инструкций. Цифры не соответствуют коду, используемому в тюрьмах. Подозреваю, что это книжный шифр.

— Книжный? — с порога спросил вошедший Крофорд.

— Похоже на то. Первая цифра — «сто молитв» — может быть номером страницы. Двойные группы цифр в библейских цитатах — строка и буква. Но в какой книге?

— А может, Библия? — предположил Крофорд.

— Нет, не Библия. Хотя вначале я тоже так подумал. Но меня смутило Послание к Галатам. Смотрите, вот цифра «шесть». «Видите, как мно-

го написал я вам своей рукою». Все правильно, есть такое сочетание, но это просто совпадение. Смотрите дальше: следующие цифры у него «пятнадцать, два», а в Послании к Галатам только шесть глав. То же самое с Книгой пророка Ионы: «шесть, восемнадцать», а там только четыре главы. Это не Библия.

— А что, если название книги содержится в зашифрованной части этого «объявления»?

— Не думаю, — покачал головой Боумен.

— Значит, Зубастик сам написал Лектеру название книги. В своем письме, — сказал Грэм.

— Похоже на то, — согласился Боумен. — Может, допросить Лектера с пристрастием? В психиатрических больницах есть специальные психотропные препараты…

— Три года назад уже пробовали. Впрыскивали ему большие дозы барбамила, чтобы выяснить, куда он упрятал труп студента из Принстона, — сказал Грэм. — Он нам продиктовал рецепт какого-то французского соуса. Кроме того, если мы допросим его, то вообще потеряем связь. Но если Зубастик действительно указал в своем письме название книги, то он должен быть уверен, что она наверняка есть в камере Лектера.

— Можно сказать точно, что он не заказывал ее

и не просил у Чилтона, — вставил Крофорд.

— А какие названия книг Лектера мелькали в газетах?

— Только те, что у него там есть, книги по медицине, по психологии, поваренные книги, — припомнил Крофорд.

— Тогда должно быть что-то очень распространенное в одной из этих областей, что-то настолько фундаментальное, что Зубастик наверняка знал: у Лектера это есть, — задумчиво проговорил Боумен. — Нужен список книг Лектера. У вас нет?

— Нет. — Грэм опустил голову. — Но я могу позвонить Чилтону… Хотя нет, постойте. Ведь Рэнкин и Уиллингем, когда обыскивали его камеру, сняли все на «Поляроид», чтобы потом разложить все вещи по местам.

— Попросите их принести мне фотографии книг, — быстро проговорил Боумен, застегивая портфель.

— Куда?

— В библиотеку Конгресса.

Крофорд еще раз связался с шифровальщиками из ЦРУ. Используя компьютер, они пытались установить закономерность цифробуквенных подстановок и различные варианты алфавитной сетки. Безуспешно. Шифровальщик присоеди-

нился к мнению Боумена о том, что, по всей вероятности, в объявлении использован книжный шифр.

Крофорд взглянул на часы.

— Уилл, у нас есть три варианта. Решать нужно прямо сейчас. Мы можем просто изъять из газеты объявление Лектера и вообще ничего не печатать. Можем поместить наше объявление открытым текстом и пригласить Зубастика к абонентскому ящику. Или можем пропустить объявление Лектера.

— А ты уверен, что мы еще можем изъять из «Тэтлер» объявление Лектера?

— Честер полагает, что метранпаж вытащит его из набора за пять сотен.

— Знаешь, Джек, я не хотел бы печатать объявление открытым текстом. Он все поймет и уже никогда не ответит Лектеру.

— Да, но, по-моему, публиковать объявление Лектера, не зная содержания, слишком рискованно, — возразил Крофорд. — Что мог Лектер написать такого, чего тот еще не знает? Если он обнаружил, что у нас есть фрагмент отпечатка большого пальца и его пальчики еще не внесены в картотеку, он может запросто изуродовать палец, вырвать зубы, а на суде рассмеяться прямо

нам в лицо своим беззубым ртом.

— В материалах дела, которые я показал Лектеру, об отпечатках ничего не говорилось. Нет, лучше поместить объявление Лектера как есть. Во всяком случае, это заставит Зубастика выйти на связь.

— А если оно заставит его сделать что-нибудь другое?

— Тогда нам всем придется худо, — кивнул Грэм. — Но сейчас мы вынуждены поступить именно так.

Через пятнадцать минут в Чикаго уже полным ходом работали типографские машины, печатая очередной номер «Тэтлер». Сотрудник ФБР, еле живой от жары и запаха типографской краски, взял в руки один из первых экземпляров.

«Трансплантация черепа!», «Астрономы видели Бога!» — вещали заголовки.

Сотрудник убедился, что объявление Лектера на месте, и экспресс-почтой отправил газету в Вашингтон. Ему суждено будет увидеть ее еще раз и узнать на первой странице отпечаток своего большого пальца, но это произойдет лишь спустя много лет, когда он приведет своих детей на экскурсию по штаб-квартире ФБР в Вашингтоне.

15

Проснувшись за час до рассвета, Крофорд ощутил теплое тело спящей рядом жены и оглядел темную комнату, стараясь понять, что же заставило его так рано открыть глаза. Во второй раз зазвонил телефон. Не без труда Крофорд нащупал аппарат и снял трубку.

— Джек, это Ллойд Боумен. Я разгадал шифр. Ты должен знать, что там написано. Это очень важно.

— Да, Ллойд.

Крофорд отыскал ногами тапочки.

— Так вот, там говорится следующее: «Адрес Грэма — Марафон, Флорида».

— Вот черт! Надо спешить.

— Да уж.

Позабыв надеть халат, Крофорд бросился в кабинет. Дважды позвонил во Флориду, связался с аэропортом, затем набрал номер отеля Грэма.

— Уилл, Боумен только что разгадал шифр.

— Ну и что там было?

— Погоди, сейчас скажу. Но вначале послушай. Все уже в порядке. Я принял меры. Поэтому не

бросай трубку сразу и никуда не беги.

— Да не тяни ты.

— В общем, там твой домашний адрес. Лектер дал этому сукину сыну твой адрес. Погоди, Уилл. Я же сказал, что уже принял меры. Ваш шериф выслал к тебе домой две машины. Таможенный катер из Марафона сейчас выходит в море. Зубастик не успел еще ничего сделать: слишком мало времени. Не клади трубку. Так вот, тебе нужна моя помощь. Не переживай, люди шерифа вовсе не собираются пугать Молли. Машины только перекроют дорогу к дому, а двое полицейских подойдут поближе, чтобы держать дом в поле зрения. Можешь позвонить ей, когда она проснется. Я заеду за тобой через полчаса.

— Меня уже здесь не будет.

— Ближайший самолет — не раньше восьми. У меня есть неплохой план, Уилл. Выслушай его, пожалуйста. В Чесапике дом моего брата, и можно отправить Молли с мальчиком к нему. Лучше вывезти их поскорее из Марафона. Если не понравится, я сам тебя посажу на самолет.

— Мне нужно взять оружие.

— Возьмешь, все возьмешь, когда я заеду за тобой.

В аэропорту Вашингтона Молли и Вилли вы-

шли из самолета в числе первых. Она разглядела в толпе Грэма, но не улыбнулась, а лишь повернулась к Вилли и что-то шепнула ему на ухо. Чуть опережая поток возвращающихся из Флориды туристов, она подошла к мужу и, оглядев его с ног до головы, быстро поцеловала. Загорелая ладонь холодом обожгла щеку.

Грэм почувствовал на себе пристальный взгляд Вилли. Он обернулся. Не приближаясь, мальчик протянул руку.

Шагая к машине, Грэм пытался пошутить по поводу тяжелого чемодана Молли.

— Я сам могу его донести, — буркнул в ответ Вилли.

Они выехали со стоянки. Следом тут же двинулся коричневый «шевроле» с номерами штата Мэриленд.

У Арлингтона Грэм пересек мост и перед тем, как отправиться на восток, в сторону Чесапика, показал Молли и Вилли мемориальные центры Линкольна и Джефферсона и мемориал Джорджа Вашингтона. Они выехали из города, и через десять минут коричневый «шевроле», перейдя на соседнюю полосу, поравнялся с их машиной. Водитель повернулся к ним и поднес руку ко рту. Сразу же в машине Грэма затрещал голос:

— Пятый, я — третий, все в порядке, хвоста нет. Счастливого пути!

Грэм нащупал под приборной доской микрофон.

— Понял, Бобби. Спасибо.

«Шевроле» пропустил их вперед и включил сигнал поворота.

— Просто чтобы убедиться, что пресса за нами не увязалась, — объяснил Грэм.

— Понятно, — отозвалась Молли.

Под вечер они остановились, чтобы подкрепиться в придорожном ресторанчике. Вилли отошел взглянуть на ползающих в огромном аквариуме омаров.

— Мне ужасно неудобно, Молли, — пробормотал Грэм. — Извини.

— Теперь он охотится за тобой?

— Пока нет. Но Лектер его к этому подстрекает.

— Ужасно чувствовать себя затравленным зверем.

— Знаю. У брата Крофорда вы будете в безопасности. Кроме меня и Джека, ни единая душа не знает, где вы.

— Мне не хотелось бы сейчас говорить о Крофорде.

— Знаешь, там такое чудесное место, сама

увидишь.

Молли глубоко вздохнула, и, казалось, со вздохом улетучился и весь гнев, уступая место усталости и апатии. Она криво улыбнулась мужу:

— Да я просто с ума там сойду через пару дней. Там будет кто-нибудь из Крофордов?

— Никого. — Грэм отодвинул хлебницу и взял жену за руку. — Вилли в курсе?

— Да. Мамаша его приятеля Томми купила в супермаркете бульварную газетенку, ну и Томми, конечно, показал ее Вилли. Там была целая статья про тебя, причем все перевернуто с ног на голову. Про Хоббса, про то, куда ты после этого попал, про Лектера, в общем, все. Вилли очень расстроился. Я спросила, не хочет ли он поговорить со мной об этом. Но он только спросил, знала ли я обо всем раньше. Я сказала, что да, что мы с тобой говорили об этом, когда собирались пожениться. Спросила, хочет ли он, чтобы я рассказала, как все было на самом деле. Но он сказал, что сам спросит тебя.

— Молодец, вот это правильно. А что это была за газета? «Тэтлер»?

— Не знаю, кажется, да.

— Ну что ж, спасибо тебе, Фредди.

Волна злобы на Лаундса подняла Грэма с ме-

ста.

В туалете он умылся холодной водой.

Сара попрощалась с Крофордом и уже собралась уходить, когда в кабинете зазвонил телефон.

— Кабинет следователя по особо важным делам Крофорда… Нет, мистера Грэма сейчас нет в кабинете, а кто это… Подождите, я могу… Да, он будет завтра после обеда, а кто…

Ее интонация заставила Крофорда повернуться в кресле.

Сара все еще держала в руке умолкшую трубку, как бы боясь положить ее на место.

— Он спросил Уилла, сказал, что, может быть, позвонит завтра днем. Я просила его не вешать трубку, но…

— Кто это был?

— Он сказал: «Передайте Грэму, что звонил Странник». Это то, как доктор Лектер называл…

— …Зубастика, — закончил за нее Крофорд.

Пока Молли и Вилли распаковывали вещи, Грэм отправился в магазин. Купил ярко-желтые дыни и большущий арбуз. Подъехав к дому, остановил машину на другой стороне улицы и несколько минут тихо сидел, вцепившись в руль. Было ужасно неловко, что из-за него Молли при-

шлось сорваться с обжитого места и поселиться у чужих людей.

Крофорд постарался устроить все как можно лучше. Жилище не было безликим служебным коттеджем Федерального бюро с креслами, подлокотники которых побелели от множества потных рук. Напротив, дом оказался симпатичным, свежевыбеленным особняком с утопающим в зелени крыльцом — произведение заботливых хозяйских рук. Задняя часть двора спускалась к океану — туда вели специальные мостки.

Из-за штор пробивался сине-зеленый свет телевизора: Молли и Вилли смотрели бейсбол.

Отец Вилли был бейсболистом, и довольно неплохим. Они познакомились с Молли в школьном автобусе, поженились еще студентами в колледже.

На соревнования он брал с собой Молли и Вилли. Тогда он, пока еще игрок низшей лиги, уже посматривал в сторону «Кардиналов».[10] Они объездили всю Флориду — потрясающее было время. На тушенке сидели, но никогда не унывали! Наконец «Кардиналы» пригласили его на две игры — попробовать. Он сыграл. Удачно. Но

---

[10] Примечания: 10
Бейсбольная команда высшей лиги.

затем что-то случилось с горлом. Стало трудно глотать. Хирург пытался удалить опухоль, но она дала метастазы. Он сгорел за пять месяцев. Вилли тогда было шесть лет. Мальчик до сих пор смотрел бейсбол при любом удобном случае. Молли же — только когда была чем-то расстроена.

У Грэма не было ключа. Он постучал.

— Я открою, — раздался из-за двери голос Вилли.

— Подожди. — Из-за занавесок выглянуло лицо Молли. — Все в порядке.

Вилли открыл дверь. В опущенной руке был зажат гарпун.

Грэм поспешно отвел глаза. Должно быть, мальчик привез оружие с собой.

Молли взяла у него сумку.

— Кофе хочешь? Есть еще джин, но не такой, как ты любишь.

Когда она ушла на кухню, Вилли попросил Грэма выйти на улицу. С заднего крыльца была хорошо видна бухта и огни стоящих на якоре кораблей.

— Слушай, Уилл, ты не хочешь ввести меня в курс дела, чтобы я мог охранять маму?

— Вы оба здесь в безопасности. Помнишь машину, которая сопровождала нас из аэропорта,

чтобы убедиться, что никто не проследил, куда мы направляемся? Никто не сможет узнать, где вы с мамой находитесь.

— Этот сумасшедший хочет тебя убить?

— Нам это неизвестно. Просто у меня душа не на месте, когда он знает, где наш дом.

— Ты собираешься убить его?

Грэм на секунду закрыл глаза.

— Нет. Моя задача — найти его. А потом его поместят в психиатрическую лечебницу… чтобы он больше не убивал.

— Мать Томми где-то купила одну газету. Там пишут, что ты уже убил кого-то в Миннесоте и сам попал в сумасшедший дом. Я об этом не знал. Это правда?

— Да.

— Я хотел спросить маму, но потом решил, что лучше поговорить с тобой.

— Вот и молодец. Правильно сделал. Так вот, это был не сумасшедший дом. Там лечат все болезни. — Грэм посчитал важным подчеркнуть эту разницу. — У меня было сильное потрясение. Я понимаю, тебя беспокоит, что я побывал там. Ведь я женился на твоей маме.

— Я обещал отцу, что буду заботиться о ней, и слово свое сдержу.

Грэм чувствовал, что откровенного разговора, к сожалению, не избежать.

В кухне погас свет. В проеме решетчатой двери он разглядел расплывчатый силуэт Молли и подумал, что в его разговоре с Вилли все равно последнее слово останется за матерью и сейчас он просто ищет еще один путь к ее сердцу.

Вилли определенно не знал, о чем еще спросить. Грэм помог ему:

— Эта больница была после встречи с Хоббсом.

— Ты застрелил его?

— Да.

— Как это было?

— Начнем с того, что Гэррет Хоббс был сумасшедшим. Он нападал на девушек, студенток, и… убивал их.

— Как?

— Ножом. Но однажды в одежде одной из убитых я нашел изогнутый кусочек металла. Это был кусочек с резьбой от водопроводной трубы — помнишь водопроводную трубу, когда мы делали душ во дворе? Ну вот, я начал проверять слесарей, водопроводчиков и так далее. Но все без толку. Наконец в одной из строительных фирм я обнаружил заявление Хоббса об уходе. Я посмотрел на него, и оно показалось мне каким-то… подозри-

тельным. Он так больше никуда и не устроился, поэтому пришлось идти к нему домой. Вместе с полицейским мы начали подниматься по лестнице к нему в квартиру. Но Хоббс, по-видимому, заметил нас. Я, считай, стоял перед его дверью, когда она вдруг распахнулась и он вышвырнул на лестницу жену. Она упала на ступеньки и покатилась вниз — мертвая.

— Он убил ее?

— Да. Я приказал полицейскому связаться с управлением и вызвать группу захвата. И тут в квартире закричал ребенок. Одному заходить было нельзя, но как удержишься.

— Ты вошел в квартиру?

— Вошел. Хоббс набросился на девочку — собственную дочь — с ножом. И я застрелил его.

— Она умерла?

— Нет.

— Поправилась?

— Да, через некоторое время. Сейчас с ней все в порядке.

Вилли молча переваривал рассказ Грэма. Со стоящей недалеко от берега яхты доносилась музыка.

Может, Грэм и опустил кое-какие детали в своем рассказе, однако внутренне он переживал все

это вновь.

...Он опустил на пол безжизненное, изрезанное тело миссис Хоббс. Увидев, что она мертва, и услышав доносящиеся из комнаты крики, он переступил через окровавленную женщину и вышиб дверь. Когда он влетел в комнату, Хоббс, схватив дочь, пытался перерезать ей горло ножом. Девчонка визжала и, прижав подбородок к груди, отчаянно отбивалась. Выхватив револьвер, Грэм пулю за пулей разрядил в Хоббса весь барабан. Он пошатнулся, но не упал, продолжая бить ребенка ножом. Но вот он наконец осел на пол и зарыдал. Хрипящую девочку Грэм подхватил на руки. Нож прошел через дыхательное горло, но артерия, слава богу, осталась цела. Широко раскрытыми стекленеющими глазами девочка смотрела то на него, то на отца, сидящего на полу и сквозь плач выкрикивающего: «Видишь? Видишь?» Пока наконец он не рухнул замертво.

После этого дела Грэм разочаровался в револьвере тридцать восьмого калибра.

— Понимаешь, Вилли, случай с Хоббсом не прошел для меня даром. Эта сцена все время стояла перед глазами, я вновь и вновь переживал ее от начала до конца. Дошел до того, что не мог больше думать ни о чем другом. Мне все казалось,

что я действовал неправильно. А потом вообще перестал что-либо воспринимать. Не мог ни есть, ни разговаривать. Это была самая настоящая депрессия. Поэтому врач и посоветовал мне лечь в больницу. Через некоторое время все эти события начали понемногу отдаляться и мне как-то полегчало. Эта девочка, которую Хоббс чуть не зарезал, приходила навестить меня. Она уже была в полном порядке, и мы подолгу разговаривали. В конце концов я забыл об этом случае и вернулся на работу.

— Слушай, наверное, это ужасно, когда убиваешь человека, даже если это неизбежно?

— Поверь мне, Вилли, это самое мерзкое чувство на свете.

— Ладно, сбегаю на кухню. Может, принести чего-нибудь? Кока-колы или еще чего?

Вилли нравилось оказывать Грэму услуги, но он всегда старался делать это так, как будто, отправляясь по своим делам, просто предлагал захватить что-то по пути. Он никогда не показывал вида, что хочет сделать что-то специально для Грэма.

— Захвати баночку колы.

— И приведу маму. Пусть посмотрит на огни.

Глубокой ночью Грэм и Молли сидели на каче-

лях у заднего крыльца. Моросил мелкий дождь, и огни стоявших в бухте судов мерцали в сероватой дымке. От легкого бриза руки покрылись гусиной кожей.

— Это ведь скоро кончится, правда? — спросила Молли.

— Надеюсь. Хотя кто его знает.

— Эвелин сказала, что посидит в магазине на этой неделе и еще дня четыре на следующей. Но мне все равно нужно съездить в Марафон, когда приедут покупатели. Я могла бы остановиться у Эвелин и Смита. Хочу сама съездить на рынок в Атланту. Нужно подготовиться к сентябрю.

— Эвелин знает, где вы?

— Я сказала только, что еду в Вашингтон.

— Хорошо.

— Как тяжело тащить свой воз, правда? Так трудно все это сохранить. Чертовски скользкая планета.

— Как лед.

— Но мы ведь вернемся к себе, правда?

— Обязательно.

— Ты только голову не теряй. Хорошо?

— Хорошо.

— Когда тебе обратно? С утра пораньше?

Вечером Грэм целых полчаса разговаривал с

Крофордом по телефону.

— До обеда надо уехать. Если ты собираешься в Марафон, то утром нам нужно кое-чем заняться. Вилли может половить рыбу.

— Он просто должен был поговорить с тобой о том случае.

— Знаю. Я не упрекаю его.

— Вот писака проклятый! Как его там зовут?

— Лаундс. Фредди Лаундс.

— Ты, наверное, ненавидишь его. Не надо было напоминать тебе о нем. Пойдем-ка в постель, я почешу тебе спинку.

На секунду Грэма захлестнула обида. «Пойдем-ка в постель». Вспомнилось, как ему пришлось оправдываться перед одиннадцатилетним мальчишкой. А теперь она собралась почесать ему спинку. Вилли вроде как разрешил.

«Когда ты на взводе, держи рот на замке».

— Если хочешь немного подумать, я оставлю тебя одного, — предложила Молли.

Но думать ему не хотелось. Определенно не хотелось.

— Пойдем, почешешь мне спинку, а я тебе животик, — улыбнулся Грэм.

— Так чего же мы сидим?

Ветер пригнал с бухты редкий дождик, и к

девяти утра от земли стала подниматься испарина. Казалось, что мишени, установленные на стрельбище, колышутся в быстро нагревающемся воздухе. Смотритель стрельбища не опускал бинокль, пока не убедился, что мужчина и женщина на линии огня выполняют все правила безопасности.

В удостоверении Министерства юстиции, которое предъявил мужчина, когда просил разрешения поупражняться на стрельбище, принадлежащем управлению шерифа, значилось: «Следователь». Это абсолютно ничего не значило для смотрителя. Тут, на огневом рубеже, авторитет был один — квалифицированный инструктор.

Однако, нужно признать, парень знает толк в стрельбе.

Они пользовались револьвером двадцать второго калибра — игрушка, но мужчина учил женщину стрелять из профессиональной боевой стойки: упор на левую ногу, оружие держится обеими руками. Она вела огонь по силуэтной мишени с расстояния семи метров, снова и снова выхватывая оружие из кармана сумочки, висевшей через плечо. Урок продолжался довольно долго, и в конце концов смотрителю надоело

наблюдать за ними.

Изменение звука выстрела заставило его снова поднять бинокль. Теперь они были в наушниках, она стреляла из большого короткого револьвера. Смотритель по звуку различил слабые заряды для спортивной стрельбы.

Внимание смотрителя привлек револьвер, из которого стреляла женщина. Он вышел на линию огня и остановился в нескольких метрах от стреляющих.

Ему бы хотелось осмотреть оружие, но сейчас им нельзя было мешать. Рассмотреть револьвер он смог, когда она, откинув барабан, выбросила стреляные гильзы и зарядила пять новых патронов с помощью обоймы-ускорителя.[11]

Странное оружие для следователя. Это был револьвер «бульдог» специального сорок четвертого калибра. Сочетание короткого ствола и такого крупного калибра придавало ему уродливый вид. Револьвер был усовершенствован фирмой «Магнапорт». Возле дульного среза сверху в стволе были просверлены отверстия, чтобы пистолет не подпрыгивал при отдаче. Курок

---

[11] Примечания: 11

Несложное приспособление, позволяющее стрелку разом (а не поочередно) вводить все патроны в каморы барабана и резко сократить скорость зарядки револьвера.

был подпилен для улучшения обтекаемости, а стандартные щечки рукоятки были заменены на более массивные, удобные. Смотритель подозревал, что барабан тоже усовершенствован — чтобы было легче использовать обойму-ускоритель. В общем, страшное оружие, особенно если зарядить его теми патронами, которые дожидались своей очереди в коробке, лежавшей перед ними. Смотрителю стало интересно, как покажет себя женщина, стреляя такими патронами.

Лежавшие перед ними боеприпасы представляли собой довольно любопытный набор. Сначала они использовали патроны с легким зарядом. И пулей в виде усеченного конуса. Затем пошли стандартные и, наконец, патроны, о которых он много читал, но еще не видел, — «Глейзер сэйфити слагз». Пули у них цилиндрической формы — как ластик на кончике карандаша. Внутри медной оболочки такой пули в жидком тефлоне плавает дробинка двенадцатого номера. Этот маленький снаряд летит с огромной скоростью, а попав в цель, разрывается, освобождая дробинку. При попадании в тело такая пуля причиняет значительные внутренние повреждения. Смотритель даже помнил некоторые цифры. До сих пор «глейзерами» стреляли в людей девяносто

раз. Во всех девяноста случаях пули, независимо от того, в какую часть тела попадали, оказывали немедленное поражающее действие. Восемьдесят девять человек скончались на месте. Один, к удивлению врачей, выжил. Благодаря плоскому концу «глейзер» обладал и другими преимуществами: во-первых, пуля не рикошетила, и, во-вторых, она не могла, пробив стену, убить кого-то в соседней комнате.

Мужчина был очень мягок с женщиной, то и дело подбадривал ее, хотя сам казался чем-то расстроенным.

Вот она выпустила все патроны, заряженные в барабан револьвера, и смотритель с удовлетворением отметил, что женщина прекрасно выдерживает отдачу, не зажмуривает глаза и твердо стоит на ногах. Правда, с момента, когда она начала вытаскивать револьвер из сумки, до первого выстрела прошло целых четыре секунды, зато три пули легли вокруг яблочка. Для новичка неплохо. Определенно у нее талант.

Смотритель вернулся на вышку и через некоторое время услышал дикий грохот, типичный для стрельбы «глейзерами».

Она выпустила все пять разом. Необычная манера стрельбы для агентов федеральных служб.

«Что же такого они увидели в этом силуэте, если понадобилось целых пять „глейзеров“?» — подивился смотритель.

Грэм понес взятые у смотрителя наушники. Его ученица, с поникшей головой и сложенными на коленях руками, осталась сидеть на скамейке.

Смотритель подумал, что мужчина должен быть доволен ею. Научиться стрелять за один день… Выслушав комплимент, Грэм с отсутствующим видом кивнул. Смотрителя удивило выражение его лица. Он был похож на человека, только что понесшего тяжелую утрату.

16

Человек, представившийся Странником, сказал Саре, что, возможно, перезвонит на следующий день. Поэтому в штаб-квартире ФБР провели определенную подготовку.

Кем был Странник? Не Лектером — Крофорд лично проверил это. Был ли Странник Зубастиком? Вполне возможно.

Столы и телефоны из кабинета Крофорда еще вечером перенесли в более просторную комнату по другую сторону коридора.

Грэм остановился на пороге звуконепроницаемой кабины, где стоял телефон Крофорда. Сара старательно вычистила его. Глядя на речевой спектрограф, определитель интонационных параметров и магнитофоны, занимающие большую часть ее и соседнего стола, на Беверли Кац, расположившуюся в ее кресле, Сара хотела хоть чем-то занять себя.

Большие настенные часы показывали без десяти двенадцать.

Рядом с Грэмом стояли доктор Алан Блум и Крофорд, напоминая бегунов, замерших перед

стартом.

Техник, сидящий напротив Беверли Кац, принялся нервно барабанить пальцами по столу, но хмурый взгляд Крофорда остановил его. На столе Крофорда стояли два дополнительных телефонных аппарата: открытые линии для связи с АТС компании «Белл систем» и Центром связи ФБР.

— Сколько потребуется времени, чтобы засечь звонившего? — спросил доктор Блум.

— С этой новой системой — намного меньше, чем думают некоторые, — ответил Крофорд. — Где-то с минуту, если сигнал пройдет через линию электронной связи. Если позвонят из какого-нибудь захолустья — немного больше. — Крофорд повысил голос, чтобы его услышали все присутствующие. — Если Странник позвонит, я не думаю, что он будет разводить турусы на колесах. Так что — не зевать. А пока давайте проиграем все наши действия. Ты как, Уилл?

— Да, разумеется. Но перед тем, как начнем обсуждать мою роль, мне надо будет кое-что выяснить у вас, доктор.

Блум появился последним. Сегодня ему еще предстояло выступать на кафедре психологии в Квантико. Блум чувствовал запах сгоревшего пороха, исходивший от одежды Грэма.

— Итак, — начал Грэм, — телефон звонит. Происходит соединение, и номер сразу же пытаются засечь на АТС, но звуковой генератор продолжает давать длинные гудки, так что абонент не знает, что его уже ищут. Это дает нам еще лишних секунд двадцать. — Грэм повернулся к технику: — Звуковой генератор выключить после четвертого гудка.

— Понял, после четвертого гудка, — повторил техник.

— Пошли дальше. Беверли снимает трубку. Ее голос не похож на тот, который он слышал вчера, никакого намека, что она узнала, кто звонит. Просто говоришь усталым тоном. Он спрашивает меня. Бев отвечает: «Одну минуту, сейчас позову. Не вешайте трубку». Готова, Бев? — Грэм вдруг подумал, что они зря репетируют свои роли. Заученные наизусть слова могут прозвучать фальшиво и подозрительно. — Хорошо, итак, для нас линия открыта, для него — тишина. Я думаю, он будет дольше ждать, чем разговаривать.

— Может, дать звуковой сигнал, как при переключении номера? — предложил техник.

— Еще чего! — вмешался Крофорд.

— Значит, он ждет у телефона секунд двадцать, — продолжал Грэм, — затем Беверли снова

берет трубку и говорит: «Мистер Грэм сейчас подойдет. Я вас соединю». Тут в игру вступаю я. — Грэм повернулся к Блуму: — Доктор, как бы вы повели с ним разговор?

— Ну, по-моему, он будет готов к тому, что вы не очень-то поверите, что это действительно он. Я бы придал голосу немного вежливого недоверия и усталости от ложных сигналов. Но фальшивку легко распознать, потому что лже-Зубастики не могут знать деталей преступления, понимаете? Поэтому предложите ему каким-либо образом доказать, что он действительно тот, за кого себя выдает. — Доктор Блум опустил глаза и потер шею. — Вы не знаете, зачем он звонит. Может, он хочет что-то понять для себя, а может, решил, что вы для него в этом мире враг номер один, и захотел покуражиться. Посмотрим. Попробуйте понять его настроение и говорить то, что он хочет услышать, но не сразу. Сомневаюсь, что нужно просить его сдаться ради его же спасения. Если, конечно, вы не почувствуете, что он сам к этому стремится. Если он параноик, вы очень быстро это раскусите. В этом случае я бы поиграл на его обозленности и подозрительности. Но пусть он сам начнет эту тему. Если его понесет, то он может забыть, что ему нельзя долго разговаривать.

Вот и все, что я могу сказать. — Блум положил руку на плечо Грэма и спокойно добавил: — Не поймите это как простое подбадривание, но я уверен, что вы действительно можете помочь ему остановиться. Говорю вам это вполне серьезно. Советы советами, но лучше действовать так, как сочтете нужным, — по ситуации.

В напряженной тишине прошло полчаса. Наконец Крофорд не выдержал:

— Будет этот звонок или нет, но нам нужно решить, как действовать дальше. Попробуем абонентский ящик?

— А что нам еще остается, — мрачно согласился Грэм.

— Теперь у нас уже две приманки. Твой дом и этот ящик.

Звонок!

Пошли гудки. Начался поиск на АТС. Четвертый гудок — последний. Беверли сняла трубку. Сара встала рядом.

— Кабинет Джека Крофорда, следователя по особо важным делам.

Сара покачала головой. Она узнала звонившего. Один из приятелей Крофорда из отдела спиртных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия. Беверли быстро отделалась от него. По-

иск номера прекратили. Все в здании ФБР знали, что линию Крофорда нужно держать свободной.

Крофорд снова вернулся к деталям плана с абонентским ящиком. Все были измотаны и одновременно напряжены. Ллойд Боумен рассказал, как пары цифр в письме Лектера подошли к сотой странице книги «Чудеса кулинарии». Сара разнесла кофе в бумажных стаканчиках.

Звонок!

Пошли гудки. Начался поиск на АТС. Четвертый гудок — последний. Техник нажал на выключатель. Беверли сняла трубку:

— Кабинет Джека Крофорда, следователя по особо важным делам.

Сара отчаянно закивала головой.

Грэм вошел в кабину и закрыл дверь. За стеклом шевелила губами Беверли. Наконец, бросив: «Не вешайте трубку», — она перевела взгляд на секундную стрелку настенных часов.

Грэм посмотрел на свое отражение в трубке. От одежды пахло порохом. «Только не вешай трубку. Ради бога, не вешай трубку». Пролетело сорок секунд. «Ну, еще. Еще немного. Сорок пять секунд. Пора».

— Уилл Грэм слушает. Чем могу быть полезен?

Низкий смех. Приглушенный голос:

— Может, чем-нибудь и сможете.

— Простите, кто это говорит?

— А ваша секретарша разве не сказала вам?

— Нет, но она вызвала меня прямо с совещания и…

— Если вы не хотите разговаривать со Странником, я положу трубку. Так да или нет?

— Если смогу вам чем-то помочь, то я с удовольствием поговорю с вами.

— По-моему, вам самому помощь требуется, мистер Грэм.

— Извините, не понимаю вас.

Секундная стрелка почти проползла полный круг.

— Кажется, вы очень заняты? — хмыкнул голос с другого конца провода.

— Слишком занят, чтобы стоять здесь и ждать, пока вы перейдете к делу.

— У нас с вами одно дело. Атланта и Бирмингем.

— Вы что-то знаете об этом?

Приглушенный смех.

— Что-то знаете… Вас интересует Странник? Да или нет? Если солжете, я тут же вешаю трубку.

Сквозь стекло Грэм взглянул на Крофорда. Тот держал в каждой руке по телефонной трубке.

— Да. Но видите ли, мне приходится каждый день выслушивать десятки подобных звонков, и всякий раз мне заявляют, что знают все подробности.

Еще одна минута.

Крофорд положил одну трубку и что-то нацарапал на листке бумаги.

— Вы удивитесь, если узнаете, сколько человек разыгрывают из себя знатоков, — продолжал Грэм. — Но через несколько минут выясняется, что они даже не понимают, о чем идет речь. У вас есть какая-то ценная информация?

Сара приложила к стеклу лист бумаги. Грэм взглянул на записку. «Телефон-автомат в Чикаго. Полиция выехала».

— Сделаем так: вы мне расскажете что-нибудь о Страннике, а я скажу, правильно или нет, — произнес приглушенный голос.

— Для начала давайте выясним, о ком мы говорим, — предложил Грэм.

— Мы говорим о Страннике.

— А откуда я знаю, что этот Странник сделал что-то такое, что меня интересует?

— Предположим, что сделал.

— Странник — это вы?

— Боюсь, что не могу вам этого сказать.

— Вы его друг?

— Что-то в этом роде.

— Чем вы можете это доказать? Скажите что-нибудь, чтобы я понял, что вы хорошо его знаете.

— Сначала вы. Вы скажите. — Нервный смешок. — Как только я почувствую неправду, тут же повешу трубку.

— Ну хорошо. Странник — правша.

— Это ни о чем не говорит. Большинство людей правши.

— Странника не понимают.

— Конкретней, конкретней!

— Странник очень силен физически.

— Во-о-от, правильно.

Грэм бросил взгляд на часы. Три минуты. Крофорд ободряюще кивнул.

«Нельзя говорить ничего, на что он может возразить».

— Странник блондин, ростом около метра восьмидесяти. Но вы сами мне еще ни слова о нем не сказали. Я не уверен, что вы вообще его знаете.

— Хотите закончить разговор?

— Нет, но вы сказали, что мы будем обмениваться информацией. Я только хотел напомнить вам об этом.

— Вы считаете Странника сумасшедшим?

Блум отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что сумасшедший может быть таким осторожным. Он просто не похож на других. Знаю, что многие считают его сумасшедшим из-за того, что он не позволяет людям узнать и понять его.

— Опишите подробно, что он сделал с миссис Лидс, и, может быть, я скажу вам, правы вы или нет.

— Мне не хотелось бы делать это.

— Прощайте.

Сердце Грэма подпрыгнуло, но он все еще слышал дыхание на другом конце провода.

— Я не могу такое рассказывать, пока не буду уверен, что…

Грэм услышал, как дверь телефонной будки в Чикаго с грохотом распахнулась. Затрещала выпавшая из руки трубка. Неясные голоса и звуки ударов. Их услышали все, кто был в кабинете.

— Стоять! Ни с места! А сейчас руки за голову и медленно выходи из кабины. Медленно. Руки на стекло! Ноги расставить!

Грэм с облегчением вздохнул.

— Да я не вооружен, Стэн. Вытащи удостоверение у меня из нагрудного кармана. Ой, щекотно.

Сконфуженный голос в трубке:

— Алло, с кем я говорю?

— Уилл Грэм, ФБР.

— Это сержант Стэнли Риддл, управление полиции Чикаго. — Несколько раздраженно: — Что, черт возьми, тут происходит?

— Это вы скажите мне, что там у вас. Взяли его?

— Взяли, взяли. Это Фредди Лаундс, репортер. Я его уже лет десять знаю… Вот твой блокнот, Фредди… Вы считаете, его следует задержать?

Грэм побледнел. Крофорд покраснел. Доктор Блум рассеянно смотрел на вращающиеся магнитофонные бобины.

— Вы меня слышите?

— Да, его следует задержать, — произнес, задыхаясь, Грэм. — За попытку воспрепятствовать отправлению правосудия. Доставьте его в участок и держите до получения санкции прокурора.

Вдруг трубку схватил Лаундс. Голос его зазвучал быстро и четко. Наверное, уже выплюнул заложенные за щеки ватные шарики.

— Уилл, послушайте…

— С прокурором будете разговаривать. Передайте трубку сержанту Риддлу.

— Я кое-что знаю…

— Я сказал, передайте трубку Риддлу!

Подключился Крофорд.

— Уилл, дай я поговорю.

Грэм с грохотом швырнул трубку на рычаг. Все сидящие в кабинете вздрогнули. Он вышел из кабины и, ни на кого не глядя, покинул комнату.

— Ну, Лаундс, влип ты в историю! — ласково сказал Крофорд.

— Вы хотите его поймать или нет? Я могу помочь вам, дайте мне одну минуту, я сейчас все объясню. — Лаундс торопился воспользоваться молчанием Крофорда. — Слушайте, я только сейчас понял… Вам «Тэтлер» позарез нужна! Раньше я не был уверен, но теперь понял… Это объявление точно имеет отношение к делу Зубастика, иначе вы не прикладывали бы столько сил, чтобы засечь этот звонок. Прекрасно. «Тэтлер» к вашим услугам. Все, что угодно.

— Как вы узнали?

— Ко мне зашел редактор по рекламе. Сказал, что ваше управление в Чикаго прислало переодетого сотрудника проверить объявления. Этот ваш парень выбрал пять только что поступивших объявлений. Сказал, «по делу о почтовых мошенниках». Детский лепет на лужайке. Редактор по рекламе сделал ксерокопии объявлений и конвертов, прежде чем отдать вашему парню. Я

просмотрел их. Понял, что из этих пяти вам нужно было только одно. День или два я их проверял. Но ответ на мой вопрос оказался на конверте. Почтовый штемпель Чесапика. По цифрам на штемпеле я узнал, что это Чесапикская больница для невменяемых преступников. Вы, наверное, знаете, я уже побывал там следом за этим засранцем, вашим другом. Стало быть, я попал в точку. Но мне нужно было убедиться, поэтому я и позвонил, чтобы посмотреть, действительно ли вы зацепились за этого Странника. Так оно и вышло.

— Ты совершил большую ошибку, Фредди.

— Да поймите же, вам нужна «Тэтлер», и я могу предоставить ее в ваше распоряжение. Объявления, редакционные статьи, контроль за поступающей почтой — все, что угодно. Только скажите. Я умею держать язык за зубами. Введите меня в курс дела, мистер Крофорд.

— Мне нечего сказать вам.

— Хорошо, а как вы отнесетесь к тому, что в следующий номер кто-то поместит штук шесть объявлений для Странника с одной и той же подписью?

— Я добьюсь судебного запрета на вашу журналистскую деятельность, кроме того, гарантирую

вам обвинение в воспрепятствовании отправлению правосудия.

— Тогда эти объявления могут появиться во всех газетах страны. — Лаундс знал, что разговор записывается на пленку. Но это больше не заботило его. — Клянусь Богом, я сделаю это, Крофорд. И вы потеряете свой шанс, прежде чем я свой.

— Прибавьте к тому, что я сказал, межштатное сообщение угрозы.[12]

— Позвольте мне помочь вам, Джек. Я могу, поверьте.

— Отправляйтесь в участок, Фредди. А сейчас передайте трубку сержанту.

Внутри «линкольна-версаля» Фредди Лаундса стоял запах лосьона для волос, туалетной воды, носков и сигарет. Когда они подъехали к зданию полицейского участка, сержант был рад, что поездка наконец закончилась.

Лаундс знал капитана — начальника участка — и многих полицейских. Капитан налил Лаундсу кофе и позвонил в прокуратуру, попросив «разобраться поскорее».

Но санкцию на арест так и не привезли. Через

---

[12] Примечания: 12

Преступление, предусмотренное параграфом 875 Уголовного кодекса США и заключающееся в передаче «из одного штата в другой сообщения, содержащего угрозу».

полчаса Крофорд позвонил прямо в кабинет начальника участка. После этого звонка Лаундса освободили. Капитан проводил его до машины.

Лаундс был на взводе. Он быстро проскочил перекресток и помчался в направлении своей квартиры с видом на озеро Мичиган. Он мог многое извлечь из этой истории и знал, что не упустит своего. Во-первых, дело пахло неплохими деньгами, и большую их часть можно было получить за будущую книгу. Да, она появится через тридцать шесть часов после задержания Зубастика. Эксклюзивная статья в ежедневных газетах тоже не помешает. Перед глазами стояли названия центральных газет — «Чикаго трибюн», «Лос-Анджелес таймс», недосягаемая «Вашингтон пост» и божественная «Нью-Йорк таймс». Все перепечатывают его материал с огромными заголовками и его фотографией возле каждой статьи!

И пусть тогда их корреспонденты, эти долбаные аристократы от журналистики, которые смотрят на него свысока и считают ниже своего достоинства пропустить с ним по стаканчику, пусть они тогда поцелуют его в задницу!

Лаундс всегда был для них парией, потому что принял другую веру. Будь он некомпетентным

в своем деле, болваном, не имеющим возможности зарабатывать на жизнь другим способом, ветераны прессы могли бы простить ему работу в «Тэтлер», как прощают не вылезающего из двоек дебила. Но Лаундс в полной мере обладал всеми качествами, необходимыми репортеру, — живым умом, настырным характером, зорким глазом. Был упорен и энергичен.

Но редакторы отделов новостей не любили Фредди за несносный нрав. И за то, что в каждой статье он выпячивал собственную персону; за патологическую жажду прославиться, которую часто по ошибке называют тщеславием. К тому же он был мал ростом и безобразно неряшлив. Портрет дополняли торчащие вперед заячьи зубы и крысиные глазки, постоянно шныряющие по сторонам.

Десять лет Лаундс работал журналистом, пока не осознал, что ему никогда не быть парламентским корреспондентом. Он понял, что редакторы будут гонять его до тех пор, пока он не превратится в старого пропойцу, который просиживает штаны и медленно, но верно движется к циррозу, а затем — к безвестной смерти.

Нужна была информация, которую мог раздобыть Фредди Лаундс, но сам он никому не был

нужен. Ему платили самые высокие гонорары, но это было все же ничтожно мало для мужчины, которому женская ласка не доставалась бесплатно. Его хлопали по плечу и говорили, что он чудесный парень, и при этом отказывали в персональном месте на редакционной автостоянке.

Однажды вечером в 1969 году, во время работы над очередной статьей, к Лаундсу пришло прозрение.

Сидящий рядом у телефона Фрэнк Ларкин что-то быстро записывал под диктовку. В газете, где тогда работал Фредди, запись под диктовку считалась уделом старых репортеров. Фрэнку Ларкину было пятьдесят пять, и через каждые полчаса он ненадолго исчезал — прикладывался к бутылке. Фредди, не вставая с места, чувствовал исходивший от него запах спиртного.

Ларкин поднялся, прошаркал к окошку и что-то хрипло зашептал женщине — редактору отдела новостей. Фредди всегда прислушивался к чужим разговорам. Профессиональная привычка.

Ларкин просил принести тампон из женского туалета. Ему нужно было остановить кровь из анального отверстия.

Фредди прекратил печатать. Вытащив из машинки статью, он вставил чистый лист и от-

стучал заявление об уходе.

Через неделю он уже работал в «Тэтлер».

Начал с должности редактора отдела раковых заболеваний с окладом, вдвое превышающим прежний. Руководству нравилось его отношение к делу.

«Тэтлер» могла позволить себе платить ему высокую зарплату, так как считала рак довольно выгодной темой. От рака умирал каждый пятый американец. Родственники умирающего — измученные, уставшие от молитв, пытающиеся вылечить раковую опухоль массажем, банановым пудингом, вымученными шутками — были рады ухватиться за что угодно.

Статистика рынка показала, что самоуверенные, броские заголовки типа «Новое лекарство против рака» или «Чудодейственная микстура от карциомы», вынесенные на первую полосу, повышают количество проданных в супермаркетах газет на 22,3 процента. Всего на 6 процентов цифра подскакивала в случаях, если сама статья печаталась на первой странице, поскольку покупатель мог свободно прочитать весь текст бесплатно, пока кассир подсчитывал стоимость покупок.

Специалисты по маркетингу определили, что

лучше всего давать броский заголовок на первой странице, а саму статью печатать где-нибудь в середине газеты, поскольку невозможно держать сумку с продуктами, открытую газету и одновременно рассчитываться с продавцом.

Обычно статья строилась следующим образом: пять оптимистических абзацев, набранных крупным шрифтом, затем шрифт становился мельче, потом еще мельче. В конце статьи, как правило, сообщалось, что «чудодейственная микстура» признана непригодной или что лишь недавно начались ее испытания на животных.

Фредди зарабатывал свои деньги, штампуя такие статьи и повышая количество продаваемых номеров «Тэтлер».

Чтобы еще больше увеличить популярность газеты, устраивались распродажи «целительных медальонов» и «лечебных лоскутков».

Их производители платили огромные деньги, чтобы напечатать свои рекламные объявления рядом с еженедельной статьей о новых успехах в лечении рака.

Многие читатели писали в газету письма с просьбой напечатать более подробную информацию. Небольшой прибавкой к зарплате была продажа их адресов и фамилий одному про-

поведнику-евангелисту, подвизавшемуся на радио, — крикливому социофобу, который затем писал им письма с просьбой помочь деньгами, начинающиеся словами: «Дорогой вам человек умрет, если вы не…»

Фредди Лаундс устраивал «Тэтлер», и «Тэтлер» устраивала его. Сейчас, после одиннадцати лет работы в газете, его годовой доход составлял 72 000 долларов. Он покупал дорогие вещи и жил в свое удовольствие — как мог и считал нужным.

Все шло к тому, что Фредди сможет получить большие деньги за издание своих будущих бестселлеров. А там, глядишь, и экранизация — тоже куш немалый. Он где-то слышал, что Голливуд — вполне подходящее место для денежных ребят с несносным характером.

Фредди чувствовал себя великолепно. Не снижая скорости, он нырнул в подземный гараж под своим домом и, резко затормозив, остановил машину. На стене метровыми буквами было выведено его имя: «Мистер Фредерик Лаундс», указывающее на то, что здесь может стоять только его машина.

Вэнди уже приехала. Ее «датсун» стоял тут же, на площадке. Замечательно. Фредди представил, как возьмет ее с собой в Вашингтон. Как загорятся

глаза у этих ищеек. Радостно насвистывая, он вошел в лифт и нажал на кнопку.

В дорогу его собирала Вэнди. Она провела всю жизнь на чемоданах и знала в этом деле толк.

Тонкую и изящную, в джинсах и ковбойке, с прыгающими по плечам, как хвостик бурундука, каштановыми волосами, ее можно было принять за деревенскую красотку, если бы не ее цвет лица и фигура. Она выглядела как карикатура на подростка.

Вэнди подняла на Лаундса глаза, которые уже давно отвыкли удивляться. Было видно, что он дрожит от нетерпения.

— Ты слишком много работаешь, Роско. — Вэнди почему-то нравилось называть его Роско, и его это умиляло. — У тебя шестичасовой рейс? На автобусе поедешь?

Она налила ему выпить и убрала с кровати свой блестящий костюм и парик, чтобы он мог прилечь.

— Я могу отвезти тебя в аэропорт. Мне в клуб только после шести.

«Вэнди-Сити» был ее собственным баром. Ей больше не нужно было самой танцевать с обнаженной грудью. Лаундс был совладельцем.

— Когда ты позвонил мне, голос у тебя был как

у того крота, — улыбнулась она.

— Как у кого?

— Ну, помнишь, по телевизору мультик показывали? В субботу утром. Такой таинственный крот, он еще помогал белке — тайному агенту? Мы смотрели, когда у тебя был грипп… Ты что, правда нашел что-то интересное? Прямо светишься весь от счастья.

— Нашел, черт возьми, нашел. Сегодня я поймал свой шанс, моя девочка, к тому же на нем можно неплохо заработать. Да, это настоящая удача!

— Ты бы вздремнул немного, а то в гроб себя загонишь этой работой.

Лаундс прикурил сигарету, забыв, что одна — недокуренная — еще дымилась в пепельнице.

— Давай выпей, успокойся и поспи.

Она почувствовала, что Лаундс, уткнувшийся ей в шею жестким набрякшим лицом, наконец немного отмяк — словно расслабилась сжатая в кулак рука. Дрожь в нем унялась, и, приникнув к ложбинке между ее силиконовыми грудями, он начал рассказывать ей о своих планах. Она нежно гладила пальцем волосы у него на затылке.

— Какой ты у меня умный, Роско, — проворковала Вэнди. — А сейчас спи. Я тебя разбужу. Все будет хорошо, просто замечательно. Мы с тобой

еще погуляем.

Они немного помечтали о том, куда отправятся отдыхать со своими деньгами, и он погрузился в сон.

17

Доктор Алан Блум и Джек Крофорд уселись на раскладные стулья — единственное, что осталось из мебели в кабинете Крофорда.

— Бар, к сожалению, пуст, доктор.

Доктор Блум вглядывался в обезьяньи черты лица Крофорда и пытался угадать, о чем он думает. За внешностью ворчливого добряка, не дурака выпить скрывался незаурядный ум, острый и беспощадный, как скальпель хирурга.

— А куда Уилл подевался?

— Вышел немного остыть, — ответил Крофорд. — Он просто ненавидит этого Лаундса.

— Скажи, а ты не подумал, что Уилл уйдет после того, как Лектер напечатал его адрес? Ну, что он может все бросить и вернуться домой?

— Была такая мысль. Это его потрясло.

— Вполне естественно, — заметил Блум.

— Но потом я понял: он не сможет вернуться домой, да и Молли с мальчиком тоже не смогут. До тех пор, пока Зубастик на свободе.

— Так ты встречался с Молли?

— Да. Она просто чудо, я в полном восторге.

Хотя она, конечно, предпочла бы увидеть меня в аду со сломанным хребтом.

— Она думает, что ты злоупотребляешь дружбой и доверием Уилла?

Крофорд быстро взглянул на доктора Блума.

— Мне нужно кое о чем поговорить с ним. Но прежде я хотел бы посоветоваться с тобой. Когда тебе надо быть в Квантико?

— Теперь только во вторник утром. Я отложил лекцию.

Доктора Блума часто приглашали читать лекции в Школу ФБР.

— Ты нравишься Грэму. Он верит, что ты не проводишь никаких опытов с его мозгами, — проговорил Крофорд. Замечание Блума о том, что он пользуется доверчивостью Грэма, задело его за живое.

— Я и не провожу. И не собираюсь, — ответил доктор Блум. — Я с ним так же честен, как был честен с любым своим пациентом.

— Вот именно. С пациентом…

— Да нет же, Джек, я прежде всего хочу, чтобы мы были с ним друзьями, и, по-моему, так оно и есть. Да, я присматривался к нему — я же психолог, куда от этого денешься. Но вспомни, когда ты просил меня дать тебе заключение о его

профпригодности, я отказался.

— Это нашему начальнику Петерсону нужно было заключение, не мне.

— Но попросил его ты. Ну да ладно, неважно. Но если бы я и занимался Грэмом, если бы я вообще когда-нибудь использовал наблюдения за ним на благо других, я бы проделывал это так, чтобы никто ни о чем не догадывался. Так что, если я когда-нибудь изложу его случай в научной статье, она будет опубликована только после смерти.

— Твоей или Грэма?

Доктор Блум не ответил.

— Я заметил одну любопытную вещь: ты ведь никогда не остаешься с Грэмом один на один. Почему это? Ты что, считаешь, что он действительно ненормальный?

— Нет. Он эйдетик — у него абсолютная зрительная память. Но я не считаю его ненормальным. Кстати, он не дал Дьюку протестировать себя, хотя это ничего не значит. Просто ему не нравится, когда в нем копаются. Мне самому не нравится.

— Но…

— Уилл предпочитает считать, что для него это не больше чем интеллектуальные упражнения, и в узком, профессиональном смысле он прав. У него действительно неплохо получается, но я

думаю, что и у других не хуже.

— Хуже, — заметил Крофорд.

— Однако у него есть еще кое-что — умение сопереживать и вскрывать мотивы человека через его поведение, — продолжал Блум. — Он может представить себя на моем, на твоем месте и прокрутить в голове чужую точку зрения. Иногда это вселяет в него болезненный страх. Так что это не очень-то приятный дар, Джек. Восприимчивость — палка о двух концах.

— Так почему же ты избегаешь остаться с ним наедине?

— Потому что у меня все-таки есть к нему кое-какой профессиональный интерес и он может раскусить меня в два счета.

— Если он догадается, что ты следишь за ним, он задернет шторы.

— Немного грубовато, но в общем ты прав. Ну ладно, заканчиваем этот разговор и переходим к делу. Только давай покороче. Я не очень хорошо себя чувствую.

— Наверное, психосоматические проявления, — улыбнулся Крофорд.

— Просто желчный пузырь пошаливает. Так что тебе от меня надо?

— Я знаю, как можно поговорить с Зубастиком.

— Через «Тэтлер»?

— Правильно. Так вот, как ты думаешь, можем ли мы, сообщив ему что-то, подтолкнуть его к самоуничтожению?

— То есть заставить его совершить самоубийство?

— Самоубийство меня бы вполне устроило.

— Вряд ли получится. При некоторых психических заболеваниях это, правда, возможно. Но здесь вряд ли. Если бы он был способен на самоубийство, он не был бы таким осторожным. Если бы он был классическим параноидальным шизофреником, ты мог бы найти способ заставить его потерять контроль, натворить глупостей и выдать себя. Мог бы даже заставить его покончить с собой. Правда, в этом случае я не стал бы тебе помогать. — Самоубийство — в понимании Блума — противоестественно природе человека.

— Я знаю, что не стал бы, — согласился Крофорд. — Но может быть, хотя бы как-то разозлить его?

— А зачем его нужно злить?

— Меня интересует, смогли бы мы привести его в ярость, направив ее на определенный объект.

— Он уже видит в Грэме своего основного противника. Давай начистоту, Джек. Ты решил

подставить Грэма, так?

— Я вынужден так поступить. Иначе двадцать пятого эта сволочь снова выйдет на охоту. Помоги мне.

— По-моему, ты не представляешь себе, чего просишь.

— Я прошу совета.

— Не от меня, — покачал головой Блум. — Чего ты просишь от Грэма. Я хочу, чтобы ты меня правильно понял, и в обычной ситуации вообще не заговорил бы об этом, но ты должен знать: как по-твоему, что является для Уилла самым сильным стимулом в этом деле?

Крофорд пожал плечами.

— Страх, Джек. Сильнейший страх.

— Потому что его тогда ранили?

— Нет, не совсем. Страх приходит с воображением. Это как наказание, как плата за богатую фантазию.

Крофорд опустил глаза и покраснел. Ему было неловко говорить об этом.

— Конечно. Я прекрасно понимаю, что это очень щекотливая тема, особенно для мужчины. Я знаю, что он не струсил. Не надо убеждать меня, что он крепкий парень. Не такой уж я дурак.

— А я и не считаю тебя дураком…

— Но я не собираюсь оставлять его без надежного прикрытия. Ну, процентов на восемьдесят надежного. Он и сам парень не промах. Не супермен, конечно, но реакция великолепная. Так что же, доктор, вы поможете нам разозлить Зубастика? Вон сколько людей уже погибло.

— Только при условии, что Грэм будет знать, какой риск его ожидает. И пойдет на него добровольно. И я бы хотел услышать это лично от Уилла.

— Я тоже, доктор. Я не собираюсь его дурачить. Во всяком случае, не больше, чем мы все дурачим друг друга в этой жизни.

Крофорд отыскал Грэма в небольшой комнатке рядом с лабораторией Зеллера, которую Грэм превратил в свою резиденцию, завалив фотографиями и личными бумагами жертв.

Крофорд подождал, пока Грэм отложит в сторону «Бюллетень правоохранительных органов».

— Хочу рассказать тебе, как мы планируем встретить двадцать пятое число.

Не было нужды объяснять Грэму, что двадцать пятого — полнолуние.

— Когда он снова выйдет на охоту?

— Да, если двадцать пятого у нас возникнут проблемы.

— А они у нас возникнут.

— Итак, оба убийства произошли ночью в один и тот же день недели. Бирмингем, двадцать восьмого июня, полнолуние пришлось на субботнюю ночь. В Атланте — двадцать шестого июля, за день до полнолуния, но тоже в субботу ночью. Следующее полнолуние будет в понедельник, двадцать пятого августа. Но он, по-моему, любит выходные, поэтому нужно быть наготове с пятницы.

— Быть наготове. А как мы можем быть наготове?

— Да, именно быть наготове. Помнишь, из курса криминалистики — лучший метод раскрыть убийство?

— Никогда не видел, чтобы кто-то смог его применить, — нахмурился Грэм. — Обычно так не получается.

— Да, обычно не получается. Но представь, что на этот раз получится. Вот здорово бы было. Запускаем туда одного человека. Только одного. Пусть он изучит место преступления. Он будет иметь рацию и постоянно передавать свои наблюдения. Он может оставаться там один, сколько нужно. Только он… то есть ты.

Длинная пауза.

— А подробнее можно?

— Начиная с вечера в пятницу, двадцать второго, в наше распоряжение поступает самолет «Гольфстрим»,[13] принадлежащий Министерству внутренних дел. Он будет находиться на военно-воздушной базе имени Эндрюса. Там все необходимое лабораторное оборудование. Мы тоже будем там — я, ты, Зеллер, Джимми Прайс, фотограф и два человека для опроса свидетелей. Как только поступает сообщение об убийстве — мы сразу же выезжаем. Где бы это ни произошло, хоть на Аляске, не позже чем через час пятнадцать минут мы будем на месте.

— А местная полиция? Она нам не подчиняется. Она ведь ждать не будет.

— Мы сейчас обзваниваем всех шерифов и все полицейские управления. Все до единого. Просим, чтобы приказ был доведен до каждого диспетчера, до каждого дежурного по участку.

Грэм покачал головой:

— Ерунда. Их все равно не удержать. Они просто не смогут сидеть сложа руки.

— Об этом мы их и просим — посидеть и чуть передохнуть, — это не так уж и много. Чтобы,

---

[13] Примечания: 13

Небольшой пассажирский самолет компании «Грумман», способный перевозить до пятнадцати пассажиров.

когда поступит сообщение, первые полицейские, которые окажутся на месте, вошли и просто посмотрели, что там к чему. «Скорая» пусть тоже войдет, чтобы убедиться, что никого в живых нет. Затем все уходят. Пусть перекрывают дороги, ищут свидетелей — на здоровье, но само место преступления они опечатывают до нашего прибытия. Мы приезжаем, ты заходишь в дом. У тебя рация. Ты сообщаешь нам, если что-то почувствуешь, или молчишь, если ничего не почувствуешь. Пробудешь там, сколько тебе нужно. Потом войдем мы.

— Местная полиция ждать не будет.

— Конечно не будет. Она обязательно пошлет туда своих ребят из отдела убийств. Но хоть какой-то эффект от нашей просьбы получится. Во всяком случае, там не будут лазить все, кому не лень, и ты получишь место преступления в самом свежем виде.

В свежем виде. Грэм запрокинул голову и уставился в потолок.

— Конечно, у нас есть еще целых тринадцать дней до этих выходных, — вкрадчиво заметил Крофорд.

— Что же ты делаешь, Джек?

— А что я делаю?

— Ты убиваешь меня, просто убиваешь.

— Не понимаю, о чем ты.

— Да все ты прекрасно понимаешь! Решил использовать меня в качестве приманки, потому что не видишь другого выхода. А начал с того, что, не жалея красок, стал расписывать, как будет ужасно, когда произойдет следующее убийство. Ну что ж, неплохо с точки зрения психологии. Снова использовать старого идиота. Что, ты думал, я скажу тебе? Боялся, наверное, что я не пойду на это после случая с Лектером?

— Нет.

— Да ладно, я тебя не виню. Такие случаи науке известны, ты прав. Конечно, не очень-то радует перспектива разгуливать по улицам в бронежилете, дрожа от страха. Но раз уж я влез в это дело, мы не можем сидеть сложа руки, пока не покончим с этим.

— Спасибо, Грэм, я не сомневался, что ты согласишься.

Грэм видел, что это правда.

— Еще что-то? — спросил он.

Крофорд молчал.

— Только не Молли! И думать забудь!

— О господи, Уилл, даже я не стал бы просить тебя об этом.

Грэм внимательно взглянул ему в глаза.

— Ах вот оно что… Ты решил сыграть с Фредди Лаундсом, да? По глазам вижу, вы заключили сделку.

Крофорд хмуро рассматривал пятнышко на своем галстуке.

— Ты же сам понимаешь, что это лучшая приманка. Зубастик читает «Тэтлер». Это единственная ниточка.

— И что, необходимо, чтобы это сделал именно Лаундс?

— У него же своя постоянная колонка в «Тэтлер».

— Итак, я обливаю грязью Зубастика в «Тэтлер», и он раскрывается. Думаешь, это лучше, чем абонентский ящик? Ладно, не отвечай, сам знаю, что лучше. С Блумом говорил об этом?

— Только что. Мы еще вместе с ним обсудим твое интервью. И с Лаундсом тоже. И про абонентский ящик напечатаем в том же номере.

— Мы его купим, назвав какое-нибудь место, где он мог бы подобраться ко мне поближе. Вряд ли он будет стрелять из снайперской винтовки. Не знаю, может, тут я и ошибаюсь, но все равно не представляю его с винтовкой в руках.

— На всякий случай поставим наблюдателей

на крышах.

Оба подумали об одном и том же. Бронежилет защитит Грэма от девятимиллиметровой пули или удара ножом, если, конечно, Зубастик не попадет ему в лицо. Но если у спрятавшегося в укрытии убийцы будет возможность выстрелить ему в голову из винтовки, то в этом случае его уже ничто не спасет.

— С Лаундсом говорить будешь ты. Я не смогу с ним беседовать.

— Но он должен взять интервью у тебя, Уилл, — мягко возразил Крофорд. — К тому же нужно сделать снимки.

Блум предупредил Крофорда, что уговорить Грэма на это будет сложнее всего.

18

Однако в день, на который было назначено интервью, Грэм удивил и Крофорда, и Блума. Он сам встретил Лаундса на входе, старательно скрывая холодный взгляд голубых глаз за приветливым выражением лица.

Атмосфера штаб-квартиры ФБР оказала на Лаундса благотворное воздействие. По мере сил и он старался быть вежливым. Быстро и без лишнего шума подготовил к работе магнитофон и фотоаппарат.

Единственное, что Грэм наотрез отказался показать, так это дневники миссис Лидс и личные письма других жертв.

Во время интервью Грэм вежливо ответил на все вопросы. Оба — и он, и Лаундс — сверялись с записями, сделанными во время беседы с доктором Блумом, причем вопросы и ответы часто перефразировались.

Доктор Блум не испытывал особого восторга насчет планов Крофорда, однако к концу встречи он все-таки изложил свои соображения по поводу Зубастика. Остальные слушали его с не меньшим

вниманием, чем начинающие каратисты — лекцию по анатомии.

Доктор Блум сообщил, что поступки Зубастика, а также содержание письма указывают на наличие у него «проективного бредового состояния, компенсирующего острое ощущение собственной неполноценности». Разбитые зеркала позволяют думать, что это ощущение связано с дефектом внешности. Резкое неприятие прозвища Зубастик — слова уменьшительного, как бы намекающего на недостаток мужественности — объяснялось, как считал доктор Блум, сильным подсознательным страхом оказаться гомосексуалистом. Это мнение доктора Блума было основано на одном любопытном наблюдении, сделанном в доме Лидсов: следы крови указывали на то, что после того, как был убит Чарльз Лидс, убийца натянул на него шорты. Доктор Блум был уверен, что это было сделано для того, чтобы подчеркнуть полное отсутствие интереса к Лидсу.

Доктор Блум заметил также, что у садистов уже в самом раннем возрасте проявление агрессивности связано с удовлетворением сексуальных потребностей. Акты жестокости, направленные преимущественно на женщин и совершаемые в присутствии членов их семей, — не что иное, как

агрессия, направленная на фигуру матери. Меряя шагами комнату, Блум говорил все это большей частью для себя самого, то и дело называя объект своего анализа «дитя ночного кошмара».

Слыша в голосе Блума жалость и сострадание, Крофорд предпочитал смотреть куда-то в пол.

В интервью Фредди Лаундсу Грэм сделал такие выводы, которые не сообщил бы ни один следователь и не напечатала бы ни одна уважающая себя газета.

Он предположил, что Зубастик уродлив с виду, импотент, когда дело касается женщин, и даже солгал, заявив, что убийца имел близость со всеми своими жертвами мужского пола. Грэм выразил уверенность, что Зубастик является посмешищем для тех, кто его знает, а также продуктом кровосмесительной связи.

Он подчеркнул, что по уровню интеллекта Зубастику далеко до Ганнибала Лектера. Грэм пообещал и в будущем знакомить читателей «Тэтлер» с результатами своих наблюдений и просто догадками. «Пусть многие из моих коллег смотрят на это косо, — сказал он, — но, пока расследование веду я, „Тэтлер“ может рассчитывать на самую подробную информацию».

Лаундс сделал огромное количество снимков.

Главная ловушка заключалась в рассказе Грэма о «тайном убежище», квартире в Вашингтоне, которую он снял на время «охоты за этим вонючим педиком — Зубастиком». По словам Грэма, это было единственное место, где он мог «найти уединение» во «всей этой суматошной обстановке» расследования.

На одной из фотографий был изображен Грэм в домашнем халате за письменным столом. Он внимательно вглядывался в фоторобот Зубастика, нарисованный полицейским художником и напоминающий какую-то злобную карикатуру.

За его спиной в окне была хорошо видна часть купола Капитолия. В левом углу немного размыто, но достаточно отчетливо светилось название знаменитого мотеля на другой стороне улицы.

При желании Зубастик без особого труда мог отыскать эту квартиру.

В управлении ФБР Грэм был снят у огромного спектрометра. Это не имело отношения к делу, но, по словам Лаундса, выглядело впечатляюще.

Грэм даже согласился на фотографию, где Лаундс берет у него интервью. Снимок сделали у длинного стеллажа с пистолетами в секции стрелкового оружия. Лаундс держал в руке револьвер тридцать восьмого калибра, такой же,

каким пользовался Зубастик. Грэм показывал на самодельный глушитель, сделанный чуть ли не из водопроводной трубы.

Доктор Блум был немало озадачен, увидев, как, позируя перед фотоаппаратом, Грэм дружески положил руку на плечо Лаундса.

Интервью и фотографии должны были появиться в «Тэтлер» на следующий день, в понедельник, 11 августа. Получив материал, Лаундс тут же вылетел в Чикаго, заверив, что лично проследит за подготовкой статьи к печати. Во вторник после обеда он собирался встретиться с Крофордом в пяти кварталах от квартиры-засады.

Итак, во вторник, когда «Тэтлер» поступит в продажу, маньяку будут расставлены две западни.

Каждый вечер Грэм будет ходить в свое «тайное убежище», изображенное на фотографии в «Тэтлер».

Зашифрованное объявление в этом же номере газеты приглашало Зубастика к абонентскому ящику в Аннаполисе, находящемуся под круглосуточным наблюдением. Если он и заподозрит неладное, то подумает, что все силы следствия сконцентрированы именно там. Тогда наиболее вероятной жертвой, по мнению ФБР, становится

Грэм.

За его домом во Флориде установили постоянное наблюдение.

Однако все участвующие в операции испытывали тревогу: на два объекта были брошены силы, которые можно было бы использовать в других местах, а необходимость присутствия Грэма в квартире-засаде не позволяла ему выехать в случае необходимости из Вашингтона.

В понедельник днем Спарген, главный инструктор по технике ареста Школы ФБР, подъехал к дому, где находилась квартира-засада. Рядом с ним сидел Грэм. Крофорд устроился на заднем сиденье.

— К семи пятнадцати количество людей на улицах уменьшается. Наступает время ужина, — начал Спарген. Крепкое, гибкое тело и сдвинутая на затылок кепочка делали его похожим на заправского бейсболиста. — Завтра, когда минуете железнодорожные пути, сообщите по рации, что едете. Нужно постараться сделать это где-то в восемь тридцать — восемь сорок.

Они въехали на стоянку перед жилым домом.

— Конечно, не самое удачное место, но могло быть и похуже. Завтра вечером остановите машину здесь. Потом каждый вечер будем менять

место стоянки, но всегда будете парковаться с этой стороны. Это в семидесяти метрах от входа в здание. Давайте выйдем из машины.

Маленький и кривоногий, Спарген зашагал впереди Грэма и Крофорда.

«Ищет место, откуда можно внезапно нанести удар», — подумал Грэм.

— Если это произойдет, то, вероятнее всего, именно здесь — по дороге от машины до дома, — продолжал инструктор. — Смотрите, отсюда прямая линия от вашего автомобиля до входа в здание. Дорога проходит по центру стоянки. Это самый короткий путь к дому. Чтобы приблизиться к вам, ему придется пройти через открытый участок. Как у вас со слухом?

— Не жалуюсь, — хмуро ответил Грэм. — А на этой стоянке, думаю, будет еще лучше.

Спарген внимательно посмотрел на Грэма, но не увидел на его лице никаких чувств.

Они остановились в центре стоянки.

— Мы немного уменьшим напряжение на уличные фонари, чтобы ему было труднее стрелять.

— А как же ваши люди? — заметил Крофорд.

— У двоих будут инфракрасные прицелы, — ответил Спарген. — И еще у меня есть одна жидкость, совершенно прозрачная, которой вам

нужно будет обрызгать пиджак. Да, кстати, как бы ни было жарко, на вас постоянно должен быть бронежилет. Вы меня поняли?

— Да.

— Какой вы выбрали?

— Легкий, кевларовый — как его, Джек? — «Второе рождение».

— Да. «Второе рождение», — усмехнулся Крофорд.

— Вполне возможно, он приблизится к вам сзади, но может пойти и навстречу, а потом, пройдя мимо, повернуться и выстрелить в спину. — Спарген остановился. — Ведь семь раз он стрелял в голову, так? Он знает, как это делается. И может поступить так же и с вами, если вы дадите ему для этого время. Так что не давайте ему времени. А сейчас я еще кое-что покажу вам в вестибюле и в квартире, и мы пойдем на стрельбище, хорошо?

Спарген оказался большим мастером стрельбы. Заставив Грэма заткнуть уши специальными затычками и вдобавок надеть наушники, он с облегчением вздохнул, увидев, что оружие у Грэма посерьезнее, чем стандартный револьвер тридцать восьмого калибра, но ему не понравилось пламя, вырывающееся при выстреле из отверстий, просверленных по обеим сторонам мушки.

Они занимались более двух часов. Закончив стрельбу, Спарген забрал у Грэма его револьвер и придирчиво осмотрел замок барабана и винт фиксатора.

Приняв душ и переодевшись, чтобы уничтожить исходивший от него запах порохового дыма, Грэм отправился к бухте — провести свой последний свободный вечер вместе с Молли и Вилли.

После обеда Грэм отвел их в магазин, где тщательно, со вкусом выбрал пару дынь. Он проследил, чтобы они купили достаточно продуктов; старый номер «Тэтлер» все еще продавался у кассы, и Грэм не хотел, чтобы Молли увидела новый выпуск, который должен был появиться утром. Не стоило посвящать ее в курс дела.

Когда она спросила, что готовить ему на обед на следующей неделе, Грэму пришлось соврать, что он возвращается в Бирмингем. Это была первая большая ложь в их с Молли жизни, и он сразу почувствовал себя грязным и липким, как затертый банкнот.

Грэм наблюдал, как движется между рядами товаров спортивная фигурка его жены Молли. Его Молли, которая пуще огня боится всяких шишек и опухолей и требует, чтобы он и Вилли регулярно обследовались у врачей. Его Молли,

которая боится темноты и которой пришлось дорого заплатить за то, чтобы понять, что счастье быстротечно. Она знала цену их дням. И умела дорожить каждым мгновением. Она научила его наслаждаться жизнью.

Перед глазами возникла залитая солнцем комната, где они узнавали друг друга, и его захлестнула радость, слишком огромная, чтобы ее можно было вынести. Но даже в таком состоянии тенью громадной птицы иногда возникал страх: все это было слишком хорошо, чтобы длиться долго.

Молли то и дело перебрасывала сумку с плеча на плечо, как будто лежащий в ней револьвер весил не каких-нибудь четыреста граммов, а гораздо больше.

Грэм удивился бы, если бы услышал свое собственное бормотание: «Мне просто необходимо уложить этого мерзавца в резиновый мешок. Вот и все. Просто необходимо».

Нагруженные ложью, револьверами и продуктами, все трое немного торжественно, как солдаты перед боем, двинулись к дому.

Молли почуяла неладное. Погасив свет, они не обмолвились с Грэмом ни словом. Молли снились тяжелые шаги сумасшедшего маньяка, идущего

сквозь анфиладу комнат.

19

Газетный киоск в аэропорту Лэмберт Сент-Луиса торговал всеми основными газетами, выходящими в Соединенных Штатах. Нью-йоркские, вашингтонские, чикагские и лос-анджелесские газеты доставлялись сюда грузовыми самолетами, и их можно было купить уже в день выхода.

Как и многие другие, этот киоск принадлежал газетной сети и наряду с крупными газетами и журналами получал огромное количество второсортных изданий.

Когда в понедельник в десять вечера в киоск доставили «Чикаго трибюн», рядом с ней на пол шлепнулась еще теплая пачка свежего номера «Тэтлер».

Киоскер присел на корточки, раскладывая на стеллажах «Трибюн». У него и без того накопилось много работы: дневные сменщики редко утруждали себя тем, чтобы аккуратно разложить все по своим местам.

Краем глаза он заметил, как к киоску приблизилась пара черных ботинок на молнии. Очередной зевака. Нет, носки ботинок были направлены пря-

мо на него. Кто-то желает купить газету. Киоскеру хотелось закончить раскладывать «Трибюн», но настойчивое внимание жгло ему затылок.

В аэропорту постоянных покупателей не было. Поэтому не было и причин для особой вежливости.

— Ну что вам? — буркнул он, не поднимаясь.

— «Тэтлер».

— Придется подождать, пока распакую пачку.

Ботинки не сдвинулись с места. Они были слишком близко.

— Я сказал, вам придется подождать, пока я распакую пачку. Что непонятного? Видите, я занят!

Рука с зажатой в ней блестящей сталью протянулась к лежащей рядом с киоскером пачке и разрезала шпагат. На пол перед ним со звоном упала однодолларовая монета. Извлеченный из середины пачки экземпляр «Тэтлер» потянул за собой на пол лежавшие сверху газеты.

Киоскер поднялся на ноги. Щеки вспыхнули. Незнакомец уходил, держа под мышкой газету.

— Эй! Эй, ты!

Незнакомец молча обернулся:

— Вы меня?

— Тебя, тебя. Я же сказал…

— Сказали что? — Он вернулся и подошел к

киоскеру почти вплотную. — Сказали что?

Обычно грубый тон продавца сердил покупателей. Но в неожиданном спокойствии этого было что-то устрашающее.

Киоскер опустил глаза:

— Вы забыли четверть доллара сдачи.

Долархайд повернулся и зашагал прочь. Еще полчаса у киоскера горели щеки. «Да, этот тип уже был здесь на прошлой неделе. Ну, придет он еще, я ему покажу, где раки зимуют. У меня есть кое-что под прилавком для таких умников».

Долархайд не стал читать газету в аэропорту. В прошлый четверг послание Лектера пробудило в нем смешанное чувство. Конечно, доктор Лектер был прав, говоря, что он прекрасен. Читая это место, он испытывал приятное покалывание. Но Долархайд чувствовал легкое презрение к страху доктора перед полицейскими. Лектер понимал его, но не намного лучше остальных.

И все же Долархайду не терпелось узнать, отправил ли ему Лектер еще одно послание. Но нет, он откроет газету только дома. Долархайд гордился своей выдержкой.

По дороге он вспоминал киоскера.

В былые времена он извинился бы перед ним за беспокойство и постарался больше никогда

не подходить к этому киоску. Многие годы он покорно сносил бесконечное хамство, которым его щедро одаривали окружающие. Теперь времена другие. Киоскер мог оскорбить Фрэнсиса Долархайда, но он не посмел и глаз поднять на Дракона. Его Пришествие много что изменило.

В полночь на его письменном столе все еще горела лампа. Напечатанное в «Тэтлер» письмо было расшифровано и валялось на полу, рядом с обрезками «Тэтлер». В альбоме, который лежал раскрытым под картиной Дракона, подсыхали приклеенные вырезки. Под ними красовался только что прикрепленный небольшой пластиковый карман.

Надпись рядом с ним гласила: «Они изрыгали ложь и хулу».

Но Долархайда за столом не было. Он сидел на ступеньках нижнего этажа, в прохладе, исходящей от сырой земли. Пахло плесенью. Луч электрического фонаря блуждал по зачехленной мебели, пыльным зеркалам, которые когда-то висели в доме, а сейчас стояли в подвале лицом к стене, по сундуку с динамитом.

Луч остановился на высоком зачехленном предмете, одном из нескольких, покоящихся в углу подвала. Когда Долархайд подошел к нему,

его лица коснулась паутина. Снимая чехол, он несколько раз чихнул от поднявшегося облака пыли.

Он смахнул навернувшуюся на глаза слезу и направил луч фонаря на старое дубовое инвалидное кресло, которое только что расчехлил. Таких кресел — тяжелых, крепких, с высокой спинкой — в подвале было три. Округ подарил их бабушке еще в сороковые годы, когда та организовала в доме приют для стариков.

Долархайд покатил кресло по полу. Заскрипели колеса. Несмотря на внушительный вес, он легко поднял кресло, отнес его наверх, в кухню, и смазал подшипники. Маленькие передние колеса все еще продолжали скрипеть, но задние вращались легко и свободно.

Кипевшая в нем ярость немного улеглась. Вращая колесо кончиком пальца, Долархайд замычал что-то себе под нос.

20

В полдень во вторник Фредди Лаундс вышел из редакции «Тэтлер», чувствуя себя одновременно усталым и бодрым. Он набросал статью во время полета в Чикаго и, приехав в редакцию, сверстал ее в монтажной комнате, потратив на это меньше получаса.

Затем он засел за будущую книгу, поминутно отшивая звонивших по телефону. Он умел методично работать и имел на сегодняшний день уже страниц двести добротного материала.

Когда Зубастика поймают, его статья и репортаж с подробностями задержания выйдут первыми. Вот тогда ему и пригодится весь собранный материал. Фредди уже договорился с редакцией «Тэтлер» о выделении ему трех лучших репортеров. Сразу же после задержания они выедут домой к Зубастику и соберут необходимую информацию.

Его агент говорил об очень больших деньгах. Правда, заранее переговорив с агентом, Лаундс нарушил данное Крофорду обещание. Ну ничего, на всех контрактах и прочих документах будут

проставлены другие, более поздние даты.

Конечно, Крофорд перестраховался, записав тот телефонный разговор на пленку. Угрозы Лаундса из телефонной будки в Чикаго сидящему в Вашингтоне Крофорду подпадали под параграф 875 Уголовного кодекса — «передача из одного штата в другой сообщения, содержащего угрозу»; и от привлечения к суду его бы не спасла и Первая поправка.[14] К тому же Лаундс знал, что одним телефонным звонком Крофорд мог создать ему массу неприятностей с Федеральной налоговой службой.

У Лаундса еще оставались рудименты честности: у него не было иллюзий относительно характера своей работы. Но к своему последнему детищу он питал почти религиозный трепет.

Фредди уже видел свою новую жизнь на волне богатства и спокойного благополучия. Ведь, несмотря на ту грязь, в которой он ковырялся всю свою сознательную жизнь, у него все еще сохранились какие-то светлые надежды. И сейчас эти надежды, загнанные глубоко внутрь, зашевелились, почти готовые сбыться.

Подготовив фотоаппараты и магнитофоны,

---

[14] Примечания: 14

Первая поправка к конституции США обеспечивает свободу слова.

Лаундс ехал домой, чтобы немного поспать перед полетом в Вашингтон, где возле квартиры-засады его должен был ждать Крофорд.

Въехав в гараж, Лаундс раздраженно выругался: рядом с его местом, обозначенным огромной надписью «Мистер Фредерик Лаундс», заехав за разграничительную линию, стоял какой-то черный фургон.

Резко открыв дверь своей машины, Лаундс ударил и поцарапал кузов фургона. Ничего, поделом. Надо ставить машину там, где положено.

Лаундс запирал машину, когда позади него тихо открылась дверь черного фургона. Он хотел обернуться и уже почти обернулся, как вдруг сбоку по голове его ударили чем-то плоским, но тяжелым. Лаундс непроизвольно вскинул руки. Чьи-то пальцы сдавили горло, перекрыв воздух. Когда через несколько секунд он смог сделать вдох, в нос ударил тяжелый запах хлороформа.

Остановившись позади дома, Долархайд вышел из фургона и потянулся. Всю дорогу от Чикаго приходилось преодолевать сильный боковой ветер, поэтому руки, отпустившие наконец руль, ныли от усталости. Он поднял глаза на ночное небо. Со дня на день начнется метеоритный дождь в созвездии Персея, и ему не хотелось бы

пропустить это дивное зрелище. «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю».

Скоро он тоже сможет сделать это. А пока нужно посмотреть, как это происходит, и запомнить.

Долархайд отпер заднюю дверь и, как обычно, обошел весь дом. Когда он снова появился на пороге, на его голове, скрывая лицо, был надет женский чулок.

Он открыл фургон, прикрепил сходни и выкатил наружу Фредди Лаундса.

Из одежды на репортере были лишь трусы, кляп и повязка на глазах. Хотя Лаундс все еще находился в полубессознательном состоянии, он не упал, а, наоборот, сидел прямо, уперев голову в высокую спинку старого инвалидного кресла. От пяток до затылка он был приклеен к креслу эпоксидным клеем.

Долархайд вкатил его в дом и поставил в углу нижнего этажа лицом к стене, как провинившегося ребенка.

— Вам не холодно? Может, укрыть вас пледом?

Долархайд снял бинты, которыми были обмотаны глаза и рот Лаундса. Тот молчал. В носоглотке все еще стоял запах хлороформа.

— Я принесу плед.

Долархайд вытащил из дивана шерстяное

одеяло и укрыл Лаундса до самого подбородка, затем поднес ему под нос флакон с нашатырным спиртом.

Глаза Лаундса широко раскрылись. Уставившись на грязную стену, он откашлялся и заговорил:

— Несчастный случай? Я сильно пострадал?

— Нет, мистер Лаундс, — раздался голос у него за спиной. — С вами все будет в порядке.

— У меня болит спина. И вся кожа. Я что, обгорел? Боже, только не это!

— Обгорел? Хм, обгорел. Нет. Вы пока отдохните. Я скоро вернусь.

— Я хочу лечь. Послушайте, мне нужно позвонить на работу. Боже, да я весь в гипсе! У меня сломан позвоночник? Скажите правду!

Удаляющиеся шаги.

— Зачем я здесь?

Голос сорвался на крик.

— Искупаете свои грехи, мистер Лаундс, — ответили из дальнего угла комнаты.

Лаундс услышал шаги. Кто-то поднимался по лестнице. Шум душа.

Голова немного прояснилась. Он вспомнил, как вышел из редакции, собираясь ехать домой. Но что было дальше? В голове зашумело от остатков

хлороформа. Лаундс поперхнулся подкатившим к горлу горьким комком. Сидя в таком положении, он боялся, что его вырвет. Он широко открыл рот и глубоко вдохнул. Было слышно, как колотится его сердце.

Лаундс все еще надеялся, что это сон. Он попытался оторвать руку от подлокотника, изо всех сил напрягая мышцы, пока боль в кисти и предплечье не лишила его последних надежд на то, что все это лишь ужасный ночной кошмар. Нет, он не спал. Лаундс попытался быстро собраться с мыслями.

Напрягшись, он смог краем глаза заметить свою руку и понял, почему не удалось поднять ее. Это был не гипс. Он был не в больнице. Его похитили!

Лаундсу показалось, что он слышит тяжелые шаги на верхнем этаже. Но это могли быть и удары его сердца.

Он попытался думать. Изо всех сил попытался думать. «Возьми себя в руки и думай, — шептал он себе. — Возьми себя в руки и думай».

Скрипнули ступеньки. Долархайд спускался вниз.

При каждом шаге Лаундс чувствовал мощь его тела. Вот он снова остановился за спиной.

Лаундс промямлил что-то невнятное, затем его голос обрел некоторую твердость.

— Я не видел вашего лица. Я не смогу опознать вас. Я не знаю, как вы выглядите. «Тэтлер», я работаю в «Нэшнл тэтлер», она может заплатить за меня выкуп… большой выкуп. Полмиллиона, а может, даже и миллион. Миллион долларов.

За спиной гробовое молчание. Затем скрип пружин. Значит, он сел.

— О чем вы думаете, мистер Лаундс?

«Отбрось боль, отбрось страх и думай. Давай начинай. Прямо сейчас. Чтобы выиграть время. Чтобы выиграть годы. Нет, он не собирается убивать меня. Он не хочет, чтобы я увидел его лицо…»

— Так о чем вы думаете, мистер Лаундс?

— Я не понимаю, что со мной произошло.

— Вы знаете, кто я, мистер Лаундс?

— Нет, не знаю. И не хочу знать, поверьте.

— Судя по вашей статье, я грязный извращенец. Я — животное. Сбежавший из дурдома маньяк.

Обычно Долархайд избегал звука «с». Но сейчас, когда аудитория была далека от того, чтобы смеяться над ним, он мало заботился об этом.

— Сейчас вы знаете, кто я, правда?

«Не лгать. Думать. Быстро сообразить, как от-

ветить».

— Да.

— Так зачем же вы заведомо клеветали, мистер Лаундс? Почему вы назвали меня сумасшедшим? Отвечайте.

— Когда человек… когда человек делает что-то непонятное для большинства людей, его называют…

— Сумасшедшим.

— Так его называют, называли во все времена, за всю историю…

— Историю. Сейчас вы понимаете, что я делаю, мистер Лаундс?

«Понимание. Вот он, шанс. Ну, с богом!»

— Нет, но думаю, что сейчас у меня появилась возможность понять это и у всех моих читателей тоже будет возможность понять вас.

— Вы понимаете, что вам повезло?

— Да, понимаю. Но я хочу сказать, чисто по-человечески, что я сейчас очень напуган. Трудно собраться с мыслями, когда тебе страшно. Если у вас есть какая-то великая идея, вам не нужно пугать меня, чтобы она могла произвести должное впечатление.

— Чисто по-человечески… Чисто по-человечески… Вы употребили это выражение, чтобы

подчеркнуть свои дружеские чувства. Ну что ж, мне это нравится, мистер Лаундс. Но вы же видите, я не человек. Я был человеком, но по Божьей милости и благодаря собственной Воле я превратился в Нечто Большее, чем человек. Вы говорите, что испугались. Вы верите, что Бог видит нас, мистер Лаундс?

— Я… не знаю.

— Вы молитесь Ему сейчас?

— Да, да, молюсь. Но, признаться, я всегда молюсь, когда мне страшно.

— И Бог помогает вам?

— Не знаю, обычно потом я забываю об этом. Хотя, наверное, не стоило бы.

— Не стоило бы. Вам много еще чего предстоит понять. Скоро я помогу вам понять все. А сейчас я, с вашего разрешения, удаляюсь.

— Конечно, конечно.

Удаляющиеся шаги. Звук выдвигаемого ящика на кухне. Лаундс разом припомнил все известные убийства, совершаемые на кухне. Под рукой столько удобных орудий. Репортажи с места происшествия навсегда изменяют твое отношение к кухням. Вот потекла вода из водопровода.

Лаундс подумал, что сейчас, должно быть, ночь. Крофорд и Грэм не дождались его. Видимо, искать

его еще не начали. Вместе со страхом на него накатила огромная тупая тоска.

Рядом ровное дыхание. Скосив глаза до предела, он заметил, что мелькнуло что-то белое. Рука, властная и бледная. Держит чашку чая с медом. Лаундс стал пить через соломинку.

— Я мог бы написать большую статью, — забормотал он. — Все, что вы хотите сказать. Описать вас так, как вы захотите… или нет, никаких описаний, никаких описаний!

— Тсс.

Его головы повелительно коснулся палец. Свет стал ярче. Кресло начало поворачиваться.

— Нет, я не хочу смотреть на вас.

— Но вы просто должны это сделать, мистер Лаундс. Вы ведь репортер. Вы здесь, чтобы сделать репортаж. Когда я разверну вас, откройте глаза и взгляните на меня. Если вы не откроете их, я просто вынужден буду приколотить вам веки ко лбу гвоздями.

С легким скрипом кресло развернулось на сто восемьдесят градусов и замерло. Лаундс сидел с плотно зажмуренными глазами. В его грудь настойчиво ткнули пальцем. Потом дотронулись до век. Он открыл глаза.

Сидящему Лаундсу человек в кимоно показался

просто огромным. Чулок на лице оставлял открытым рот. Он повернулся спиной и снял халат: над татуировкой — сияющим хвостом, спускающимся от поясницы и оплетающим ногу, — бугрились мышцы спины.

Дракон медленно повернул голову, через плечо посмотрел на Лаундса и показал изломанный оскал окровавленных зубов.

— О господи! — прохрипел Лаундс.

Но вот он уже в центре комнаты, смотрит на экран. Рядом Долархайд. Он снова надел халат и вставил зубы, позволяющие говорить.

— Так ты хочешь знать, кто я?

Лаундс попытался кивнуть, приклеенные волосы больно дернули назад.

— Больше всего на свете. Я просто боялся спросить.

— Смотри.

На первом слайде была картина Блейка — огромный Человек-Дракон с распростертыми крыльями и изогнутым хвостом, нависший над Женой, облеченной в солнце.

— Ну что, сейчас видишь?

— Вижу.

Долархайд быстро пробежался по слайдам. Щелк. Живая миссис Джейкоби.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Живая миссис Лидс.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Долархайд — грозный Дракон, мышцы напряжены, хвост-татуировка, — нависший над кроватью Джейкоби.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Живая миссис Джейкоби.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Мертвая миссис Джейкоби.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Дракон, взметнувшийся над своими жертвами.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Миссис Лидс ждет своей участи. Рядом — обмякшее тело мужа.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Мертвая миссис Лидс, залитая кровью.

— Видишь?

— Да.

Щелк. Фредди Лаундс, фотография из «Тэтлер».

— Видишь?

— О боже!

— Видишь?

— Господи боже мой!

Слова превратились во всхлипывания.

— Видишь?

— Нет, пожалуйста, нет.

— Что «нет»?

— Не я.

— Что «нет»? Ты мужчина, ты же мужчина?

— Да.

— Ты все еще считаешь, что я гомосексуалист?

— О боже, нет.

— А ты гомосексуалист?

— Нет.

— Ты и дальше будешь клеветать на меня?

— Нет, нет.

— Зачем ты это сделал?

— Это полиция. Я писал то, что они мне рассказывали.

— Ты приводил слова Уилла Грэма.

— Это Грэм солгал мне. Грэм.

— Но теперь ты будешь говорить правду? Обо Мне. О Моей Работе. О Моем Пришествии. О Моем

Искусстве. Ведь это искусство?

— Искусство.

Увидев страх, исказивший лицо Лаундса, Долархайд заговорил свободнее. Он легко пролетал над шипящими, свистящими и фрикативными звуками, а взрывные несли его, словно могучие крылья Дракона.

— И ты говорил, что я, видящий намного глубже, чем ты, — сумасшедший. Я, двигающий мир намного быстрее, чем ты, я — сумасшедший? Ведь я осмелился сделать то, на что ты не решился бы никогда. Тот глубокий след, который я оставил на земле, останется намного дольше, чем пыль от твоих ног. Твоя жизнь по сравнению с моей — след червя, оставленный на камне. Тонкий след слизи вокруг букв, высеченных на моем монументе. — В голове Долархайда всплывали слова, записанные им в Великой Книге. — Я — Дракон, а ты называешь меня сумасшедшим. Каждый мой шаг жадно прослежен и описан, как путь огромной кометы. Слышал о метеорите, прилетевшем к нам в тысяча пятьдесят четвертом году? Конечно нет. Твои читатели следят за тобой, как дети, водящие пальцем по следу слизня, хотя в головах у них не больше извилин, чем у тебя. Так что рядом со мной ты просто червь, выползший на солнце. Я

посвятил тебя в великое Пришествие, но ты ничего не понял. Ты — личинка, сжавшаяся в коконе. Единственное, что ты делаешь правильно, хотя и бессознательно, — это дрожишь передо мной. Но страх — слишком ничтожная дань от тебя, Лаундс, и от всех остальных мокриц. Вы должны трепетать передо мной!

Долархайд опустил голову и ощупал пальцами нос. Затем круто повернулся и вышел из комнаты.

«Он не снял маску, — лихорадочно думал Лаундс. — Он не снял маску. Если он вернется без нее, я могу считать себя трупом. О боже, да я весь мокрый!»

Он скосил глаза на дверь и стал ждать, прислушиваясь к звукам, доносившимся из задней части дома.

Долархайд вернулся в маске. Он нес корзинку для завтрака и два термоса.

— Это тебе в дорогу, — указал он на термосы. — А это лед, он тебе тоже понадобится. Но перед тем как выехать, мы запишем кое-что на магнитофон.

Он прикрепил микрофон к одеялу прямо у лица Лаундса.

— Повторяй за мной…

Они делали запись около получаса. Наконец Лаундс услышал:

— Вот и все. Ты сделал все как надо.

— Теперь вы отпускаете меня?

— Отпущу. Но я хочу помочь тебе лучше понять и запомнить все, что ты видел.

Долархайд отвернулся.

— Я хочу понять. Я хочу, чтобы вы знали, как я восхищаюсь тем, что вы отпускаете меня. Теперь я всегда буду честным и справедливым, клянусь вам.

Долархайд молчал. Он менял зубы.

Снова закрутились магнитофонные бобины.

Долархайд мрачно улыбнулся, обнажив покрытые бурыми пятнами зубы, положил руку на плечо Лаундса и, наклонившись, как будто собирался поцеловать его, откусил ему губы и выплюнул их прямо на пол.

21

Осень в Чикаго. Тяжелый воздух и низкое серое небо. Охранник остановился на тротуаре и закурил, почесывая поясницу. На улице не было ни души. Он слышал, как вдали на перекрестке, где улица круто поднималась вверх, щелкал, переключая огни, светофор.

На той же улице, скрытый от глаз охранника, Фрэнсис Долархайд сидел в фургоне рядом с Фредди Лаундсом. Словно капюшоном, Лаундс был с головой накрыт одеялом.

Лаундс оцепенел от невыносимой боли, но мысли в голове скакали и прыгали, словно табун взбесившихся лошадей. Он должен запомнить все. Повязка на глазах немного ослабла. Он увидел, как пальцы Долархайда сменили окровавленный кляп.

Долархайд надел халат санитара, положил на колени Лаундсу термос и выкатил кресло из фургона. Когда он поставил кресло на тормоз и повернулся, чтобы убрать в фургон сходни, из-под повязки Лаундс заметил край бампера.

Теперь немного повернуться, увидеть номер.

Есть! Всего лишь мгновение, но цифры клеймом впечатались в мозг.

Кресло покатилось, вздрагивая на стыках тротуарных плит. Под колесами хрустнула бумажная обертка.

Долархайд остановил кресло между мусорным баком и грузовиком. Снял повязку. Лаундс закрыл глаза. В нос ударил запах нашатыря.

Тихий, спокойный голос прозвучал прямо над ухом:

— Ты слышишь меня? Ты уже почти дома. Моргни, если слышишь.

Долархайд пальцами приподнял ему веко. Лаундс впервые увидел лицо убийцы.

— Я обманул тебя. — Долархайд поднял термос. — На самом деле я не положил твои губы в лед.

Он снял одеяло и открыл термос.

Почувствовав запах бензина, Лаундс напрягся, пытаясь вырваться. Он лихорадочно дернулся, так что кожа едва не отделилась от тела. Кресло затрещало. Холодная жидкость полилась по ногам и груди, горло заполнил удушливый запах бензина. Они выехали на середину улицы.

— Тебе нравится быть собачкой Грэма, Фре-е-ед-ди-и-и?

Яркая вспышка. Легкий толчок — и, набирая скорость, кресло покатилось к зданию «Тэтлер».

Дикий вопль вышиб из безгубого рта окровавленный кляп. Охранник поднял глаза. Прямо на него, подпрыгивая на выбоинах, волоча за собой хвост искр и дыма, отражаясь в витринах, мчался огненный шар.

Вот он слегка свернул, врезался в стоящий у тротуара автомобиль и с грохотом опрокинулся у самого входа в редакцию. Одно колесо все еще продолжало вращаться, разбрасывая вокруг себя хоровод искр. Взметнулись охваченные пламенем руки.

Охранник бросился в вестибюль и отбежал подальше от окна — на всякий случай, если огненный шар вдруг вздумает взорваться. Включил пожарную тревогу. Что еще? Сорвал со стены огнетушитель и боязливо выглянул на улицу. Шар еще не взорвался.

Охранник осторожно пробрался сквозь завесу стелющегося по тротуару едкого дыма и наконец выпустил струю пены на Фредди Лаундса.

22

Согласно разработанному плану, Грэм должен был покинуть вашингтонскую квартиру-ловушку задолго до наступления в городе часа пик.

Он брился, когда позвонил Крофорд.

— Доброе утро.

— Какое там доброе! — услышал Грэм. — Зубастик захватил Лаундса. В Чикаго.

— А-а, черт!

— Он еще жив. Хочет тебя видеть, но долго не протянет.

— Еду!

— Встречаемся в аэропорту. Рейс двести сорок пять «Юнайтед». Самолет вылетает через сорок минут. Ты еще успеешь вернуться обратно, если, конечно, не придется давать отбой.

В Чикаго шел ливень. В аэропорту их встретил Честер, сотрудник Чикагского управления ФБР.

В Чикаго привыкли к полицейским сиренам, и водители неохотно пропускали машину Честера, мчавшуюся по центральной полосе с включенной мигалкой, которая отражалась розовыми бликами в струях дождя.

— Полиция считает, что на Лаундса напали внезапно, в гараже, — старался перекричать сирену Честер. — Больше ничего мне не сказали. Они стали смотреть на нас косо.

— Что они знают? — спросил Крофорд.

— Всю нашу разработку. Про ловушку. В общем, все.

— Лаундс его запомнил?

— Я не слышал, чтобы давали приметы. Около шести двадцати всем постам сообщили только номер машины.

— С доктором Блумом связались?

— Трубку сняла жена, Джек. Сам он в больнице. Ему утром вырезали желчный пузырь.

— Великолепно, — буркнул Крофорд.

Подъехав к входу в больницу, Честер остановился под колоннадой, с которой стекала дождевая вода. Обернувшись, он сказал:

— Джек, Уилл, перед тем, как вы туда пойдете… Я слышал, этот тип его… разделал… Так что будьте готовы.

Грэм обреченно кивнул. В самолете он боролся с тайной надеждой, что Лаундс умрет раньше, чем они прилетят, и ему не придется на него смотреть.

Весь коридор в Ожоговом центре имени Пейджа

был выложен безукоризненно чистой плиткой. У дверей в палату Лаундса стояла толпа людей, откуда их отозвал в сторону высокий доктор, в лице которого странным образом сочетались черты юноши и старика.

— У Лаундса смертельные ожоги, — сообщил доктор. — Ему можно снять боль, и я это сделаю. Он прямо вдыхал пламя — горло и легкие почти сожжены. Возможно, он так и не очнется. Это если ему повезет. В том случае, если сознание к нему все-таки вернется, полиция попросила меня вытащить у него из горла трубку, через которую он дышит, чтобы он смог отвечать на вопросы. Я согласился, но сделаю это ненадолго. Сейчас он ничего не чувствует. У него обожжены нервные окончания, но потом, если он не умрет сразу, ему будет очень больно. Я прямо сказал полицейским, прямо говорю вам: я немедленно прерву все допросы, если он попросит ввести обезболивающее. Это понятно?

— Понятно, — ответил Крофорд.

Кивнув полицейскому, стоящему у дверей палаты, доктор сложил руки за спиной и удалился по коридору, напоминая важно вышагивающую цаплю.

Крофорд повернулся к Грэму:

— Ну как ты? С тобой все в порядке?

— Со мной-то все в порядке. Меня-то прикрывали.

Голова Лаундса лежала высоко на подушке. Волосы и уши у него сгорели, невидящие глаза прикрывали вместо отсутствующих век компрессы, распухшие десны были покрыты волдырями.

Сестра, стоявшая у изголовья, отодвинула капельницу, чтобы Грэм смог подойти поближе. Запах в палате стоял как у хорошо разгоревшегося костра.

— Фредди, пришел Уилл Грэм.

Лаундс дернул головой, выпрямив шею.

— Это рефлекторное движение, он без сознания, — сказала сестра.

В такт с аппаратом искусственного дыхания свистел воздух, проходя через пластиковую трубку, вставленную в обожженное и опухшее горло.

В углу с магнитофоном и блокнотом на коленях сидел бледный полицейский в штатском, которого Грэм заметил, только когда тот заговорил.

— Когда его привезли и еще не поставили трубку, Лаундс назвал ваше имя.

— Вы уже тут были?

— Я пришел потом. Но то, что он говорил, записано на пленку. Когда к нему подошли пожарные,

он сообщил им номер машины и потерял сознание. Потом его везли в санитарной машине, и в себя он пришел в приемном покое, когда ему сделали укол в грудь. Репортеры из «Тэтлер» ехали за санитарной машиной до самого госпиталя. У меня есть копия их записи.

— Я хочу ее послушать.

Детектив склонился к магнитофону.

— Наверное, вам лучше взять наушники, — сказал он с ничего не выражающим лицом и нажал на кнопку.

Какие-то голоса, грохот колес каталки, затем Грэм услышал: «…везите его в третью…» — потом удар каталки, на полном ходу раскрывающей дверь, надрывный кашель и каркающий голос человека, лишившегося губ:

— Зу…а…ик.

— Ты его видел, Фредди? Как он выглядел, Фредди?

— …энди! …энди …озовите! Грэм …оставил …еня. Специально …оставил. Грэм …оставил …еня …оложил руку на …еня, гад, как на с…оего щенка …энди!

Раздался звук, похожий на шум стекающей в раковину воды. Потом голос доктора: «Все, хватит! Пропустите меня! Отойдите отсюда

немедленно!»

На этом запись заканчивалась.

Пока Крофорд слушал, Грэм стоял около Лаундса.

— Сейчас ищут машину с тем номером, — сообщил детектив. — Вы все поняли, что он говорил?

— Кто такая Вэнди? — поинтересовался Крофорд.

— Та, что в коридоре стоит. Блондинка крашеная, с большим размером. Она рвется в палату, но еще ничего не знает.

— А почему вы ее не пускаете? — обернулся к нему Грэм.

— Посетителей пускать запрещено.

— Он же умирает.

— А я что, не вижу? Да я тут как хрен торчу с без четверти шесть! Извините, сестра.

— Ты пойди прогуляйся ненадолго, — предложил Крофорд. — Кофейку попей, сполосни лицо. Он пока ничего не скажет. Если начнет говорить, я запишу на магнитофон.

— Спасибо, проветриться мне не помешает.

Когда он ушел, Грэм вышел из палаты, оставив Крофорда около Лаундса, и приблизился к стоящей в коридоре женщине:

— Вы Вэнди?

— Да.

— Если вы действительно хотите зайти, пойдемте.

— Хочу. Только мне, наверное, стоит причесаться.

— Это уже не имеет значения.

Вернувшись, полицейский не стал выгонять Вэнди.

Вэнди, хозяйка ночного клуба «Вэнди-Сити», держала обугленную руку Лаундса, напоминающую птичью лапу, и не сводила с него глаз. Он пошевелился только раз, незадолго до полудня.

— Все будет прекрасно, Роско, — говорила она. — Мы с тобой еще так погудим!

Лаундс вздрогнул и умер.

23

Капитан Осборн, начальник отдела по расследованию убийств чикагской полиции, с серым остреньким лицом, напоминал каменную лисицу. Практически на каждом столе в отделе валялся последний номер «Тэтлер». Такой же номер лежал и перед ним.

Сесть Крофорду и Грэму он не предложил.

— Вы планировали розыскные мероприятия с участием Лаундса на территории Чикаго?

— Нет, он должен был лететь в Вашингтон, — пояснил Крофорд. — У него был заказан билет. Вы ведь, конечно, проверяли.

— Да, проверяли. Он ушел из редакции вчера примерно в час тридцать. В гараже на него неожиданно напали, где-то без десяти два.

— В гараже что-нибудь нашли?

— Ключи Лаундса — под его машиной. Видимо, ногой отшвырнули. У них гараж без сторожа. Раньше стояла радиоуправляемая дверь, но потом она несколько раз падала прямо на выезжающие машины, и ее убрали. В общем, никто не видел, как все произошло. Похоже, эти слова

сегодня будут красоваться в заголовках всех газет. Сейчас мы работаем с его машиной.

— Помочь чем-нибудь сможем?

— Вы можете получить от нас результаты, когда они будут… А что это вы, Грэм, такой неразговорчивый сегодня? Вон в газете недавно целую статью накатали.

— Ну, вы тоже, положим, особо не откровенничаете.

— Что это ты, капитан, на нас так напустился? — вмешался Крофорд.

— Я? Боже сохрани! Мы тут выполняем ваши указания, устанавливаем, кто звонил, хватаем этого репортеришку несчастного. А вы, вместо того чтобы предъявить ему обвинение, склоняете его к сотрудничеству! И в результате его поджаривают прямо напротив редакции его паршивой газетенки. Ну а теперь другие газеты льют по нему слезы — как по родному сыну! Наконец-то и к нам в Чикаго Зубастик пожаловал! А чем мы хуже? «Маньяк наносит удар в Чикаго!!!», мать вашу! Уже сегодня у нас будет пять-шесть бытовых убийств по неосторожности. Жена сидит читает газету, а муж где-то надрался, лезет в дом тайком, чтобы та не заметила. Жена слышит шорох. Маньяк! Караул! Убивают! Хвать пистолет,

бабах! Один готов! Маньяку должно у нас понравиться, пожелает, чего доброго, задержаться тут подольше!

— Можно и так, — начал Крофорд, — можно сейчас обвинять друг друга, можно побежать жаловаться полицейскому комиссару и генеральному прокурору. Пусть они и нам с вами потроха выпустят. А можно по-человечески сесть и подумать, как поймать этого гада. Да, я разрабатывал всю эту операцию и не хуже вас вижу, что она лопнула как пузырь. А у вас здесь, в Чикаго, что, не случалось проколов? Некогда нам сейчас ругаться, капитан. Мы хотим взять его и поехать домой. А чего ты хочешь?

Осборн стал поправлять стоящие у него на столе стакан с карандашами, фотографию девочки с таким же лисьим лицом в униформе духового оркестра — из тех, что маршируют в праздники по улицам. Затем откинулся на спинку стула, пожевал губами и шумно вздохнул.

— Прямо сейчас я хочу кофе. Компанию составите?

— Я бы не отказался, — сказал Крофорд.

— Я тоже, — отозвался Грэм.

Осборн передал каждому пластиковый стаканчик с кофе и жестом пригласил сесть.

— У Зубастика должен быть фургон или микроавтобус, раз он привез Лаундса в кресле, — заметил Грэм.

Осборн кивнул.

— Номера, которые увидел Лаундс, сняли с фургона, принадлежащего телевизионной мастерской в Оук-парке. Он специально выбрал коммерческие номера, значит, у него действительно был фургон или микроавтобус. На телевизионный фургон он перевесил другие номера, тоже краденые, чтобы не сразу заметили пропажу. Ушлый парень, ничего не скажешь. Точно мы знаем одно — он снял номера с того фургона вчера после восьми тридцати утра. В это время телевизионный мастер заправлялся и расплатился кредитной карточкой. На заправочной станции записали старый номер, значит, его сняли после этого.

— Неужели никто не видел какой-нибудь фургон или микроавтобус поблизости от редакции? — спросил Крофорд.

— Никто. Их сторож вообще ничего не видел. Из него бы футбольный судила получился — самое оно. Первыми к редакции примчались пожарные. Эти как будто сами искали, где бы еще пожар потушить. Мы сейчас ходим по квартирам и част-

ным домам, выясняем, кто работает в ночную смену в районе редакции или там, куда во вторник утром вызывали телевизионного мастера. Может, хоть кто-то видел, как он номера менял.

— Я бы хотел еще раз осмотреть кресло, — сказал Грэм.

— Кресло в нашей лаборатории. Я им позвоню. — Осборн помолчал. — А Лаундс, нужно признать, был все-таки крепкий мужик. В таком состоянии запомнить номер и сообщить пожарным… Вы слышали, что Лаундс говорил в больнице?

Грэм молча кивнул.

— Не хочется затрагивать эту тему, но я должен убедиться, что нет расхождений в том, что мы услышали. Как там было?

Грэм начал монотонным голосом:

— «Зубастик. Грэм подставил меня. Специально подставил. Грэм подставил меня. Положил руку на меня, гад, как на своего щенка».

Осборн не мог знать, что творится в душе Грэма, и продолжал задавать вопросы:

— Он имел в виду ту фотографию в «Тэтлер»?

— Видимо, да.

— Почему он решил, что его подставили?

— У нас до этого были с ним конфликты.

— А на фотографии вы друзья не разлей вода. Маньяк сперва убивает домашних животных, так?

— В том-то и дело, — сказал Грэм и подумал: «Быстро соображает, хитрый лис».

— Почему же вы не прикрывали Лаундса в Чикаго?

Грэм промолчал.

— К тому времени, когда маньяк должен был увидеть «Тэтлер», Лаундс был бы уже с нами, — объяснил Крофорд.

— Из того, что сказал Лаундс, можно что-нибудь использовать?

Грэм оторвался от своих мыслей и повторил про себя вопрос Осборна, перед тем как ответить.

— Из того, что сказал Лаундс, вытекает, что маньяк видел газету до нападения, правильно?

— Все верно.

— Если мы согласимся с тем, что он начал действовать, прочитав статью, то не удивляет ли вас, как быстро он нанес удар? Газета вышла в понедельник вечером, во вторник, причем во вторник утром, он уже был в Чикаго, поменял номера, а днем вышел на Лаундса. Какой вывод мы делаем?

— Либо каким-то образом газета попала к нему

очень быстро, либо ему рукой подать до Чикаго, — сказал Крофорд. — Он прочитал статью здесь, в Чикаго, или где-нибудь в другом месте в понедельник вечером. Не забывайте, что он ждал этот номер, ему не терпелось прочитать раздел частных объявлений.

— Или он уже был здесь, или приехал на машине откуда-то неподалеку, — заметил Грэм. — Он очень быстро вышел на Лаундса, и у него уже было это массивное инвалидное кресло на колесах, а его с собой в самолет не внесешь — не складывается. Он не мог прилететь сюда, угнать какой-нибудь фургон, сменить номера, а потом ездить по антикварным, искать подходящее кресло. У него должно было быть старинное кресло: современное не подходит для его замысла.

Грэм стоял у окна, подергивая за шнурок жалюзи, и смотрел не отрываясь на глухую кирпичную стену напротив.

— Кресло… кресло… В общем, или оно у него стояло дома, или…

Осборн хотел что-то спросить, но, заметив выражение лица Крофорда, решил подождать.

Грэм пытался завязать узелок на шнурке. Руки у него дрожали.

— …постоянно попадалось на глаза, — подска-

зал Крофорд.

— Да, на глаза… Смотрите, как у него рождалась идея использовать кресло. Он смотрит на кресло, думает о нем. И, читая статью, он уже знает, что сделает с этими гадами. Какое зрелище: Фредди несется по улице в полыхающем кресле!

— Ты думаешь, он остался там, чтобы полюбоваться?

— Может, и остался. Во всяком случае, он видел это, пусть мысленно, когда обдумывал свой план.

Осборн удивленно наблюдал за Крофордом. Крофорд не был психом. Осборн знал, что Крофорд не псих, и если Крофорд слушает этого психа, значит, так надо.

— Если у него было кресло или если он его все время где-то видел… можно проверить дома для престарелых, для ветеранов, — предложил Осборн.

— Кресло идеально подходило для того, чтобы держать Фредди в неподвижном состоянии, — сказал Грэм.

— И долго держать. Почти пятнадцать с половиной часов, — добавил Осборн.

— Если бы он хотел просто его прикончить, то мог сделать это сразу в гараже, — продолжал

Грэм. — Он мог его сжечь в его же машине. Нет, он хотел поговорить с Фредди, помучить его.

— Он или продержал его все время в фургоне, или куда-то отвез, — сказал Крофорд. — Судя по времени, он его куда-то отвозил.

— Это должно было быть безопасное место. Если он его хорошо замаскировал, то, скажем, у входа в дом престарелых они бы не привлекли внимания, — заметил Осборн.

— И все-таки это было рискованно, — возразил Крофорд. — Да и следы пришлось бы уничтожать. Смотрите, кресло под рукой, фургон под рукой, надежное место, где можно не спеша помучить Фредди. Больше всего это похоже на… собственный дом.

На столе зазвонил телефон. Осборн взял трубку и прорычал:

— Что?.. «Тэтлер»? Не собираюсь с ними разговаривать!.. Ладно, соединяй, но если это опять «наши читатели интересуются, как идет расследование», то смотри. Да, капитан Осборн… Во сколько?! Кто у вас подошел к телефону?.. На коммутаторе? Позовите-ка ее… Повторите, что он вам сказал… Я пришлю кого-нибудь через пять минут.

Осборн положил трубку и задумчиво посмот-

рел на телефонный аппарат.

— Пять минут назад позвонили секретарше Лаундса, — сообщил он. — Она клянется, что это был голос Фредди. И он сказал, она не совсем уловила, что-то вроде «могущество Красного Дракона». Ей показалось, что он именно это сказал.

24

Доктор Фредерик Чилтон остановился в коридоре перед камерой Ганнибала Лектера. Чилтона сопровождали три огромных санитара. Один держал в руках смирительную рубашку и завязки для ног, другой — баллончик со слезоточивым газом. Третий стал заряжать духовое ружье специальной ампулой с успокоительным препаратом.

Лектер сидел за столом, изучая статистические таблицы продолжительности жизни, и делал выписки. Он услышал шаги, клацанье затвора ружья у себя за спиной, однако продолжал читать, ничем не показывая, что знает о присутствии Чилтона.

Чилтон распорядился еще в полдень принести газеты Лектеру. И не трогал его до вечера, пока не придумал наказания за пособничество Красному Дракону.

— Доктор Лектер, — позвал Чилтон.

— Добрый вечер, доктор Чилтон, — обернулся Лектер.

На санитаров он и не посмотрел.

— Я пришел забрать ваши книги. Все до еди-

ной.

— Понимаю. Могу ли я узнать, надолго ли вы их забираете?

— Это будет зависеть от вашего поведения.

— Это ваше собственное решение?

— Дисциплинарные вопросы находятся исключительно в моем ведении.

— Конечно в вашем. Не Грэм же потребовал лишить меня книг.

— Подойдите к сетке и завяжите себе ноги. Два раза я просить не буду.

— Пожалуйста-пожалуйста, доктор Чилтон. Надеюсь, сегодня вы принесли рубашку тридцать девятого размера, тридцать седьмой жмет под мышками.

Доктор Лектер надевал смирительную рубашку так, словно это был смокинг. Санитар перегнулся через барьер и завязал ее на спине.

— Уложите его на койку, — сказал Чилтон.

Пока санитары снимали книги с полок, Чилтон, протерев стекла очков, стал заглядывать в бумаги Лектера, приподнимая края своей ручкой.

Лежа в темном углу камеры, Лектер наблюдал за ним. Даже в смирительной рубашке в нем чувствовалось странное изящество.

— Под желтой папкой, — негромко заговорил

Лектер, — вы найдете письмо из «Архивов» с отказом печатать вашу статью. Сюда его принесли по ошибке вместе с письмами, адресованными мне. Я вскрыл конверт, не разобравшись. Простите великодушно.

Покрасневший как рак Чилтон повернулся к санитару:

— Снимите сиденье с унитаза доктора Лектера.

Чилтон взглянул на таблицу продолжительности жизни.

Наверху Лектер записал свой собственный возраст — сорок один год.

— А тут что у вас? — осведомился Чилтон.

— Время, — ответил Лектер.

Заведующий научно-технической лабораторией ФБР Брайан Зеллер нес своим сотрудникам привезенные курьером чемоданчик с вещественными доказательствами и колеса от кресла. Он так быстро мчался, что плотный габардин, из которого были сшиты его брюки, свистел, рассекая воздух.

Сотрудники лаборатории, которых задержали после окончания рабочего дня, привыкли к этому свисту — сигналу, что Зеллер спешит.

Времени потеряли уже немало. Курьер весь измотался, пока до них доехал: чикагский рейс

отложили из-за непогоды, потом посадили в Филадельфии, так что ему пришлось брать напрокат машину, чтобы доехать до Вашингтона.

Криминалистическая лаборатория чикагского полицейского управления работает эффективно, но для некоторых исследований у них просто нет соответствующего оборудования. Вот почему Зеллер собирался провести их здесь.

Частицы краски, найденные на двери автомобиля Лаундса, он передал для анализа на масс-спектрометре.

Беверли Кац вместе с сотрудниками отдела волос и волокон должна была обследовать колеса, снятые с кресла.

Наконец-таки Зеллер добрался до небольшого помещения, в котором было жарко, как в сауне. Здесь над газовым хроматографом склонилась Лайза Лейк. Она как раз исследовала образцы пепла, привезенного из Флориды, где расследовали поджог. Не отрываясь, она наблюдала за тем, как перо самописца вычерчивает извилистую линию на движущейся ленте.

— «Эйс». Сжиженный газ для заправки зажигалок, — пояснила она. — Вот чем он поджигал.

Ей не нужно было заглядывать в справочники — за свою жизнь она сделала столько

анализов, что научилась узнавать продукцию самых разных фирм по хроматограмме.

Зеллер с трудом отвел глаза от Лайзы и сурово отчитал себя за то удовольствие, которое он испытывал, глядя на нее, да еще в рабочее время. Невозмутимо кашлянув, он протянул ей две блестящие банки, в которых продают краску.

— Из Чикаго прислали?

Зеллер кивнул.

Она осмотрела банки снаружи, проверила, как запечатаны крышки. В одной банке был пепел, собранный с кресла, в другой — образцы обугленных тканей тела Лаундса.

— Как долго образцы находились в банках?

— Не менее шести часов, — ответил Зеллер.

— Я должна указать время, когда буду печатать заключение.

Лайза проткнула крышку банки иглой массивного шприца, забирая пробу воздуха, находившегося вместе с образцами. Затем ввела содержимое шприца прямо в хроматограф и стала настраивать прибор. И вот, когда образец пошел по колонке прибора, на широкой полосе миллиметровки, скрипнув, ожил самописец.

— Нет примеси свинца… — произнесла она. — Это бензоспиртовая смесь. Редко встречается.

Она быстро пролистала папку с хроматограммами образцов.

— Марку пока не скажу. Я попробую с пентаном, а потом к вам подойду.

— Давайте, — сказал Зеллер.

В хроматографе пентан быстро уходит во фракцию, оставляя жидкости, пригодные для тонкофракционного анализа.

К часу ночи лаборатория Зеллера сделала все, что было можно.

Лайза Лейк установила марку горючего: Фредди Лаундс был облит «Сервко суприм» — смесью спирта и высокооктанового бензина.

После тщательной обработки протекторов колес на них были обнаружены волоски двух типов коврового волокна — шерстяного и синтетического. Заплесневелые частицы грунта, застрявшие там же, показали, что кресло долго стояло в прохладном темном месте.

Результаты других исследований оказались скромнее. Частицы краски с машины не совпали ни с одной маркой, которую используют автозаводы. Когда их сожгли при очень высокой температуре в спектрометре и сравнили полученный спектр с образцами из картотеки автомобильной краски, выпускающейся в стране, оказалось, что

это «Дьюко» — эмаль высшего сорта, произведенная в количестве 71 538 декалитров в первом квартале 1978 года для нескольких фирм, владеющих автопокрасочными пунктами.

А Зеллер надеялся, что сможет установить марку машины и приблизительное время изготовления.

Результаты были отправлены телексом в Чикаго.

Полицейское управление Чикаго потребовало вернуть колеса от кресла, и курьеру предстояло теперь везти громоздкий сверток назад. Вдобавок в его сумку, где уже лежала другая почта, включая пакет, пришедший в Вашингтон на имя Грэма, Зеллер сунул еще и толстенное заключение экспертизы.

— Что я вам всем, почтальон, что ли? — буркнул курьер, убедившись, что Зеллер его не слышит.

В Чикаго Министерство юстиции имеет в своем распоряжении несколько небольших квартир, расположенных поблизости от здания суда Седьмого округа. Во время сессии там останавливаются присяжные, а также особо важные свидетели обвинения. В одной из квартир поселился Грэм, в другой — Крофорд.

Грэм вернулся к себе в девять часов вечера,

усталый и промокший.

Хотя сегодня первый и последний раз он ел в самолете, когда летел из Вашингтона, одна только мысль о еде вызывала у него отвращение.

Наконец-то закончилась эта дождливая среда. Давно у него не было такого гнусного дня.

Лаундс уже мертв, теперь, наверное, настала его очередь. В течение дня его прикрывал Честер: и в гараже, где Лаундс держал машину, и перед редакцией, когда Грэм стоял на обожженной мостовой и, ослепленный фотовспышками, говорил, как он «переживает утрату своего друга Фредерика Лаундса».

Он собирался поехать на похороны, так же как и несколько человек из ФБР и полиции, надеявшихся, что преступник не откажет себе в удовольствии наслаждаться видом убитого горем Грэма.

На самом деле он, как ни силился, не мог обнаружить в себе ничего, кроме холодной тошноты и редких приступов нехорошей радости оттого, что сгорел Лаундс, а не он сам.

Ему казалось, что за сорок лет он ничему не научился: он просто устал.

Грэм нашел большой стакан, смешал себе мартини и выпил его, раздеваясь. Второй мартини он

выпил после душа, пока смотрел по телевизору новости.

«Провалом окончилась операция ФБР по поимке маньяка по прозвищу Зубастик. В результате погиб журналист. Подробнее об этом в программе новостей „Глазами очевидца“ после рекламы». Новости еще не успели закончиться, а диктор уже называл маньяка Драконом: сотрудники «Тэтлер» вывалили телевизионщикам все, что только знали. Грэм горько усмехнулся: в четверг номера «Тэтлер» будут отрывать с руками.

Он смешал третий мартини и позвонил Молли.

Она посмотрела новости в шесть вечера, потом в десять, прочитала «Тэтлер» и знала, что Грэм играл роль приманки.

— Ты должен был мне сказать, Уилл.

— Ну должен был, должен. А может, и не должен.

— Теперь он возьмется за тебя, да?

— Рано или поздно. Хотя тут ему придется трудновато — я ведь на месте не сижу. Меня все время прикрывают, и он это знает. Ничего со мной не случится.

— Что ты там бормочешь? К стаканчику, что ли, прикладываешься?

— Так, расслабляюсь немного.

— Как ты себя чувствуешь?

— Погано вообще-то.

— В новостях сказали, что ФБР не смогло обеспечить охрану этого репортера.

— Ему следовало быть с Крофордом к тому моменту, как вышла «Тэтлер».

— В новостях его назвали Драконом.

— Да, так он себя и называет.

— Уилл, знаешь… Я хочу забрать Вилли и уехать отсюда.

— Куда уехать?

— К его дедушке с бабушкой. Они его давно не видели и будут очень рады.

— Вот как…

У родителей отца Вилли было ранчо на тихоокеанском побережье.

— Меня здесь постоянно в дрожь бросает. Вроде мы здесь и в безопасности, но почти не спим. Наверное, я так боюсь из-за того, что ты тогда учил стрелять, не знаю…

— Мне очень жаль, Молли.

«Знала бы ты, как жаль».

— Я буду по тебе скучать. И Вилли тоже будет.

Значит, она решила твердо.

— Когда вы едете?

— Утром.

— А как насчет магазина?

— Магазин хочет взять Эвелин. На осень я договор с оптовиками подпишу, буду получать процент с оборота, а она все, что сможет заработать.

— А как же собаки?

— Я попросила Эвелин позвонить в округ. Пусть там спросят, может, найдется добрый человек и возьмет… Мне очень жаль, Уилл.

— Молли, я…

— Если бы мое пребывание здесь могло тебя уберечь, я бы осталась. Но ты ведь сам не можешь никого спасти, значит, и я не могу тебе помочь, Уилл. Если мы туда уедем, тебе не надо будет думать ни о ком, кроме себя. А тот пистолет, Уилл, я в жизни больше в руки не возьму.

— А может, тебе в Окленд поехать, сходить на бейсбол?

«А, черт, не то я сказал. Что же она так долго молчит?»

— В общем, я тебе позвоню, — наконец сказала она, — или ты мне позвони туда.

Грэм чувствовал, что в его душе что-то рвется. У него перехватило дыхание.

— Давай я попрошу наших помочь тебе с пере-

ездом. Ты билет заказала?

— На чужое имя. Я подумала, что газетчики могут…

— Отлично. Я договорюсь, чтобы тебя проводили. Тебе не придется идти на посадку вместе со всеми. Из Вашингтона улетишь незаметно. Договорились? Я все устрою. Когда вылет?

— В девять сорок. Рейс сто восемнадцать «Американ».

— Отлично, значит, будь в восемь тридцать за зданием Смитсоновского института… где платная стоянка. Оставишь там машину. Тебя встретят. Наш человек должен, выйдя из машины, послушать часы, поднести к уху, поняла?

— Да, поняла.

— Кстати, у тебя пересадка в Чикаго? Я могу приехать в аэропорт…

— Нет. Пересадка в Миннеаполисе.

— Ох, Молли… Может, я приеду туда забрать вас, когда все кончится.

— Это было бы просто прекрасно.

«Просто прекрасно…»

— Денег у тебя хватит?

— Банк переведет мне по телеграфу.

— Какой банк?

— У «Баркли» есть отделение в аэропорту. Об

этом не беспокойся.

— Я буду скучать.

— Я тоже, но ведь ничего, в общем, не изменится. Какая разница, откуда с тобой по телефону разговаривать. Вилли передает тебе привет.

— Я тоже ему передаю.

— Будь осторожен, дорогой.

Она еще никогда не называла его «дорогой». Ему это не понравилось. Ему вообще перестали нравиться новые имена: «дорогой», «Красный Дракон».

Сотрудник ФБР, дежуривший в тот вечер в Вашингтоне, любезно согласился организовать отъезд Молли.

Прижав лицо к холодному стеклу, Грэм смотрел, как далеко внизу накрываются пеленой дождя беззвучно двигающиеся машины, как серая мостовая при вспышках молнии внезапно озаряется сверкающим светом. На стекле остался след от его лба, носа, губ и подбородка.

Молли уехала. Молли с ним больше не было.

День кончился, впереди была только ночь, и голос человека, лишенного губ, будет винить его в своей смерти.

Подруга Лаундса гладила обгорелые остатки его рук.

«Здравствуйте, говорит Вэлери Лидс. К сожалению, я не могу сейчас подойти к телефону…»

— Да, к сожалению, — согласился Грэм.

Он наполнил стакан, сел за стол, стоящий у окна, и уставился на пустой стул напротив, долго смотрел перед собой, пока над стулом не появилось пятно из темных роящихся точек. Пятно постепенно принимало форму мужской фигуры. До боли щурясь, Грэм пытался разглядеть лицо фигуры, но та явно желала сохранить свои размытые черты. Скрывая лицо, фигура тем не менее внимательно смотрела на Грэма, он чувствовал это.

— Что, тяжело? Знаю, что тяжело, — пробормотал Грэм. Он был уже сильно пьян. — Тебе надо остановиться. Никого не трогай. Потерпи, пока мы тебя найдем. А если не можешь удержаться, то на — меня убей! Мне теперь все по фигу. Тебе будет лучше после того, как мы тебя возьмем. Мы теперь можем помочь тебе остановиться. Чтоб ты не хотел так сильно. Помоги мне. Хоть немного помоги. Молли уехала. Фредди мертв. Остались мы с тобой, парень, одни.

Он наклонился над столом и протянул руку, чтобы дотронуться до привидения, но оно растаяло в воздухе.

Грэм положил голову на стол, подсунув руку под щеку. При вспышках молнии он видел на оконном стекле отпечатки лба, носа, рта и подбородка — лицо, сквозь которое по стеклу сползали капли дождя. Лицо без глаз. Лицо, полное дождя.

Не первый день Грэм силился понять, что движет Драконом.

Иногда в живой тишине спален с Грэмом, казалось, пыталось заговорить само пространство, сквозь которое к своим жертвам крался Дракон.

Порой Грэм чувствовал какую-то близость к Дракону. В последние дни к нему вернулось болезненное чувство, знакомое по былым расследованиям: будто они с Драконом, хоть и в разное время суток, заняты одними и теми же делами, будто в повседневных мелочах его, Грэма, жизнь ничем не отличается от жизни Дракона. Когда Грэм ел, стоял под душем или спал, где-то в другом месте то же самое делал Дракон.

Грэм пытался влезть в шкуру Дракона. Он силился разглядеть его сквозь слепящий блеск предметного стекла микроскопа и лабораторных пробирок, увидеть его очертания сквозь сухие строчки полицейских протоколов, представить его лицо в извилистых линиях папиллярного узора. Старался как мог.

Но чтобы влезть в его шкуру, чтобы услышать холодные звуки струящейся вокруг него темноты, чтобы увидеть мир сквозь красную пелену Дракона, Грэм должен был увидеть то, что он никогда не смог бы увидеть, он должен был вернуться в прошлое.

25

Спрингфилд, штат Миссури, 14 июня 1938 года

Мэриан Долархайд Тривейн, превозмогая усталость и боль, вылезла из такси, остановившегося у входа в городскую больницу. Когда она с трудом поднималась по ступеням, знойный ветер швырял ей под ноги мелкий гравий. Чемодан, который волочила она за собой, и ажурная вечерняя сумочка, которую она прижимала к раздавшемуся животу, выглядели гораздо лучше, чем мешковатое платье из дешевой материи. В сумочке лежали монеты: две двадцатипятицентовые и одна десятицентовая. В животе шевелился Фрэнсис Долархайд.

В приемном покое она соврала, сообщив, что ее зовут Бетти Джонсон. Затем сообщила, что ее муж музыкант и она не знает, где он находится, и это была уже правда.

В родильном отделении ее положили в палату для бедных. На соседок по палате она старалась не смотреть, уставившись в чьи-то пятки, которые свешивались с кровати напротив.

Через несколько часов ее забрали в родильный

зал, где и появился на свет Фрэнсис Долархайд. Акушерка сообщила, что даже летучая мышь с ее распластанным носом больше похожа на младенца, чем этот новорожденный, и это соответствовало действительности. У ребенка оказались врожденные двусторонние рассечения верхней губы, твердого и мягкого неба. Центральная часть его верхней губы болталась свободно, выдаваясь вперед, а нос был плоский.

Больничные власти решили не показывать ребенка матери сразу. Они хотели подождать и посмотреть, выживет ли новорожденный без искусственного дыхания. Его положили в дальнем углу палаты для новорожденных, спиной к смотровому окну. Он мог дышать, но не мог глотать пищу. У него была волчья пасть, и он не мог сосать.

В отличие от другого ребенка, рожденного с зависимостью к героину, он иногда замолкал; его плач, однако, был не менее пронзительным.

К середине вторых суток он уже только повизгивал.

В три часа дня заступила новая смена, и над его кроваткой нависла дородная фигура со сложенными на массивной груди руками. Это была Принс Истер Майз, уборщица, работавшая по

совместительству санитаркой в послеродовой палате. За двадцать шесть лет работы в роддомах через ее руки прошло около тридцати девяти тысяч новорожденных, и она понимала, что ребенок выживет, если только начнет есть.

Принс Истер не получила повеления Господнего, что этому ребенку следует умереть. Она сомневалась, что такое повеление могла получить и больница. Она достала из кармана резиновую пробку с изогнутой стеклянной трубочкой для кормления. Затем воткнула пробку в бутылочку с молоком, взяла своей огромной ручищей ребенка, поддерживая его головку. И держала у груди, пока не убедилась, что он слышит стук ее сердца. Затем повернула его, быстро всунула трубочку ему в горло. Получив немного молока, ребенок уснул.

— Вот так, — проговорила она, положив его на кроватку, а затем отправилась выполнять свои прямые обязанности — собирать грязные пеленки.

На четвертый день санитарки помогли Мэриан Долархайд Тривейн перебраться в одноместную палату, где прежняя роженица оставила еще не завядшие розы в эмалированном кувшине на умывальнике.

Мэриан была привлекательной женщиной, особенно теперь, когда с лица исчезла отечность. Доктор говорил ей что-то, положив руку на плечо, и она с интересом подняла на него глаза. Она чувствовала сильный запах мыла, исходивший от его руки, думала о морщинах в уголках его глаз, пока до нее не дошло, что именно он говорит. Она закрыла глаза и уже не открывала их, пока не принесли ребенка.

Наконец Мэриан посмотрела на него. Когда она завизжала, они поспешно закрыли дверь. Ей сделали укол, и она заснула.

На пятый день она выписалась — одна, без ребенка. Идти ей было некуда. Даже домой — ее мать ясно дала это понять.

Мэриан Долархайд Тривейн шла, считая шаги от одного фонаря до другого. У каждого третьего столба она садилась на чемодан передохнуть. Во всяком случае, у нее был чемодан. В любом городишке у автостанции непременно находился ломбард. Она узнала это, мотаясь по стране с мужем.

В Спрингфилде, да еще в 1938 году, о пластической хирургии слышали мало, вернее, вообще не слышали, и каждый имел то лицо, каковое досталось ему от Бога.

Хирург городской больницы сделал для Фрэнсиса Долархайда все, что мог. Сначала он подтянул ему центральную часть верхней губы с помощью эластичной ленты, затем закрыл в ней щель, пересадив прямоугольный лоскут кожи — метод, ныне устаревший. Внешность ребенка от этого не улучшилась.

Хирург не поленился полистать специальную литературу и правильно решил, что операцию на твердом небе делать до пяти лет не следует. Хирургическое вмешательство до этого срока привело бы к дефектам развития лица.

Местный зубной врач предложил поставить ребенку обтуратор, который закрыл бы небную щель, чтобы пища не выливалась через нос во время кормления.

Ребенка сдали в дом младенца в Спрингфилде, а через полтора года он попал в приют для сирот имени Моргана Ли.

Директором приюта был преподобный С. Б. Ломакс, по кличке Приятель. Однажды Приятель собрал всех воспитанников и объявил им, что у Фрэнсиса заячья губа и что они ни в коем случае не должны его дразнить.

Приятель выразил надежду, что дети будут молиться за Фрэнсиса.

После рождения Фрэнсиса его мать научилась заботиться о себе сама.

Сначала Мэриан Долархайд устроилась машинисткой при начальнике районного отделения демократической партии в Сент-Луисе. С его помощью ей удалось расторгнуть брак с отсутствующим мистером Тривейном.

Во время процедуры расторжения брака о существовании ребенка упомянуто не было.

Ее ничего не связывало с матерью. («Вот уж не думала я, когда тебя растила, что ты станешь потаскухой и свяжешься с ирландской голытьбой», — сказала мать дочери, когда та уходила из дома с Тривейном.)

Однажды ей на работу позвонил бывший муж. Он был трезв и благостным голосом сообщил, что обрел спасение. Затем спросил, не могут ли он, Мэриан и ребенок, «счастья увидеть которого он пока не удостоился», вместе начать жизнь заново. По голосу чувствовалось, что у него не было ни гроша.

Мэриан сказала ему, что ребенок родился мертвым, и бросила трубку. В пансион, где она жила, он заявился пьяным, с чемоданом в руках. Она велела ему уйти, в ответ он заявил, что их семейная жизнь не сложилась из-за нее, да и ребенок

родился мертвым по ее вине. Да и вообще, его ли это ребенок?

В бешенстве Мэриан выложила ему напрямик, отцом чего он является, и предложила ему забрать это себе, если пожелает. Она напомнила ему, что в роду Тривейнов уже несколько раз появлялись младенцы с заячьей губой.

Затем она выставила его за дверь и велела больше ей на глаза не показываться. Он больше и не показывался. Но через несколько лет, напившись, снедаемый черной завистью к беззаботной жизни Мэриан с новым мужем-богачом, он не удержался и позвонил бывшей теще.

Он рассказал ей о том, что ребенок родился с дефектом, и заметил, что ее собственные лошадиные зубы служили доказательством тому, что наследственность такого рода лежала на совести семейства Долархайдов.

Через неделю в Канзас-Сити его переехал трамвай.

Узнав от Тривейна, что Мэриан упрятала ребенка в приют, миссис Долархайд, размышляя, не спала всю ночь. Она сидела в кресле-качалке перед камином и смотрела не отрываясь на огонь, освещающий ее высокую и сухую фигуру. Уже светало, когда она начала медленно, но ре-

шительно раскачиваться.

Откуда-то со второго этажа ее позвал сонный надтреснутый голос. Заскрипели половицы, когда кто-то, шаркая, поплелся в туалет.

Затем сверху донесся тяжелый удар — кто-то упал на пол, и надтреснутый голос вскрикнул от боли.

Миссис Долархайд и головы не повернула. Продолжая смотреть на пламя камина, она раскачивалась все быстрее, а голос через некоторое время затих.

К концу пятого года жизни к Фрэнсису Долархайду приехал первый и единственный в его приютской жизни гость.

Фрэнсис сидел в саду, когда к нему подошел воспитанник постарше и отвел в кабинет Приятеля.

Вместе с Приятелем в кабинете находилась высокая женщина средних лет. Ее лицо было густо напудрено, до полной белизны, волосы убраны в тугой пучок. Седые волосы, белки глаз и зубы отдавали желтизной.

Фрэнсиса поразила одна вещь, которую он никогда потом не забывал. Увидев его лицо, она довольно улыбнулась. Такое случилось в первый и последний раз в его жизни.

— Вот твоя бабушка, — сказал Приятель.

— Здравствуй, — пропела она.

Приятель утерся огромной ладонью.

— Скажи: «Здравствуйте». Ну, говори.

Фрэнсис уже научился произносить некоторые слова, закрывая ноздри с помощью верхней губы, но отрабатывать слово «здравствуйте» необходимости до сих пор не было. Поэтому он смог проблеять какое-то «…а…уй…е».

Услышав это, бабушка, казалось, обрадовалась еще больше.

— Ты можешь сказать «бабушка»?

— Ну-ка, скажи «бабушка», — пробасил Приятель.

Взрывной звук «б» Фрэнсис не одолел, чуть было не захлебнувшись при этом слезами.

Над ними жужжала и билась о потолок красноватая оса.

— Ну, успокойся, успокойся, — сказала бабушка. — Уж как нас зовут, ты сказать, конечно, можешь. Я же знаю, что такой большой мальчик, как ты, может назвать свое имя. Ну-ка, скажи, как нас зовут.

Слезы тут же высохли на лице Фрэнсиса. Уж этому-то его старшие мальчики научили. Он очень хотел, чтобы бабушке было приятно, он собрался с силами и довольно внятно проговорил:

— Мандух.

Через три дня бабушка вернулась в приют и забрала Фрэнсиса домой. Она сразу же стала учить его говорить правильно. Они начали отрабатывать одно слово. Это слово было «мамочка».

Не прошло и двух лет после расторжения первого брака Мэриан, как она познакомилась с Ховардом Вогтом и вышла за него замуж. Вогт был преуспевающий адвокат, имевший прочные связи не только с нынешними партийными функционерами Сент-Луиса, но и с политическими сторонниками старика Пендергаста из Канзас-Сити, с теми, кто еще не вышел в тираж.

Вогт — вдовец с тремя маленькими детьми, вежливый, но честолюбивый человек — был на пятнадцать лет старше Мэриан. В жизни он ненавидел только одно — местную газету «Пост диспэч», изрядно потрепавшую ему перья в 1936 году, во время скандала, разгоревшегося из-за махинации при регистрации избирателей, и в 1940-м, когда партия пыталась протащить в губернаторы штата своего кандидата.

К 1943 году звезда Вогта вновь стала восходить на политическом небосклоне штата. Некая пивоваренная компания решила финансировать

его выборы в законодательное собрание штата. Вскоре о нем начали говорить как о возможном кандидате партии на предстоящий конституционный съезд штата.

Мэриан была хорошей помощницей и очаровательной хозяйкой, и Вогт купил ей симпатичный деревянный дом на Оливковой улице, как будто специально созданный для того, чтобы принимать в нем влиятельных и нужных гостей.

Фрэнсис к тому времени уже прожил с бабушкой неделю, и та повезла показать его маме.

Миссис Долархайд никогда прежде не была в новом доме Мэриан. Горничная, открывшая ей дверь, никогда прежде не видела матери своей хозяйки.

— Я миссис Долархайд, — сказала та, прошествовав мимо горничной в прихожую.

Сзади из-под платья на добрых три пальца виднелась комбинация.

Бабушка с Фрэнсисом прошли в большую гостиную, где уютно потрескивал камин.

— Виола, кто там? — донесся женский голос со второго этажа.

Бабушка взяла внука за подбородок и наклонилась к нему. Он почувствовал запах холодной после улицы кожаной перчатки.

— Беги к мамочке, Фрэнсис, — пронзительным шепотом велела бабушка. — Ну, беги!

Он отпрянул, напоровшись на ее колючий взгляд.

— Ну, беги к мамочке!

Она твердой рукой схватила его за плечо и, подталкивая, подвела к лестнице. Он пробежал по ступенькам вверх и на полпути оглянулся на бабушку. Она мотнула подбородком вверх.

Он бежал по незнакомому коридору к открытой двери в спальню. Его мать сидела перед трюмо, по окружности которого светили лампочки, и придирчиво осматривала нанесенный на лицо макияж. Предстояло идти на политический митинг, и она беспокоилась, не слишком ли много румян наложено для мероприятия такого рода. К двери она сидела спиной.

— Мама…ка, — прогудел Фрэнсис, как его учили. Он очень старался, чтобы получилось как следует. — Мама…ка.

Только сейчас она увидела его в зеркале.

— Если ты к Неду, он еще не приходил с…

— Мама…ка.

Он подошел ближе, и теперь лампочки освещали Фрэнсиса беспощадным электрическим светом.

Мэриан услышала, как внизу ее мать требует себе чаю. У нее округлились глаза, и она замерла, не оборачиваясь. Затем она выключила свет, ее лицо в зеркале исчезло. В темной комнате раздался тихий стон, который перешел в рыдание. Может, она оплакивала себя, а может, его — своего сына.

После этого случая бабушка с Фрэнсисом не пропустили ни одного политического мероприятия. Она охотно рассказывала всем и каждому, кто такой Фрэнсис, откуда она его забрала. Она заставляла его говорить «здравствуйте» направо и налево. Отработать слово «здравствуйте» они еще не успели.

Мистер Вогт недобрал на выборах тысячу восемьсот голосов.

26

В бабушкином доме Фрэнсис попал в новый мир — его окружал лес ног, изуродованных узлами выступавших вен.

К тому времени, как здесь появился Фрэнсис, бабушка уже три года содержала дом для престарелых. После смерти мужа в 1936 году денег катастрофически не хватало. А она хоть и получила благородное воспитание, но ходовой профессии не имела.

Кроме большого дома и долгов, оставшихся от покойного мужа, за душой у нее ничего не было. Об устройстве доходного пансиона не приходилось и мечтать: дом находился на отшибе и не привлек бы постояльцев. Она уже боялась, что все опишут. Предстоящий брак Мэриан с богатым женихом, о котором писали в газетах, показался ей сначала подарком судьбы. Несколько раз она обращалась к Мэриан, настойчиво прося о помощи, но не получила ответа. Когда бы она ни звонила, прислуга отвечала, что хозяйки нет дома.

Наконец, затаив в сердце злость на Мэриан, бабушка договорилась с властями округа и взяла

в дом стариков из бедных. За каждого платила казна; кроме того, изредка поступали деньги от родственников, если властям таковых удавалось разыскать. Было тяжело, пока она не стала принимать постояльцев из среднего класса за отдельную плату.

За все это время Мэриан ни разу не дала ей ни цента, хотя могла.

И вот теперь Фрэнсис играл на полу в комнате, а вокруг него двигался лес отекших ног. Игрушечными машинами ему служили фишки для игры в маджонг, он двигал их вокруг ног, напоминавших старые скрученные корневища.

Если содержать в чистоте халаты подопечных еще удавалось, то научить их не оставлять где попало свои шлепанцы бабушка, отчаявшись, так и не смогла.

Целыми днями старики сидели в гостиной, слушая радио. Кроме того, бабушка поставила там небольшой аквариум, чтобы старики могли наблюдать за рыбками. Ввиду неизбежных конфузов паркетный пол был покрыт линолеумом, купленным на деньги частного пожертвования.

Старики сидели рядами на диванах и в инвалидных креслах, слушая радио; у одних в выцветших остановившихся глазах отражались

рыбки, у других — давно минувшие события, у третьих — пустота.

На всю жизнь Фрэнсис запомнил жаркие хлопотливые дни, проведенные в бабушкином доме: шарканье старческих ног по линолеуму, ароматы кухни — неизменные тушеные помидоры и капуста, запах старости — так пахнет забытая на солнце бумага, в которую заворачивали мясо, и вечно включенное радио:

Насыпь-ка «Ринзо» в таз с водой,
Белье получишь — снег зимой!

Целыми днями Фрэнсис пропадал на кухне — там находился его единственный друг, кухарка Бейли по прозвищу Королева-мать, еще девчонкой попавшая в услужение в семью Долархайдов. Она часто угощала Фрэнсиса сливами, доставая их из кармана фартука, и называла его словами из детской песни — «всегда мечтающий сурок». На кухне было тепло и спокойно. Вот только по вечерам Королева-мать уходила домой…

Декабрь 1943 года

Как-то пятилетний Фрэнсис лежал в своей постели на втором этаже бабушкиного дома. В комнате стояла кромешная тьма из-за светомас-

кировки — шла война с японцами. Фрэнсис не мог выговорить «японцы». Ему хотелось писать, но вставать в такой темноте было страшно.

Он стал звать бабушку, которая спала в своей комнате внизу.

— Ба-а-уа-а-ка! Ба-уа-а-ка! — блеял Фрэнсис, пока совсем не обессилел. — А-а-у-са ба-у-аа-ка!

Больше терпеть он не мог и тут же ощутил на ногах и под спиной мокрое тепло, а затем прохладу, когда ночная рубашка прилипла к телу. Ничего страшного не произошло. Он опустил ноги и встал с кровати. Со всех сторон его окружала темнота. Лицо у него горело, ночная рубашка плотно прилипла к ногам. Он бросился к дверям, путаясь в мокрой рубашке, и тут так ударился лбом о дверную ручку, что даже присел. Вскочив, он распахнул дверь и сбежал по лестнице вниз, обжигая пальцы о перила.

Скорее в бабушкину комнату! Там он шмыгнет под одеяло, прильнет к ней и наконец согреется.

Бабушка вздрогнула, ее тело напряглось, спина, к которой он прижался, окаменела.

— Я не уштрещала… — услышал он шамкающий голос. Раздался стук руки о тумбочку — она искала свои вставные челюсти, — затем щелканье, когда она их вставляла. — Я еще не встречала

такого мерзкого грязнулю, как ты. Вон! Вон из моей кровати!

Она включила ночник. Фрэнсис стоял на коврике, поеживаясь. Бабушка провела большим пальцем у него над бровью. На пальце оказалась кровь.

— Разбил что-нибудь?

Он так яростно замотал головой, что капли крови долетели до ее ночного халата.

— Марш наверх!

На лестнице его обступила кромешная тьма. Он не мог включить свет: бабушка распорядилась обрезать шнурки выключателей повыше, чтобы только она могла до них дотянуться. Возвращаться в мокрую постель ему не хотелось. Он долго стоял в темноте, вцепившись рукой в подножку перед кроватью. Он думал, она не придет. Самые темные углы комнаты говорили ему, что она не придет.

Но она пришла с ворохом простыней, дернула за короткий шнурок выключателя и молча поменяла ему постель, потом схватила его за руку у самого плеча и потащила по коридору в туалет. Лампочка висела высоко над зеркалом, и ей пришлось встать на цыпочки, чтобы включить ее. Она сунула ему влажное холодное полотенце.

— Сними рубашку и подотрись!

Он почувствовал запах пластыря и увидел, как сверкнули в ее руках ножницы. Бабушка отхватила ножницами кусок пластыря, поставила Фрэнсиса ногами на крышку унитаза и заклеила ему рану на лбу.

— Ну, — сказала она, держа ножницы под его животом так, что он ощутил холод металла. — Смотри, — приказала она и, положив руку ему на затылок, пригнула голову.

Он увидел, что его крошечное естество лежит на нижнем лезвии раскрытых ножниц. Она стала закрывать ножницы, пока они не защемили сбоку кожу.

— Совсем отрезать?

Он попробовал поднять голову и посмотреть на нее, но она ему не позволила. Он зарыдал, и на живот закапала слюна.

— Отрезать?

— Нет, ба-уа-а-ка! Нет, ба-уа-а-ка!

— Я даю тебе слово, что, если ты еще раз вымочишь постель, я его совсем отрежу. Ты понял?

— Да-а, ба-уа-а-ка!

— Ты прекрасно можешь найти унитаз в темноте, а чтобы не промахнуться, нужно сесть, только и всего. А теперь отправляйся спать.

К двум часам ночи поднялся теплый юго-восточный ветер. Зашелестела листва молодых яблонь, застучали ветви старых, высохших.

Принесенный ветром теплый дождь забарабанил по стене дома напротив комнаты, в которой спал сорокадвухлетний Фрэнсис Долархайд.

Он лежал на боку, засунув в рот большой палец руки. Ко лбу и шее прилипли влажные волосы.

Вот он просыпается. Лежа, прислушивается к своему дыханию и еле слышному шороху моргающих век. От его пальцев исходит слабый запах бензина. Мочевой пузырь у него полон. Он сонно шарит по ночному столику, пытаясь найти стакан со вставной челюстью.

Долархайд всегда вставляет челюсть, перед тем как подняться с постели. Потом он идет в туалет. Свет он не включает. Он прекрасно находит унитаз в темноте, а чтобы не промахнуться, нужно сесть, только и всего.

27

Что с бабушкой творится неладное, впервые стали замечать зимой 1947 года, когда Фрэнсису было восемь лет.

Они уже не обедали с Фрэнсисом в ее комнате, а перешли в большую столовую, где бабушка теперь садилась во главе общего стола вместе со своими подопечными.

Бабушку с детства готовили к роли хозяйки дома; теперь она где-то откопала свой серебряный колокольчик и, начистив до блеска, стала его класть рядом со своей тарелкой.

Вдохнуть жизнь в церемонию обеда, вовремя подать знак прислуге, руководить разговором, ненавязчиво подталкивая тугодумов к пониманию сути истории, поведанной стеснительным рассказчиком, продемонстрировать собеседникам его лучшие стороны — большое искусство, в наше время, к сожалению, умирающее.

В свое время бабушка владела им блестяще. Сейчас благодаря ее стараниям общение за обедом стало более привлекательным для нескольких постояльцев, еще способных удерживать нить

разговора.

Фрэнсис сидел за столом напротив бабушки, видя ее в конце коридора жующих голов, в то время как она вытягивала воспоминания из тех, кто хоть что-нибудь помнил. Со жгучим интересом она слушала рассказ миссис Флоудер о медовом месяце, проведенном когда-то в Канзас-Сити, не отставала от мистера Итона, пока тот несколько раз не рассказал о том, как болел лихорадкой, и живо прислушивалась к редким нечленораздельным звукам, исходящим от других участников трапезы.

— Как интересно! Ты слышишь, Фрэнсис? — пела она и звонила в колокольчик, чтобы несли следующее блюдо, которое представляло собой вариации все того же протертого с овощами мяса, подаваемого в несколько смен, что доставляло неисчислимые хлопоты кухонной прислуге.

На недоразумения, что происходили за столом, намеренно не обращали внимания. По звонку колокольчика и взмаху руки бабушки, не прекращающей беседовать, кто-то из многочисленной прислуги, на содержание которой бабушка никогда не скупилась, вытирал разлитый суп, будил уснувших или забывшихся стариков, напоминая, для чего они сюда пришли.

Здоровье бабушки ухудшалось, она стала худеть и смогла надевать давно уже похороненные в сундуках платья. Некоторые из них были еще элегантны. Черты лица и прическа придавали ей сходство с Джорджем Вашингтоном, изображенным на долларовой купюре.

К весне манеры бабушки утратили изящество. Она командовала за столом и не позволяла никому и слова вставить, рассказывала о своем детстве в городке Сент-Чарльз, открывая при этом очень интимные страницы собственной биографии с целью воодушевить и наставить Фрэнсиса и остальных слушателей.

В 1907 году бабушка действительно считалась блистательной дебютанткой сезона и ее приглашали на престижные балы в лучшие дома Сент-Луиса.

Подчеркнув, что из ее рассказа каждый может извлечь для себя поучительный урок, она многозначительно посмотрела на Фрэнсиса, сидящего со скрещенными под столом ногами.

— Я росла в то время, когда медицина почти не могла помочь тем, кто волею природы испытывал даже небольшие затруднения, — рассказывала бабушка. — У меня была красивая кожа, прекрасные волосы, и я использовала это в полной мере.

А вот проблему с зубами я преодолевала с помощью силы воли и неунывающего характера — и настолько успешно, заметьте, что этот недостаток превратился в мое достоинство, шарм, если хотите. Я думаю, вы бы даже могли назвать мои зубы изюминкой — подарком, который я не обменяла бы ни на что на свете.

Она продолжала свой подробный рассказ, признавшись, что не доверяла докторам, но, когда стало ясно, что деформация десен может стоить ей зубов, она добилась приема у одного из самых знаменитых докторов на Среднем Западе — Феликса Бертля, швейцарца по происхождению. «Швейцарские зубы» доктора Бертля пользовались популярностью в высших кругах общества, поэтому от пациентов отбоя не было.

К нему приезжали даже из Сан-Франциско, причем в его приемной можно было увидеть знаменитых оперных певцов, общественных деятелей, одним словом, людей, не без причины опасавшихся, что обычный дантист может испортить им дикцию или изменить тембр голоса. Швейцарец же мог полностью воссоздать зубы, данные вам природой, изготовляя протезы из специально подобранных материалов, резонансные свойства которых были ему известны

досконально.

Когда доктор Бертль закончил работу, новые зубы бабушки выглядели не хуже прежних. Она сжилась с ними, как с родными. «Не потеряв ни капли своего уникального очарования», — добавила бабушка с хитрой улыбкой.

Мораль, содержащуюся в рассказе бабушки, Фрэнсис поймет позже; пока он не научится зарабатывать сам, отправлять его к модным врачам никто не станет.

Высидеть на месте во время таких обедов помогало предвкушение того, что будет вечером.

А по вечерам за Королевой-матерью приезжал на дровяной телеге, запряженной парой мулов, ее муж. Если бабушка была занята наверху, они брали Фрэнсиса с собой, и он ехал с ними по аллее до самого шоссе.

Весь день он не мог дождаться, когда наступит вечер, представляя, как усядется рядом с Королевой-матерью и ее высоким, худым, но широкоплечим мужем, молчаливым и почти невидимым в темноте, как зашуршат по гравию ободья колес. Он представлял себе караковых мулов, иногда покрытых грязью, с подстриженными гривами, торчащими, как жесткие щетки, стегающих хвостами спины. Он предчувствовал

запахи пота, выкипяченной хлопчатобумажной ткани, нюхательного табака и распаренной упряжи. Порой, когда мистер Бейли расчищал новую опушку, к ним примешивался запах костра. В таких случаях старый негр брал с собой ружье, а на телеге валялась пара зайцев или белок, вытянутых, словно летящих в беге.

Во время короткой поездки они хранили молчание, только мистер Бейли говорил что-то мулам. Мальчик сидел между ним и Королевой-матерью, и ему было приятно касаться их покачивающихся тел. Спрыгнув с телеги в конце дороги, он давал ежевечернюю клятву идти прямо домой, а потом смотрел, как, покачиваясь, удаляется огонек керосиновой лампы. Он слышал, как они разговаривали, удаляясь от него. Иногда Королева-мать рассказывала мужу что-нибудь смешное, а потом смеялась вместе с ним. Он стоял в темноте, и ему было приятно, что смеются не над ним.

Пройдет время, и он поймет, что заблуждался…

Иногда с Фрэнсисом приходила играть дочка испольщика, который жил через три участка. Бабушка разрешала ей бывать у них потому, что она забавлялась, наряжая девочку в платья, оставшиеся от Мэриан. У девочки были рыжие волосы,

она была апатична и быстро утомлялась.

Как-то жарким июньским днем после обеда, когда ей надоело вылавливать соломинкой жуков на птичьем дворе, она попросила Фрэнсиса показать ей укромные части тела. В углу между стенкой курятника и живой изгородью, которая заслоняла их от нижних этажей дома, он расстегнул перед ней штаны. Она не осталась в долгу, опустив до щиколоток свои хлопчатобумажные трусики. В тот момент, когда он присел на корточки, чтобы разглядеть получше, из-за угла вылетела, выставив вперед лапы, обезглавленная курица, вздымая пыль оглушительно хлопающими крыльями. Стреноженная трусиками, девочка отпрянула, но курица успела забрызгать ей ноги кровью.

Фрэнсис вскочил на ноги и, не успев натянуть штаны, увидел, как из-за угла вышла Королева-мать.

— Хотел поглядеть, откуда что берется? — заговорила она спокойно, увидев детей. — Ну, поглядел, и будет. Теперь займись чем-нибудь попроще. Найди себе игру и играй — только одетым. А сейчас, ну-ка, помогите мне поймать вон того петуха.

Тут же забыв о неприятном происшествии,

дети целиком отдались охоте на резвого петуха. За ними из окна на втором этаже не отрываясь наблюдала бабушка.

Бабушка увидела, как Королева-мать вошла обратно в дом. Дети тем временем забежали в курятник. Подождав минут пять, бабушка тихонько подошла и, рывком распахнув дверь, заглянула внутрь. Дети собирали петушиные перья для индейского головного убора.

Бабушка отослала девочку домой и повела Фрэнсиса в дом. Там она ему сообщила, что отправляет его обратно в приют, но сначала накажет.

— Иди наверх. Сними брюки и жди меня в своей комнате, а я пока поищу ножницы.

Он прождал в своей комнате несколько часов, лежа на кровати со спущенными штанами, вцепившись в покрывало. Он ждал ножниц. Он еще ждал, когда внизу застучали тарелки ужинающих стариков, когда на улице заскрипела повозка и послышались стук копыт и хрип мулов — за Королевой-матерью приехал муж.

Уснул он только на рассвете, а проснувшись утром, стал ждать опять, судорожно вздрагивая.

Бабушка так и не пришла. Забыла, наверное.

Шли дни, а он все ждал. Чем бы он ни занимал-

ся, его то и дело охватывал липкий ужас. С тех пор он никогда не перестанет ждать.

Он стал избегать Королеву-мать, не объясняя причины, отказывался разговаривать с ней; он по ошибке решил, что та рассказала бабушке о случившемся на птичьем дворе. Теперь он был уверен, что, исчезая на телеге с керосиновой лампой в темноте, Королева-мать с мужем смеялись над ним. Да, верить никому нельзя!

Было мучительно тяжело лежать, стараясь уснуть, когда в голову лезли настойчивые мысли. Было мучительно тяжело лежать спокойно в такую лунную ночь.

Фрэнсис знал, что бабушка права. Пусть все знают, что он наделал, пусть знают даже в Сент-Чарльзе. Он не сердился на бабушку. Поделом. Он знал, как крепко ее любит. Он хотел быть хорошим.

Он представил себе, как в дом врываются грабители, как он защищает бабушку и как она потом признает, что ошиблась в нем: «Оказывается, Фрэнсис, ты не исчадие ада. Ты у меня хороший мальчик».

Он стал думать о грабителе, как тот врывается к ним в дом. Он врывается внутрь, чтобы показать бабушке укромные места своего тела.

Как же Фрэнсису защитить ее? Он еще совсем маленький и не может одолеть здоровенного грабителя.

Он стал размышлять. В кладовке у Королевы-матери висел огромный нож. Отрубив голову курице, она вытирала его газетой. Может, пойти взять его? Спасти бабушку — его долг. Он поборет страх перед темнотой. Если он действительно любит бабушку, то пусть в темноте боятся его. Пусть грабитель боится его, Фрэнсиса, а не наоборот.

Он прокрался вниз и нашел нож, висевший на гвозде. От ножа странно пахло, как из раковины, над которой курице спускали кровь. Нож был остро наточен, его тяжесть придавала Фрэнсису уверенности в себе.

Он потащил нож в комнату бабушки, желая убедиться, что грабителей там нет.

Бабушка спала. В комнате было очень темно, но он точно знал, где она лежит. Если бы в комнате находился грабитель, то Фрэнсис услышал бы, что тот дышит, как он слышит сейчас дыхание бабушки. Он бы знал, где находится шея грабителя, как он знает, где шея бабушки. Шея была прямо под дыханием.

Если бы в комнате был грабитель, Фрэнсис бы напал на него тихо, вот так. Он бы высоко взмах-

нул ножом, сжимая его обеими руками, вот так.

Замахиваясь, Фрэнсис споткнулся о бабушкин шлепанец, стоящий у кровати. Нож подскочил в плывущей темноте, ударившись с резким стуком о металлический абажур настольной лампы.

Бабушка повернулась на другой бок и всхлипнула во сне. Фрэнсис замер. Его руки дрожали, сжимая тяжелый нож над головой. Бабушка захрапела.

Любовь к бабушке переполняла его. Фрэнсис выскользнул из комнаты. Он сходил с ума, не зная, как защитить ее. Он должен что-то предпринять. Он уже не боялся охватившей его тьмы, но в доме было нестерпимо душно!

Фрэнсис вышел через заднюю дверь и остановился на залитом лунным светом дворе. Он тяжело дышал, задрав голову вверх — как будто мог вдохнуть в себя лунный свет. Крошечный лунный диск, вытянувшись в эллипс, блестел на белках закатившихся глаз. Когда глаза опустились, он снова стал правильно округлым и светил теперь прямо ему в зрачки.

Его невыносимо распирала переполнявшая Любовь — так, что у него захватывало дыхание. Он быстро пошел к курятнику, ногами ощущая исходящий от земли холод, тяжелый нож стучал

ему по ноге. Он побежал, чувствуя, что сейчас Любовь разорвет его на части.

Отмывая руки у колонки на птичьем дворе, Фрэнсис почувствовал небывалую легкость и умиротворение. К этому чувству он шел осторожно, а теперь обнаружил, что умиротворение было бесконечным, охватывающим каждую клеточку его тела. Смывая кровь с живота и ног, он думал о подарке, который сделала ему бабушка, по доброте своей не отрезав его естество. Голова у него теперь была ясная и спокойная.

Надо было куда-то деть ночную рубашку. Лучше всего спрятать под мешками в коптильне.

Когда нашли мертвого цыпленка, бабушка удивилась. Она сказала, что на лисицу это не похоже.

Через месяц Королева-мать отправилась в курятник за яйцами и нашла еще одного. На этот раз цыпленку свернули шею.

За обедом бабушка сказала, что, по ее убеждению, ей мстит «какая-то лентяйка из прислуги», которой она в свое время указала на дверь. Она добавила, что сообщила о происшествии шерифу.

Фрэнсис молча сидел за столом, сжимая и разжимая руку, вспоминая, как кожей ладони он

чувствовал моргающий птичий глаз. Иногда, лежа в постели, он трогал свое тело, желая убедиться, что у него ничего не отрезано. Временами, когда он ощупывал себя, ему казалось, что он чувствует моргание глаза.

Бабушка быстро менялась. Она становилась все более вздорной и уже не могла держать слуг. Хотя не хватало прежде всего горничных, она взялась за кухню, систематически поучая Королеву-мать — единственную постоянную прислугу в доме, которая проработала у Долархайдов всю свою жизнь, — как нужно готовить, от чего качество пищи заметно ухудшилось.

С раскрасневшимся от кухонного жара лицом бабушка неутомимо хваталась за все подряд, редко доводя дело до конца, в результате полуготовая пища так и не попадала на стол. Она делала запеканку из объедков, оставшихся после обеда, тогда как в кладовке гнили хорошие овощи.

В то время бабушка стала фанатически скупой. Она экономила на мыле и отбеливателе, в результате чего простыни оставались грязно-серыми.

В ноябре она наняла пять негритянок. Ни одна из них не задержалась в доме.

В тот вечер, когда уходила последняя из пяти, бабушка была вне себя от ярости. Она шла по

дому, что-то крича. Зайдя на кухню, увидела, что Королева-мать оставила на доске горку муки, окончив разделывать тесто.

Среди чада и пара, за полчаса до обеда, она подошла к Королеве-матери и влепила ей пощечину.

От возмущения Королева-мать уронила половник. Из глаз ее брызнули слезы. Бабушка замахнулась снова, но ее запястье перехватила большая розовая ладонь.

— Больше так не делайте. Вы не в себе, миссис Долархайд, но все равно больше так не делайте.

Изрыгая проклятия, бабушка голой рукой отшвырнула кастрюлю с кипящим супом. Из опрокинутой кастрюли суп, зашипев, потек внутрь плиты и на пол. Она ушла в комнату, захлопнув за собой дверь. Фрэнсис слышал, как она там ругалась и швыряла вещи о стену. В тот вечер бабушка так и не вышла из своей комнаты.

Королева-мать убрала разлитый суп, потом накормила стариков. Затем собрала свои пожитки в корзину, надела старый свитер и вязаную шапочку. Потом стала искать Фрэнсиса, но не нашла его.

Она уже залезла в телегу мужа, когда увидела мальчика, сидящего в углу крыльца.

— Уезжаю я, сурок. Больше не вернусь. Сирония

из продуктовой лавки обещала позвонить твоей маме. Если я тебе понадоблюсь, пока она не приедет, приходи ко мне домой.

Он увернулся, избегая прикосновения ее ладони к щеке.

Ее муж крикнул, погоняя мулов. Не в первый раз Фрэнсис смотрел вслед уплывающей телеге. После того как Королева-мать предала его, огонек керосиновой лампы вызывал у него только печаль и опустошение. Теперь ему было плевать на слабый умирающий огонек. Разве его можно сравнить с луной?

Ему стало интересно, что чувствуешь, когда убиваешь мула.

После звонка Королевы-матери Мэриан не приехала. Она приехала днем, две недели спустя, после того как ей позвонил из Сент-Чарльза шериф. Миссис Вогт сидела за рулем «паккарда» довоенного выпуска в шляпе и перчатках.

На съезде с шоссе ее встречал помощник шерифа. Он подошел и наклонился над стеклом автомобиля:

— Миссис Вогт, ваша мать позвонила сегодня, часов в двенадцать, и что-то стала говорить о служанках, которые, дескать, крадут. Ну, я, само собой, приехал. Вы меня, конечно, извините, но

она была вроде как не в себе. Смотрю, а здесь все как-то заброшено. Шериф говорит, лучше сперва вам позвонить, ну, вы сами понимаете. Мистер Вогт фигура вроде известная, и все такое.

Мэриан понимала прекрасно. Однако ее муж не пользовался былым уважением в рядах своей партии и заведовал теперь общественными работами в Сент-Луисе.

— Насколько я знаю, сюда еще никто не совал свой нос, — многозначительно сообщил помощник шерифа.

Когда Мэриан вошла в дом, мать спала. Двое стариков еще сидели за столом, ожидая, что их накормят. По заднему двору бродила какая-то старуха в одной комбинации.

Мэриан позвонила мужу: «Такие места часто проверяют?.. Должно быть, они ничего не видели… Жаловались ли родственники? Откуда я знаю… Я думаю, у таких и родственников-то нет… Нет, не надо. Ты в это дело не лезь. Мне нужно несколько негров. Пришли негров… и доктора Уотерса. Я обо всем позабочусь».

Минут через сорок пять прибыл доктор с санитаром, одетым в белый халат. Затем в фургоне приехали служанка Мэриан и еще пять слуг из дома Вогтов.

Когда Фрэнсис вернулся из школы, в комнате бабушки находились Мэриан, доктор и санитар. Фрэнсис слышал, как бабушка ругалась. Когда ее вывезли во двор на инвалидном кресле, у нее были остекленевшие глаза, а на руке — приклеенный пластырем кусок ваты. Впалое лицо выглядело странно без вставной челюсти. У Мэриан была перевязана рука — ее укусила бабушка.

Миссис Долархайд посадили на заднем сиденье машины доктора вместе с санитаром и увезли. Фрэнсис вышел посмотреть, как она уезжает. Он хотел было ей помахать, но передумал, и его рука на полдороге упала вниз.

Уборщики, которых привезла Мэриан, вымыли и проветрили все комнаты, устроили грандиозную стирку и искупали стариков. Мэриан работала наравне со всеми, приглядывая к тому же за приготовлением нехитрого ужина.

Она обращалась к Фрэнсису только для того, чтобы узнать, где что лежит.

Затем она отослала бригаду своих помощников и, позвонив властям округа, сообщила, что с миссис Долархайд случился удар.

Было уже темно, когда на школьном автобусе за стариками приехали работники социальной службы. Фрэнсис думал, что они и его заберут с

собой, но на него не обращали внимания.

В доме остались только Мэриан и Фрэнсис. Она сидела за обеденным столом, обхватив голову руками. Он вышел из дома и залез на дикую яблоню.

Наконец Мэриан позвала его в дом. Она уже упаковала его одежду в чемоданчик.

— Тебе придется ехать со мной, — говорила она, идя к машине, — залезай, только не пачкай ногами сиденье.

«Паккард» тронулся с места, оставляя за собой забытое в центре двора инвалидное кресло.

Скандал удалось предотвратить. Власти округа выразили искреннее сожаление по поводу того, что произошло с миссис Долархайд, отметив, что она содержала прекрасный дом для престарелых. Авторитет семьи Вогтов не пострадал.

Бабушку поместили в частный санаторий для нервнобольных. Было это за четырнадцать лет до того, как Фрэнсис вернулся в ее дом.

— Фрэнсис, познакомься со своими новыми сестрами и братом, — сказала мать в библиотеке Вогтов.

Неду Вогту было двенадцать, Виктории — тринадцать, Маргарет — девять. Нед и Виктория переглянулись. Маргарет смотрела себе под

ноги.

Фрэнсису отвели комнатенку под самой крышей, в которой раньше жила горничная. С тех пор как Вогт провалился на выборах 1944 года, семье приходилось довольствоваться приходящей прислугой.

Его записали в начальную школу имени Поттера Джерарда, до которой было рукой подать от дома, но далеко от епископального частного заведения, что посещали дети Вогтов.

В течение первых дней новые брат и сестры не обращали на него никакого внимания, но в конце первой недели к нему в комнату поднялись Нед и Виктория.

Фрэнсис слышал, как они долго-долго шептались. Потом ручка двери повернулась. Обнаружив, что дверь закрыта на засов, стучать они не стали, а Нед крикнул:

— Открой дверь!

Фрэнсис открыл. Разговаривать с ним они не стали, пока не осмотрели его одежду, висевшую в гардеробе. Нед Вогт открыл ящик маленького комода и двумя пальцами вытащил платок с вышитыми инициалами «Ф. Д.», подаренный

Фрэнсису на день рождения, каподастр[15] для гитары, отливающего блеском жука в пузырьке из-под таблеток, сборник комиксов с покоробленными от влаги краями и открытку с пожеланием выздоровления, подписанную: «Сара Хьюз из твоего класса».

— А это что?

— Каподастр.

— Зачем это?

— Для гитары.

— У тебя что, гитара есть?

— Нет.

— Зачем же тебе она?

— Это моего отца!

— Я никак не пойму, что ты бормочешь. Пусть он повторит, Нед.

— Он говорит, что она принадлежала его отцу, — сказал Нед, высморкался в вышитый платок и бросил его обратно в ящик.

— Сегодня забрали пони, — сообщила Виктория, садясь на узкую кровать. Рядом уселся Нед, с ногами забравшись на лоскутное одеяло.

— Больше не будет никаких пони, — сказал Нед. — Не поедем больше в наш домик на озере.

---

[15] Примечания: 15

Приспособление для перестройки струн гитары, жестко закрепляемое на грифе инструмента.

А знаешь почему? Чего молчишь, скотина?

— Отец все время болеет. Он теперь уже не зарабатывает, как раньше, — продолжала Виктория. — Бывают дни, он вообще на работу не ходит.

— А знаешь, скотина, чего он болеет? — спросил Нед. — Говори, чтобы я слышал.

— Бабушка говорит, он спился. Ты хорошо понял?

— Он болеет из-за твоей мерзкой рожи, — объяснил Нед.

— Вот почему за него люди не голосовали, — добавила Виктория.

— Убирайтесь отсюда, — сказал Фрэнсис.

Он повернулся, чтобы открыть дверь, и в этот момент Нед пнул его ногой в спину. Фрэнсис схватился за поясницу обеими руками и этим спас свои пальцы, убрав их с живота, куда Нед нанес второй удар.

— Нед! Ну, Нед! — закричала Виктория.

Нед схватил Фрэнсиса за уши и подтащил к зеркалу, висящему над туалетным столиком.

— Вот почему он болеет! — кричал Нед, тыча его лицом в зеркало. — Вот почему он болеет!

Новый удар. Зеркало уже покрылось кровью и соплями. Наконец Нед отпустил его, и Фрэнсис

сел на пол. Виктория наклонила к нему голову, вытаращив глаза и зажав нижнюю губу между зубами. Они ушли, оставив Фрэнсиса сидеть на полу. Его лицо было вымазано кровью и слюной, на глазах навернулись слезы, но он не плакал.

28

В Чикаго всю ночь напролет дождь стучит по пленке, натянутой поверх могилы, выкопанной для Фредди Лаундса.

Каждый удар грома болью отдается в голове Уилла Грэма. Он пробирается от стола к постели — туда, где под подушкой змеями свернулись сны.

Возвышающийся над Сент-Чарльзом старый дом, выдерживая порывы ветра, то и дело протяжно вздыхает, заглушая стук дождя по оконному стеклу и удары грома.

В темноте скрипит лестница. С расширенными после сна зрачками мистер Долархайд спускается по ступеням. При каждом шаге полы его кимоно издают шуршание.

Еще влажные волосы гладко причесаны, ногти почищены щеточкой. Поступь его ровна и медленна, он весь собран, как будто несет наполненную до самых краев чашку.

Возле кинопроектора лежат фильмы. Два фильма. Из десятков копий, сделанных на работе для более внимательного просмотра дома, выбра-

ны две. Остальные свалены в корзину и будут сожжены.

Устроившись поудобнее в кресле, возле которого стоит поднос с сыром и фруктами, Долархайд включает проектор.

Первый фильм посвящен пикнику в День независимости. Симпатичная семья — трое детей, отец с бычьей шеей, пальцами залезающий в банку за маринованными огурцами. И мать…

Лучше всего она снята во время игры в софтбол[16] с соседскими детьми. На экране она появляется секунд на пятнадцать, стоит на второй базе, лицом к питчеру. Ее ноги широко расставлены, она готова бежать в любую сторону. Когда она наклоняется, под пуловером так и ходят ее груди. Долархайд досадливо морщится, когда камера переходит на мальчика, размахивающего битой. Вот на экране опять она — бросает мяч. Она встает ногой на надувной матрац, который служит в игре базой, камера крупным планом дает ее фигуру — видно, как напряглось ее бедро.

Снова и снова пересматривает Долархайд кадры с женщиной. Вот она наклоняется вперед, готовая бежать. Ее выставленный зад туго об-

---

[16] Примечания: 16
Упрощенная форма бейсбола, не требующая большого поля.

тянут обрезанными выше колен джинсами. Он нажимает кнопку, и кадр замирает. Женщина и ее дети. Все грязные и усталые. Они обнимаются, а под ногами у них трется собака.

Оглушительный удар грома. В высоком серванте, оставшемся от бабушки, звенит хрусталь. Долархайд протягивает руку за грушей.

Второй фильм состоит из нескольких частей. Название фильма — «Новый дом» — выложено мелкими монетками на белой картонной коробке от новой сорочки. Под ней лежит разбитая свинья-копилка. Фильм начинается с того, что глава семейства, стоя на газоне перед домом, выдергивает из земли плакат с надписью «Продается» и со смущенной улыбкой демонстрирует его перед камерой. Карманы у него вывернуты наружу.

Дергаясь, камера долго показывает мать и троих детей на крыльце дома. Дом довольно симпатичный. Затем камера переходит на бассейн во дворе. Маленький мальчик с блестящими от воды волосами на цыпочках подбегает к доске-трамплину, оставляя на плитке мокрые следы. На поверхности воды качаются головы купающихся детей. Прижав уши, сверкая белками глаз, к девочке плывет собака с высоко задранной мордой.

Хватаясь за поручни, мать выныривает из воды и оглядывается на камеру. Ее кудрявые черные волосы блестят, как уголь. Едва поддерживаемая купальником, сверкает на солнце мокрая грудь. Под водной рябью ее ноги напоминают ножницы.

Ночь. Крупным планом бассейн и стоящий за ним дом. Выдержка неправильная. В воде отражаются освещенные окна.

Приятные хлопоты внутри нового дома. Повсюду какие-то коробки и обертки. Виден старый сундук, который еще не успели затащить на чердак.

Девочка, примеряющая бабушкины наряды. Вот она надевает великолепную соломенную шляпу. Отец сидит на диване. Кажется, он немного навеселе. Вот камера, видимо, перешла в его руки — он держит ее неровно. Теперь шляпу примеряет, стоя перед зеркалом, мать девочки. Вокруг нее толкаются дети. Мальчики смеются, дергая шляпу за широченные поля, а девочка оценивающе смотрит на мать, прикидывая, как она сама будет выглядеть в будущем.

Крупный план. Мать поворачивается к камере и с лукавой улыбкой принимает соблазнительную позу, обхватив голову откинутой назад

рукой. Она очень красива. На шее у нее камея.

На этом кадре Долархайд останавливает проектор. Затем перематывает пленку назад. Снова и снова она поворачивается от зеркала к камере и лукаво улыбается.

Долархайд задумчиво берет первый фильм — с игрой в софтбол — и бросает его в корзину. Затем снимает бобину с проектора и смотрит на приклеенный корешок квитанции: «Боб Шерман, Старрут, 7, п/я 603, Талса, Оклахома».

И ехать недалеко…

Долархайд кладет бобину на одну ладонь и накрывает сверху другой — как крохотное живое существо, которое может вырваться и убежать. Ему кажется, что фильм бьется под его рукой, как сверчок. Он вспоминает суматоху, поднявшуюся в доме Лидсов, когда зажегся свет. С мистером Лидсом пришлось немало повозиться, прежде чем он сумел наконец включить свои осветительные лампы.

На этот раз все будет развиваться без досадных задержек. Было бы здорово забраться прямо к ним в постель и понежиться немного между ними, спящими, запустив предварительно камеру. Затем он нанесет удар в темноте и сможет сидеть между ними, пока, счастливые, они будут пропи-

тываться кровью.

Снимать можно на инфракрасную пленку, а где ее взять, он знает.

Не выключив проектор, Долархайд сидит, сжимая в ладонях бобину с фильмом, а в пустом луче света под протяжные вздохи ветра двигаются другие образы.

Он не знает чувства мести, только Любовь и предчувствие будущей Славы; стук сердец становится слабее и глуше, подобно отзвуку удаляющихся в небытие шагов.

Вот он — неистовый, полный безудержной Любви — навис, как геральдический зверь, над распластанными у его ног Шерманами.

В его мыслях нет места прошлому — только грядущая Слава. Он не думает о доме матери; картины его жизни там скудны и расплывчаты.

Воспоминания о доме матери стали исчезать где-то между двадцатью и тридцатью годами жизни, оставив после себя лишь тонкую мутную пленку на поверхности сознания.

Он помнил, что жил там всего месяц, но забыл, что его выгнали, когда ему было девять лет, — за то, что повесил кошку сводной сестры.

Из того немногого, что он все-таки помнил, оставался светящийся в зимних сумерках дом,

мимо которого проходила его далекая дорога из школы на квартиру, где для него снимали комнату.

Он не забыл запах, стоявший в библиотеке Вогтов, — так пахнет, когда открываешь пианино. В какой-то праздник мать позвала его и вручила подарок. Долархайд не помнил лиц людей, смотревших ему вслед из окон второго этажа, когда он уносил ненавистные практичные вещи, только что подаренные матерью. Он возвращался в придуманный им для себя дом — за тридевять земель от Сент-Луиса. Уже в одиннадцать лет Долархайд активно и напряженно осваивал мир своих фантазий. Когда давление переполнявшей его Любви становилось нестерпимым, он выпускал его наружу. Первыми жертвами были домашние животные. Он действовал хладнокровно и осторожно, избегая разоблачений. Это было нетрудно — ведь животные были ручными. Полиция не догадывалась, что маленькие печальные пятна крови на земляном полу гаражей оставлял он.

Сейчас ему было сорок два года, и всего этого он не помнил. Он никогда не думал об обитателях дома его матери — о ней самой, о брате и сестрах.

Иногда он видел их в ярких фрагментах кош-

марного сна. Радужные неузнаваемые лица и фигуры возвышались над ним, подобно гигантским богомолам. Но когда он погружался в размышления — а это случалось редко, — то с удовольствием вспоминал службу в армии.

В семнадцать лет он залез через окно в дом к одинокой женщине. Его поймали, но он отказался ответить, зачем туда забрался. Ему предложили на выбор тюрьму или армию. Он выбрал армию.

После начальной подготовки Долархайда направили в школу специалистов, где научили обрабатывать кинопленку. Затем его перевели в Сан-Антонио на студию медицинских учебных фильмов военного госпиталя имени Брука.[17]

Там им заинтересовались военные хирурги, решившие поправить его внешность.

Ему сделали сложную пластическую операцию на носовой перегородке, удлинив ее с помощью трансплантата из хряща ушной раковины. Затем, используя методику, предложенную Аббе, ему поправили верхнюю губу, пересадив лоскут кожи. На оригинальную операцию пришло посмотреть немало любопытствующих специалистов.

Хирурги остались довольны результатами

---

[17] Примечания: 17
Алан Т. Брук (1883–1963) — британский фельдмаршал.

своей работы. Долархайд отвел руку с предложенным ему зеркалом и равнодушно выглянул в окно.

Согласно формуляру Долархайда, в фильмотеке госпиталя он часто заказывал фильмы, в основном по травмам. Причем забирал их на ночь.

В 1958 году он остался в армии на второй срок. В этот раз он открыл для себя Гонконг. Часть стояла в Сеуле. В его задачу входила проявка фотопленки, заснятой небольшими самолетами-разведчиками, летавшими в конце пятидесятых годов за 38-ю параллель. Отпуск он получал дважды и оба раза ездил в Гонконг. В 1959 году в Гонконге и Коулуне можно было удовлетворить любые аппетиты.

В 1961 году бабушку выпустили из санатория в состоянии отрешенности благодаря транквилизаторам. Долархайд подал рапорт об увольнении со службы по семейным обстоятельствам за два месяца до истечения срока контракта и поехал домой ухаживать за ней.

Как и для бабушки, для него наступили спокойные времена. Получив работу в компании «Гейтуэй», Долархайд смог нанять женщину, которая присматривала за бабушкой в дневное время. По вечерам, оставшись вдвоем, они сиде-

ли в гостиной, не разговаривая. Тиканье и бой старинных часов были единственными звуками, нарушавшими тишину дома.

Только однажды, в 1970 году, на похоронах бабушки, Долархайд встретил мать. Он посмотрел сквозь нее желтыми глазами, которые удивительно напоминали ее собственные, как будто не узнавая.

Мать была поражена тем, как он изменился. У него была широкая грудь, крепкое тело, унаследованный от нее прекрасный цвет кожи. Он носил аккуратные усики — результат, как она подозревала, трансплантации кожи с волосяным покровом, откуда-то с головы.

Она позвонила ему через неделю после похорон, но услышала, как на другом конце медленно положили трубку.

В течение девяти лет со дня смерти бабушки Долархайда никто не трогал, и он никого не трогал. Его лишенный морщин лоб был гладкий, как стекло. Он знал, что чего-то ждет. Не знал — чего именно.

Зернышко, спящее до поры в его сознании, было разбужено одним рядовым событием — из тех, что случается с каждым, — и он понял, что настало Время. Долархайд стоял у окна, выходя-

щего на север, и рассматривал на свет пленку, как вдруг заметил, что у него постарели руки. Он увидел их внезапно, переводя взгляд с пленки. В хорошем дневном свете была отчетливо видна дряблая кожа, затаившаяся между выступающими суставами и сухожилиями, — вся в паутине мелких ромбов, как у ящерицы.

Желая рассмотреть ладони получше, он повернул их к свету, и вдруг в ноздри ему ударил сильный запах капусты и тушеных помидоров. Его охватил озноб, хотя в комнате было тепло. Вечером того дня он работал с гантелями дольше обычного.

На стене спортивного зала, который Долархайд оборудовал на чердаке, над штангой и банкеткой висело большое длинное зеркало — единственное в доме, — чтобы он мог, надев маску, умиротворенно любоваться своим отражением.

Он внимательно осмотрел свое накачанное мускулистое тело. Ему было уже сорок, но он мог с успехом выступать в региональных соревнованиях по культуризму. Однако сегодня он остался неудовлетворен осмотром.

Через неделю ему попалась на глаза картина Блейка и тут же овладела всеми его мыслями.

Он увидел ее на большой цветной фотографии

в журнале «Тайм». Там была также статья о ретроспективной выставке Блейка в лондонской галерее Тейт. Среди экспонатов находилась и присланная из Бруклинского музея акварель «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце».

Автор статьи в «Тайм» писал: «Среди демонических образов, созданных искусством Запада, мало что может соперничать с этим кошмаром по силе сексуальной энергии...» Долархайду это было ясно и без объяснений критика.

Первое время он буквально не расставался с репродукцией, сфотографировал ее, а затем, оставшись как-то после работы в лаборатории, напечатал снимок. Возбуждение не отпускало его. Он повесил увеличенную фотографию рядом с зеркалом в спортзале и не отрывал от нее взгляда, выжимая штангу. Теперь, чтобы уснуть, ему нужно было довести себя до изнеможения тренировками, а сексуальное удовлетворение ему помогали получить учебные фильмы по хирургии.

Ему не было и десяти лет, а он уже знал, что, в сущности, одинок и будет одинок всегда. Такой вывод обычно делают годам к сорока.

Став сорокалетним, Долархайд ушел в мир

фантазий — яркий, невиданный и непосредственный, как у ребенка. Достаточно было сделать один шаг, чтобы уйти за черту Одиночества.

Достигнув возраста, когда другие мужчины лишь начинают страшиться одиночества, Долархайд уже познал его природу. Он был один потому, что был Неповторим. С горячностью вновь обращенного он верил, что состоится, только если будет следовать своему предназначению, если подчинится своим природным инстинктам, которые так долго подавлял, будет лелеять их как данное свыше наитие, коими они и были на самом деле.

Лица Дракона на картине не видно, но постепенно Долархайд представлял его себе все лучше и лучше.

После тренировки приятно ныли мышцы. Он сидел в гостиной и смотрел свои медицинские фильмы. Широко раскрыв рот, он пытался надеть бабушкины вставные зубы, но они были слишком малы для его гипертрофированных десен, и челюсть быстро свело судорогой.

Он начал тренировать свою челюсть, покусывая брусок твердой резины, пока желваки на скулах не стали величиной с грецкие орехи.

Весной 1979 года Долархайд, сняв в банке часть

своих немалых сбережений, взял трехмесячный отпуск за свой счет. Он отправился в Гонконг, захватив вставные зубы своей бабушки.

Когда он вернулся на работу, рыжая Эйлин и другие сотрудники увидели, что отпуск пошел ему на пользу. Он вернулся умиротворенным. Никому не пришло в голову спросить у него, с чего это он перестал пользоваться общей раздевалкой и душевой: он и до отпуска заглядывал туда не часто.

Бабушкины зубы вернулись в стакан, стоявший на ночном столике возле ее кровати, а свои новые челюсти он запер в стол в комнате на втором этаже.

Если бы Эйлин увидела его сейчас полуобнаженным перед зеркалом, с новыми зубами и татуировкой, казавшейся очень яркой в лучах резкого электрического света, она бы вскрикнула. Последний раз в жизни.

Теперь время было, спешить не стоило. Перед ним простиралась вечность. Через пять месяцев он остановит выбор на семье Джейкоби.

Они поддержали его первыми и первыми вознесли к Славе Становления. Джейкоби были лучше всего. Лучше всего, что он когда-либо пробовал.

Пока он не попробовал Лидсов.

И вот теперь сила и Слава его растут, а он предвкушает Шерманов и неизведанный интим инфракрасной съемки. Заманчиво, черт побери.

29

Чтобы заполучить все необходимое, Долархайду пришлось на время покинуть свою вотчину — цех по обработке кинопленки компании «Гейтуэй».

Долархайд был начальником производства крупнейшего подразделения фирмы, которое занималось обработкой любительских кинофильмов. Кроме того, на «Гейтуэе» было еще четыре подразделения.

Спад производства в семидесятых годах сильно ударил по любительскому кино. К тому же появился сильный конкурент — домашние видеомагнитофоны. На «Гейтуэе» стали подумывать о расширении сферы услуг.

Были организованы новые подразделения, которые стали переводить кинофильмы на видеопленку, печатать карты аэрофотосъемки и производить высококачественную обработку 16-миллиметровой кинопленки по заказам небольших коммерческих киностудий.

В 1979 году компании улыбнулась удача. Совместно с министерствами обороны и энергетики

она получила заказ на разработку и испытание новых эмульсий для инфракрасной кинопленки.

Министерству энергетики чувствительная инфракрасная пленка понадобилась для исследований в области экономии тепла, а военным — для технической разведки в ночных условиях. С этой целью компания купила в конце 1979 года находящуюся по соседству небольшую фирму «Бэдер кемикл».

В обеденный перерыв Долархайд направился в здание, где находилась «Бэдер кемикл». Он шел под голубым, умытым дождем небом, осторожно обходя сверкающие на солнце лужи. Смерть Лаундса привела его в отличное расположение духа.

На «Бэдере» все, видимо, ушли на обед.

Он нашел в лабиринте коридоров нужную дверь, табличка на которой гласила: «Внимание! Обрабатываются инфракрасные материалы. Запрещается курить, вносить осветительные приборы и горячие напитки».

Долархайд нажал на кнопку. Красный свет погас, и зажегся зеленый. Он зашел в светоизоляционный тамбур и постучал во внутреннюю дверь.

— Заходите, — раздался женский голос.

Абсолютная темнота, прохладный воздух. Журчание воды, привычный запах проявителя Д-76, неуловимый аромат духов.

— Меня зовут Фрэнсис Долархайд. Я по поводу сушильного шкафа.

— А-а, прекрасно. Извините, что жую. Я как раз заканчиваю обедать.

Он услышал, как комкают и бросают в корзину оберточную бумагу.

— Вообще-то сушилка нужна Фергюсону, — произнес голос в темноте, — но он в отпуске. Правда, я знаю, куда ее хотят поставить. У вас что, на «Гейтуэе» лишняя есть?

— У нас две. Одна побольше. Он не сказал, сколько у него здесь места.

Пару недель назад Долархайду попалась на глаза докладная, излагающая проблему с сушкой пленки на «Бэдере».

— Место я вам покажу, если немного подождете.

— Чудно.

— Встаньте спиной к двери, — в голосе появились преподавательские нотки, — сделайте три шага вперед. Вы окажетесь на кафеле, и тут же слева от вас будет стоять стул.

Он нашел стул. Сейчас он находился ближе

к ней и слышал, как шуршит ее лабораторный фартук.

— Спасибо, что выбрались к нам, — сказала она. У нее был чистый голос, чуть отдававший металлом. — Вы ведь начальник производства, верно?

— Верно.

— Тот самый мистер Долархайд, который мечет громы и молнии, когда у нас неправильно заполнены заявки?

— Тот самый.

— Меня зовут Рив Макклейн. Я надеюсь, у нас здесь все в порядке?

— Не моя епархия. Я только проектировал лаборатории, когда мы вас купили. А здесь я, наверное, уже полгода не был.

Произнести такую длинную речь в темноте для него оказалось нетрудно.

— Еще минуточку — и дадим свет. Вам рулетка нужна?

— У меня своя.

Разговаривать с этой женщиной в темноте Долархайду было приятно. Он услышал шорох: она рылась в сумочке, затем щелкнула пудреница.

Он пожалел, когда зазвонил таймер.

— Ну вот и все. Сейчас только положу пленку в «Черную дыру», — сказала она.

Долархайд почувствовал дуновение холодного воздуха, услышал, как мягко чавкнула резиновая изоляция специального шкафа, как засвистел вакуумный замок. Легкое движение воздуха, и его коснулся аромат духов, когда она прошла рядом с ним.

Долархайд придал лицу задумчивое выражение, прикрыв нижнюю часть лица ладонью, и ждал, когда она включит лампу.

Загорелся свет. Девушка стояла у двери лицом к нему и улыбалась. Под прикрытыми веками быстро и хаотично двигались глаза.

Увидев прислоненную в углу белую палочку, он отвел руку от лица и улыбнулся.

— А можно взять сливу? — спросил Долархайд. На ее столе лежало несколько штук.

— Конечно! Очень вкусные сливы.

У нее было симпатичное лицо — тонкое, но решительное, этакая красавица прерий. На переносице виднелся небольшой шрам в виде звездочки. Цвет ее волос был между пшеничным и рыжевато-золотистым, правда, стрижка «под пажа» казалась несколько старомодной. Лицо и руки были покрыты симпатичными веснушками. На фоне кафельных стен и нержавеющей стали лаборатории она выглядела ярко — как

богиня осени.

Он мог разглядывать ее безнаказанно. Его пристальный взгляд скользил по ней вольно, как воздух; ее глаза были не в состоянии дать ему отпор.

Разговаривая с женщинами, Долархайд часто чувствовал теплое покалывание кожи. Оно перемещалось в зависимости от того, на какое место смотрела его собеседница. Даже если она отворачивалась, ему казалось, что она видит его отражение. Никогда не забывая о блестящих поверхностях, он просчитывал углы отражения не хуже, чем завсегдатай бильярдной — траекторию шара, отскакивающего от борта.

Сейчас ничего подобного он не ощущал. Он просто смотрел на ее кожу, всю усыпанную веснушками, кроме шеи и внутренней стороны запястий, где она блестела жемчужной белизной.

— Я покажу вам комнату, куда он хочет поставить сушилку, — предложила Рив. — Там все и померяем.

Они померили.

— Да, кстати. Не могли бы вы сделать мне одолжение? — спросил Долархайд.

— Пожалуйста.

— Мне нужна инфракрасная пленка. Очень чувствительная. Около тысячи нанометров.

— Ее можно вынимать из холодильника только для съемки.

— Я знаю.

— Мне нужны условия съемки, чтобы я могла…

— Съемка с расстояния примерно два с половиной метра. Освещение через фильтры Рэттена…

Судя по реквизиту, он собирался идти в разведку.

— В зоопарке будут снимать животных, ведущих ночной образ жизни. «Обитатели тьмы», так сказать.

— Прямо не животные, а призраки какие-то, если их обычная инфракрасная пленка не берет.

— Это, знаете ли…

— Ладно, я вам помогу. Но есть одно обстоятельство. Вы понимаете, мы тут на армию работаем, и за все, что отсюда выходит, нужно расписываться.

— Все правильно.

— Когда она вам понадобится?

— Числа двадцатого. Но не позже.

— Да, чем выше чувствительность, тем больше мороки. Но что я вам-то рассказываю. Не забудьте

взять охладитель, сухой лед и все такое прочее. Если хотите, то в четыре привезут образцы, можете посмотреть. Вам, наверное, придется пользоваться самой устойчивой эмульсией.

— Спасибо, обязательно буду.

Когда Долархайд ушел, Рив посчитала оставшиеся сливы. Он действительно взял только одну.

Какой-то странный этот Долархайд, решила Рив. После того как она зажгла свет, в его речи не появилось ни участливых пауз, ни неловкого сочувствия. Может, он знал заранее, что она слепая. А лучше, если ему просто все равно. Да, так было бы лучше.

30

А в Чикаго хоронили Фредди Лаундса. «Тэтлер» щедро оплатила похоронные услуги и добилась, чтобы все прошло как можно скорее — на следующий день после смерти — и фотографии траурной церемонии были бы опубликованы уже в очередном номере, в четверг вечером.

После долгого отпевания в часовне началась продолжительная церемония у самой могилы. Радиопроповедник-евангелист произносил напыщенную надгробную речь. Поборов очередной приступ липкой похмельной тошноты, Грэм продолжал рассматривать собравшихся.

Стоящие у могилы певчие сполна отрабатывали свой гонорар. Сверкали вспышки фотоаппаратов. Приехали две группы с телевидения, вооруженные стационарными и переносными камерами. Собравшихся также снимали полицейские фотографы, явившиеся сюда под видом репортеров.

Среди полицейских в штатском Грэм узнал нескольких сотрудников Чикагского управления. Это были единственные знакомые тут лица.

И конечно, пришла Вэнди, хозяйка ночного

клуба «Вэнди-Сити», подруга Лаундса. Она сидела у самого гроба под навесом. Грэм еле узнал ее. Волосы светлого парика были убраны назад, в пучок, на ней был черный, прекрасно сшитый костюм.

Когда траурный марш заиграл в последний раз и пришла пора прощаться с покойным, она нетвердой походкой подошла к гробу и под вспышками фотоаппаратов приникла к крышке, простирая руки над морем хризантем.

Собравшиеся тихо расходились по направлению к кладбищенским воротам по чавкающей влажной траве.

Грэм шел рядом с Вэнди. На них глазела через прутья высокой металлической ограды толпа не допущенных на церемонию зевак.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Грэм.

Она остановилась между могилами. Глаза у нее были сухими, взгляд спокойный.

— Лучше, чем вы, — ответила она. — Напились вчера, верно?

— Ага. Вас охраняют?

— Да приставили тут нескольких из полицейского участка. В клубе тоже дежурят — в штатском. Посетителей у меня прибавилось. Особенно этих самых, с отклонениями.

— Мне очень жаль, что вам пришлось через все это пройти. В больнице вы были… вы держались молодцом. Я был просто восхищен.

Она кивнула.

— Фредди был хороший парень. За что ему такая страшная смерть? Спасибо вам, что пустили меня тогда к нему, повидаться в последний раз.

Вэнди посмотрела куда-то мимо него, заморгала глазами, о чем-то думая. Тени на ее веках были наложены, как слои штукатурки. Она повернулась к Грэму:

— Вы знаете, ведь «Тэтлер» мне заплатила. Вы, наверное, это поняли. За интервью, за сцену у гроба. Я думаю, Фредди бы меня не осудил.

— Он бы просто разозлился, если бы вы не взяли с них денег.

— Я так и подумала. Они, конечно, подонки порядочные, но платят неплохо. Я вам рассказала потому, что они меня заставляли говорить, что будто бы я уверена, что вы намеренно натравили этого маньяка на Фредди, обнимаясь с ним на фотографии. Я отказалась. Если они это напечатают от моего имени, не верьте.

Грэм промолчал, и она испытующе посмотрела ему в лицо.

— Он вам не особенно нравился, наверное… Это

неважно. Просто если бы вы действительно хотели натравить Зубастика на него, вы бы устроили засаду, так ведь?

— Да, Вэнди. Я бы его загнал в угол.

— Хоть зацепка какая-нибудь есть? Я вроде слышала от местных полицейских, что вы что-то узнали.

— Да практически ничего. Так, криминалисты кое-какие данные подкинули. Мы их сейчас проверяем. Он почти не оставил следов, и ему везет.

— А вам?

— Что мне?

— Везет?

— Когда как.

— А Фредди никогда не везло. Сказал мне, что собирается на этом деле неплохо заработать. Он уже со столькими договорился!

— Он действительно мог на этом неплохо заработать.

— Слушайте, Грэм, если вы когда-нибудь захотите напиться, то приходите ко мне.

— Спасибо.

— Но чтобы на людях вас пьяным больше не видели.

— Само собой!

Два полисмена расчистили Вэнди дорогу в тол-

пе любопытных, осаждавших ворота. Какой-то зевака в майке с надписью «Зубастик — мужчина на одну ночь» свистнул Вэнди. Стоящая рядом женщина влепила ему пощечину.

Здоровенный полицейский в штатском втиснулся на переднее сиденье ее спортивной машины, и Вэнди включила первую скорость. Второй полицейский последовал за ними в машине без опознавательных знаков.

Было жарко. Над Чикаго стоял запах гари, как после фейерверка.

Грэм чувствовал себя одиноко и знал почему: по дороге с похорон хочется заняться любовью — просто так, назло смерти.

Подул ветер, и на могиле, возле которой он стоял, зашуршали высохшие цветы. На какую-то секунду он представил себе ветви пальмы, шелестящие на морском ветру, и у него защемило сердце. Всей душой он рвался домой, зная, что не вернется, не может вернуться, пока по земле ходит Дракон.

31

Просмотровый зал в здании «Бэдер кемикл» был совсем небольшим: всего пять рядов кресел с откидывающимися сиденьями, разделенных узким проходом.

Долархайд опоздал к началу просмотра. Он стоял в конце зала, скрестив руки на груди, глядя, как на экране появляются серые или цветные карточки и кубы. Меняя условия освещения, их снимали на разные типы инфракрасной пленки.

Присутствие Долархайда выводило из себя Дэндриджа, молодого человека, который руководил просмотром. На работе Долархайд был само олицетворение власти. Он считался классным специалистом, был представителем головной компании и к тому же слыл педантом.

В течение последних месяцев Дэндридж подчеркнуто не обращался к нему за помощью, проявляя этим мелочное соперничество, продолжающееся с тех пор, как «Гейтуэй» прибрала к рукам «Бэдер кемикл».

— Рив, дай нам условия проявления образца… восемь, — попросил Дэндридж.

Рив Макклейн сидела в конце ряда с папкой на коленях. Проведя в полумраке пальцами по строчкам, она четким голосом в тонкостях описала процедуру обработки: химикаты, температура растворов, время проявления, условия хранения пленки до и после съемки.

Работа с инфракрасной пленкой требует полной темноты. Всю лабораторную обработку она проводила сама, различая образцы с помощью тактильных кодов, и тут же в темноте записывала все данные. Было понятно, почему ею так дорожили на «Бэдере».

Просмотр завершился после окончания рабочего дня.

Рив осталась на своем месте, когда остальные потянулись к выходу. Долархайд осторожно заговорил с ней. Пока в зале еще находились люди, он держался от нее на расстоянии. Он не хотел, чтобы она почувствовала, что на нее смотрят окружающие.

— Я думала, что вы уже не придете, — сказала Рив.

— У нас там поломка была. Поэтому и задержался.

В зале горел свет. Он стоял над ней и видел, как блестит чистая кожа в проборе ее волос.

— Успели посмотреть образец «десять тысяч С»?

— Успел.

— Они сказали, что образец удачный. Работать с ним гораздо проще, чем с пленками серии тысяча двести. Подойдет для зоопарка?

— Подойдет.

У Рив с собой были сумочка и легкий плащ. Он посторонился, когда она пошла по проходу, водя перед собой палочкой. Было видно, что помощь ей не требуется. Он и не предлагал.

Из-за двери появилась голова Дэндриджа.

— Рив, дорогая, тут Марше надо бежать. Одна справишься?

Щеки у Рив пошли пятнами.

— Я прекрасно справлюсь, Дэнни. Спасибо тебе большое.

— Я бы тебя подбросил, дорогая, но я уже опаздываю. Кстати, мистер Долархайд, если вас, конечно, не затруднит, вы бы не могли…

— Дэнни, меня подвезут домой.

Она сдержала гнев. Тончайшие оттенки мимики были ей недоступны, поэтому она сохраняла спокойное выражение лица. Но заставить себя не краснеть она не могла.

Наблюдая за происходящим холодными жел-

тыми глазами, Долархайд прекрасно понимал ее состояние: неловкое сочувствие Дэндриджа было для нее как плевок в лицо.

— Я подвезу вас, — предложил он с некоторым опозданием.

— Не надо, но все равно спасибо.

Она ждала, что он это скажет, и была готова принять его предложение. Ей не хотелось навязываться. Этот Дэндридж, дубина неловкая, вечно лезет куда не надо. Да она лучше на автобусе поедет! Деньги на билет у нее найдутся, как ехать, она знает — сама может прекрасно добраться.

Она пошла в женский туалет и просидела там, пока здание не опустело. На улицу ее выпустил сторож.

Рив шла вдоль разделительного бордюра автомобильной стоянки, направляясь к автобусной остановке. На ее плечи был наброшен плащ. Она обходила попадающиеся навстречу лужи, ощущая передающееся через палочку легкое сопротивление воды.

Долархайд наблюдал за ней, сидя в микроавтобусе. Охватившие его чувства вызывали у него беспокойство. Днем они были опасны.

Вдруг лобовые стекла встречных машин, лужи, высоко протянутые стальные провода сверкнули

в лучах заходящего солнца, как закрывающиеся ножницы.

Ее белая палочка успокаивала его. Она поглощала сверкание ножниц, отгоняя их прочь. Одна мысль о безвредности Рив приносила ему облегчение.

Он завел мотор.

Рив услышала шум приближающейся сзади машины. Оказавшись сбоку от нее, машина остановилась.

— Спасибо, что предложили подвезти, — кивнула она, улыбаясь, и продолжила путь, постукивая тростью.

— Садитесь в машину.

— Спасибо, но я всегда езжу на автобусе.

— Дэндридж — дурак. Садитесь в машину. — Что еще говорят в таких случаях? — Сделайте мне одолжение.

Она остановилась и услышала, как он вышел из машины. Обычно люди, желая ей помочь, но, не зная, как подступиться, берут ее за плечо. Слепому не нравится, когда его равновесие нарушают, хватая за руку. Ему это так же неприятно, как зрячему — стоять на пляшущих под ногами качелях. Как и любой человек, слепой не любит, когда его толкают.

Он не прикоснулся к ней, и она сказала:

— Дайте я сама возьму вас за руку.

У нее была богатая коллекция ощущений от чужих рук, но на этот раз ее пальцы почувствовали нечто неожиданное. Его рука была тверда, как дубовые перила.

Она не могла знать, чего ему стоило позволить ей до себя дотронуться.

Чувствовалось, что кабина просторная и высокая. Рив судила по отзвукам — иным, чем в обычной легковой машине. Она сидела, утопая в мягком высоком кресле, уцепившись руками за края сиденья, пока Долархайд застегивал на ней ремень безопасности.

Ремень, косо опускающийся от плеча, прижал ей левую грудь. Она передвинула его так, чтобы освободить ее.

Они почти не разговаривали во время поездки. Пользуясь остановками на красный свет, Долархайд рассматривал девушку.

Рив жила на тихой улице рядом с Университетом Вашингтона, в левой половине коттеджа на две семьи.

— Заходите, мы с вами что-нибудь выпьем.

Можно было пересчитать по пальцам, сколько раз Долархайда за всю его жизнь приглашали в

гости. За последние десять лет он бывал в четырех домах: своем собственном, ненадолго заходил однажды к Эйлин, был у Лидсов и Джейкоби. Чужие дома были для него экзотикой.

Она почувствовала, как качнуло машину, когда он вышел. Открылась дверь с ее стороны. Кабина была расположена высоко, и, ступая на землю, Рив столкнулась с Долархайдом. Ощущение было такое, будто она налетела на дерево. На самом деле он был значительно крупнее и крепче, чем можно было судить по его голосу и походке. Крепкий мужчина с легкой походкой… Когда-то в Денвере она познакомилась с профессиональным футболистом из команды «Бронкос», который вызвался финансировать благотворительный фильм и пригласил сниматься слепых детей.

Переступив наконец порог своего дома и поставив палочку в угол, Рив сразу почувствовала себя раскованной. Она стала ходить совершенно свободно, включила музыку и повесила на вешалку плащ.

Долархайд даже усомнился, действительно ли она слепая. Пребывание в чужом доме взволновало его.

— Будете джин с тоником?

— Просто тоник.

— А может, налить вам сок?

— Тоник.

— Вообще спиртного не пьете?

— Нет.

— Пойдемте на кухню. — Она открыла холодильник. — Будете… — она быстро пробежала рукой по находящимся внутри продуктам, — ореховый пирог «Каро»? Вкус потрясающий.

— Отлично.

Она достала пирог и взялась руками за края упаковки так, что средние пальцы находились в положении стрелок часов, показывающих 9 часов 15 минут. Соединив большие пальцы, она опустила их прямо в самый центр пирога и пометила место, воткнув туда зубочистку.

Долархайд пытался продолжить беседу, чтобы она не чувствовала, что он ее разглядывает.

— Давно работаете на «Бэдере»?

Ни одного звука «с» в предложении.

— Три месяца. А вы не знали?

— Мне многого не говорят.

Она улыбнулась:

— Вы, наверное, наступили кому-то на мозоль, когда проектировали лабораторию. Кстати, лаборанты вас всегда добрым словом вспоминают. Водопровод работает отлично, очень удобно, что

розеток много. Нужно двести двадцать вольт?[18] Пожалуйста!

Она положила средний палец левой руки на зубочистку, большой — на край упаковки и вырезала ему ломтик пирога, проведя ножом вдоль указательного пальца.

Он смотрел, как она управляется со сверкающим ножом. Странное чувство: он может открыто смотреть на женщину, стоя прямо перед ней, столько, сколько хочет. Часто ли, находясь в компании, можно смотреть на того, на кого хочешь?

Она налила себе джин, добавила чуть-чуть тоника, и они перешли в гостиную. Она провела рукой по абажуру торшера, не почувствовала тепла и включила лампу.

Долархайд быстро разделался с пирогом и теперь, не зная, что ему делать, сидел на краю дивана. Его волосы блестели под светом торшера, а могучие руки лежали сложенными на коленях.

Она откинулась на спинку кресла, вытянув ноги на кушетке.

— Когда в зоопарке собираются снимать фильм?

— Наверное, на следующей неделе.

---

[18] Примечания: 18
В США напряжение в электросети — 110 вольт.

Он с удовлетворением вспомнил, что не упустил из виду позвонить в зоопарк и предложить им инфракрасную пленку. Дэндридж мог проверить.

— Зоопарк тут отличный. Я ходила туда с сестрой и племянницей, когда они приезжали помочь мне с переездом. Там есть вольер, где можно трогать животных. Так вот, я там ламу обняла. Мех у нее — просто прелесть, но вот запашок, о боже… Я, пока не переоделась, думала, что эта лама так и ходит за мной.

Это называется «беседовать». Надо или сказать что-нибудь в ответ, или уйти.

— Как вы попали в «Бэдер»?

— Я работала в Институте Рейкера, это в Денвере. Как-то изучала объявления и почти случайно наткнулась на их предложение. В общем, так все и вышло… Чтобы получить военный заказ, им пришлось подогнать свою кадровую политику под федеральные требования.[19] Они взяли по категории женщин шесть единиц, по неграм — две, по мексиканцам — две, по азиатам — одну,

---

[19] Примечания: 19

В Америке существует закон, по которому государственные учреждения или частные компании, претендующие на государственные заказы, обязаны предоставлять работу определенным категориям населения: представителям национальных меньшинств, женщинам, инвалидам и т. д.

по инвалидам — две, включая одного параплегика[20] и меня — слепую. Но поскольку каждый из нас подпадал по крайней мере под две категории, они ухитрились получить тринадцать единиц, предоставив восемь рабочих мест.

— Вы как работник для них находка.

— Остальные работают не хуже. В «Бэдере» так просто держать не будут.

— А до этого?

Он даже немного вспотел. Поддерживать беседу было тяжело. А вот смотреть на нее было приятно. Ноги у нее красивые. Она порезала щиколотку, когда брила их. Он представил, как держит в руках ее обмякшие ноги.

— После окончания школы я лет десять обучала недавно ослепших в Институте Рейкера. Здесь моя первая работа снаружи.

— Снаружи чего?

— Снаружи мира слепых. В институте у нас был свой, отдельный, мир. Ну, я имею в виду, что мы обучали слепых людей жить в мире зрячих, а сами жили вне его. Мы постоянно варились в собственном соку. Я хотела вырваться из него ненадолго, поболтаться. Вообще-то я собира-

---

[20] Примечания: 20
Параплегия — паралич двух одноименных конечностей.

лась стать сурдопсихологом, работать с глухими детьми, я думаю, что скоро этим и займусь.

Рив допила джин.

— Знаете, у меня есть шарики из крабов. Очень вкусные. Надо их было достать до того, как стали есть пирог. Будете?

— Угу.

— Вы умеете готовить?

— Угу.

На ее лбу обозначилась крохотная морщинка. Она направилась на кухню.

— Как насчет кофе? — крикнула она оттуда.

— Не-а.

Рив заговорила о ценах на продукты, но ответа не получила. Вернувшись в комнату, она села на кушетку, поставив локти на колени.

— Давайте обсудим одну вещь и больше не будем к этому возвращаться, ладно?

Молчание.

— Что-то вы все молчите. С тех пор как я говорила о речевой терапии, вы и рта не раскрыли, — заметила она. Голос у нее был добрый, но твердый, без всякого налета сочувствия. — Я вас прекрасно понимаю, потому что вы говорите очень хорошо и потому что я умею слушать. Люди обычно слушают невнимательно. С ними говоришь, а они

все время переспрашивают: «Что-что?» Ну ладно, не хотите разговаривать, не надо. Но я надеюсь, что вы заговорите. Вы ведь умеете хорошо говорить, и мне интересно вас слушать.

— Хм, я рад, — тихо сказал Долархайд.

Ясное дело, то, что она сейчас сказала, очень для нее важно. Может, она приглашала его вступить в «Клуб дважды неполноценных» вместе с ней и китайцем-параплегиком. Интересно, а какой у него второй изъян?

То, что она сказала в следующий момент, его поразило.

— Можно потрогать ваше лицо? Я хочу знать, улыбаетесь вы или хмуритесь. — И добавила с горечью: — Я хочу знать, мне говорить или заткнуться.

Рив подняла руку, ожидая ответа.

«Интересно, каково ей будет, если откусить ей пальцы?» — задумался Долархайд. Даже своими повседневными челюстями он мог легко перекусить их, как спички. Если упереться каблуками в пол, откинуться спиной на кушетку, сомкнуть обе руки на ее запястьях, ей ни за что не вырваться. Хрум! Хрум! Хрум! Хрум! А большой палец можно оставить. Пироги размечать.

Он взял ее за кисть между большим и указа-

тельным пальцами и повернул изящную, но погрубевшую руку к свету. Кожа была покрыта мелкими шрамами, несколькими свежими царапинами и ссадинами. Блестящий шрам на тыльной стороне ладони был, скорее всего, следом от ожога.

«Слишком близко к дому. Слишком рано, еще не наступило его Пришествие. Больше нельзя будет на нее смотреть».

Раз она задала ему такой невероятный вопрос, значит, она ничего такого про него не знает. Она не слышала сплетен про его лицо.

— Поверьте на слово, я улыбаюсь, — сказал он.

Звуки «с» получились неплохо. Губы у него действительно были растянуты в улыбке, обнажая его красивые повседневные зубы.

Он подержал ее кисть, а затем отпустил. Рука опустилась ей на бедро, и кисть чуть сжалась, причем пальцы скользнули по ткани, подобно нехотя отведенному взгляду.

— Кофе, наверное, готов, — проговорила она.

— Мне пора.

Нужно идти. Скорее домой, там можно снять сковавшее его напряжение.

Она кивнула.

— Если я вас обидела… я не хотела.

— Нет, не обидели.

Она осталась на кушетке, затем услышала, как за Долархайдом щелкнул замок.

Рив налила себе еще джина с тоником. Затем она поставила пластинку Сеговии[21] и свернулась калачиком на кушетке. После Долархайда на подушке осталась теплая вмятина. Другие следы его пребывания витали в воздухе: запахи обувного крема, нового кожаного ремня, хорошего лосьона после бритья.

До чего же он закрытый человек. На работе его имя упоминали всего несколько раз. Однажды Дэндридж, болтая с одним из своих дружков, назвал его «сукин сын».

Возможность побыть одной была величайшей ценностью для нее. Когда она, будучи ребенком, потеряла зрение и только училась жить по новым законам, ее никогда не оставляли одну.

А теперь, только находясь дома, она была уверена, что на нее никто не смотрит. Поэтому атмосфера одиночества, окружающая Долархайда, ей нравилась. Она не чувствовала ни капли сочувствия с его стороны, и это было хорошо.

Джин тоже был хорош.

---

[21] Примечания: 21
Сеговия — популярный испанский гитарист-виртуоз.

Ей вдруг показалось, что музыка Сеговии звучит монотонно, и она поставила пластинку, более подходящую к ее настроению.

Три тяжких месяца в новом городе. Надвигается зима. До бордюров, заваленных снегом, палочкой не дотянуться! Рив Макклейн, длинноногая и отчаянная. Да пропади она пропадом, эта жалость к себе! Она себя жалеть не станет! Она знала, что где-то внутри у нее пульсирует злость, свойственная всем калекам, и раз уж от нее нельзя избавиться, нужно обратить ее в свою пользу, подпитывая ею стремление к независимости и решимость выжать из каждого дня жизни все, что только можно.

Она была по-своему сильным человеком и знала, что вера в изначальную справедливость в лучшем случае лишь огонек в ночи. Старайся не старайся — все равно закончишь свой путь так же, как и все остальные, на больничной койке с трубочкой в носу, задаваясь одним вопросом: «Как, и это все?»

Она знала, что никогда не увидит света, но ведь в жизни оставались и другие радости. Ей нравилось помогать своим студентам, и удовольствие от этого странным образом усиливалось уверенностью в том, что она не будет вознаграждена, но

не будет и наказана.

Находя друзей, Рив не забывала о существовании такой породы людей, которые подчиняют себе других, а потом паразитируют на их зависимости. Она знавала таких — их тянет к слепым. Это враги.

Знавала… Ей было известно, что она весьма привлекательна. Видит бог, сколько мужчин, взяв ее за руку под предлогом помощи, пытались коснуться ее груди.

Она любила заниматься сексом, но много лет назад усвоила элементарную истину, касающуюся мужчин: большинство из них охватывает ужас при одной только мысли об оковах супружества.

В ее случае их страх еще более усиливался.

Ей не нравилось, когда мужчина вползал к ней в постель, как пугливо крадущийся вор…

Сегодня она шла ужинать с Ральфом Мэнди. Он имел обыкновение как-то особо противно скулить о том, что он, дескать, настолько боится жизни, что не способен на любовь. Ральф намеренно старался напоминать ей об этом почаще, вызывая в ней бешенство. Да, с Ральфом ей бывало весело, но она не хотела владеть им.

Она не хотела видеть Ральфа. Ей не хотелось поддерживать беседу, слышать, что посетители

ресторана умолкают, глазея на то, как она управляется с ножом и вилкой.

Вот бы иметь рядом настоящего мужчину, храброго и независимого, — такой сам знает, оставаться ему или хлопнуть дверью. Те же качества он будет уважать и в ней и не станет ее опекать.

Фрэнсис Долархайд. Застенчивый мужчина с фигурой профессионального футболиста, не переносящий пустой болтовни.

Она никогда не видела и не касалась пальцем его заячьей губы, и у нее не возникало зрительных ассоциаций с дефектом его речи. Она подумала, не считает ли Долархайд, что она его прекрасно понимает только потому, что якобы «слепые слышат намного лучше нас». Это было распространенное заблуждение. Наверное, надо было ему объяснить, что это неправда, что слепые просто более внимательны к тому, что слышат.

Как много мифов окружает жизнь слепых. Ей было интересно, не считает ли Долархайд, как и все остальные, что у слепых душа «чище», чем у зрячих, что увечье якобы наделяет их какой-то особой святостью. Она даже засмеялась. Это тоже было неправдой.

32

Полиция города Чикаго работала под неусыпным вниманием прессы. Каждый вечер ночные новости отсчитывали время, оставшееся до следующего полнолуния. Оставалось одиннадцать дней.

В каждом чикагском доме поселился страх.

Одновременно возросло число зрителей на сеансах фильмов ужасов, причем даже на тех, которые в другое время через неделю тихо испустили бы дух в кинотеатрах для автомобилистов. Очарование ужаса. Предприниматель, который до этого выкинул на рынок майки с надписью «Зубастик — мужчина на одну ночь», теперь выпустил другие — «Красный Дракон — мужчина на одну ночь». Панки и рокеры охотно брали и те и другие.

После похорон Лаундса на пресс-конференции, которую давали высшие чины городской полиции, пришлось появиться и Джеку Крофорду. Наверху ему дали понять, что ФБР в этом деле должно быть на виду. Он исполнил приказ, не проронив, впрочем, ни слова. Никто не говорил

ему, что ФБР должно быть и на слуху тоже.

Когда многочисленные группы участвующих в расследовании начинают ощущать нехватку свежих фактов, они направляют усилия на себя самих, все время возвращаясь на одно и то же место — пока не разбивают его в пыль. Их кипучая деятельность развивается в замкнутом круге — по аналогии с засасывающей воронкой смерча или с нулем.

Где бы Грэм ни оказывался, повсюду его окружали детективы, ослепляющие вспышки фотоаппаратов, топот полицейских башмаков.

Грэм жаждал тишины.

Ближе к вечеру с пресс-конференции вернулся Крофорд — злой как черт. Грэма он нашел в тихой комнате присяжных заседателей, находящейся этажом выше федеральной прокуратуры. Низко подвешенные лампы ярко освещали зеленое сукно длинного стола, за которым сидел Грэм — без пиджака и галстука, обложившись бумагами и фотографиями. Сейчас он пристально смотрел на два снимка. Один из них — с семьей Лидсов — вставлен в рамку. А другой, запечатлевший семью Джейкоби, был прикреплен к скоросшивателю, прислоненному к графину.

Фотографии, на которые смотрел Грэм, напом-

нили Крофорду походный алтарь тореадора, который легко устанавливается в любом гостиничном номере. Фотографии Лаундса не было. Крофорд подозревал, что Грэм и думать забыл о деле Лаундса. Но ему не хотелось злить Грэма.

— На бильярдную здорово похоже, — заметил Крофорд, оглядываясь.

— Ну как, дали жару прессе? — поинтересовался Грэм.

Он был бледен, но трезв. В руке он сжимал литровую бутылку с апельсиновым соком.

— Господи, — Крофорд рухнул на стул, — разве там дадут спокойно посидеть и подумать? И вообще, участвовать в пресс-конференции — это мочиться против ветра.

— Что нового?

— С начальника полиции вопросами семь шкур спустили. Он только сидел и чесал яйца перед камерой. Это самое интересное, что я там видел. Посмотри в шестичасовых новостях, посмеешься.

— Сока хочешь?

— Я лучше колючую проволоку пожую.

— Прекрасно, мне больше достанется. — На осунувшемся лице Грэма слишком ярко блеснули глаза. — По бензину ничего нового нет?

— Дай бог здоровья Лайзе Лейк. Только в черте города — без пригородов — сорок одна заправка «Сервко суприм». Подчиненные Осборна обошли каждую, проверяя, кому из владельцев микроавтобусов или фургонов бензин был продан в канистрах. Пока ничего не нашли, правда, опросили не все смены. «Сервко» имеет сто восемьдесят шесть других станций, разбросанных на территории восьми штатов. Мы попросили местную полицию помочь. На это уйдет время. Если Господь от меня не отвернулся, этот деятель расплатился кредитной карточкой. Шанс есть.

— Так-то оно так, если только он не заправился в бак, а потом не откачал бензин оттуда в канистру.

— Я просил начальника полиции быть очень осторожным, когда он рассказывает о нашем деле, чтобы не подумали, что Зубастик живет где-то поблизости. Люди и так уже напуганы. Если бы он ляпнул лишнее, то сегодня вечером, когда пьяные разбредались по домам, пальба поднялась бы, как в Корее.

— Ты думаешь, он где-то здесь?

— А ты думаешь по-другому? — Крофорд взял со стола заключение судмедэкспертизы по делу Лаундса и стал вглядываться в текст через очки

для чтения. — Кровоподтек на голове появился раньше, чем травмы лица. Точно они сказать не могут, но разница от пяти до восьми часов. Итак, травмы лица были нанесены за несколько часов до того, как он попал в госпиталь. Рот был обожжен, но по полости еще можно делать выводы. У него оставался хлороформ в этом — как его, черт, — ну, в общем, в дыхалке. Ты думаешь, он был без сознания, когда его укусили?

— Нет. Ему было нужно, чтобы Лаундс был в сознании.

— Я тоже так думаю. Прекрасно, значит, он его чем-то оглушил — еще в гараже. Он должен был дать ему хлороформ, чтобы Лаундс не кричал, пока он его везет в уединенное место. Затем он привозит его обратно через несколько часов после того, как покусал.

— Все это он мог сделать прямо в припаркованной машине, никуда не уезжая, — возразил Грэм.

— Ты забыл о колесах инвалидного кресла, — напомнил Крофорд. Он начал массировать крылья носа, и голос его стал гнусавым, как будто из мегафона. — Бев обнаружила два типа коврового волокна — шерсть и синтетику. Хорошо, допустим, синтетика есть в фургоне. Но шерсть? Ты видел когда-нибудь в фургоне коврики из

чистой шерсти? Ты часто видел шерстяные ковры в домах, сдаваемых в аренду? Крайне редко. Поверь, Уилл, этот шерстяной ковер лежит в собственном доме. А земля и плесень означают, что кресло держали в каком-то темном месте, например в подвале с земляным полом.

— Может быть, может быть.

— Теперь смотри. — Крофорд извлек из портфеля большой дорожный атлас. В оглавлении раздел «Расстояния и время в пути между городами США» был обведен ручкой. — Фредди отсутствовал почти пятнадцать часов. Время нанесения телесных повреждений распределяется внутри этого отрезка. Я собираюсь сделать несколько предположений. Мне бы не хотелось их делать, но вот… Слушай, а чего ты смеешься?

— Просто вспомнил, как ты проводил занятия в Квантико и курсант сказал тебе, что «он предполагает…».

— Ну и что?

— Ты заставил его проспрягать на доске глагол «предполагать», а потом стер приставку «пред» и стал на него орать: «Если ты ПРЕДПОЛОЖИЛ, это значит — ты ПОЛОЖИЛ! На себя, на него, на меня — на нас!»

— Ему надо было дать по мозгам, чтобы осо-

знал. Ну ладно, а теперь смотри сюда. Представь: вот он пробирается в потоке машин во вторник после обеда с Лаундсом в фургоне, направляясь из города. Добавь время, потраченное на сам захват и дорогу обратно. Он мог отъехать от Чикаго не дальше чем на шесть часов. Вот в пределах круга, который я начертил, и находятся точки, до которых не более шести часов пути. Круг неровный, потому что есть скоростные автострады, по которым можно уехать дальше.

— А может, он никуда и не уезжал.

— Может быть. Я просто прикинул максимальное расстояние, на которое он мог уехать.

— Значит, ты считаешь, что он мог находиться или в Чикаго, или в любой точке внутри круга, куда входят Милуоки, Мэдисон, Дубьюк, Пеория, Сент-Луис, Индианаполис, Цинциннати, Толедо, Детройт и некоторые другие города?

— Да нет, можно сказать даже точнее. Мы знаем, что «Тэтлер» оказалась у него в руках почти сразу после выхода номера. Вероятно, в понедельник вечером.

— Он мог купить ее в Чикаго.

— Мог. Но допустим, что купил в другом месте. В понедельник вечером сделать это можно далеко не везде. Вот список населенных пунктов

внутри нашего круга, куда газету доставляют самолетом или грузовиком к этому времени. Я взял его в их отделе распространения. Остаются Милуоки, Сент-Луис, Цинциннати, Индианаполис и Детройт. Тираж попадает в аэропорты и примерно девяносто ночных киосков. Я отдал распоряжение местным отделам ФБР провести там проверку. Вдруг какой-нибудь киоскер вспомнит странного покупателя, купившего газету в понедельник вечером.

— Может быть. Хороший ход, Джек.

Совершенно очевидно, что мысли Грэма были далеки от того, что говорил Крофорд. Будь Грэм рядовым сотрудником, Крофорд мог бы пригрозить ему пожизненным назначением на Алеутские острова. Вместо этого он сказал:

— Днем звонил брат. Говорит, что Молли от них уехала.

— Да.

— Надеюсь, в надежное место?

Ясное дело, Грэм был уверен, что Крофорд точно знает, куда она поехала.

— К деду Вилли.

— Ну что же, старики будут рады повидать внука, — заметил Крофорд, ожидая, что на это скажет Грэм, но тот промолчал. — Надеюсь, у вас

с ней все нормально.

— Не беспокойся, Джек. На моей работе не скажется. А ей там просто стало страшно.

Из-под пачки фотографий с похорон Лаундса Грэм вытащил плоский пакет, перевязанный веревочкой, и стал ногтем развязывать узелок.

— А это что такое?

— Это от Байрона Меткафа, юриста Джейкоби. А Брайан Зеллер переслал сюда. Все нормально.

— Подожди, дай мне посмотреть.

Крофорд крутил пакет в волосатых пальцах, пока не нашел печать и подпись начальника отдела взрывчатых веществ ФБР, S. F.[22] Айнсуорта, удостоверяющие, что корреспонденцию просвечивали на предмет обнаружения бомбы.

— Всегда надо проверять. Всегда!

— Я всегда проверяю.

— Это тебе Честер принес?

— Честер.

— Он показал печать, когда передавал?

— Он проверил сам и показал мне. Это копии документов, необходимых для утверждения судом прав наследования имущества Джейкоби. Я просил Меткафа прислать их мне — мы смо-

---

[22] Примечания: 22

Semper fidelis *(лат.)* — «Всегда верный» — девиз корпуса морской пехоты США.

жем сравнить их с документами по имуществу Лидсов.

— Этим должен заниматься юрист.

— Да это надо мне! Я ведь не знаю этих Джейкоби, Джек! Они недавно переехали. Я ездил в Бирмингем через месяц после убийства, а все их вещи уже растащили, ко всем чертям! Лидсов я уже чувствую. А Джейкоби еще нет. Я должен узнать их получше. Я должен поговорить с людьми, которые их знали в Детройте, потом я должен опять съездить в Бирмингем на пару дней.

— Ты мне здесь нужен.

— Послушай, с Лаундсом все понятно. Дракон прикончил его, потому что разозлился. Это мы натравили его на Лаундса. Единственная ниточка к Дракону исходила от нас самих. В деле Лаундса надежных улик мало, и полиция с ними сейчас работает. Но если Лаундс просто рассердил его, то Лидсы и Джейкоби — это то, чем он живет. Нам нужно найти что-то общее между этими двумя семьями. Если мы когда-нибудь и выйдем на Дракона, то только обнаружив это общее.

— Значит, поэтому ты хочешь воспользоваться бумагами Джейкоби, — задумчиво проговорил Крофорд. — Что же ты надеешься там найти?

— В нашем деле часто не знаешь, где найдешь,

где потеряешь. Вот, например, вычеты по медицинскому страхованию. — Грэм вытащил из конверта бланк декларации, рассылаемый налоговым управлением. — Лаундса привязали к креслу-каталке. Раз — медицина. Вэлери Лидс перенесла операцию примерно за полтора месяца до убийства, помнишь запись в ее дневнике? Небольшая киста в груди. Два — медицина. Я подумал, а не делали ли и миссис Джейкоби операцию?

— Что-то я не припомню ничего подобного в акте судмедэкспертизы.

— А там ничего и не было. Но ведь они могли что-нибудь пропустить. Ее история болезни заполнялась сначала в Детройте, потом в Бирмингеме. Может, что-нибудь утеряно. Если ей делали операцию, то должен быть вычет из страховки, а то и заявление в страховую компанию.

— Думаешь, это гастролирующий санитар? Поработал и там и там: в Детройте или Бирмингеме и в Атланте.

— Стоит недолго побыть в сумасшедшем доме — и ты уже знаешь, что там к чему. Можешь сойти за медбрата или получить место санитара после выписки, — пояснил Грэм.

— Как ты насчет обеда?

— Да нет, попозже. Я после еды тупею.

Выйдя в темный коридор, Крофорд оглянулся. Ему не понравилось, как Грэм выглядит. При верхнем свете лицо Грэма, на которое сейчас смотрели жертвы с фотографий, казалось еще более осунувшимся. В комнате царила атмосфера отчаяния.

Не лучше ли было в интересах дела поставить Грэма в наружное наблюдение, на свежий воздух? Крофорд не мог допустить, чтобы Грэм загнулся понапрасну. А если не понапрасну?

Сострадание всегда отступало у Крофорда на второй план, когда речь заходила о работе. Интуиция опытного руководителя подсказала ему, что Грэма лучше оставить в покое.

33

К десяти вечера Долархайд довел себя до изнеможения, занимаясь со штангой, посмотрел свои фильмы и попробовал удовлетворить себя. Однако желанный покой не наступал.

Стоило ему подумать о Рив, как волнение начинало противно постукивать по груди, как холодный медальон при беге. Он не должен думать о ней. Приятно ныли мышцы, кожу согревало тепло разгоряченного тела. Долархайд лежал, растянувшись в кресле-качалке. Слушая вечерние новости, он следил за тем, как полиция пытается найти убийцу Фредди Лаундса.

Недалеко от гроба, за безобразно воющими певчими, стоял Уилл Грэм. Он был худощав. Сломать ему позвоночник будет легко. Это лучше, чем просто его прикончить. Сломать да еще покрутить для верности. На следующее дело Грэма повезут в инвалидном кресле.

Но спешить с этим не стоит. Пусть страх овладеет им.

Теперь Долархайда не покидало спокойное ощущение собственного могущества.

На пресс-конференции в Чикаго полицейские чины мямлили о том, как напряженно они работают. Очевидно было одно: ничего нового по убийству Фредди у них нет. Среди полицейских, сидящих перед микрофонами, был и Джек Крофорд. Долархайд узнал его по фотографии, напечатанной в «Тэтлер».

Представитель газеты, по обе стороны от которого сидели телохранители, сказал: «В ответ на этот акт бессмысленной жестокости голос нашей газеты зазвучит еще громче».

Долархайд хмыкнул. Как же, зазвучит. Вот один такой смелый уже заткнулся навсегда.

Теперь уже и дикторы телевидения называли его Драконом. То, что он делал, утверждал комментатор программы новостей, полиция раньше называла убийствами Зубастика.

Ну что ж, прогресс определенно есть.

Все, теперь остались только местные новости. Какой-то болван с лошадиными зубами вел репортаж из зоопарка. Видно, его уже не знали, куда послать, лишь бы он на студии глаза не мозолил.

Долархайд уже было потянулся к пульту дистанционного управления, когда увидел на экране человека, с которым разговаривал по телефону несколько часов назад. Это был директор

зоопарка Фрэнк Уорфилд. Он очень обрадовался, когда Долархайд предложил ему кинопленку.

На экране Уорфилд и зубной врач склонились над тигром, у которого сломался зуб. Долархайд хотел рассмотреть тигра, но мешал репортер. Наконец он отошел. Раскачиваясь в кресле, Долархайд увидел на экране огромного тигра, вытянувшегося во сне на массивном рабочем столе.

Сегодня они обрабатывали сломанный зуб. Через пару дней, радостно сообщил репортер, они поставят коронку.

Долархайд смотрел, как хладнокровно копались люди в клыкастой пасти грозного полосатого зверя.

«Можно дотронуться до вашего лица?» — спросила Рив Макклейн.

Его подмывало рассказать Рив, хотя бы намекнуть ей на то, что он делал. Он желал, чтобы ей хотя бы на миг открылась его Слава. Но, узнав, она не могла остаться в живых. А она должна жить — его видели с ней, она находилась слишком близко к дому.

Он хотел довериться Лектеру, но тот предал его.

Тем не менее ему все равно хотелось с кем-нибудь поделиться. Ему хотелось поделиться с ней,

сообщить самую малость — так, чтобы можно было потом оставить ее в живых.

34

— Я знаю, что это политика, ты знаешь, что это политика, но, с другой стороны, ты ведь все равно этим занимаешься, — уговаривал Крофорд Грэма. Они шли по Стейт-стрит в направлении здания, где были собраны все федеральные учреждения. Наступал вечер. — Занимайся, чем занимаешься, просто выпиши мне сходные черты, а я уж сделаю все остальное.

Управление полиции Чикаго запросило в отделе психологии поведения ФБР подробный портрет жертв маньяка. Полицейские чины утверждали, что собираются использовать портрет «при планировании мероприятий по распределению дополнительных патрулей в период полнолуния».

— Ага, ну конечно, «планирование мероприятий по распределению»! За шкуру свою трясутся и хотят нами прикрыться, — зло говорил Крофорд, размахивая ярким пластиковым пакетом с рекламной надписью «Тейтер тотс». — Жертвами до сих пор оказывались все больше люди обеспеченные, значит, они пошлют патрули в

богатые кварталы. Они знают, какой по этому поводу поднимется крик; сразу после нападения на Фредди районные власти наперебой требуют прислать дополнительные силы. Представь, они будут патрулировать богатые районы, а он объявится в трущобах, скажем, на южной стороне. Вот когда отцы города покрутятся! А с портретом, случись чего, они будут кивать на проклятых фэбээровцев. Могу себе представить, как они будут говорить: «Мы ни при чем. Это они нам велели так сделать!»

— Вероятность того, что в следующий раз он объявится именно в Чикаго, мала, — возразил Грэм. — Какие у нас причины так думать? Это же сумасшедший. Так пусть Блум и делает психологический портрет. Он же консультант психологического отдела.

— Нет, они не хотят, чтобы это делал Блум, им нужно, чтобы это сделали мы. Что толку сваливать все на Блума? А потом, он все еще в больнице. Из Конгресса звонили в Министерство юстиции. Наверху сказали: сделать. Короче, ты сделаешь это или нет?

— Я сделаю это. Я этим как раз и занимаюсь.

— Знаю, — сказал Крофорд. — Вот и продолжай этим заниматься!

— Я бы лучше в Бирмингем поехал.

— Нет, — отрезал Крофорд, — пока не сделаешь портрет, никуда отсюда не уедешь.

На западе догорали последние часы пятницы.

До полнолуния оставалось десять дней.

35

— Можно наконец узнать, что это за прогулка такая? — осведомилась Рив Макклейн у Долархайда в субботу утром.

Они ехали в машине молча уже десять минут. Девушка надеялась, что ее пригласили на пикник.

Машина остановилась. Она слышала, как Долархайд опустил стекло со своей стороны.

— Долархайд, — сказал он кому-то. — На мое имя должен быть пропуск от доктора Уорфилда.

— Все нормально, сэр. Вот это оставьте на стекле под дворником, когда выйдете из машины.

Они снова тронулись и медленно поехали. Рив чувствовала плавный поворот дороги. Ветер приносил тяжелые странные запахи. Где-то протрубил слон.

— Зоопарк, — проговорила она. — Потрясающе!

Она бы предпочла пикник. Впрочем, какого черта, зоопарк тоже нормально.

— А кто такой доктор Уорфилд?

— Директор зоопарка.

— Ваш друг?

— Нет. Мы помогли им с пленкой. Они не захотели остаться в долгу.

— Каким образом?

— Вам разрешат потрогать тигра.

— Да что вы говорите!

— Вы когда-нибудь видели тигра?

Она обрадовалась, когда он задал этот вопрос.

— Нет. Я помню, что видела в детстве пуму. Больше ничего особенного в зоопарке не было. Но мы остановились на тигре.

— Тигру лечат зуб. Им пришлось его… усыпить. Если захотите, сможете его потрогать.

— Вокруг него будут толпиться люди? Будет очередь?

— Нет. Уорфилд, я, еще несколько человек. Телевидение приедет потом, когда мы уедем. Ну как, хотите? — спросил он с нажимом, удивившим ее.

— Еще бы, черт побери! Спасибо… это такой сюрприз.

Машина остановилась.

— Послушайте, а вдруг он притворяется, что спит?

— А вы его пощекочите. Если засмеется, то бегите что есть мочи.

Рив показалось, что пол в процедурном кабинете покрыт линолеумом. Было прохладно и очень гулко. От дальней стены исходило тепло.

Раздалось шарканье ног — несли что-то тяжелое, и Долархайд повел ее в сторону, пока она не почувствовала спиной сходящиеся в углу стены.

Что тигр уже здесь, она почувствовала по запаху.

Раздался чей-то голос:

— Так, поднимайте. Тихо, тихо. Опускайте. Можно оставить под ним ремни, доктор Уорфилд?

— Да, оберните подушку зеленым полотенцем и положите ему под голову. Когда мы закончим, я пошлю за вами Джона.

Раздались шаги выходящих из кабинета людей.

Она ждала, что Долархайд что-нибудь скажет ей, но он молчал.

— Тигр уже здесь, — сказала она.

— Его принесли на ремнях десять человек. Он очень большой. Метра три. Доктор Уорфилд сейчас слушает ему сердце. А теперь приподнял ему веко. Вот он подходит к нам.

Оказавшаяся перед ней фигура заглушила звуки кабинета.

— Доктор Уорфилд, Рив Макклейн, — предста-

вил их друг другу Долархайд.

Она пожала руку доктора — большую и мягкую.

— Спасибо, что пригласили, — сказала она. — Это большой подарок.

— Это я рад, что вы пришли. Скрасили, так сказать, своим приходом серую скуку. Кстати, большое спасибо за пленку.

Судя по низкому голосу, она решила, что доктор Уорфилд негр средних лет, человек образованный. С Юга, наверное, из Виргинии.

— Придется немного подождать. Необходимо удостовериться, что дыхание и сердечный ритм у него в норме, прежде чем доктор Хэслер приступит к работе. Сейчас он стоит у стола и поправляет на голове зеркало. Строго между нами, он его надевает только для того, чтобы парик покрепче держался. Можете подойти и познакомиться. Мистер Долархайд, прошу вас.

— Нет, идите вы.

Она протянула руку к Долархайду. Ее прикосновение было медленным и легким. Костяшками пальцев она почувствовала, что у него вспотели ладони. Доктор Уорфилд положил ее руку на свою, и они медленно двинулись вперед.

— Он крепко спит. Вы себе его представляете…

в общих чертах? Задавайте вопросы, я вам буду его описывать.

Он умолк, не зная, что сказать.

— Я помню с детства изображение тигра в книгах, и еще я видела один раз пуму в зоопарке рядом с домом.

— Этот тигр — суперпума, — сказал доктор Уорфилд. — Грудь у него шире, голова крупнее, туловище и мускулатура массивнее. Это четырехлетний бенгальский тигр мужского пола. От носа до кончика хвоста он достигает примерно трех метров, весит почти четыреста килограммов. Сейчас он лежит на правом боку — прямо под ярким светом ламп.

— Свет я чувствую.

— У него потрясающий вид — черные полосы на оранжевом фоне, таком ярком, что кажется, будто от него исходит кроваво-багровое свечение.

Доктор Уорфилд осекся, подумав, что рассказывать ей о цветах жестоко. Но, посмотрев на нее, он успокоился.

— Он от вас всего в двух метрах. Чувствуете запах?

— Да.

— Мистер Долархайд, наверное, рассказал вам, что какой-то недоумок стал тыкать ему в морду

садовой лопатой. Тигр схватил лопату клыками и сломал себе верхний длинный резец с левой стороны. Ну, как тут у нас дела, доктор Хэслер?

— Прекрасно. Через минуту-другую можно приступать.

Уорфилд представил Рив стоматолога.

— Милая, вы единственный приятный сюрприз, который я получил от Фрэнка Уорфилда за все время, что я его знаю, — галантно сказал Хэслер. — Хотите потрогать коронку? Это золотой зуб, вернее, золотой клык. — Он положил коронку ей в руку. — Тяжелая, правда? Несколько дней назад я привел в порядок сломанный клык и снял с него слепок, а сегодня буду ставить коронку. Конечно, я бы мог использовать белый металл, но подумал, что из золота будет поинтереснее. Доктор Уорфилд, наверное, не преминет вам рассказать, что я никогда не пропущу возможности повыделываться. Однако он человек несговорчивый и вряд ли позволит повесить потом на клетку табличку с коротким рассказом о том, кто поставил этот великолепный золотой клык, и с телефоном моего кабинета.

Она потрогала изогнутую, сужающуюся до острия коронку своими чуткими исцарапанными пальцами. «Какая прекрасная работа!» Рядом

с собой она услышала глубокое мерное дыхание.

— Вот детишки испугаются, когда он зевать начнет, — хвастался Хэслер. — Не знаю, не знаю, какой вор на такую короночку позарится. Так, а теперь самое приятное. Вы ведь не боитесь его, правда? Ваш мускулистый спутник с вас просто глаз не спускает. Он вас что, заставил сюда прийти?

— Нет! Мне самой интересно.

— Тигр лежит к нам спиной, — рассказывал доктор Уорфилд, — на высоте вашего пояса. Мы вот как сделаем. Я положу вашу левую руку — вы ведь не левша? Итак, я положу вашу левую руку на край стола, а правой рукой вы его можете потрогать. Не спешите, торопиться некуда. Я буду рядом с вами.

— Я тоже буду рядом, — отозвался доктор Хэслер.

Они получали удовольствие от происходящего. Под раскаленными лампами ее волосы пахли как свежие опилки на солнце.

Она ощущала теплый запах своих волос, смешанный с запахом мыла, исходящим от Уорфилда, с запахами спирта, дезинфекции и тигра. На какое-то мгновение появилась легкая слабость в ногах, но она тут же прошла.

Схватившись левой рукой за край стола, она стала осторожно протягивать правую, пока пальцы не коснулись поверхности меха, горячего от электрического света. Глубже мех был не такой горячий, а у самой кожи — равномерно теплый. Она прижала ладонь к густому меху, ощущая скользящий под пальцами ворс. Она стала гладить тигра то по шерсти, то против, чувствуя, как над ритмично поднимающимися могучими ребрами волнами перекатывается шкура.

Рука Рив зарылась в мех, пропуская распрямившийся ворс между пальцами. От непосредственной близости к тигру у нее порозовело лицо, и Рив вдруг почувствовала, что присущая всем слепым непроизвольная мимика, от которой она когда-то отучалась, снова напомнила о себе.

Уорфилд с Хэслером радовались, видя, что девушка забыла обо всем на свете. Они наблюдали за ней, словно сквозь волнистое полупрозрачное стекло — окно новых ощущений, к которому она прижалась лицом.

Могучая спина Долархайда, стоявшего поодаль в тени и наблюдавшего за происходящим, задрожала. Он почувствовал, как по груди покатилась капля пота.

— С другой стороны — самое интересное, —

прошептал ей на ухо доктор Уорфилд.

Пока он помогал ей обойти стол, она вела рукой по хвосту тигра.

Когда ее пальцы скользнули над покрытыми шерстью половыми органами зверя, у Долархайда резко перехватило дыхание. Она на мгновение взяла их в ладонь, а затем ее рука заскользила дальше.

Уорфилд приподнял огромную лапу зверя и положил ее в руку Рив. Она почувствовала шершавую кожу на подушечках лапы и слабый запах земляного пола клетки. Она надавила на подушечку, и раскрылся коготь. Обеими руками она провела по тяжелым, гибким мускулам плеча.

Затем она потрогала тигриные уши, его широкую голову и с помощью ветеринара, державшего ее за руку, осторожно прикоснулась к его шершавому языку.

Волосы Рив, разметавшиеся по плечам, зашевелились от горячего дыхания зверя. Напоследок доктор Уорфилд вставил ей в уши стетоскоп. Подняв голову, она положила руки на мерно вздымавшуюся тигриную грудь, и ее наполнили чистые, оглушительные удары сердца животного.

По дороге из зоопарка Рив Макклейн мол-

чала. Лицо у нее раскраснелось, она была в приподнятом настроении. Один только раз она повернулась к Долархайду и медленно сказала:

— Спасибо… огромное спасибо. Если не возражаете, я очень хочу мартини.

— Подождите минуту, — сказал Долархайд, останавливая машину у себя во дворе.

Она была довольна, что они поехали не к ней. У нее дома было пресно и до отвращения безопасно.

— Только не надо убираться. Проводите меня внутрь и просто скажите, что у вас идеальный порядок.

— Подождите тут.

Он занес в дом полиэтиленовый пакет с бутылками и быстро прошел по дому, осматриваясь. Он зашел на кухню и остановился, закрыв лицо руками. Он не знал, что делает. Он чувствовал опасность, но она исходила не от этой женщины. Он не решался посмотреть наверх — туда, куда уходила лестница. Он должен был что-то предпринять, но не знал что. Он должен отвезти ее домой. Никогда прежде он бы не посмел решиться на такое до наступления Пришествия.

Теперь он понимал, что способен на все. На все! На все!

Он вышел на улицу навстречу закату, вступив в длинную голубую тень от микроавтобуса. Рив Макклейн держалась за его плечи, вылезая из кабины, пока ее ноги не коснулись земли. Она сразу почувствовала нависший над ней дом, определила его высоту, услышав отзвук захлопывающейся дверцы машины.

— Четыре шага по траве, затем будет пандус, — подсказал он.

Она взяла его за руку. По его телу пробежала дрожь. На хлопчатобумажной ткани выступил пот.

— Так у вас есть пандус? Зачем он вам?

— Здесь жили старики.

— А сейчас живут?

— Нет.

— А здесь прохладно и потолки высокие, — сказала она в гостиной. Воздух как в музее. Запах благовоний как будто? Где-то тикали часы. — У вас большой дом, верно? Сколько здесь комнат?

— Четырнадцать.

— Старый дом… Со старыми вещами.

Взмахнув рукой, она задела абажур с бахромой и потрогала его пальцами.

Какой он стеснительный, этот мистер Долархайд. Рив прекрасно знала, как он был возбужден,

когда она стояла рядом с тигром. Выходя из процедурной, она взяла его за руку; он дрожал, как взнузданный конь.

Экскурсия в зоопарк была с его стороны элегантным жестом. Не исключено, что здесь был прозрачный намек, но она не была уверена.

— Мартини?

— Можно, я пойду с вами и сделаю сама? — попросила Рив, снимая туфли.

Она отмерила вермут, давая ему стекать со своего пальца в стакан. Теперь семьдесят граммов джина и две оливки. Она быстро сориентировалась в его кухне — тикающие часы, гул кондиционера на окне. Пол у двери был теплый — туда падали лучи послеполуденного солнца.

Он усадил ее на свой большой стул, а сам сел на кушетку.

Воздух в комнате был заряжен упругим электричеством, напоминая морскую воду, в которой флуоресценция очерчивает движения ночного пловца. Рив поставила стакан на столик, оказавшийся сбоку. Он включил музыку.

Долархайду казалось, что комната изменилась. Рив была первой, кто оказался в его компании добровольно, и теперь пространство разделилось на две части — ее и его.

На улице темнело, в комнате звучал Дебюсси.

Он что-то спросил про Денвер, она коротко ответила — немного рассеянно, будто думая о чем-то другом. Он описал ей дом и двор, обсаженный живой изгородью. Особенно разговаривать не хотелось.

В тишине, наступившей, когда он менял пластинку, она сказала:

— Этот тигр, этот чудесный дом — вы весь состоите из сюрпризов. По-моему, вас никто не знает по-настоящему.

— А вы их спрашивали?

— Кого их?

— Кого-нибудь?

— Нет.

— А откуда же вы тогда знаете, что никто не знает?

Он сосредоточился на том, чтобы правильно выговорить эту скороговорку, и поэтому вопрос прозвучал нейтрально.

— Ну, женщины, сотрудницы «Гейтуэя», несколько дней назад видели, как мы садились в ваш микроавтобус. Потом они меня просто засыпали вопросами! Впервые у меня появилась компания, когда я подошла к автомату попить.

— Что же они хотели узнать?

— Они хотели узнать сальные подробности. Поняв, что ничего такого не обламывается, они отошли. В общем, закидывали сеть наудачу.

— И о чем они спрашивали?

Вообще-то Рив хотела превратить жадное любопытство женщин в шутку, направленную на саму себя. Но из этого ничего не вышло.

— Их интересовало все, — сказала она. — Они считают вас загадочным и очень интересным. Радуйтесь, это комплимент.

— Они вам сказали, как я выгляжу?

Вопрос был задан непринужденно, очень хорошо задан, но Рив знала цену такой непринужденности и приняла вызов.

— Я их не спрашивала. Но они действительно рассказали мне, как вы, по их мнению, выглядите. Хотите послушать? Вам дословно? Нет, если не хотите, могу не рассказывать.

Она была уверена, что он захочет.

Молчание.

У нее внезапно появилось ощущение, что она одна в комнате, вместо него — черная дыра, которая все поглощает и ничего не выпускает. Она знала, что он не мог уйти так, чтобы она этого не услышала.

— Хорошо, слушайте, — начала Рив. — Вы

следите за собой, по-мужски опрятны — им это нравится. Они говорят, что у вас замечательная фигура. — Ясно, что этим ограничиться она не могла. — Они говорят, что вы совершенно напрасно переживаете из-за своего лица. Там есть одна дура, как же ее, все время мятную жвачку жует — Эйлин?

— Эйлин.

Ага, ответный сигнал. Она почувствовала себя радиолокатором.

Рив была прекрасным пародистом. Речь Эйлин она смогла бы воспроизвести с поразительной точностью, но ей хватило ума воздержаться от пародий в присутствии Долархайда. Она передавала слова Эйлин сухим голосом диктора за кадром:

— «А он ничего себе. У меня и похуже были. Ей-богу. Гуляла я с хоккеистом одним, за „Блюз“ играл, что ли? Так у него вмятина на губе была, потому что десна была внутрь вогнута, представляешь? Такое у хоккеистов сплошь и рядом встречается. Я считаю, это вроде как знак мужественности. У этого Долархайда восхитительная кожа, а волосы… Я бы за такие волосы все на свете отдала». Удовлетворены? Да, и еще она меня спросила, на самом ли деле вы такой сильный,

каким выглядите.

— И?..

— Я сказала, что не знаю. — Она осушила стакан и встала. — Да где вы сидите, Долархайд? — Рив обнаружила его, когда он проходил между ней и стереоколонкой. — Ага! Вот вы где. Так вы хотите знать, что я думаю об этом?

Она нашла его рот пальцами и поцеловала, слегка прижавшись к нему губами и тут же про себя отметив, что расслабиться ему мешает стеснительность, а не отвращение.

Он был изумлен.

— Вы мне не покажете, где у вас ванная?

Она взяла его за руку и повела по коридору.

— Обратно я приду сама.

В ванной Рив поправила волосы и в поисках зубной пасты или эликсира пробежала пальцами по верху раковины. Девушка попыталась найти дверцу аптечки и обнаружила, что дверцы не было — только петли и открытые полки. Она осторожно ощупала находящиеся там предметы, боясь наткнуться на бритву, потом нашла какую-то бутылочку, сняла пробку, понюхав, удостоверилась, что это зубной эликсир, и прополоскала рот.

Вернувшись в гостиную, услышала знакомый

звук — жужжание кинопроектора, перематывающего пленку.

— Работу взял на дом, — объяснил Долархайд, подавая ей новый мартини.

— Понятно, — сказала она. Сейчас она уже не знала, как себя вести. — Если я вам мешаю, я поеду домой. Сюда можно вызвать такси?

— Нет. Я хочу, чтобы вы остались. Честно. Просто я должен просмотреть один фильм. Это быстро.

Он встал, чтобы проводить ее к креслу, но она, зная, где находится кушетка, пошла к ней.

— Фильм звуковой?

— Нет.

— Можно оставить музыку?

— Угу.

Рив чувствовала, что его внимание занимает фильм. Он хотел, чтобы она осталась, он был даже напуган. Он не должен быть напуган. Ну ладно. Она села.

Мартини был освежающе прохладным.

Долархайд сел на другой конец кушетки, осевшей под тяжестью его тела, и в ее стакане зазвенел лед. Пленка на проекторе еще перематывалась.

— Я прилягу на пару минут, если вы не возражаете, — сказала она. — Нет, не вставайте, тут

достаточно места, разбудите меня, если усну, ладно?

Рив лежала на кушетке, держа стакан на животе, кончики ее волос слегка касались его руки.

Долархайд нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и фильм начался.

Сначала он хотел смотреть фильм Лидсов или Джейкоби, но в присутствии Рив. Он хотел смотреть то на экран, то на нее, но знал, что тогда ей не жить. «Ее видели женщины, когда она садилась в твою машину. И думать об этом не смей. Ее видели женщины, когда она садилась в твою машину».

Но теперь он будет смотреть фильм о Шерманах. В следующий раз он пойдет туда, к ним, а пока посмотрит в присутствии Рив — на нее он может смотреть столько, сколько захочет.

На экране тем временем появилась надпись «Новый дом», сложенная из монеток на картонной коробке из-под новой сорочки. Долгий эпизод с миссис Шерман и детьми. Игры в бассейне. Миссис Шерман держится за поручни, подняв голову к объективу камеры, мокрая блестящая грудь выбивается из купальника, ноги работают в воде как ножницы.

Долархайд гордился своим самообладанием.

Он хотел бы посмотреть этот фильм, а не тот, другой. Но он не удержался и стал про себя говорить миссис Шерман те же слова, что и Вэлери Лидс в Атланте.

«Так, теперь ты меня видишь.

Так, вот что ты чувствуешь, когда видишь меня».

Сцены с переодеванием. Миссис Шерман надевает широкополую шляпу. Вот она стоит перед зеркалом. Вот оборачивается с лукавой улыбкой и соблазнительно выгибается перед камерой, откинув руку за голову. На шее у нее камея.

На кушетке зашевелилась Рив. Она ставит стакан на пол. Долархайд чувствует на себе вес и тепло ее тела. Это ему на колени положили голову. Шея сзади у нее бледная, и на коже отражается свет с экрана.

Он сидит неподвижно, лишь нажимая на кнопки большим пальцем, чтобы остановить и перемотать назад пленку. На экране миссис Шерман позирует перед зеркалом в шляпе. Вот она, смеясь, поворачивается к камере.

«Так, теперь ты меня видишь.

Вот что ты чувствуешь, когда видишь меня.

Так, ты чувствуешь меня? Да».

Его всего трясет. Брюки стискивают его тело. Его

бросает в жар. Он чувствует теплое дыхание даже через одежду. Рив сделала маленькое открытие.

Его большой палец судорожно нажимает на выключатель.

«Так, теперь ты видишь меня.

Так, вот что ты чувствуешь, когда видишь меня.

Ты чувствуешь меня? Да».

Рив расстегнула ему молнию на брюках.

Его ножом пронзает страх: еще ни разу живая женщина не вызывала у него эрекции. Он Дракон, он не может испытывать страх.

Проворные пальцы освободили его упругое естество.

«О-о-о…

Ты меня чувствуешь? Да.

Ты чувствуешь это? Да.

Ты чувствуешь, я знаю.

Твое сердце так громко бьется».

Он не должен класть руки на ее шею. Класть руки на ее шею нельзя. Те женщины видели, как она садилась в его машину. Он вцепился рукой в подлокотник кушетки. Его пальцы с треском прорывают обивку.

«Твое сердце так громко бьется.

И трепещет.

Оно трепещет.

Оно вырывается наружу.

А теперь оно бьется быстро и легко, еще быстрее и легче, еще…

Все.

Ммм… все».

Рив кладет голову ему на колени, поворачивает свою блестящую щеку. Она залезает ему под рубашку и кладет горячую ладонь на грудь.

— Надеюсь, я тебя не шокировала, — смущенно говорит она.

Он был потрясен, потрясен голосом живой женщины, он прикоснулся к ее груди, чтобы проверить, бьется ли у нее сердце. Сердце билось.

Она мягко удержала его руку.

— Господи, ты что, еще не досмотрел?

Живая женщина. Как странно! Чувствуя, как его переполняет сила — Дракона или собственная, — он легко, как пушинку, подхватил ее с кушетки. Нести живую женщину оказалось легко — гораздо легче, чем труп. Только не наверх. Быстрее. Куда угодно, только быстрее. На бабушкину кровать, где под ними скользит атласное стеганое одеяло.

— Подожди, я их сниму. Ой, порвались. Черт с ними. Давай же. О боже, как приятно! Иди ко

мне… не надо так резко… ну давай… ты — ко мне, а я — тебе навстречу. Я хочу к тебе. Обними меня.

Он плыл в океане времени внутри прозрачной капсулы с Рив — своей единственной живой женщиной, — испытывая неведомую ранее радость человека, отпускающего на волю свою жизнь. Он улетал прочь от этой планеты — средоточия страданий и зла, а во тьме ее плоти, бездонной, как Вселенная, маняще мерцали звезды, и путь ему отмерял мелодичный звон, сулящий умиротворение и долгожданный покой.

Лежа рядом с ней в темной комнате, он положил ей руку на грудь и мягко надавил, как бы опечатывая дверь в прошлое. Рив спала, а Долархайд, проклятый всеми убийца, на руках которого была кровь одиннадцати человек, снова и снова вслушивался в стук ее сердца.

Образы. Причудливые жемчужины, летящие сквозь благодатную темноту. Пистолет — тот самый, из которого он палил в лунный диск. Грандиозный фейерверк «Дракон, сеющий жемчуг», на который он попал в Гонконге.

Дракон.

Он чувствовал себя оглушенным, расколотым напополам. И, всю ночь лежа рядом с ней, Долархайд в страхе прислушивался, не спускается ли

он сам в кимоно по лестнице.

За всю ночь Рив пошевелилась лишь один раз, сонно шаря рукой вокруг, пока не нащупала стакан, стоящий на ночном столике у изголовья. Лежащие в стакане челюсти загремели.

Долархайд принес ей воды. Она обняла его в темноте. Когда Рив уснула, он снял ее руку со своей огромной татуировки и положил себе на лицо.

На рассвете он уже крепко спал.

Проснувшись в девять утра в огромной кровати, Рив Макклейн лениво потянулась, слушая его ровное дыхание. Он не пошевелился. Она стала припоминать расположение комнат, порядок, в котором лежали на полу ковры, направление, в котором тикали часы. Только четко представив себе, где что находится, девушка тихонько встала и пошла в ванную. Когда она, не спеша помывшись под душем, вернулась, он еще спал. Ее порванное белье лежало на полу. Она нащупала его ногой, подняла и затолкнула в сумочку. Затем натянула через голову свое хлопчатобумажное платье, нашла палочку и вышла из дома.

Он рассказал ей вчера про двор — большой и ровный, обсаженный кустарником, но поначалу она все равно шла очень осторожно.

Дул прохладный утренний ветерок. Начинало припекать солнце. Рив стояла во дворе, подставив ладони навстречу сорванным ветром зонтикам бузины. Ветер проникал в поры ее кожи. Она подняла руки, подставляя прохладному воздуху груди, подмышки и бедра. Рядом прожужжали пчелы. Она их не боялась, и они ее не тронули.

Долархайд проснулся, удивившись на мгновение, что он не у себя наверху. Его желтые глаза округлились, когда он вспомнил события вчерашнего дня. Повернул голову и тупо взглянул на другую подушку. Пусто. Неужели пошла по дому бродить? Что она может обнаружить? А может, ночью что-то случилось и теперь необходимо устранять последствия? Возникнут подозрения. Придется бежать.

Он заглянул в ванную, потом на кухню. Сходил в подвал, где стояло второе кресло. Второй этаж… Он не хотел подниматься наверх. Нужно было посмотреть, как там. Татуировка упруго заиграла на его коже, когда он поднимался по лестнице. Со стены спальни на него метнулся огненный взор Дракона. Прочь отсюда, подальше от Дракона.

Из окна второго этажа он увидел, как она гуляет по двору.

— ФРЭНСИС.

Голос раздался из его комнаты. Он знал, что это голос Дракона. Незнакомое чувство сдвоенности с Драконом сбивало его с толку. Впервые он ощутил его, когда положил руку Рив на грудь — туда, где сердце.

Дракон еще никогда не разговаривал с ним. Долархайду стало страшно.

— ФРЭНСИС, ПОДОЙДИ СЮДА.

Он скатился по лестнице, стараясь не слышать зовущий его голос.

Что она могла найти? Вставную челюсть бабушки в стакане? Но он убрал стакан, когда принес ей воды. Увидеть его она не могла. Запись голоса Фредди. Кассета была вставлена в магнитофон, находящийся в гостиной. Он вытащил кассету. Пленка была смотана на начало. Он не помнит, смотал ли ее обратно после того, как передавал по телефону для «Тэтлер».

Рив нельзя возвращаться в дом. Он не знал, что тут может произойти. Она может получить неприятный сюрприз. Дракон может спуститься вниз. Долархайд знал, как легко будет разорвать ее на части.

Женщины видели, как она садится к нему в машину. Уорфилд вспомнит, как они приходили вместе. Он быстро оделся.

Идя по двору, Рив почувствовала прохладную тень, отбрасываемую стволом дерева, затем опять солнечное тепло. Сейчас она все время знала, где находится, ориентируясь по теплу солнца и гулу оконного кондиционера. Прокладка курса — наука всей ее жизни — тут давалась легко. Она поворачивалась направо и налево, водя руками по верхушкам кустарника и переросших цветов.

На солнце нашло облако, и Рив остановилась, потеряв направление. Она прислушалась к кондиционеру. Он был выключен. Девушка растерялась, затем хлопнула в ладоши и с облегчением услышала отраженный от стены дома отзвук. Щелчком открыв стекло часов, потрогала пальцем стрелки. Пора будить Долархайда. Ей нужно идти домой.

Хлопнула дверь с сеткой от комаров.

— Доброе утро, — сказала она.

Зазвенели ключи, когда он пересекал газон. Долархайд осторожно подошел к ней, как бы опасаясь, что движение воздуха, вызванное его приближением, может ее сдуть, и увидел, что она его не боялась.

Глядя на нее, нельзя было подумать, что она испытывала стыд или смущение от того, чем они занимались в прошедшую ночь. Она не

сердилась. Она не побежала от него, не стала выкрикивать угрозы. Может, это из-за того, что она не видела его укромных мест, подумалось ему.

Рив обвила его шею руками и положила голову ему на грудь. У него быстро билось сердце.

— Доброе утро, — выдавил он.

— Ты потрясающий мужчина. Мне было так хорошо.

«Потрясающий мужчина? Что в таких случаях говорят в ответ?»

— Хорошо. Мне тоже было приятно.

«Вроде нормально получилось. Нужно ее отсюда увести».

— Но сейчас мне надо домой, — сказала она. — Сестра должна заехать, чтобы забрать меня на обед. Ты тоже можешь с нами, если хочешь.

— Я должен ехать на работу, — солгал он.

— Я возьму сумочку.

«О нет!»

— Я сейчас вынесу.

Не в состоянии разобраться, что он на самом деле чувствует, не умея выразить свои чувства, подобно тому как шрам не может покраснеть, Долархайд не понимал, что произошло у них с Рив Макклейн и почему. Он был растерян, его пронзил неведомый ранее страх Раздвоения.

Она представляла собой угрозу. Она не представляла собой угрозы.

Угроза исходила от ее пугающей живости, с которой она отдалась ему на бабушкиной кровати.

Долархайд редко разбирался в своих чувствах до того, как начинал действовать. Сейчас он не знал, что чувствовал по отношению к Рив.

Безобразная сцена, которая произошла, когда он вез ее домой, помогла ему разобраться в своих чувствах. Проехав поворот на бульвар Линдберга, он заехал на бензоколонку «Сервко суприм», находящуюся на автостраде 70. Заправщик был коренаст и угрюм, от него несло перегаром дешевого крепленого. Он недовольно скривился, когда Долархайд попросил проверить уровень масла в двигателе.

Оказалось, что нужно долить больше литра. Заправщик всадил острый конец заливочного носика в новую банку, перевернул ее и вставил носик в заливочное отверстие.

Долархайд вышел из машины расплатиться.

Заправщик суетился возле машины, протирая стекло как раз напротив сиденья пассажира. Он все тер и тер одно и то же место.

Рив Макклейн сидела на высоком глубоком сиденье, положив ногу на ногу, ее юбка задралась

выше колен. Белая палочка лежала рядом с ней.

Заправщик начал протирать стекло по второму кругу, откровенно заглядывая Рив под юбку.

Долархайд поднял глаза от бумажника и увидел, что происходит. Он просунул руку в кабину, щелкнул выключателем, и по стеклу быстро побежали дворники, ударяя заправщика по пальцам.

— Эй, ты, полегче!

Заправщик полез в двигатель за банкой. Он понял, что его застукали, и на его лице играла хитрая ухмылка, пока Долархайд не обошел фургон и не встал перед ним.

— Ах ты, сукин сын!

Над звуками «с» он пролетел как птица.

— Ты что, парень, офонарел?

Заправщик был такого же роста и веса, как Долархайд, но мускулатура у него была пожиже. Он был молод, но у него уже были вставные зубы, за которыми он не следил.

Долархайду не понравился зеленоватый цвет его зубов.

— Что у тебя с зубами? — спросил он тихо.

— Не твое поганое дело!

— Ты что, одалживал их своему дружку, хрен моржовый?

Долархайд стоял почти вплотную.

— Отойди от меня, я сказал! — крикнул заправщик и тихо прошипел сквозь зубы: — Свинья безмозглая. Подонок. Дурак.

От короткого удара заправщик полетел назад и с грохотом ударился о машину. По асфальту загремела пустая банка с заливочным носиком. Долархайд подобрал ее.

— Не беги. Все равно поймаю.

Он вытащил носик из банки и взглянул на острый конец.

Заправщик побледнел. В лице Долархайда было что-то такое, чего он никогда прежде не видел. На секунду Долархайд представил себе, как из всаженного в грудь носика фонтаном бьет кровь. За ветровым стеклом он увидел лицо Рив. Она качала головой и что-то говорила, пытаясь найти ручку и опустить стекло.

— Тебе кости еще не ломали, недоумок?

Заправщик быстро замотал головой:

— Я не хотел вас обидеть. Правда. Клянусь Богом.

Долархайд держал изогнутый металлический носик перед лицом заправщика, сжимая его обеими руками. Вдруг мышцы на его груди взбугрились, и носик согнулся пополам. Долархайд оттянул заправщику пояс брюк и бросил туда

согнутый носик.

— Больше не пяль свои свиные зенки. — Он засунул деньги за бензин в нагрудный карман заправщика и сказал спокойно: — Пошел вон, но учти: чуть что, я тебя из-под земли достану.

36

Пленка пришла по почте в воскресенье. На небольшом пакете был указан адрес: «Вашингтон, Управление ФБР, для Уилла Грэма». Отправили бандероль из Чикаго в тот же день, когда убили Лаундса.

Криминалисты тщательно изучили коробку, в которой лежала кассета, и оберточную бумагу, но ничего заслуживающего внимания не нашли.

Кассету переписали и после обеда отправили копию с курьером в Чикаго. К ней была приложена записка от Ллойда Боумена: «Анализ индивидуальных характеристик речи подтверждает, что это Лаундс. По-видимому, он повторял под диктовку. Пленка новая, выпущена в течение последних трех месяцев, использована впервые. Отдел психологии сейчас анализирует текст записи. Доктор Блум тоже должен ее послушать, когда поправится, — ну это ты сам решишь.

Убийца явно пытается тебя запугать. Видно, не знает, бедолага, на кого напал!»

Скупая, но такая нужная сейчас ему, Грэму, поддержка.

Грэм знал, что слушать пленку придется. Он подождал, пока уйдет Честер.

Он не хотел сидеть взаперти в комнате присяжных с этой пленкой. Лучше было пойти в пустой зал суда — высокие окна пропускали там скупой солнечный свет. После ухода уборщицы в лучах света еще висела пыль.

Магнитофон был небольшой, серого цвета. Грэм положил его на стол адвоката и нажал на кнопку.

Раздался монотонный голос криминалиста: «Вещественное доказательство по делу номер 426238. Промаркировано и занесено в журнал под номером 814. Представляет собой компактную кассету для магнитофона. Далее следует запись оригинала».

Качество записи меняется.

Грэм стоит, схватившись руками за ограждение скамьи присяжных.

В голосе Фредди Лаундса звучат усталость и страх.

«Мне была оказана высокая честь. Передо мной… Передо мной… предстало чудесное… чудесное… и ужасное… ужасное зрелище — Могущество Большого Красного Дракона».

Запись оригинала, видимо, часто прерывалась,

и магнитофон каждый раз записывал щелчок кнопки остановки ленты. Грэм видел палец, лежавший на кнопке. Палец Дракона.

«Я часто лгал. Я писал про Дракона под диктовку Уилла Грэма. Это он заставлял меня писать всю эту ложь. Я… Я оклеветал Дракона. Несмотря на это… Дракон милостив. Теперь я буду служить Ему. Он… озарил мою жизнь лучами Своей Славы, и я буду прославлять Его. Газеты! Когда вы будете это печатать, обязательно печатайте слово „Его“ с большой буквы.

Он знает, что ты заставлял меня лгать, Грэм. Так как ты заставлял меня лгать, ко мне Он будет более… более милостив, чем к тебе, Грэм.

Положи руку на поясницу, Грэм… и нащупай маленькие… узелки с двух сторон над почками. Теперь положи руку на позвоночник между ними… вот то самое место… где Дракон перекусит тебе хребет».

Грэм вцепился руками в барьер. «Черта с два, буду я себя щупать!» Дракон или не знает термина spina iliaca,[23] или намеренно решил не употреблять медицинскую терминологию.

---

[23] Примечания: 23

Spina iliaca *(лат.)* — ость подвздошной кости, один из четырех имеющих форму шипа костных отростков подвздошной кости, находящейся в области таза.

«Тебя ждут страшные минуты. Из… из моих собственных губ ты услышишь то, что вселит в тебя ужас».

Пауза, после которой раздается страшный вопль. Затем еще более страшный крик человека, лишенного губ: «Чертов …одонок, ты …не о…ещал!»

Сев, Грэм опустил голову до самых колен. Он прерывисто дышал, открыв рот, пока перед глазами не перестали плясать яркие точки.

Прошел час, прежде чем он решился послушать пленку во второй раз.

Грэм отнес магнитофон в комнату присяжных и попробовал слушать там, но вынести голос Лаундса, раздающийся так близко, он не мог. Включив магнитофон, он вернулся в зал суда, оставив дверь открытой.

«Мне была оказана высокая честь…»

В дверях зала суда кто-то появился. Повернув голову, Грэм узнал молодого сотрудника из Чикагского управления ФБР и махнул рукой, чтобы тот заходил.

— Вам пришло письмо, — сказал парень. — Мистер Честер приказал отнести вам. Он велел обязательно передать, что письмо просветили.

Парень вытащил письмо из внутреннего

кармана пиджака. Конверт был плотный, из розовато-матовой бумаги. Грэм надеялся, что письмо от Молли.

— Вот, видите штамп, что просветили?

— Спасибо.

— А вот зарплата, — сказал парень, передавая Грэму чек.

На пленке взвизгнул Фредди. Парень поежился.

— Извини, — сказал Грэм.

— И как вы все это слушать можете? — удивился парень.

— Ладно, иди домой, — отпустил его Грэм.

Он зашел за барьер, ограждающий места для присяжных, и уселся читать письмо. Ему нужно было передохнуть. Письмо прислал Ганнибал Лектер.

> Дорогой Уилл!
>
> Поздравляю с блестящим завершением операции по устранению Фредди Лаундса. Я безгранично восхищен. Вы очень хитры! Мистер Лаундс нередко оскорблял меня невежественными инсинуациями, и все же по крайней мере один раз его писания принесли пользу — это когда он

сообщил, что Вы были пациентом дома скорби. Мой горе-адвокат так и не воспользовался этим, защищая меня в суде, ну да ладно.

Знаете, Уилл, Вы слишком много переживаете. Будет гораздо лучше, если Вы перестанете себя терзать.

Не мы выбираем себе натуру, Уилл, она дается свыше, как легкие, поджелудочная железа и все остальное. Зачем идти ей наперекор?

Я хочу Вам помочь, Уилл, и для начала ответьте-ка мне на один вопрос. Помните, у Вас была сильная депрессия после того, как Вы застрелили Гэррета Джекоба Хоббса? Вас ведь не смерть его так мучила, верно? Вы ведь на самом деле мучились потому, что Вам было очень приятно его убивать.

Подумайте над этим, но не переживайте. А где написано, что это обязательно должно быть неприятно? Ведь приятно же Богу убивать — Он постоянно этим занимается, а разве мы не созданы по Его образу и подобию?

Вы, вероятно, читали во вчерашних

газетах о том, как Бог обрушил в Техасе церковную кровлю на тридцать четыре прихожанина. Это случилось в среду вечером и, наверное, как раз тогда, когда они елейными голосами выводили псалом, прославляя Его имя. Разве Ему было неприятно?

Тридцать четыре человека! А Вам — косточку подбросил. Одного Хоббса. Одним махом Он угробил сто пятьдесят филиппинцев в авиакатастрофе на прошлой неделе — что же Ему не позволить Вам убить какого-то ничтожного Хоббса. Короче говоря, Вам не грозит обратить на себя Его гнев из-за какого-то несчастного убийства. Вернее, уже двух. Все нормально!

Следите за прессой. Промысел Божий опережает нас, простых смертных.

С наилучшими пожеланиями,

Ганнибал Лектер, доктор медицины

Грэм знал, что Лектер был абсолютно не прав относительно смерти Хоббса, но на какое-то мгновение он задумался, а так ли уж он не прав в случае с Фредди. Извечный враг, сидящий внутри

Грэма, присоединился к обвинению Лектера.

На фотографии в газете он положил руку на плечо Фредди, как бы официально подтверждая, что это он сообщил Лаундсу оскорбительные для Дракона факты. А может, он действительно желал подставить Фредди, хоть самую малость? Грэм задумался над этим.

Его немного успокоила мысль о том, что он сознательно не мог упустить случай схватить Дракона, чего бы это ни стоило.

— Как вы меня все достали, сукины вы дети, — простонал Грэм.

Ему нужно передохнуть. Он позвонил Молли в дом стариков, но никто не подошел.

— Наверное, поехали куда-то на своем чертовом трейлере, — пробормотал Грэм.

Он вышел на улицу попить где-нибудь кофе, а отчасти и для того, чтобы доказать себе, что он не прячется.

В витрине ювелирного магазина он увидел изящный золотой браслет старинной работы, стоивший почти всю его зарплату. Он попросил упаковать его и приклеить на пакет почтовые марки. Только убедившись, что рядом никого нет, он написал на пакете адрес Молли в Орегоне и бросил его в почтовый ящик. В отличие

от Молли Грэм не осознавал, что дарит подарки, когда злится.

Ему не хотелось возвращаться к оставленной в зале суда работе, но он должен был вернуться. Его подгоняла мысль о Вэлери Лидс.

«К сожалению, я не могу сейчас подойти к телефону», — произнес автоответчик голосом Вэлери Лидс.

Он пожалел, что не был с ней знаком, что не… Какое ребячество!

Грэм устал, в нем просыпались эгоизм и злость. Его измотанная психика рвалась в детство, когда все единицы измерения сводятся к первичным представлениям об окружающем пространстве: так, север для него находился там, куда вело шоссе номер 61, а метр восемьдесят навсегда оставались ростом отца.

Он силком усадил себя составлять детальный портрет обобщенной жертвы. В его распоряжении была груда протоколов, а также собственные умозаключения.

Богатство. Сходство номер один. Обе семьи были зажиточными. Хотя странно, что Вэлери Лидс экономила на колготках.

Грэм задумался, не была ли она в детстве бедна. Видимо, да — дети у них были одеты пусть с

небольшой, но все-таки излишней роскошью.

Грэм тоже рос в бедной семье. Вместе с отцом они кочевали с одной мелкой верфи на другую: Билокси, Гринвилл, озеро Эри. Каждый раз приходилось идти в новую школу, каждый раз он оказывался в классе новеньким. Может, с того времени у Грэма сохранились остатки ненависти к богатым.

Видимо, Вэлери Лидс была все-таки из бедных. Его подмывало посмотреть фильм о ней еще раз. Посмотреть можно было в зале суда. Нет, с Лидсами все было, в общем-то, ясно. Лидсов он знал. Он не знал Джейкоби.

Его ужасно мучило то, что частная жизнь семьи Джейкоби, в сущности, ему неизвестна. Пожар в Детройте уничтожил все: и семейные альбомы, и, наверное, дневники.

Грэму приходилось изучать их по вещам, которые они желали иметь, покупали и использовали. Больше в его распоряжении ничего не было.

Папка уголовного дела по факту убийства семьи Джейкоби была достаточно толстой, но большую часть материалов составляли списки описи имущества, нажитого после переезда в Бирмингем. Грэм диву давался! Каждая вещь была застрахована и занесена в опись с указанием

фабричного номера, как того требуют страховые компании. Человек, поклявшийся на пепелище, что следующий пожар не застанет его врасплох, обязательно застрахует в новом доме все до последнего гвоздя!

Адвокат семьи Джейкоби Байрон Меткаф прислал Грэму расплывчатые и неразборчивые машинописные копии страховых списков, а не ксерокопии.

Как и у Лидсов, у Джейкоби имелся катер для катания на водных лыжах. У Джейкоби был трехколесный мотоцикл, у Лидсов — кроссовый. Посасывая кончик большого пальца, Грэм перевернул страницу.

На второй странице четвертым номером шел кинопроектор фирмы «Чинон-Пасифик».

Грэм остановился. Как это он его проглядел? Он внимательно изучил содержимое каждого ящика, каждого поддона в бирмингемском хранилище, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку в частную жизнь Джейкоби.

Куда мог деться кинопроектор? Можно было сверить список, представленный Джейкоби в страховую компанию, со списком, составленным Байроном Меткафом как исполнителем завещания при сдаче имущества на хранение. Наличие

предметов проверялось по списку заведующим складом, который и подписал договор на хранение.

На просмотр списка у Грэма ушло минут пятнадцать. Ни проектора, ни кинокамеры, ни пленки не было.

Откинувшись на спинку стула, Грэм пристально смотрел на фотографию смеющихся Джейкоби, стоящую перед ним.

«Ну куда же вы его дели?

Украли его, что ли?

Может, его убийца унес?

Если его унес убийца, может, он его продал скупщику краденого?

Милостивый Боже, помоги мне выйти на этот проектор».

Усталость куда-то исчезла. Грэму необходимо было выяснить, не пропало ли еще что-нибудь. Битый час он сверял список вещей, принятых на хранение, со списком, представленным Джейкоби в страховую компанию. Все сходилось, за исключением мелких ценностей. Их надо было искать в особом списке, составленном Байроном Меткафом при передаче ценностей для хранения в сейфе в одном из бирмингемских банков.

В списке ценностей было указано все. Кроме

двух предметов.

«Хрустальная шкатулка, 100×75 мм, крышка из чистого серебра» была указана в списке для страховой компании, но ее не было в списке Меткафа.

«Рамка для фотографий, 225×275 мм, серебро, орнамент в виде виноградных гроздей и цветов» тоже отсутствовала в сейфе.

Украли? Куда-то положили, а потом забыли? Это все мелкие предметы, их легко спрятать. Обычно краденое серебро немедленно переплавляется, и обнаружить его трудно. А вот киноаппаратура просто покрыта серийными номерами. Ее найти можно.

Значит, убийца унес вещи?

Грэм смотрел на замусоленную фотографию Джейкоби и чувствовал сладостный зуд охотника, вышедшего на след. Однако, увидев добычу — ничтожную и жалкую, — он был разочарован.

В комнате присяжных стоял телефон. Грэм позвонил оттуда в Бирмингемское управление по расследованию убийств. Он попал к начальнику смены, дежурившей с трех ночи до одиннадцати утра.

— Я помню, по делу Джейкоби вы вели учет всех, кто заходил в дом после того, как его опеча-

тали, правильно?

— Подождите, сейчас попрошу, чтобы посмотрели, — сказал начальник смены.

Грэм знал, что они вели учет. Было полезно записывать каждого, кто появляется на месте преступления, и Грэм в свое время с удовольствием отметил, что бирмингемская полиция не изменяет этой традиции. Он ждал пять минут, пока к телефону не подошел какой-то другой полицейский.

— Так, есть такой список. Что вам посмотреть?

— Там есть Найлз Джейкоби, сын погибшего?

— Так… Имеется такой. Приходил второго забрать личные вещи.

— У него с собой не было чемодана, там не записано?

— Чего нет, того нет. Извините.

Голос у поднявшего трубку Байрона Меткафа был хриплым, а дыхание тяжелым. Грэму было интересно, чем он там занимается.

— Извините, если помешал.

— Чем могу помочь, Уилл?

— Да вот тут возник вопрос насчет Найлза Джейкоби.

— Что, опять набедокурил?

— Я подозреваю, что он кое-что стянул из дома

уже после убийства.

— Вон как…

— У вас в списке отсутствует серебряная рамка для фотографий. Когда я был в Бирмингеме, я забрал с собой семейную фотографию из его комнаты в общежитии. До этого она была вставлена в рамку — на ней следы от паспарту.

— Вот сукин сын. Я действительно позволил ему забрать одежду и какие-то необходимые ему книги, — возмутился Меткаф.

— Неудивительно, у Найлза друзья с претензиями. Но меня больше интересует другое — кинопроектор и кинокамера. Они тоже пропали. Я должен знать точно, он их взял или не он. Потому что если не он, тогда их унес убийца. В таком случае нам придется сообщать серийные номера во все ломбарды. Нам придется дать эти вещи в розыск по всей стране. Рамка уже, наверное, переплавлена.

— Ну я ему покажу! На всю жизнь эту рамку запомнит!

— Тут вот что нужно учесть. Если Найлз забрал проектор, он мог оставить пленку. Ну кто ее купит? Мне нужна пленка. Я должен ее посмотреть. Если вы пойдете напролом, он ни в чем не признается и просто выкинет пленку, если она у него.

— Тогда так, — помолчав, предложил Меткаф. — У него нет права собственности на машину — она перешла в наследуемое имущество. Имуществом распоряжаюсь я, следовательно, имею полное право обыскать машину без санкции прокурора. Судья — мой друг, поэтому с обыском комнаты проблем тоже не предвидится. Я позвоню.

Грэм вернулся к своей работе.

Богатство. Надо включить богатство в портрет жертвы.

Грэм задумался, в чем жены Лидса и Джейкоби ходили по магазинам. С недавних пор стало модным отправляться за покупками в одежде для тенниса. Однако кое-где разгуливать в полуголом виде было неумно вдвойне, просто небезопасно возбуждать одновременно классовую неприязнь и похоть.

Грэм представил себе, как они расхаживают по супермаркету, толкая перед собой тележки. Из-под коротеньких юбчонок в складочку светятся загорелые ножки, а на толстых белых носках при ходьбе приветливо подпрыгивают маленькие теннисные мячики. Вот они проходят мимо небритого бродяги, хищно лапающего их глазами, — он покупает тушенку, чтобы, кромсая ее ножом, отобедать в угнанной в соседнем штате

машине.

Сколько зажиточных семей с тремя детьми и собакой укладывается сейчас спать, не подозревая, что от Дракона их отделяет хлипкая дверь с замком, который и гвоздем можно открыть. Мысленно рисуя потенциальных жертв маньяка, Грэм представлял себе умных преуспевающих людей, живущих в красивых уютных домах.

Но тот, кому предстояло стать следующей жертвой Дракона, не имел ни детей, ни собаки, а в доме его не было уюта. Следующей жертвой Дракона должен был стать Фрэнсис Долархайд.

37

С чердака грохот штанги разносился по всему старому дому.

Выжимая вес снова и снова, Долархайд доводил себя до изнеможения. Он никогда еще не поднимал столько за одну тренировку. Теперь он занимался уже в другой одежде; его татуировка была скрыта под тренировочными штанами. А куртка висела на стене, закрывая картину «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце». Зеркало занавешивало кимоно, напоминавшее сброшенную кожу леопардовой змеи.

Долархайд занимался без маски.

Оп! Сто двадцать шесть килограммов ложатся на грудь. Теперь жим над головой.

— О КОМ ТЫ ДУМАЕШЬ?

Испугавшись прозвучавшего голоса, он чуть не выронил штангу, закачавшись под ее весом. Опускаем! Блины загремели при ударе о пол.

Он обернулся и стал смотреть в сторону, откуда раздался голос. Его могучие руки повисли вдоль туловища.

— О КОМ ТЫ ДУМАЕШЬ?

Казалось, голос исходит из-под куртки, висящей на стене. От громкого скрипучего голоса у него даже запершило в горле.

— О КОМ ТЫ ДУМАЕШЬ?

Долархайд уже знал, кто это говорит, и поэтому испугался. С самого начала он и Дракон слились в одно целое. Он был Пришествием, а Дракон был его высшим проявлением. Слиты воедино были их тела, голоса, их воли.

Но теперь все изменилось. После Рив. Нельзя упоминать Рив.

— КТО У НАС НА ОЧЕРЕДИ? — осведомился Дракон.

— Миссис …ерман… Шерман, — запинаясь, пробормотал Долархайд.

— ГОВОРИ ГРОМЧЕ. Я ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ. О КОМ ТЫ ДУМАЕШЬ?

Долархайд с каменным лицом взялся за гриф штанги. На грудь. Над головой. Сейчас ему было тяжелее.

— О миссис… ерман… в бассейне.

— ТЫ ДУМАЕШЬ О СВОЕЙ НОВОЙ ПОДРУЖКЕ, ВЕРНО? ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОНА СТАЛА ТЕБЕ ПОДРУЖКОЙ, ВЕРНО?

Штанга с глухим стуком упала на пол.

— Нет у меня никакой по…ружки.

От страха у него испортилась речь. Ему приходилось закрывать ноздри верхней губой.

— КОГО ТЫ ОБМАНЫВАЕШЬ? — У Дракона был сильный и четкий голос. Он без труда произносил звук «с». — ТЫ ЗАБЫЛ О СВОЕМ ПРИШЕСТВИИ. ГОТОВЬСЯ К ШЕРМАНАМ. КАЧАЙ МЫШЦЫ.

Долархайд схватился за гриф штанги и напряг мышцы. Вместе с телом напряглось его сознание. В отчаянии он заставлял себя думать о Шерманах. Он пытался представить тяжесть миссис Шерман. Это будет миссис Шерман. Он дрался в темноте с мистером Шерманом, прижимая его к полу, пока, теряя кровь, сердце Шермана не начало трепетать, как птица, зажатая в кулаке. Он слышал только это сердце. Он не слышал сердца Рив. Не слышал.

Страх высасывал из него силу. Он оторвал штангу от пола, но не смог взять ее на грудь. Он думал о Шерманах, расположившихся вокруг него с расширенными глазами, когда он придет собирать дань для Дракона. Было плохо. Было пусто, зияюще пусто. Штанга с глухим стуком упала на пол.

— НЕ ПОДХОДИТ!

— Миссис…

— ТЫ ДАЖЕ НЕ МОЖЕШЬ ВЫГОВОРИТЬ

«МИССИС ШЕРМАН». ТЫ И НЕ СОБИРАЛСЯ ИДТИ К ШЕРМАНАМ. ТЕБЕ НУЖНА РИВ МАККЛЕЙН. ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОНА СТАЛА ТВОЕЙ ПОДРУЖКОЙ, ПРАВДА? ВЫ ХОТИТЕ СТАТЬ ДРУЗЬЯМИ.

— Нет.

— ЛОЖЬ!

— …А…ак, нена…олго.

— ТАК, НЕНАДОЛГО? АХ ТЫ, ГУБОШЛЕП СОПЛИВЫЙ! ДА КОМУ ТЫ НУЖЕН! ТОЖЕ МНЕ, ДРУГ НАШЕЛСЯ! ИДИ СЮДА! Я ТЕБЕ ПОКАЖУ, ЧТО ТЫ ТАКОЕ.

Долархайд повиновался.

— Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ЕЩЕ ТАКОГО МЕРЗКОГО ГРЯЗНУЛЮ, КАК ТЫ. ПОДОЙДИ КО МНЕ.

Он поднялся.

— СНИМИ КУРТКУ.

Он снял.

— СМОТРИ НА МЕНЯ.

Дракон испепелял его взглядом.

— СНИМИ КИМОНО, ПОСМОТРИ В ЗЕРКАЛО.

Он посмотрел. Он не мог не смотреть, не мог отвернуть лица от беспощадного света. Теперь он и сам видел, какой он слюнтяй.

— ПОСМОТРИ НА СЕБЯ. У МЕНЯ ЕСТЬ СЮРПРИЗ ДЛЯ ТВОЕЙ ПОДРУЖКИ. СНИМИ С СЕБЯ ВСЕ.

Долархайд стал лихорадочно стягивать трени-

ровочные штаны, они порвались. Он содрал их правой рукой и левой протянул Дракону.

Правая рука выхватила штаны из дрожащей, некрепкой левой руки. Швырнув их в угол, он рухнул на мат, извиваясь, как омар, живьем вырванный из своего панциря. Он обхватил себя руками и стонал, тяжело дыша. На его коже беспощадным электричеством ярко высвечивалась татуировка.

— Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ЕЩЕ ТАКОГО МЕРЗКОГО ГРЯЗНУЛЮ, КАК ТЫ. ИДИ ЗА МНОЙ.

— Ба-уа-а-ка…

— ИДИ ЗА МНОЙ!

Он побрел из комнаты и вернулся с зубами Дракона.

— ПОЛОЖИ ИХ НА ЛАДОНИ. СОЕДИНИ ПАЛЬЦЫ И СОЖМИ ИХ.

Мышцы на груди Долархайда напряглись.

— ТЫ ЗНАЕШЬ, КАКИЕ ОНИ ОСТРЫЕ. ОПУСТИ ИХ ВНИЗ, ПОД ЖИВОТ. ВЛОЖИ ЕГО МЕЖДУ ЗУБАМИ.

— Нет!

— ВЛОЖИ! А ТЕПЕРЬ СМОТРИ.

Сжимающиеся зубы начали причинять ему боль. На грудь капали слюна и слезы.

— Нет, ба-уа-а-ка!

—

ТЫ ПАДАЛЬ, ЛЕЖАЩАЯ НА ПУТИ ПРИШЕСТВИЯ. ТЫ ПАДАЛЬ, И Я ДАМ ТЕБЕ ПОДХОДЯЩЕЕ ИМЯ. ТЫ МАНДУХ. КТО ТЫ?

— Я мандух.

Чтобы выговорить, ему пришлось прикрыть ноздри губой.

— СКОРО Я ОЧИЩУСЬ ОТ ТЕБЯ, — легко проговорил Дракон. — ЭТО ХОРОШО?

— Хорошо.

— КТО БУДЕТ СЛЕДУЮЩИЙ, КОГДА НАСТУПИТ ВРЕМЯ?

— Миссис …ерман.

Долархайда пронзила страшная боль, смешанная с леденящим душу страхом.

— Я ОТОРВУ ЕГО!

— Рив, Рив. Я отдам тебе Рив.

Его речь заметно улучшалась.

— ТЫ МНЕ НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ ОТДАТЬ. ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. ОНИ ВСЕ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ. И РИВ МАККЛЕЙН, И ШЕРМАНЫ.

— Рив и Шерманы. Полиция узнает.

— Я ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕЛ. ТЫ СОМНЕВАЕШЬСЯ?

— Нет.

— КТО ТЫ?

— Мандух.

— НУ ХОРОШО. МОЖЕШЬ УБРАТЬ МОИ ЗУБЫ.

ЖАЛКИЙ, СЛАБЫЙ ГУБОШЛЕП. ХОТЕЛ СКРЫТЬ ОТ МЕНЯ СВОЮ ПОДРУЖКУ. ХОТЕЛ? Я ЕЕ ПОПОЛАМ РАЗОРВУ И РАЗОТРУ ТО, ЧТО ОСТАНЕТСЯ, ПО ТВОЕЙ УРОДЛИВОЙ МОРДЕ. БУДЕШЬ МНЕ МЕШАТЬ, Я ТЕБЯ НА ЕЕ КИШКАХ УДАВЛЮ. Я ЭТО МОГУ, ТЫ ЗНАЕШЬ. ПОСТАВЬ НА ГРИФ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ КИЛОГРАММОВ.

Долархайд добавил несколько блинов на штангу. До сих пор он больше ста двадцати шести килограммов не поднимал.

— ПОДНИМИ.

Если он окажется слабее Дракона, Рив умрет. Он знал это. Выпучив глаза, он силился оторвать штангу от пола, пока комната не исчезла в красной пелене.

— Я не могу.

— ПРАВИЛЬНО, НЕ МОЖЕШЬ. А Я МОГУ.

Долархайд схватился за гриф. Он выгнулся, поднимая штангу на грудь. Вверх! Штанга легко взлетела над его головой.

— ПРОЩАЙ, МАНДУХ! — сказал Долархайд — гордый Дракон, дрожа в ярком свете.

38

В понедельник утром Фрэнсис Долархайд так и не пошел на работу.

Как обычно, он выехал из дома вовремя. Выглядел безупречно, вел машину очень аккуратно. Повернув к мосту через Миссури, навстречу утреннему солнцу, он надел темные очки.

О спинку пассажирского сиденья постукивал термос с водой. Внутри позвякивали льдинки. Он потянулся и поставил его на пол кабины, напомнил себе, что нужно достать сухой лед и взять пленку из…

Долархайд пересекал реку, под ним текла вода. Он взглянул на белые барашки волн и вдруг почувствовал, что это он скользит куда-то в сторону, а волны стоят неподвижно. Навалилось неведомое ощущение разъединения и краха. Он снял ногу с педали газа. Микроавтобус замедлил ход и остановился в крайнем левом ряду. Сзади загудели клаксоны, образовалась пробка. Долархайд их не слышал.

Он сидел, медленно скользя взглядом на север над неподвижной водой, в лицо ему светило

утреннее солнце. Из-под темных очков стекали слезы, падающие горячими каплями ему на руки.

Кто-то настойчиво стучал пальцем по боковому стеклу. Это подошел водитель из остановившейся сзади машины. У него было бледное, будто спросонья, лицо. Он что-то кричал через стекло.

Долархайд посмотрел на него. Навстречу, с другого конца моста, приближались голубые мигающие огни. Он понимал, что нужно трогаться. Он попросил свое тело нажать на газ, и оно подчинилось. Человек, стоящий сбоку, отскочил от машины, чтобы ему не отдавило ноги.

Долархайд заехал на стоянку большого мотеля недалеко от развязки федерального шоссе номер 270. Невдалеке стоял школьный автобус, в заднем стекле которого виднелся широкий раструб геликона.

Долархайд задумался, не должен ли он вместе со стариками лезть в автобус.

Нет, не то. Он огляделся в поисках «паккарда», на котором приехала мать.

«Залезай, только не пачкай ногами сиденье», — велела мать.

Нет, опять не то.

Он находился на стоянке мотеля в западной

части Сент-Луиса. Он хотел иметь право выбора, но не имел его.

Через шесть дней, если он сможет вытерпеть, ему придется убить Рив Макклейн.

Что-то тонко свистнуло у него в носу.

А может, Дракон согласится довольствоваться пока Шерманами и подождет следующего полнолуния?

Нет. Не согласится.

Рив Макклейн не знала о существовании Дракона. Она думала, что провела ночь с Фрэнсисом Долархайдом. Она хотела лежать рядом с Фрэнсисом Долархайдом. Она отдалась Фрэнсису Долархайду в постели его бабушки.

«Ты потрясающий мужчина», — сказала Рив Макклейн во дворе.

А может, урод Долархайд ей нравится? Если так, то эта презренная женщина — извращенка. Он понимал, что должен ее презирать, но, боже, как с ней было приятно!

Рив Макклейн виновна в том, что ей нравится Фрэнсис Долархайд. Виновна.

Если бы не всепобеждающая сила его Пришествия, если бы не Дракон, он бы никогда не привел ее к себе домой. Он бы не смог любить ее. Или смог?

«О боже, как приятно…»

Она сказала «приятно». Ей было с ним приятно.

Заканчивался завтрак, и мимо его микроавтобуса потянулись люди, выходившие из мотеля. Равнодушные взгляды пробегали по нему, как десятки маленьких ножек.

Ему надо подумать. Он не может сейчас вернуться домой. Он взял номер в мотеле, позвонил на работу и сказал, что заболел.

В комнате, которую ему дали, было спокойно и тихо. Кроме дешевых литографий, изображающих старинные пароходы в дельте Миссисипи, никаких украшений не было.

Долархайд завалился на кровать прямо в одежде. Штукатурка на потолке искрилась мелкими точками. Через каждые пять минут ему приходилось вставать и идти мочиться. Его бросало то в жар, то в холод. Так прошел час.

Он не хотел отдавать Рив Дракону. Он стал думать, что с ним сделает Дракон, если он откажется принести Рив в жертву.

Сильный страх наплывает волнами, тело не может выдерживать его подолгу. Каждый раз после очередной волны наступал мертвый штиль, во время которого Долархайд мог обдумывать,

как спасти Рив от Дракона. Существовал один способ, он мучительно возвращался к нему снова и снова. Он встал с кровати. В облицованной кафелем ванной громко щелкнул выключатель. Долархайд взглянул на карниз, на котором висела занавеска ванны, сделанный из привинченной к стене дюймовой трубы. Он снял занавеску и набросил ее на зеркало.

Схватившись за трубу, Долархайд подтянулся на одной руке до уровня подбородка, скользя ногами по стенке ванны. Труба оказалась прочной. Ремень у него тоже был прочный. Заставить себя сделать это он мог. Он ЭТОГО не боялся.

Один конец ремня он привязал к трубе беседочным узлом. Со стороны пряжки получилась петля. Толстая кожа не давала петле провиснуть, и она висела неподвижным упругим кольцом.

Долархайд сел на крышку унитаза и взглянул на петлю. Она висит слишком низко — придется поджать ноги. Он сумеет заставить себя не касаться петли, пока не ослабеет настолько, что уже не сможет поднять руки.

Да, он с Драконом — одно целое, но где гарантия, что Дракон погибнет вместе с ним? А если все-таки двое: он и Дракон? А вдруг тот уцелеет? Где гарантия, что, уцелев, Дракон не тронет его?

Наверное, не один день пройдет, пока обнаружат его тело. А что, если она станет его разыскивать? Вдруг заявится к нему домой и будет искать его там — на ощупь? Вот будет сюрприз, когда она поднимется наверх.

Большой Красный Дракон будет откусывать от нее в час по кусочку.

А может, позвонить и предупредить ее? Но что она может против Него, даже если ее предупредить? Ничего. Только уповать на быструю смерть, надеяться, что в ярости Он загрызет ее сразу.

На втором этаже его дома на репродукциях, рамки для которых Долархайд делал своими собственными руками, ждал Дракон. Дракон ждал в альбомах, журналах, которым несть числа, возрождаясь каждый раз, когда фотограф… делал…

В ушах Долархайда уже стоял оглушительный голос Дракона, изрыгающего проклятия в адрес Рив. Перед тем как сомкнуть челюсти, Дракон будет осыпать ее проклятиями. Он будет оскорблять и его, рассказывая ей, какое он, Долархайд, ничтожество.

— Не делай этого. Не… делай этого, — сказал Долархайд отражающей эхо кафельной плитке.

Он прислушался к своему голосу, голосу Фрэнсиса Долархайда, голосу, который Рив понимала

легко, своему собственному голосу. Всю жизнь он его стыдился. Голос служил ему для того, чтобы изливать на окружающих злобу и ненависть.

Но он никогда не слышал, чтобы голос Фрэнсиса Долархайда оскорблял его самого.

— Не делай этого.

Голос, который он сейчас слышал, никогда не оскорблял его.

Голос повторял оскорбления Дракона. От этого воспоминания ему стало стыдно.

Он подумал, что мужчина он был, видимо, не ахти какой. Ему пришло в голову, что он по-настоящему этого так и не узнал, и теперь ему стало просто интересно.

Но у него еще оставалась капля мужской гордости, которую ему подарила Рив Макклейн; и он понимал, что убивать себя в ванной нелепо.

А что ему оставалось? Существовал ли другой выход?

Был такой выход, и когда он до него додумался, ему сразу показалось, что это кощунство. Но это был выход.

Он мерил шагами комнату от кровати до кровати. Вышагивая, он репетировал речь. Слова выговаривались хорошо, когда он глубоко дышал между предложениями и не спешил. Особенно

удачно слова получались в интервалах между приступами страха. Очередная волна была особенно сильной — его чуть не вырвало. Сейчас наступит короткая передышка. Он ждал ее и, когда она пришла, бросился к телефону и позвонил в Бруклин.

На стоянке мотеля в автобус загружался школьный оркестр. Ему пришлось пройти сквозь толпу детей, чтобы выйти к своему микроавтобусу.

Толстый круглощекий мальчишка, перепоясанный потертым кожаным ремнем офицерского образца, принял грозный вид, выпятил грудь и раздул бицепсы за спиной Долархайда. Две стоящие рядом девочки прыснули. Когда Долархайд проходил под окном автобуса, оттуда издевательски крякнул геликон, и он не услышал, как смеялись за его спиной.

Через двадцать минут он остановил машину на дороге в трехстах метрах от бабушкиного дома.

Он вытер лицо носовым платком, сделал три или четыре глубоких вдоха. В левой руке он сжимал ключ от входной двери, правой вцепился в руль.

Он как-то по-особенному взвизгнул через нос. Потом еще раз, громче. Громче, еще громче. Вперед!

Щебенка застучала по днищу машины, когда он вдавил педаль газа, в ветровом стекле запрыгал, увеличиваясь, дом. Во дворе микроавтобус резко занесло, и он остановился. Выскочив из кабины, Долархайд рванулся к двери.

Внутри, не глядя по сторонам, он с грохотом скатился по лестнице в подвал и стал лихорадочно возиться с замком на сундуке, подбирая к нему ключи.

Наконец он понял, что нужный ключ лежит наверху. Он не дал себе времени на размышления. Бегом поднимаясь по лестнице, он тонко гудел через нос, настолько сильно, чтобы заглушить мысли и голоса.

Вот и бюро. Роясь в выдвижном ящике в поисках ключа, он старался не смотреть на Дракона, висящего над кроватью.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

Где же ключ, где же ключ?

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ОСТАНОВИСЬ. Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ЕЩЕ ТАКОГО МЕРЗКОГО ГРЯЗНУЛЮ, КАК ТЫ. ОСТАНОВИСЬ.

Руки Долархайда, шарящие в ящике, застыли.

— ПОСМОТРИ… ПОСМОТРИ НА МЕНЯ.

Стараясь не поворачиваться к стене, он вцепился в край бюро. Но голова поворачивалась сама

собой, помимо его воли, он до боли скосил глаза в другую сторону.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

— Ничего.

Зазвонил телефон. Он снял трубку, встав спиной к картине.

— Привет, Долархайд. Как ты себя чувствуешь? — услышал он голос Рив.

Он откашлялся и еле слышно прошептал:

— Нормально.

— Я тут тебе уже звонила. Ваши мне сказали, что ты заболел. Слушай, судя по голосу, ты совсем расклеился.

— Поговори со мной.

— Ну конечно. А зачем же я звоню? Что стряслось?

— Грипп, — буркнул Долархайд.

— Собираешься к врачу?.. Алло! Я спросила, к врачу собираешься?

— Говори громче.

Он закончил рыться в первом ящике и выдвинул соседний.

— Что, плохо слышно? Если ты болен, не стоит лежать там одному.

— СКАЖИ ЕЙ, ЧТОБЫ ПРИШЛА ВЕЧЕРОМ ПРОВЕДАТЬ ТЕБЯ.

Долархайд едва успел прикрыть трубку ладонью.

— О господи, что это было? У тебя там кто-то есть?

— Приемник, не на ту кнопку нажал.

— Послушай, может, к тебе кого-нибудь прислать? Тебе совсем плохо, судя по голосу. А вообще, я сама приеду. Я попрошу Маршу отвезти меня в обеденный перерыв.

— Нет! — Ключ лежал под свернутым ремнем. Теперь он был у него в руках. Долархайд попятился в коридор, держа телефон в руках. — Я хорошо себя чувствую. Скоро увидимся.

Его чуть было не подвели звуки «с».

Он сбежал по лестнице вниз. Телефонная вилка выскочила из розетки, и аппарат покатился по ступеням.

Вдогонку он услышал дикий, яростный рев:

— ПОДОЙДИ СЮДА, МАНДУХ!

Вниз, в подвал. В сундуке сбоку от ящика с динамитом лежал металлический чемоданчик с наличными, кредитными карточками и водительскими правами, выписанными на разные имена. Там также лежали пистолет, нож и дубинка.

Он схватил чемоданчик и побежал по лестнице

вверх, быстро пробежал мимо лестницы, ведущей на второй этаж, готовый драться, если появится Дракон. Он вскочил в кабину и резко взял с места, отчего микроавтобус завилял задними колесами по дороге, разбрасывая гравий.

Выехав на шоссе, он снизил скорость и остановился на обочине. Его вырвало. Наружу вышла желчь, смешанная со страхом.

Он вел машину, не превышая скорости, не забывая включать указатели поворотов заранее. Он очень аккуратно ехал в аэропорт.

39

Долархайд расплатился с таксистом перед жилым домом на Истерн-Паркуэй, в двух кварталах от Бруклинского музея. Остаток пути он прошел пешком. Его обгоняли люди в спортивной одежде, бегущие трусцой в сторону находящегося неподалеку парка.

Долархайд стоял на тротуаре между проносящимися машинами рядом со станцией метро «Ай-Ар-Ти», перед ним открывался прекрасный вид на здание Бруклинского музея, построенное в стиле классицизма. Долархайд видел его впервые в жизни, хотя заранее прочитал о нем в путеводителе. Книгу он заказал, когда увидел в журнале мелко напечатанные слова «Бруклинский музей» под фотографией «Большого красного дракона и жены, облеченной в солнце».

Над входом были вырезаны в камне имена великих мыслителей — от Конфуция до Демосфена. Здание впечатляло, сзади его окружал ботанический сад. Подходящее место для Дракона, решил Долархайд.

Под тротуаром прогрохотала подземка, задро-

жавший асфальт вызвал неприятную вибрацию ступней. Из-под решетки пахнуло затхлым воздухом, который смешался с запахом краски, изменившей цвет его усов.

До закрытия музея оставался только час. Долархайд пересек улицу и зашел в просторный вестибюль. Гардеробщица приняла у него чемоданчик.

— А завтра гардероб работает? — спросил он.

— Музей завтра закрыт.

Гардеробщица, худая женщина в голубом платье, отвернула от него свое морщинистое лицо.

— Посетители, которые придут завтра, смогут воспользоваться услугами гардероба?

— Нет, музей закрыт, значит, и гардероб закрыт.

— Спасибо.

— Не за что.

На первом этаже Долархайд побродил среди огромных стеклянных витрин в залах Океании и Американского континента, посматривая на образцы гончарного ремесла из Анд, доисторические каменные орудия, памятники материальной культуры и красочные маски индейцев северо-западного побережья.

Теперь до закрытия музея оставалось уже сорок

минут. Больше времени на изучение первого этажа не оставалось. Он уже знал, где находятся выходы и лифты для посетителей.

Долархайд поднялся на лифте на пятый этаж. Он чувствовал, что Дракон уже где-то поблизости, но не тревожился — вряд ли тот поджидал его за углом.

В залах Дракона не было; картину убрали в запасник после возвращения экспозиции из лондонской галереи Тейт. Долархайд узнал по телефону, что «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце» выставляется редко. Картина была написана почти двести лет назад, к тому же акварельные краски на свету выцветают.

Долархайд остановился перед полотном Альберта Биерстэда «Буря в Скалистых горах — вершина Розали, 1866 г.». Отсюда были видны закрытые двери отдела изучения живописи и хранения картин. Тут находился Дракон. Не копия, не фотография, а сам Дракон. Вот куда он придет завтра, в назначенное ему время.

Он не спеша обошел по периметру пятый этаж, миновал галерею портретов, не обращая внимания на картины. Его интересовали двери. Он установил, где находятся пожарные выходы и главные лестницы, не забыв о лифтах для посе-

тителей.

Смотрителями работали вежливые мужчины среднего возраста, обутые в ботинки на толстой подошве, привыкшие — это было заметно — подолгу стоять на ногах. Ни у одного из них не было оружия. Хотя охранник в вестибюле был вооружен пистолетом — видимо, полицейский, приходивший сюда подрабатывать в свободное от службы время.

По громкоговорителю объявили о закрытии музея.

Долархайд стоял на тротуаре под аллегорической фигурой, символизирующей графство Бруклин,[24] и наблюдал, как посетители выходили из музея навстречу ласковому летнему вечеру.

Поблизости топтались любители бега трусцой, ожидая, пока поток людей, направляющихся в метро, освободит им тротуар.

Несколько минут Долархайд провел в ботаническом саду. Затем он сел в такси и назвал адрес магазина, который выбрал, листая телефонный справочник.

---

[24] Примечания: 24

Графство Бруклин является административной частью города Нью-Йорка.

40

В девять вечера в понедельник Грэм поставил портфель на пол у дверей чикагской служебной квартиры и полез в карман за ключами.

Он провел целый день в Детройте в больнице, где миссис Джейкоби до переезда семьи в Бирмингем выполняла бесплатную работу.

Он опрашивал медперсонал и листал личные дела в отделе кадров. Он искал человека, систематически меняющего место жительства, который бы работал в разное время в Детройте и Атланте или в Бирмингеме и Атланте; который бы имел доступ к фургону или микроавтобусу и инвалидным креслам, который бы мог знать или видеть миссис Джейкоби и миссис Лидс до того, как проник в их дома.

Крофорд считал, что поездка в Детройт окажется пустой тратой времени, но согласился, надеясь, что это пойдет Грэму на пользу. Крофорд был прав. Он слишком часто оказывался прав, черт бы его побрал.

Грэм услышал, что за дверью звонит телефон. Ключи застряли в подкладке кармана. Когда он

с силой рванул их, за ними потянулась длинная нитка. Из порвавшегося кармана посыпалась внутрь штанины и покатилась по полу мелочь.

— А, черт!

Он успел пересечь половину комнаты, когда телефон умолк. Может быть, звонила Молли.

Он набрал ее номер в Орегоне.

К телефону подошел дедушка Вилли. В Орегоне было время ужина, и он говорил с полным ртом.

— Попросите Молли позвонить мне после ужина, — сказал Грэм.

Он был в душе, вымывая из глаз шампунь, когда опять зазвонил телефон. Он сполоснул голову, прошел к телефону, капая на пол водой, и схватил трубку.

— Здравствуйте, мои любимые губки.

— Привет, Грэм, да вы, оказывается, ловелас. Это Меткаф из Бирмингема.

— Извините, Байрон.

— У меня новости хорошие и плохие. Вы были правы насчет Найлза Джейкоби. Он действительно взял вещи в доме. Он их уже сплавил, но я накрыл его с гашишем, который он держал у себя в комнате. Отпираться он не стал. Это плохая новость: вы ведь надеялись, что вещи взял Зубастик, чтобы потом сплавить. А хорошая новость

заключается в том, что нашлась пленка. У меня ее пока нет. Найлз говорит, что засунул бобины под сиденье в машине. Они вам еще нужны или нет?

— Конечно, конечно нужны!

— Машиной пользуется его сердечный друг Рэнди. Мы его еще не нашли, но скоро найдем. Если хотите, я пришлю бобины в Чикаго с первым же самолетом, а время уточню по телефону.

— Очень хорошо, Байрон, так и сделаем. Спасибо.

— Ничего, не стоит.

Молли позвонила, когда он уже засыпал. Они заверили друг друга, что у них все нормально, и замолчали, не зная, что еще сказать.

— Вилли тут отдыхает очень хорошо, — сказала Молли и позволила тому пожелать Грэму спокойной ночи.

Но Вилли рвался к телефону, чтобы сообщить Грэму потрясающую новость — дедушка купил ему настоящего пони!

А Молли ничего ему об этом не сказала.

41

По вторникам Бруклинский музей закрыт для обычных посетителей, но туда пускают студентов художественных колледжей и исследователей.

Бруклинский музей — просто рай для научных работников. Сотрудники музея прекрасные специалисты, они любезны и всегда готовы прийти на помощь; они часто разрешают исследователям, предварительно договорившись, приходить по вторникам, чтобы те могли поработать с экспонатами, хранящимися в запасниках музея.

Фрэнсис Долархайд вышел из метро где-то в начале третьего, сжимая под мышкой свои научные материалы: общую тетрадь, каталог галереи Тейт и биографию Уильяма Блейка.

Под рубашкой у него находились плоский револьвер тридцать восьмого калибра, кожаная дубинка и филейный нож, острый как бритва. Оружие он прикрепил к животу с помощью эластичного бинта так, чтобы сверху свободно застегивался спортивный пиджак. В кармане пиджака в запечатанном полиэтиленовом пакете лежала тряпка, пропитанная хлороформом.

В руке он нес новый гитарный футляр. Посередине Истерн-Паркуэй, неподалеку от выхода из метро, стояли три телефонных автомата. На одном была с мясом вырвана трубка. Из остальных двух работал только один.

Долархайд стал вкладывать в автомат одну за другой двадцатипятицентовые монеты и вскоре услышал голос Рив:

— Алло.

На другом конце провода слышались звуки фотолаборатории, заглушая ее голос.

— Алло, Рив, — сказал он.

— Привет, Долархайд. Как ты себя чувствуешь?

Шум от транспорта, проезжающего по обе стороны от Долархайда, мешал ему слышать Рив.

— Прекрасно.

— Ты что, из автомата звонишь? Я думала, ты дома лежишь.

— Я хочу сегодня поговорить с тобой.

— Хорошо, позвони мне вечером, ладно?

— Я должен… увидеть тебя.

— Я тоже хочу увидеться, но сегодня я не могу. Работы много. Ты мне позвонишь?

— Ладно, если ничего…

— Что-что?

— Я позвоню.

— Я очень хочу, чтобы ты скорей приехал.

— Хорошо. До свидания… Рив.

Прекрасно. Страх тонкой струйкой стекал у него от груди к животу. Переборов его, он перешел через дорогу.

По вторникам попасть в Бруклинский музей можно только через узкую дверь в самом конце правого крыла здания. Долархайд зашел в нее вслед за четырьмя студентами-художниками. Студенты свалили свои рюкзаки и сумки и, вытащив пропуска в музей, предъявили их вахтеру, сидящему за столом у входа.

Вахтер встал и подошел к Долархайду:

— Вы что, договаривались о встрече?

Долархайд кивнул.

— В отдел живописи, к мисс Харпер.

— Распишитесь в журнале, пожалуйста.

Вахтер подал ему ручку, но Долархайд держал наготове свою. Он расписался: «Пол Крейн».

Вахтер позвонил по служебному телефону наверх. Долархайд повернулся к нему спиной и, пока тот проверял, действительно ли его ждут, стал рассматривать висевшую над входом картину Роберта Блума «Праздник сбора винограда». Боковым зрением он видел, что здесь находится еще и охранник — тот самый, при пистолете.

— В конце вестибюля у киоска, рядом с главным лифтом, стоит банкетка, — сказал вахтер. — Садитесь там и ждите. Мисс Харпер к вам спустится.

Он подал Долархайду бело-розовый пластиковый нагрудный пропуск.

— Я положу тут гитару?

— Кладите, я присмотрю.

Когда свет был притушен, музей выглядел по-другому. Между огромными стеклянными витринами царил полумрак.

Долархайд просидел на банкетке минуты три, когда из лифта вышла мисс Харпер.

— Мистер Крейн? Меня зовут Пола Харпер.

Она была моложе, чем он думал, договариваясь с ней о встрече по телефону из Сент-Луиса; это была рассудительная на вид женщина со строгой, но миловидной внешностью. Юбка и блузка сидели на ней, как форменная одежда.

— Вы ведь звонили по поводу акварели Блейка? — спросила она. — Сейчас мы поднимемся, и я вам ее покажу. Поедем на служебном лифте. Вон туда, пожалуйста.

Она провела его мимо темной витрины музейного киоска, потом они прошли через маленький зал, увешанный орудиями древнего человека. Он быстро оглядывался, запоминая дорогу. Из зала

«Две Америки» начинался коридор, ведущий к небольшому лифту.

В кабине мисс Харпер нажала кнопку пятого этажа. Она стояла, обхватив себя руками. Ее ясные голубые глаза остановились на пластиковой карточке на его груди.

— Вам дали пропуск на шестой этаж, — заметила она. — Впрочем, это не важно — у нас на этаже сегодня все равно из охраны никого нет. Вы над чем работаете?

До сих пор Долархайд отделывался от нее улыбками и неопределенными кивками.

— Пишу статью о Баттсе, — ответил он.

— Об Уильяме Баттсе?

Долархайд кивнул.

— Я о нем практически ничего не знаю. Упоминание о Баттсе как покровителе Блейка мы часто находим в сносках. Что, интересная личность?

— Я только начал. Мне придется съездить в Англию.

— Кажется, в Национальной галерее висят две акварели, заказанные Баттсом. Вы их уже посмотрели?

— Пока нет.

— Ну что же, пишите, не затягивайте.

Долархайд кивнул, как бы обещая не затяги-

вать. Лифт остановился.

Пятый этаж. Тело его слегка дрожало, но руки и ноги были в порядке. Вот сейчас все решится. Если план не удастся, то живым его им не взять.

Она провела его по галерее американского портрета. В первый раз он шел другой дорогой. Он знал, где он находится. Все было нормально.

Однако в галерее его ожидал сюрприз, и когда он его увидел, то встал как вкопанный.

Пола Харпер почувствовала, что он остановился, и обернулась. Он стоял как завороженный перед нишей в стене.

Она подошла ближе и увидела, что привлекло его внимание.

— Это портрет Вашингтона кисти Гильберта Стюарта, — сказала она.

Какого там Джорджа Вашингтона!

— Мы видим его изображение на долларовой купюре. Иногда его называют лэнсдауновским портретом, потому что этот портрет Стюарт написал для маркиза Лэнсдауна в знак признательности за поддержку американской революции… Что с вами, мистер Крейн?

Долархайд побледнел. То, что он видел сейчас, было страшнее, чем все портреты, виденные им прежде на долларах, вместе взятые. Заклю-

ченный в раму Джордж Вашингтон сверлил его глазами, спрятанными под нависшими веками, показывая плохо сработанные вставные челюсти. Господи, как он напоминал бабушку! Долархайд почувствовал себя нашкодившим ребенком, застигнутым на месте преступления с водяным пистолетом в руках.

— Мистер Крейн, что с вами?

«Немедленно отвечай, а то все полетит к черту! Не стой как истукан! „Ты потрясающий мужчина“. „МЕРЗКИЙ ГРЯЗНУЛЯ…“ Нет. Быстро скажи что-нибудь».

— Я принимаю кобальт, — проговорил Долархайд.

— Вам лучше присесть, отдохнуть пару минут.

От него действительно исходил слабый больничный запах.

— Нет. Пойдемте. Мне уже лучше.

«Нет, ты больше не сможешь угрожать мне, бабушка. Я тебя убил бы, к черту, если бы ты уже не сдохла! Сдохла… Бабушка уже сдохла. Уже сдохла, сдохла! Навсегда. „Господи, ты потрясающий мужчина!“»

Но Долархайд знал, что тот, другой, был еще жив.

Он следовал за мисс Харпер, продираясь сквозь

частокол своего страха.

Они прошли в отдел изучения живописи и хранения картин через двойные двери. Долархайд быстро огляделся. Внутри длинного, хорошо освещенного зала царило спокойствие. На многочисленных крутящихся стендах были укреплены закрытые картины. По одной стороне шли двери в небольшие кабинеты для сотрудников, отделенные от зала стеклянной перегородкой. Самая дальняя дверь была приоткрыта, и он услышал стук пишущей машинки.

Кроме Полы Харпер, никого в зале он не видел. Она подвела его к высокому рабочему столу и принесла стул.

— Посидите, пожалуйста. Сейчас я принесу картину.

Она исчезла между стеллажами.

Долархайд расстегнул пуговицу на животе.

Показалась мисс Харпер. Она несла плоский черный футляр размером не больше портфеля. Внутри была картина. Он никогда не думал, что она такая маленькая. В каталоге он прочитал, что ее размеры составляют 42,8 на 33,8 см, но особого внимания на это не обратил. Он думал, что картина больше. Но она оказалась маленькой. Маленькая картина, хранящаяся здесь, в тихом

зале… Оказывается, всю свою силу Дракон получил от старого здания, окруженного садом.

Мисс Харпер что-то говорила:

— …приходилось держать ее в таком футляре, потому что она портится от света. Поэтому мы ее редко выставляем.

Девушка поставила футляр на стол и отстегнула защелку. У дверей раздался какой-то шум.

— Извините, я должна открыть дверь Хулио.

Она застегнула футляр и, взяв его с собой, подошла к стеклянным дверям. В коридоре рядом с тележкой стоял человек. Она придерживала двери, чтобы он мог вкатить тележку в зал.

— Как тут у вас, все нормально?

— Все нормально, Хулио.

Хулио вышел.

Мисс Харпер с футляром вернулась от двери.

— Извините, мистер Крейн. По вторникам Хулио сметает пыль и чистит потускневшие рамы. — Она открыла футляр и извлекла оттуда папку из белого картона. — Вы, конечно, понимаете, что дотрагиваться до нее нельзя. Я буду сама вам ее показывать — таково правило. Договорились?

Лишившись дара речи, Долархайд лишь кивнул.

Она открыла папку и убрала с поверхности картины пластиковый лист и мягкую прокладку.

Вот он. «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце» — разъяренный мужчина-дракон, обвив хвостом обессилевшую женщину, молящую о пощаде, вот-вот разорвет ее на части.

Картина действительно была небольшой, но очень экспрессивной. Лучшие репродукции не могли передать особенности и цветовые нюансы акварели.

Долархайд охватил всю картину взглядом, разом увидев все: и слова, начертанные рукой Блейка, и два коричневых пятна на правом поле бумаги. Сразу же захватив, картина его не отпускала. Оригинал был ярче, мощнее репродукции.

«Смотри на женщину, обвитую хвостом Дракона. Смотри».

Он увидел, что ее волосы были точно такого же цвета, что и у Рив. Он увидел, что от него до двери метров шесть. Он сдерживал рвущиеся наружу голоса.

«Надеюсь, я тебя не шокировала?» — спросила Рив Макклейн.

— Оказывается, в акварель он подмешивал мел, — продолжала Пола Харпер.

Она стояла, немного развернувшись к нему,

чтобы видеть, что он делает, но глаз с картины не сводила.

Долархайд сунул руку под рубашку. Где-то зазвонил телефон. Стук машинки прекратился. Из-за крайней двери высунулась женская голова.

— Пола, тебя. Мама звонит.

Мисс Харпер и головы не повернула, не спуская глаз ни с Долархайда, ни с картины.

— Передай, пожалуйста, — крикнула она, — что я перезвоню!

Женщина скрылась за дверью. Машинка тут же застучала опять.

Долархайд больше не мог сдерживаться. Ну, или сейчас, или никогда!

Но его опередил Дракон. «Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ЕЩЕ…»

— Что? — У мисс Харпер от удивления глаза полезли на лоб.

— …такой огромной крысы! — подхватил Долархайд, показывая на что-то за ее спиной. — Вон, вон, по стеллажу лезет!

Мисс Харпер обернулась:

— Где?

Из-под рубашки вынырнула дубинка. Легким взмахом кисти он стукнул ее по затылку. Она обмякла, одновременно Долархайд схватил в кулак

ее блузку и шмякнул тряпку с хлороформом ей на лицо. Она что-то пискнула, не очень громко, и начала падать.

Он осторожно опустил ее на пол между столом и стеллажами с картинами, стащил папку с акварелью на пол и присел рядом на корточки. Шуршание, хриплое дыхание и телефонный звонок.

Из-за дальней двери опять показалась женщина.

— Пола! — Она огляделась. — Это опять мама, — крикнула она, — ей срочно нужно с тобой поговорить!

Она стала обходить стол.

— Я останусь с посетителем, если ты…

Тут она их увидела. Пола лежала на полу со сбившимися на лицо волосами. Над ней с пистолетом в руке сидел на корточках Долархайд, заталкивая последний кусок акварели в рот. Он неторопливо встал и рванулся к ней.

Она вбежала в комнату, захлопнула за собой хлипкую дверь и, пытаясь схватить трубку телефона, сшибла аппарат на пол. Падая на колени, она рванулась к нему, набрала номер, но там, куда она звонила, было занято. Сзади разлетелась дверь. Удар по затылку — и светящийся диск

аппарата раскололся у нее в глазах на мелкие цветные кусочки, вырвавшаяся из рук трубка со стуком покатилась по полу.

Влетев в служебный лифт, Долархайд наблюдал, как загорающиеся лампочки отсчитывают путь вниз. Он держал пистолет в руке, у живота, прикрыв книгами.

Первый этаж.

Вперед, в пустынные галереи. Он шел так быстро, что из-под его кроссовок раздавался свист. Он свернул по ошибке не туда, и по бокам замелькали индейские маски из китовой кожи. Он побежал и вдруг оказался в окружении высоких тотемных столбов племени хайда. Долархайд сообразил, что заблудился, подбежал к витрине с тотемами, посмотрел налево, увидел каменные топоры и копья и понял, где находится.

Он осторожно выглянул в коридор.

Вахтер торчал у доски объявлений, метрах в десяти от двери.

Вооруженный охранник стоял ближе к выходу. У него заскрипела кобура, когда он нагнулся, чтобы стереть пятнышко с носка ботинка.

Если они нападут, то первую пулю — охраннику. Долархайд засунул пистолет за ремень, застегнул пуговицу пиджака и зашагал по на-

правлению к выходу, отстегивая пропуск.

Вахтер повернулся, услышав шаги.

— Спасибо, — сказал Долархайд.

Он протянул пропуск, держа его за края, и положил на стол.

Служитель кивнул.

— Бросьте его, пожалуйста, в щель, вон там.

Зазвонил телефон на столе.

Поднять пропуск, лежащий на стеклянной поверхности, за края было очень трудно.

Снова зазвонил телефон. Быстрее!

Наконец пропуск оказался у него в руке, и он бросил его в щель ящика. Он поднял гитарный футляр из кучи сумок и рюкзаков.

Охранник уже подходил к телефону.

Выходя из дверей и быстро направляясь к ботаническому саду, он был готов в любую секунду открыть огонь, услышав погоню.

Зайдя в сад, Долархайд повернул налево и нырнул в проход между сарайчиком и живой изгородью. Он распахнул футляр и вывалил на траву его содержимое: теннисную ракетку, мячик, полотенце, сложенную продуктовую сумку и большой пучок сельдерея.

Полетели пуговицы, когда он одним рывком сорвал с себя пиджак и рубашку и выскочил из

брюк. Под костюмом на нем были майка с гербом Бруклинского колледжа и тренировочные брюки. Он сунул книги и одежду в сумку, на них положил оружие, прикрыв сверху сельдереем. Обтер ручку и застежки гитарного футляра и засунул его под колючие ветки кустарника.

Быстро пройдя через сад в сторону Парк-авеню с висящим на шее полотенцем, он вышел на Эмпайр-бульвар. Впереди бежали любители бега трусцой. Он пристроился за ними, видя, как мимо, включив сирену, проехали первые патрульные машины. Бегуны не обращали на них внимания. Долархайд тоже.

Он то бежал, то переходил на шаг. В одной руке у него была сумка, в другой ракетка, которой он подбрасывал теннисный мячик, — спортсмен-любитель, медленно расслабляющийся после изматывающей тренировки, заглянувший в овощную лавку по пути домой.

Он заставил себя замедлить шаг; на полный желудок бежать не стоило. Он сам волен решать, бежать ему или идти.

Теперь он волен решать все…

42

Крофорд сел в кресло во втором ряду ложи присяжных заседателей и принялся за земляные орешки, которые выуживал из пакета с изображением индейца. Грэм тем временем задвигал шторы на окнах.

— Как я понимаю, портреты жертв будут готовы сегодня после обеда, — произнес Крофорд. — Ты обещал сделать ко вторнику. Сегодня вторник.

Грэм вскрыл бандероль, полученную от Байрона Меткафа по экспресс-почте, и вытряхнул на стол содержимое — две запыленные бобины с пленкой любительского формата, по отдельности упакованные в полиэтиленовые пакеты, в каких носят на работу бутерброды.

— Меткаф будет требовать возбуждения уголовного дела против Найлза Джейкоби?

— За кражу не будет — тот, видимо, так и так все унаследует, он и брат Джейкоби, — ответил Грэм. — А за хранение гашиша — не знаю. Окружной прокурор в Бирмингеме этого так не оставит.

— Отлично, — сказал Крофорд.

С потолка спустился, разворачиваясь, экран. Он располагался напротив ложи для присяжных так, чтобы они могли смотреть принятые судом в качестве улик киноматериалы.

Грэм установил бобину на кинопроектор.

— По поводу проверки газетных киосков, где Зубастик мог оперативно достать «Тэтлер». Я получил доклады из Цинциннати, Детройта, только из Чикаго прислали целую пачку, — сказал Крофорд. — Так, чудаки всякие, надо проводить проверку.

Грэм включил проектор. Это был фильм о рыбной ловле. Дети Джейкоби сидели на корточках на берегу пруда с самодельными удилищами из рогоза.

Грэм старался не думать о том, что сейчас они лежат в земле в маленьких гробах. Он старался думать о том, что они просто удят рыбу.

У девочки клюнуло. Поплавок дернулся и исчез под водой.

Крофорд зашуршал пакетом с земляными орехами.

— А в Индианаполисе с проверкой все резину тянут — и по заправкам, и по киоскерам, — пожаловался он.

— Ты хочешь смотреть фильм или нет? — хо-

лодно спросил Грэм.

Крофорд хранил молчание две минуты, в течение которых шел фильм.

— Потрясающе, девочка поймала плотвичку, — проговорил он. — Итак, портрет.

— Джек, ты был в Бирмингеме сразу же после того, как это произошло. А я — месяц спустя. Ты видел дом, когда он еще был их домом, а я — нет. Когда я там был, в нем уже закончили ремонт. Так дай мне, черт тебя побери, посмотреть на этих людей, а потом я закончу портрет, хорошо?

Грэм запустил второй фильм.

На экране в зале суда появилась семья, празднующая день рождения. Все сидели вокруг круглого стола и пели.

Грэм прочитал по губам поющих: «С днем рожденья тебя-я-я, с днем рожденья тебя-я-я».

Одиннадцатилетний Дональд Джейкоби сидит как раз перед объективом во главе стола, прямо перед ним — именинный торт. В стеклах его очков отражается пламя свечей.

Сидящие через угол стола брат и сестра смотрят, как он задувает свечки.

Грэм заерзал и сел поудобнее на стуле. Миссис Джейкоби привстает над столом и, схватив забравшегося на стол кота, сбрасывает его на пол.

Вот миссис Джейкоби вручает сыну большой конверт. За конвертом тянется длинная лента. Дональд вскрывает конверт и вытаскивает большую поздравительную открытку. Затем он оборачивается к камере и поворачивает открытку к объективу. На обороте написано: «С днем рождения! Следуй за лентой».

Изображение прыгает, когда камеру несут вслед за семьей, потянувшейся на кухню. Вот дверь, закрытая на крючок. Вот семья спускается по лестнице вниз, первым, следуя за лежащей на ступеньках лентой, идет Дональд, за ним остальные. Конец ленты привязан к рулю новенького десятискоростного велосипеда.

«Почему велосипед не могли подарить на улице?» — подумал Грэм.

Затем кадр запрыгал, началась новая сцена, и Грэм получил ответ на свой вопрос. На улице только что прошел ливень. Во дворе стоят большие лужи. Дом выглядит по-иному. Джиэн, торговец недвижимостью, готовя его к продаже после убийства семьи, выкрасил стены в другой цвет. Открывается дверь из подвала на улицу, и выходит глава семьи с велосипедом в руках. В фильме он появляется впервые. Легкий ветерок сбивает волосы, зачесанные на залысину. Он

торжественно опускает велосипед на землю.

Фильм заканчивается тем, что Дональд садится на велосипед и осторожно трогается с места.

— Да, печально, — проговорил Крофорд, — но ничего нового здесь нет.

Грэм снова запустил фильм о дне рождения.

Крофорд недовольно покачал головой и, вытащив из портфеля какие-то бумаги, углубился в чтение, подсвечивая себе ручкой-фонариком.

На экране Джейкоби выносит из подвала велосипед. Дверь за ним закрывается. На ней болтается висячий замок. Тут Грэм остановил кинопроектор.

— Вот. Вот зачем ему были нужны клещи с длинными ручками, Джек, — перекусить дужку замка и зайти через подвал. Почему же он пошел другим путем?

Крофорд выключил фонарик и взглянул поверх очков на экран.

— Извини, я прослушал.

— Я знаю, что у него с собой были клещи: он ими отрезал ветку, которая мешала ему наблюдать за домом из леса. Почему он ими не воспользовался и не вошел через подвал?

— Он не мог.

С еле заметной плотоядной усмешкой Крофорд

ждал. Ему нравилось щелкать по носу любителей предположений.

— А разве он пытался? Разве оставил на дужке следы? Я ведь так и не увидел эту дверь. К тому времени, как я там оказался, Джиэн поставил стальную, на засовах.

С торжеством охотника Крофорд сказал:

— Ты предполагаешь, что Джиэн ее ставил. Так вот, Джиэн ее не ставил. На день убийства стальная дверь уже стояла. Должно быть, ее установил сам Джейкоби — он же из Детройта, там любят засовы.

— Когда он ее поставил?

— Я не знаю. Очевидно, после дня рождения — когда это было? Посмотри в заключении медэкспертизы, если у тебя есть копия.

— День рождения у него был четырнадцатого апреля, в понедельник, — медленно произнес Грэм. Он сидел, подперев подбородок рукой, и не отрываясь смотрел на экран. — Я должен узнать, когда Джейкоби менял дверь.

Крофорд нахмурился, но потом понял, куда клонит Грэм.

— Значит, по-твоему, когда Зубастик присматривался к дому Джейкоби, там стояла еще старая дверь с висячим замком, — сказал он.

— Он ведь принес клещи, правильно? Что нужно, чтобы проникнуть куда-нибудь с помощью клещей? — спросил Грэм. — Нужно перекусить дужку замка, решетку или цепь. У Джейкоби не было ни решеток, ни цепей на воротах, верно?

— Верно, не было.

— Значит, он пошел туда, думая, что там будет висячий замок. Нести длинные клещи тяжело и неудобно. Было еще светло, а оттуда, где он оставил машину, до дома топать прилично. Он не мог исключить, что если что-нибудь пойдет не так, как он планировал, то придется рвать когти. Он бы не потащил туда клещи, если бы не был уверен, что они пригодятся. Нет, он знал, что там будет висячий замок.

— По-твоему, он присматривался к дому до того, как Джейкоби сменил дверь. Затем он приходит, чтобы их убить, ждет в лесу…

— Со стороны леса эту часть дома не видно.

Крофорд кивнул.

— Он ждет в лесу. Они ложатся спать, он подходит к дому с клещами и обнаруживает новую дверь на засовах.

— Итак, он видит, что дверь новая. Он-то все досконально продумал, и вот нате вам, — сказал Грэм, взмахнув рукой. — Такой облом — он в отча-

янии, он сходит с ума, что не может проникнуть внутрь. И недолго думая лезет через стеклянную дверь со стороны веранды. Буквально вламывается. Джейкоби просыпается, получает пулю на лестнице. Не похоже это на Дракона. Он так грубо не работает. Он осторожен — никогда не оставляет следов. Смотри, как аккуратно он работал с замками у Лидсов.

— Ладно, хорошо, — заключил Крофорд. — Если мы узнаем, когда Джейкоби поменял дверь, то сможем получить временной отрезок между днем, когда Дракон приходил на разведку, и днем убийства. Во всяком случае, минимальный отрезок. Его можно будет сравнить с данными из Бирмингемского бюро регистрации приезжих; туристы, участники конференций — все останавливаются в гостиницах. Можно еще раз проверить агентства по прокату машин, теперь уже на предмет фургонов и микроавтобусов. Я переговорю с Бирмингемом.

Судя по всему, слово Крофорда имело определенную силу; ровно через сорок минут сотрудник ФБР в Бирмингеме, таща за собой Джиэна по стройплощадке, кричал что-то работавшему на стропилах плотнику. Информацию, полученную от плотника, тут же передали по радиосвязи в

Чикаго.

— Последняя неделя апреля, — сообщил Крофорд, положив телефонную трубку, — вот когда новую дверь поставили. Господи, за два месяца до убийства! Как можно приехать на разведку аж за два месяца?

— Не знаю, но попомни мои слова: он видел миссис Джейкоби или всю семью до того, как пришел на разведку. Если он не знал их еще по Детройту, то положил глаз на миссис Джейкоби где-то между десятым апреля, когда они приехали в Бирмингем, и концом апреля, когда поменяли дверь. Где-то в этом интервале он приезжал в Бирмингем. Наши там сейчас проводят проверку?

— И наши, и полиция, — ответил Крофорд. — Ты лучше вот что мне скажи. Откуда он, по-твоему, знал, что подвал соединяется с домом внутренней дверью? В южных штатах так строить не принято.

— Ясное дело, он видел дом изнутри.

— У твоего приятеля Меткафа есть банковские отчеты по счетам Джейкоби?

— Должны быть, конечно.

— Надо посмотреть, какие работы в доме они оплачивали с десятого апреля до конца месяца. Я знаю, что проверяли вызовы, сделанные

Джейкоби в течение нескольких недель, предшествующих убийству, но, видимо, мы взяли тогда слишком короткий отрезок. С Лидсами то же самое.

— Мы все время исходили из того, что он побывал внутри дома Лидсов, — заметил Грэм. — С улицы он не мог видеть, что со двора на кухню ведет стеклянная дверь. Там сзади есть обрешетка. Но он принес стеклорез. А они в течение трех последних месяцев жизни на дом вообще никого не вызывали.

— Если он ходит на разведку задолго до совершения преступления, значит, мы действительно проверяли слишком короткие интервалы времени. Теперь будем умнее. Хотя в случае с Лидсами, когда он снимал показания счетчика за их домом за два дня до убийства, он мог заглянуть внутрь, улучив момент, когда открыли заднюю дверь.

— Нет, не выстраиваются двери в одну линию. Ты фильм помнишь? Вот, смотри.

Грэм стал вставлять пленку с фильмом Лидсов.

Собака Лидсов, подняв уши, побежала к кухонной двери. В дом вошли Вэлери Лидс и дети с продуктами из магазина. Через кухонную дверь была видна только решетка над крыльцом.

— Ладно, значит, ты хочешь, чтобы Байрон

Меткаф занялся банковскими счетами за апрель? Вызов на дом сантехников, электриков, покупки у коммивояжеров. Нет, лучше я сам этим займусь, а ты давай заканчивай портрет. Как позвонить Меткафу?

Грэм был полностью погружен в наблюдение за жизнью Лидсов. Рассеянно он дал Крофорду все три номера Байрона Меткафа.

Пока Крофорд звонил по телефону, стоящему в зале суда, он посмотрел фильмы еще по разу.

Сначала фильм Лидсов.

Вот собака Лидсов. Она бегала без ошейника. В округе держали десятки собак, но Дракон точно знал, какая именно принадлежала Лидсам.

Вот Вэлери Лидс. Когда она появлялась на экране, Грэм испытывал почти физическую боль. За ее спиной виднелась беззащитная стеклянная дверь. Казалось, что ее дети играли прямо в зале суда. В отличие от семьи Джейкоби к Лидсам Грэм испытывал какую-то щемящую привязанность. Он смотрел их фильм, и ему было мучительно стыдно. Его мучило, что Джейкоби оставались для него силуэтами, нарисованными мелом на испачканном кровью полу.

Вот за праздничным столом сидят их дети. Пламя свечей мерцает на их лицах.

На мгновение Грэм увидел каплю воска, застывшую на ночном столике у кровати Джейкоби, брызги крови за углом спальни Лидсов. Что-то…

Крофорд возвращался.

— Меткаф говорил, чтобы я тебя спросил о…

— Подожди, не мешай!

Крофорд не обиделся. Остановившись, он замер, его маленькие глаза сузились и загорелись.

Фильм продолжался, на лице Грэма плясали свет и тени.

Вот кот семьи Джейкоби. Дракон знал, как выглядит их кот.

Вот внутренняя дверь в подвал.

Вот наружная дверь из подвала с висячим замком. Дракон принес с собой клещи.

Фильм кончился. Конец пленки пробежал перед объективом, захлопал на быстро вращающейся бобине.

В этих двух фильмах было все, что хотел знать Дракон.

Эти фильмы никогда не показывали ни в кинотеатрах, ни в клубах кинолюбителей, ни на фести…

Взгляд Грэма упал на стандартную зеленую коробку для кинопленки, в которой прислали фильм Лидсов. На этикетке он прочитал их фа-

милию, адрес и… штамп кинофабрики «Гейтуэй», Сент-Луис, Миссури, 63103.

На слове «Сент-Луис» в его сознании вспыхнула красная лампочка, загорающаяся всякий раз, когда он встречал уже виденный когда-то телефонный номер.

Итак, где он встречал Сент-Луис? В Сент-Луисе наряду с другими городами «Тэтлер» можно было купить уже в понедельник вечером, в тот же день, когда номер выходил из типографии, накануне похищения Лаундса.

— Боже, — прошептал Грэм. — Боже.

Он сжал ладонями голову, как будто стараясь удержать разлетающиеся мысли.

— Меткаф еще на проводе?

Крофорд быстро подал ему трубку.

— Байрон, это Грэм. Слушай, помнишь бобины с фильмами, которые ты прислал? Они были в коробках?.. Конечно, конечно, я знаю, что ты бы их прислал. Мне очень нужна твоя помощь. У тебя выписки о состоянии счетов Джейкоби под рукой? Прекрасно. Мне надо знать, где им проявляли пленку. Вероятно, магазин посылал пленку на какую-нибудь фабрику. Если он выписывал чеки в аптеках или фотомагазинах, мы сможем установить, куда те отправляли заказы. Это очень

срочно, Байрон. Я тебе потом все расскажу. ФБР в Бирмингеме сразу же начнет проверять магазины. Если что-нибудь найдешь, сразу же сообщи им, а потом сюда. Сделаешь? Прекрасно. Что? Нет, с красивыми губками не познакомлю.

Сотрудники в Бирмингеме уже проверили четыре фотомагазина, пока не нашли тот, что искали. Директор магазина сообщил, что всю пленку, поступающую от покупателей, они отправляют на проявление на одну фабрику.

Крофорд успел посмотреть фильм двенадцать раз, прежде чем позвонили из Бирмингема. Он сам подошел к телефону.

Приняв официальный вид, он протянул руку Грэму.

— «Гейтуэй», — сообщил он.

43

Крофорд болтал в руке пластиковый стаканчик, в котором растворялась таблетка «Алка-зельцер», когда услышал по бортовому громкоговорителю свое имя:

— Пассажир Крофорд.

Он помахал стюардессе со своего кресла, крайнего от прохода, и она подошла прямо к нему:

— Мистер Крофорд, пройдите, пожалуйста, к пилотам.

Он вернулся через четыре минуты и скользнул в кресло рядом с Грэмом.

— Зубастик побывал сегодня в Нью-Йорке.

От неожиданности Грэм заморгал и открыл рот.

— Да нет. Он нанес нескольким женщинам легкие телесные повреждения в Бруклинском музее и — ты только послушай! — съел картину.

— Съел?

— Съел, съел! Наши из Нью-Йоркского отдела по борьбе с кражами предметов искусства, узнав, что съели картину, быстро приехали в музей, нашли два не очень хороших отпечатка на пла-

стиковом пропуске, который выдают в музее, и быстро передали Прайсу. Как только Прайс построил узор на экране, он тут же понял, что уже его видел. Идентифицировать они не смогли, но он точно соответствует отпечатку большого пальца, оставленному на глазу сына Лидсов.

— Нью-Йорк, — проговорил Грэм.

— Ну и что, что Нью-Йорк. Это он сегодня в Нью-Йорке был. А работает на «Гейтуэе». Если это так, то сегодня на работу он не вышел. Нам же легче будет его найти.

— Какую картину он съел?

— Картину под названием «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце». Принадлежит, как они сообщили, кисти Уильяма Блейка.

— А что с женщинами?

— У него, что называется, легкая рука. Та, которая помоложе, сейчас в больнице на обследовании. Той, что постарше, наложили четыре шва. Легкое сотрясение мозга.

— Они запомнили его приметы?

— Запомнила та, что помоложе. Спокойный хрипловатый голос, темные усы и волосы, видимо парик. Вахтер дал те же приметы. Которая постарше, не увидела бы его, даже если бы он был в костюме Санта-Клауса.

— Но он никого не убил!

— Странно, что он оставил их в живых, — согласился Крофорд. — Если бы он их убил, то ему можно было бы уходить спокойно, не спеша, они не смогли бы дать его приметы. Наши звонили Блуму в больницу проконсультироваться. И знаешь, что он сказал? Что Дракон, видимо, хочет остановиться.

44

Долархайд услышал, как со стоном опустились закрылки, под черным крылом самолета медленно проплывали огни Сент-Луиса. Где-то под его ногами, преодолевая сопротивление свистящего воздуха, из корпуса со скрежетом вышли шасси и с тяжелым стуком встали на место. Он покачал головой из стороны в сторону, чтобы размять затекшую шею. Возвращение домой…

Смертельный риск, на который он пошел, оправдался: он возвращался с трофеем — свободой принимать решения. Оставить ли Рив в живых, теперь решал он. Теперь он мог с ней разговаривать, мог наслаждаться ее потрясающей, но совершенно не опасной подвижностью у себя в постели.

Он уже не будет испытывать ужас в собственном доме. Дракон теперь находится у него в желудке. Он неторопливо зайдет в дом, подойдет к висящей на стене копии Дракона и, если заблагорассудится, изорвет на кусочки.

Если он ощутит приступ нестерпимой любви к Рив, то сможет утолить это чувство, бросив в

пасть Дракону Шерманов, и вернуться к Рив со спокойной душой, не причиняя ей вреда.

Долархайд позвонил ей домой из аэропорта. Она еще не вернулась. Он позвонил на работу. Номер, который не отключали на ночь, был занят. Он представил себе Рив в наброшенном на плечи плаще, как она, постукивая палочкой, идет к автобусной остановке.

Вечером машины на дороге попадались редко, и он доехал меньше чем за пятнадцать минут.

На остановке ее не было. Он оставил машину на улице, находящейся сзади «Бэдер кемикл», недалеко от ближайшего к лаборатории входа. Долархайд только хотел сообщить ей, что он приехал, подождать, пока она закончит работу, и отвезти ее домой. Он гордился обретенной свободой. Он желал пользоваться ею.

Пока он будет ее ждать, можно пойти к себе в кабинет и доделать кое-какую работу.

В здании светилось лишь несколько одиноких окон.

Лаборатория, где работала Рив, была заперта. Ни одна из ламп — ни красная, ни зеленая — не горела. Они были отключены. Он нажал на звонок. Ответа не последовало.

Наверное, она оставила ему записку в его от-

деле.

Вдруг он услышал шаги в коридоре.

Мимо лабораторий, не поднимая головы, прошел Дэндридж, работающий на «Бэдере» управляющим. Он быстро шагал по коридору, неся под мышкой толстую стопку желтовато-коричневых личных дел.

Долархайд нахмурился. Выйдя на улицу и дождавшись, когда Дэндридж, направляющийся в главное здание, дойдет до середины автомобильной стоянки, Долархайд последовал за ним.

На стоянке было два фургона, на которых развозили заказы, и еще машин десять. Одна из них — «бьюик» — принадлежала Фиску, начальнику отдела кадров в «Гэйтуэе». Чего это, интересно, они тут собрались?

В ночную смену на «Гейтуэе» не работали, и почти все окна были темные. Войдя в здание, Долархайд направился по коридору к своему отделу. Дорогу ему освещали тусклые красные лампочки, висящие над аварийными выходами. За дверью с матовым стеклом, ведущей в отдел кадров, горел свет. Долархайд услышал голоса, и он узнал Дэндриджа и Фиска.

Послышались приближающиеся женские шаги. Из-за угла впереди по коридору вышла

секретарша Фиска. Поверх бигуди ее голова была замотана шарфом. Она спешила. У нее были полные руки больших тяжелых папок, которые она несла из бухгалтерии. В дверь кабинета Фиска она постучала носком туфли.

Дверь открыл не кто иной, как сам Уилл Грэм.

Стоящий в темном коридоре Долархайд окаменел. Его пистолет остался в машине.

Дверь закрылась.

Долархайд побежал по коридору, беззвучно отталкиваясь кроссовками от гладкого пола. Он прижался лицом к стеклу входной двери и оглядел автомобильную стоянку. Под фонарями происходило какое-то движение. Какой-то человек что-то делал рядом с одним из фургонов, развозящих заказы компании. У него горел фонарик. Он чем-то потряхивал. Он посыпал порошком наружные зеркала, чтобы снять отпечатки пальцев, догадался Долархайд.

За спиной Долархайда, где-то в коридоре, послышались шаги. Прочь от двери! Он нырнул за угол и побежал по лестнице, ведущей в полуподвал и котельную, окна из которой выходили на другую сторону здания.

Взобравшись на какой-то верстак, он смог дотянуться до подоконника. Окно открывалось

вровень с землей и было прикрыто кустарником. Он перевалился через оконный переплет и выполз из окна в кусты, готовый в любой момент бежать или отбиваться.

С этой стороны здания все тихо. Он встал, засунул руку в карман и неторопливо перешел дорогу. Затем побежал по неосвещенному тротуару, переходя на шаг, когда рядом проезжали машины. Так он, делая большой крюк, обошел здания «Гейтуэя» и «Бэдер кемикл».

Его микроавтобус стоял на том же месте у тротуара на дороге за зданием «Бэдера». Рядом с ним прятаться никто не мог. Ладно. Он рванул бегом через дорогу и, вскочив в кабину, схватил свой чемоданчик.

Пистолет был заряжен полной обоймой. Он дослал патрон в патронник и положил пистолет на панель между сиденьями, прикрыв майкой.

Он медленно тронулся с места, подгадывая, как бы попасть на зеленый сигнал светофора, медленно завернул за угол и влился в редкий поток машин.

Сейчас надо было думать, а думать сейчас было тяжело.

На него вышли из-за фильмов. Каким образом Грэм узнал про фильмы? Грэм знал, где он, но

не знал, кто он. Если бы знал, ему бы не нужны были личные дела. А зачем им понадобились бухгалтерские документы? Пропуски рабочих дней, вот зачем. Сравнивать даты отсутствия на работе с датами, когда Дракон наносил удары. Нет, за исключением Лаундса, все происходило по субботам. Еще будут смотреть, кто отсутствовал накануне тех суббот. Тут уж дудки — бухгалтерия не ведет учет рабочего времени управленческого аппарата.

Долархайд медленно проехал по бульвару Линдберга. Жестикулируя, он отметал взмахами правой руки возможные улики.

Они искали отпечатки пальцев. Он вроде ни за что не хватался, кроме пластикового пропуска в музее. Он очень спешил, пытаясь поднять его со стола, но, поднимая, кажется, держал за края.

Должно быть, у них есть его отпечаток. Зачем снимать отпечатки, если не с чем сравнивать?

Они искали отпечатки на фургонах. Проверяли ли они другие машины, смотреть было некогда.

Они проверяют фургоны и микроавтобусы. Видимо, догадались, как он вез кресло с Лаундсом. Или же его видели в Чикаго на микроавтобусе. В «Гейтуэе» было много таких машин — личные микроавтобусы сотрудников, фургоны для до-

ставки заказов.

Нет, видимо, Грэм точно знал, что у него фургон. Грэм знал, потому что он знал. Грэм знал. Грэм знал. Он не человек — чудовище.

У каждого сотрудника «Гейтуэя» и «Бэдера» проверят отпечатки пальцев. Если они не установили его личность сегодня, значит, установят завтра. Остаток жизни ему придется скрываться, и перед каждым полицейским участком, на каждой почте будет висеть его фотография. Он оказался маленьким и ничтожным.

— Рив, — громко позвал он.

Рив больше не могла его спасти. Его обложили со всех сторон, он всего лишь ничтожный человечек с заячьей гу…

— НУ ЧТО, ЖАЛЕЕШЬ ТЕПЕРЬ, ЧТО ПРЕДАЛ МЕНЯ?

Голос Дракона прогремел откуда-то из глубины его тела, оттуда, где переваривались клочья картины.

— Не жалею. Я просто хотел решать сам. Ты назвал меня..

— ОТДАЙ МНЕ ТО, ЧТО Я ХОЧУ, И Я СПАСУ ТЕБЯ.

— Нет. Им меня не поймать.

— ОТДАЙ МНЕ ТО, ЧТО Я ХОЧУ, И ТЫ УСЛЫШИШЬ

ХРУСТ ПОЗВОНОЧНИКА ГРЭМА.

— Нет.

— РАДУЙСЯ ТОМУ, ЧТО ТЫ СЕГОДНЯ СДЕЛАЛ. МЫ ТЕПЕРЬ ОЧЕНЬ БЛИЗКО ДРУГ К ДРУГУ. МЫ МОЖЕМ ОПЯТЬ СЛИТЬСЯ ВОЕДИНО. ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МЕНЯ ВНУТРИ СЕБЯ? ЧУВСТВУЕШЬ, ПРАВДА?

— Да.

— ТЫ ВЕДЬ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я МОГУ ТЕБЯ СПАСТИ. ТЫ ВЕДЬ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТЕПЕРЬ ОКАЖЕШЬСЯ В ТАКОМ МЕСТЕ, ЧТО ПРИЮТ ПОКАЖЕТСЯ ТЕБЕ РАЕМ. ДАЙ МНЕ ТО, ЧТО Я ХОЧУ, И ТЫ БУДЕШЬ СВОБОДНЫМ.

— Нет.

— ОНИ ТЕБЯ УБЬЮТ. ТЫ БУДЕШЬ КОРЧИТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ, ПОКА НЕ СДОХНЕШЬ.

— Нет.

— КОГДА ТЕБЯ НЕ СТАНЕТ, ОНА БУДЕТ СПАТЬ С ДРУГИМИ, ОНА БУДЕТ…

— Нет! Замолчи!

— ОНА БУДЕТ СПАТЬ С ДРУГИМИ, КРАСИВЫМИ. ОНА БУДЕТ БРАТЬ ИХ…

— Прекрати! Я не хочу тебя слушать.

— ОТПУСТИ ГАЗ, И Я БУДУ МОЛЧАТЬ.

Нога Долархайда отпустила педаль газа.

— ХОРОШО. ОТДАЙ МНЕ ТО, ЧТО Я ХОЧУ, И

НИЧЕГО С ТОБОЙ НЕ ПРОИЗОЙДЕТ. ТЫ ПОЛУЧИШЬ ПРАВО ВЫБОРА. ТЫ ВСЕГДА БУДЕШЬ ГОВОРИТЬ КРАСИВО. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ГОВОРИЛ КРАСИВО. ВОТ, ПРАВИЛЬНО, ЕЩЕ МЕДЛЕННЕЕ. ВИДИШЬ СТАНЦИЮ ОБСЛУЖИВАНИЯ? ПРИТОРМОЗИ ОКОЛО НЕЕ, И МЫ С ТОБОЙ СПОКОЙНО ПОБЕСЕДУЕМ.

45

Грэм вышел из кабинета в темный коридор, давая глазам минутный отдых. К беспокойству у него примешивалось нетерпение. Как долго тянется работа!

Крофорд просматривал личные дела трехсот восьмидесяти сотрудников компаний «Гейтуэй» и «Бэдер» быстро и добросовестно до предела — в такой работе он творил чудеса, — но время шло, и скоро их конфиденциальность сохранить будет невозможно.

Отправляясь в «Гейтуэй», Крофорд взял с собой минимум сотрудников.

— Нам надо поймать его, а не спугнуть, — инструктировал их Крофорд. — Если сегодня узнаем, кто это, будем задерживать, но не на фабрике, а у него дома или на стоянке.

Команде Крофорда помогала полиция Сент-Луиса. Лейтенант Фогел с сержантом из отдела по раскрытию убийств приехали на обычной машине без опознавательных знаков и привезли телефакс.

Через несколько минут, подсоединив его к те-

лефону на «Гейтуэе», они уже передавали данные по сотрудникам одновременно в Вашингтонский отдел ФБР по идентификации преступников и в Управление транспортных средств штата Миссури.

В Вашингтоне фамилии сотрудников проверялись по картотеке отпечатков пальцев, которая содержит данные на преступников и на некоторые категории государственных служащих. Сотрудников «Бэдера», которые имели допуск к работе с секретными материалами, вычеркнули из списков, дабы сэкономить время.

Управление транспортных средств проверяло, у кого из сотрудников есть фургон или микроавтобус.

К работе были допущены только четыре сотрудника кинофабрики: начальник отдела кадров Фиск, его секретарша, Дэндридж из «Бэдер кемикл» и главный бухгалтер «Гейтуэя».

В столь поздний час их пришлось специально вызывать на работу, но не по телефону. За каждым заезжали сотрудники ФБР и, попросив домашних удалиться, объясняли, в чем дело. («Сначала посмотрите на них хорошенько, сравните с приметами преступника, а потом уже говорите, что вам от них нужно, — велел Кро-

форд. — И чтобы после этого ни один к телефону и близко не подошел. Эти новости распространяются, как пожар в лесу».)

Они надеялись, что из-за необычных зубов преступника опознают сразу. Однако ни один из четырех сотрудников никого подходящего припомнить не смог.

Грэм смотрел вдоль коридора, тускло освещенного красными лампочками над дверями выходов. Господи, как приятно передохнуть в полумраке.

Что еще можно успеть за сегодняшний вечер?

Крофорд попросил, чтобы женщину из Бруклинского музея — мисс Харпер — отправили в Сент-Луис сразу же, как только она сможет вставать. Скорее всего, это будет не раньше утра. В распоряжении полиции Сент-Луиса находился отличный фургон наружного наблюдения. Нужно ее туда посадить, пусть высматривает его среди сотрудников, идущих на работу.

Если они не установят его личность сейчас, к началу рабочего дня, все следы их пребывания на «Гейтуэе» исчезнут. Грэм не обольщался — им несказанно повезет, если у них останется хотя бы день для поимки преступника, до того как по фабрике пойдут разговоры. Но стоит Дракону

заметить что-нибудь подозрительное, как он тотчас улетит.

46

Поздний ужин с Ральфом Мэнди вроде бы прошел удачно. Рив знала: рано или поздно придется все ему рассказать, а она не любила тянуть кота за хвост.

Рив чувствовала, Мэнди догадался, что он сейчас услышит, когда она настояла, что за себя заплатит сама.

Они поговорили в его машине по дороге домой; Рив подчеркнула, что ничего серьезного между ними никогда не было, добавив, что с ним ей было хорошо, что они останутся друзьями и что она встретила одного человека…

Наверное, Мэнди был немного уязвлен, но она знала, что одновременно он испытывает какое-то облегчение.

У дверей ее дома он не стал напрашиваться в гости. Но попросил поцеловать ее на прощание, и она охотно согласилась. Он открыл для нее дверь и отдал ей ключи. Потом ждал, пока она зайдет в дом и закроет дверь на замок.

Когда он повернулся к машине, Долархайд выстрелил ему один раз в горло и два раза в грудь.

Три тихих хлопка из пистолета с глушителем. Тише, чем звук проезжающего мотороллера.

Долархайд легко поднял тело Мэнди и спрятал его между кустарником и домом.

Долархайду было очень больно видеть, как Рив целует Мэнди. Но потом боль оставила его навсегда.

Он сохранял облик и голос Фрэнсиса Долархайда. Дракон был прекрасный актер: он отлично играл Долархайда. Рив умывалась, когда раздался звонок в дверь. Пока она шла в прихожую, звонок прозвенел еще четыре раза. Она взялась за цепочку, но не стала ее снимать.

— Кто там?

— Фрэнсис Долархайд.

Она слегка приоткрыла дверь, но цепочку не сняла.

— Еще раз, пожалуйста.

— Это я, Долархайд.

Она знала, что это он, и сняла цепочку.

Рив не любила сюрпризов.

— Ты вроде собирался позвонить.

— Я бы позвонил. Но тут открылись такие дела, честное слово, — сказал он и, войдя внутрь, прижал к ее лицу платок, смоченный в хлороформе.

Улица была пустынна. Свет в окнах дома не

горел. Он отнес ее к своей машине. Со стороны двора было видно, как из кустарника торчала нога Ральфа Мэнди, но Долархайд решил больше с ним не возиться.

Очнулась Рив в машине. Она лежала на боку, уткнувшись щекой в пыльный коврик на полу кабины. Прямо под ухом раздавался вой сцепления.

Она попыталась поднять руку к лицу, но почувствовала при этом давящую боль в груди. Руки были связаны и занемели.

Она ощутила их кожей лица. Руки от локтей до запястий и ноги от колен до лодыжек были стянуты, как ей казалось, полосками мягкой ткани. Чем-то залеплен рот.

Что это… что?.. Долархайд стоял у двери, затем… Она вспомнила, как ей оттягивали назад голову, его ужасную силу. О господи, что это было?.. Долархайд стоял у двери, затем она задыхалась от чего-то холодного, пытаясь отвернуть лицо, но ее голову сжимали с чудовищной силой.

Сейчас она находилась в машине Долархайда. Она узнала ее по знакомым отзвукам внутри кабины. Машина ехала. В душе нарастал страх. Инстинкт подсказывал Рив, что ей нужно сохранять спокойствие. От паров хлороформа и

бензина, остававшихся в горле, ее мутило. Но рот был заклеен.

Раздался голос Долархайда:

— Теперь уже скоро, потерпи.

Она почувствовала, как машина повернула и въехала на щебенку, и тут же по крыльям и днищу застучали мелкие камни.

Он сумасшедший. Теперь понятно: он сумасшедший.

«Сумасшедший» — страшное слово.

Как же это было? Ральф Мэнди. Должно быть, он видел их вместе у дома. Вот его и понесло.

«Боже, дай мне силы собраться». Однажды, еще в Институте Рейкера, ее пытался ударить по лицу мужчина. Она не издавала ни звука, и он не мог найти ее лицо — он тоже не видел. «Этот еще как видит. Нужно все продумать. Продумать, как с ним говорить. Господи, он может меня убить, так и не разлепив мне рот. Он будет убивать меня, не слыша того, что я могла бы ему сказать.

Будь готова. Подумай о том, что будешь говорить. Ни в коем случае ничего не спрашивай. Скажи ему, что, если он тебя отпустит, все будет нормально. Обещай, что никто ничего не узнает. Будь пассивна как можно дольше. А если это станет невозможным, жди, пока не будешь точно

знать, как подобраться к его глазам».

Машина остановилась и покачнулась, когда он вылез из кабины. Откатилась боковая дверь, запахло травой и горячей резиной. Где-то звонко пели сверчки. Он влез в салон микроавтобуса.

Помимо воли Рив пронзительно закричала сквозь заклеенный рот и рывком отвернула лицо, когда он прикоснулся к ней.

Он легко похлопал ее по плечу, но она продолжала судорожно дергаться, не давая ему до себя дотронуться. Наконец она бессильно обмякла на полу, получив обжигающую пощечину.

Рив пыталась что-то сказать сквозь заклеенный рот. Ее подняли и понесли. Его шаги гулко стучали по пандусу, ведущему к двери. Теперь она знала точно, куда ее привезли. Это его дом. Где она сейчас? Откуда-то справа слышится тиканье часов. Ковер, теперь пол. Спальня, где они вместе провели ночь. Она проваливалась в его руках, затем почувствовала под собой кровать.

Она пыталась говорить сквозь заклеенный рот. Вот он уходит. Снаружи дома хлопнула дверь машины, раздался какой-то шум. Вот он возвращается. Ставит что-то на пол — какие-то металлические банки. Она почувствовала запах бензина.

— Рив. — Это действительно голос Долархайда, но как пугающе спокойно он звучит. Ужасно спокойно и как-то странно. — Рив, я не знаю… что тебе… сказать… Ты казалась такой хорошей. Ты даже не представляешь, что я ради тебя сделал. Но я ошибся, Рив. С тобой я стал слабым, и ты сделала мне больно.

Она пыталась говорить сквозь заклеенный рот.

— Если я тебя развяжу и разрешу сесть, ты обещаешь вести себя хорошо? Не пытайся бежать. От меня не убежишь. Так будешь себя хорошо вести?

Она повернула голову по направлению его голоса, чтобы кивнуть.

Она почувствовала прикосновение холодной стали ножа к коже, услышала звук разрезаемой ткани, и ее руки оказались свободны. Теперь ноги. Ее щеки были мокрыми от слез, когда он снял наклейку.

Медленно и осторожно она приняла сидячее положение.

— Долархайд, — начала она, — я не знала, что я тебе так небезразлична. Я очень рада, но, знаешь, ты меня очень напугал.

Молчание. Она чувствовала его где-то рядом.

— Ты что, из-за этого идиота Ральфа Мэнди так разошелся? Ты видел его около дома? Поэтому, да? Я ему как раз говорила, что больше не хочу его видеть. Потому что хочу видеть тебя. У меня с ним все кончено.

— Ральф умер, — отозвался Долархайд. — Я думаю, ему это не понравилось.

Да он выдумывает. Он выдумывает! Господи, пожалуйста, пусть это будет неправда.

— Я тебе не причиняла боль. У меня никогда не возникало такого желания. Давай помиримся и забудем о плохом. Я хочу тебя. Прямо сейчас.

— Замолчи, — сказал он спокойно. — Я тебе сейчас кое-что скажу. Это самое важное из всего, что ты когда-нибудь услышишь. Важнее Нагорной проповеди, важнее Десяти заповедей. Тебе ясно?

— Да. Я…

— Замолчи. Рив, в Бирмингеме и Атланте произошли знаменательные события. Ты знаешь, о чем я говорю?

Она покачала головой.

— Об этом много говорили в новостях по телевидению. Две группы людей умерли. Лидсы. И Джейкоби. Полиция думает, что их убили. Вспоминаешь?

Она стала качать головой. Затем вспомнила и

медленно кивнула.

— Ты знаешь, как зовут Того, Кто приходил к этим людям? Ты можешь сказать?

— Зуба…

Его рука зажала ей рот, не дав договорить.

— Подумай хорошенько и ответь правильно.

— Какой-то Дракон. Подожди… Дракон… Красный Дракон.

Он находился рядом. Она чувствовала его дыхание кожей лица.

— ДРАКОН — ЭТО Я.

Оглушающая громкость и страшный тембр его голоса буквально отбросили ее назад, и она ударилась спиной о спинку кровати.

— Дракон хочет тебя, Рив. Давно уже хочет. Я не хотел тебя отдавать. Сегодня я сделал одну вещь ради тебя, чтобы ты Ему не досталась. Но я просчитался.

Это снова был Долархайд, она могла говорить с Долархайдом.

— Пожалуйста, не отдавай меня ему. Пожалуйста. Ты ведь не отдашь? Скажи, что не отдашь! Я твоя. Оставь меня себе. Я ведь тебе нравлюсь, я знаю, что нравлюсь.

— Я еще не решил. Может, я просто не смогу не отдать тебя Ему. Я не знаю. Я хочу посмотреть,

сможешь ли ты делать то, что я тебе говорю. Сможешь? Можно на тебя положиться?

— Я постараюсь. Очень постараюсь. Не пугай меня так, а то у меня не получится.

— Поднимайся, Рив. Встань около кровати. Ты знаешь, в каком месте комнаты ты находишься?

Она кивнула.

— Ты знаешь, в каком месте дома ты находишься, верно? Ты ведь гуляла по дому, когда я спал, верно?

— Когда ты спал?

— Не строй из себя дуру. Когда мы здесь спали. Ты ведь полазила здесь как следует, правда? Ты ничего странного не находила? Ты ничего не брала? Ничего никому не показывала? Что же ты молчишь, Рив?

— Я просто выходила на улицу. Ты спал, и я пошла на улицу. Я тебе клянусь.

— Значит, ты знаешь, где находится входная дверь, да?

Она кивнула.

— Рив, медленно подними руки, найди мою грудь.

Попробовать выколоть ему глаза? Его пальцы легко обхватили ей горло.

— Не делай того, о чем ты думаешь, или я сожму

руку. Пошарь у меня на груди. Нет, повыше к шее. Нашла цепочку с ключами? Сними через голову. Осторожно… Вот так. Теперь я хочу узнать, можно ли тебе верить. Пойди закрой замок на входной двери и принеси ключи назад. Давай иди, а я буду ждать тебя здесь. Не пытайся бежать. Я все равно тебя поймаю.

Она взяла ключ в руку, цепочка упала, ударив ее по бедру. В туфлях было тяжелее ориентироваться, но она их не снимала. Помогало тиканье часов.

Ковер, потом пол, опять ковер. Сбоку громоздится софа. Нужно повернуть направо.

«Что делать? Что? Подыгрывать ему? Или бежать? А что делали те, другие?» У нее закружилась голова: она слишком глубоко дышала. «Боже, пусть не кружится голова. Пусть я останусь живой. Все зависит от того, заперта ли дверь. Узнай, где он».

— Я правильно иду?

Она знала, что идет правильно.

— Осталось шагов пять-шесть.

Значит, он и вправду остался в спальне.

Она почувствовала лицом дуновение воздуха. Дверь была приоткрыта. Она старалась держаться между дверью и голосом за ее спиной. Она

вставила ключ в замочную скважину под ручкой наружной стороны двери.

За порог, дверь на себя, один оборот ключа, второй. Бегом по пандусу. Как неудобно без палочки! Где стоит машина? Быстрее! Что это? Кустарник! Быстрее! Теперь нужно кричать! Что есть мочи кричать! «Помогите! Помогите! Помогите! Помогите!» Ага, вот и щебенка! Быстрее. Где-то далеко сигналил грузовик. Ага, там шоссе.

Она шла, потом бежала, бежала изо всех сил, резко поворачивала, когда чувствовала под ногой траву, опять поворачивала, пока не оказывалась на гравии.

Она бежала зигзагами по дороге, потом услышала сзади быстрый тяжелый топот ног по гравию. Остановившись, она схватила с земли пригоршню мелких камней, подождала, пока он окажется совсем рядом, и швырнула их ему в лицо, успев услышать, как они стучат по его телу.

Сильный удар по плечу развернул ее, огромная рука схватила ее за шею под подбородком и стала сжимать, пока в ее ушах не взревела кровь. Она ударила каблуком куда-то назад, попала ему по голени, а потом все стало постепенно затихать.

47

К двум часам список работающих в компании мужчин — белых, от двадцати до пятидесяти лет, имеющих фургон или микроавтобус — был составлен. В нем значилось двадцать шесть имен.

Отдел учета транспортных средств ФБР в Миссури представил данные по цвету волос водителей, указанному в правах, но эта примета была не очень надежна — Дракон мог носить парик.

Секретарша Фиска мисс Трилмен сделала копии со списка и раздала их собравшимся.

Лейтенант Фогел просматривал список, когда заверещало его сигнальное устройство.

Фогел быстро переговорил по телефону с полицейским участком, затем положил руку на рычажки телефона.

— Мистер Крофорд… Джек, несколько минут назад обнаружен труп некоего Ральфа Мэнди, белого, тридцати восьми лет, с огнестрельными ранами. Его нашли в университетском городке — это в центре города, рядом с Университетом Вашингтона — прямо перед домом, где проживает Рив Макклейн. Соседи говорят, она работает на

«Бэдере». Дверь в дом не заперта, дома ее нет.

— Дэндридж! — крикнул Крофорд. — Кто такая Рив Макклейн?

— Это наша лаборантка. Слепая. Переехала сюда откуда-то из Колорадо…

— Вы знаете Ральфа Мэнди?

— Мэнди? — переспросил, усмехнувшись, Дэндридж. — «Рэнди Мэнди»?

— Я сказал, Ральфа Мэнди. Он здесь работал? Проверка списка показала, что он здесь не работал.

— Просто совпадение, наверное, — заметил Фогел.

— Может быть, — согласился Крофорд.

— Я надеюсь, с Рив ничего не случилось, — произнесла мисс Трилмен.

— Вы ее знаете? — спросил Грэм.

— Так, разговаривала с ней пару раз.

— А кто такой Мэнди?

— Я его не знаю. Единственный мужчина, с которым я ее видела, — это мистер Долархайд, она садилась в его микроавтобус.

— Микроавтобус… А какого он цвета?

— Надо подумать. По-моему, темно-коричневый или даже черный.

— Кем работает мистер Долархайд? — спросил

Крофорд.

— Это наш завпроизводством, — ответил Фиск.

— Где его кабинет?

— Прямо по коридору.

Крофорд повернулся к Грэму, желая что-то сказать, но тот уже выходил из двери.

Кабинет Долархайда был заперт. Дверь открыли ключом-дубликатом, принесенным из эксплуатационной службы.

Грэм протянул руку и щелкнул выключателем. Он не успел еще пересечь порог, а его глаза уже пробегали по комнате. Внутри было исключительно опрятно. Личных вещей не видно. На полках — только технические справочники.

Настольная лампа стояла слева от стула, значит, он не был левшой. Теперь им было нужно найти отпечаток большого пальца левой руки правши.

— Давай снимем со скоросшивателя, — предложил Грэм Крофорду, стоящему за его спиной в коридоре.

Он придерживал планку пальцем левой руки. Они начали было обыскивать ящики, когда внимание Грэма привлек настольный календарь. Он быстро перелистал исписанные страницы назад, до субботы 28 июня — даты убийства Джейкоби.

Листы за четверг и пятницу были абсолютно чистыми.

Он пролистал еще немного и нашел последнюю неделю июля. Четверг и пятница опять были чистыми. На среду было записано: «Рейс АМ 552 15.45–18.15».

Грэм переписал это к себе в блокнот.

— Мне нужно знать, куда этот рейс.

— Давай я узнаю, а ты здесь продолжай, — предложил Крофорд и направился к телефону в комнату напротив.

Грэм рассматривал тюбик с клеем для зубных протезов, который оказался в нижнем ящике стола, когда Крофорд крикнул от двери:

— Он летал в Атланту! Поехали брать.

48

Холодная вода льется Рив на лицо, стекает на волосы. Кружится голова. Она лежит на чем-то выпуклом, твердом. Она повернула голову. Под ней находился ствол дерева. Лицо обтерли холодным влажным полотенцем.

— Как ты, Рив, нормально? — послышался спокойный голос Долархайда.

Она отпрянула, услышав его голос, и застонала.

— Дыши глубже.

Прошла минута.

— Как ты думаешь, встать сможешь? Постарайся встать.

Он обхватил ее рукой, помогая встать. Ее затошнило. Он ждал, пока у нее пройдут спазмы.

— Поднимайся по пандусу. Ты помнишь, где мы находимся?

Она кивнула.

— Вытащи из двери ключ, Рив. Зайди внутрь. Теперь запри дверь и повесь ключ мне на шею. Надень цепочку мне прямо на шею. Хорошо. Давай убедимся, что дверь закрыта.

Она услышала, как он подергал ручку.

— Хорошо. Теперь иди в спальню, ты знаешь, как туда идти.

Она споткнулась и упала на колени, чуть не ударившись головой о ступеньки. Он поднял ее, потянув за руки, и довел до спальни.

— Садись на стул.

Она села.

— ОТДАЙ ЕЕ МНЕ.

Она попыталась встать. Огромные руки, лежавшие на ее плечах, усадили ее обратно.

— Сиди спокойно, или я не смогу защитить тебя от Него, — сказал Долархайд.

К ней с трудом возвращалась способность размышлять.

— Постарайся, пожалуйста, — попросила она.

— Рив, со мной уже все кончено.

Он что-то делал стоя. В комнате сильно пахло бензином.

— Дай руку. Вот, потрогай-ка. Не хватай, а потрогай.

Она почувствовала что-то вроде стальных ноздрей, отполированных внутри. Дуло ружья.

— Это ружье двенадцатого калибра, Рив. Заряжено патронами «магнум». Ты знаешь, что от них бывает.

Она кивнула.

— Опусти руку. — Холодная сталь уткнулась в ямку у основания ее шеи. — Рив, как жаль, что я не могу на тебя положиться. А я ведь хотел тебе верить.

В его голосе ей почудились слезы.

— Мне было так хорошо с тобой.

Он действительно плакал!

— И мне было хорошо. Мне очень понравилось. Пожалуйста, пощади меня.

— Со мной все кончено. Я не могу оставить тебя Ему. Ты знаешь, что Он сделает?

Плач перешел в рыдание.

— Ты знаешь, что Он сделает? Он тебя загрызет. Лучше, если ты уйдешь со мной.

Она услышала, как чиркнула спичка, почувствовала запах горящей серы, одновременно ухнул вспыхивающий огонь. В комнате стало жарко. Дым. Огонь. То, чего она боялась больше всего на свете. Огонь. Все, что угодно, только не огонь. Лучше умереть от выстрела. Она напрягла мышцы ног и приготовилась бежать.

Он громко заплакал.

— Ах, Рив, я не хочу смотреть, как ты горишь!

Ствол убрали от ее шеи.

Она вскочила на ноги, и раздался выстрел из

обоих стволов ружья.

От грохота у нее заложило уши. Она подумала, что ее застрелили, что ее уже нет в живых, и скорее почувствовала, чем услышала, тяжелый удар падающего тела.

Дым и треск пламени. Огонь. Огонь привел ее в себя. Она почувствовала жар на руках и лице. Вон из дома! Она наступила на лежащие ноги, споткнулась, задыхаясь, о ножку кровати.

В дыму советуют идти пригнувшись. Бежать нельзя, стукнешься обо что-нибудь головой и так там и останешься.

Она была заперта. Заперта. Низко пригнувшись, шаря по полу перед собой пальцами, она нашла ноги. Обойдя тело, она нащупала волосы, затем лоскут кожи, покрытый волосами, затем — оставшееся от лица месиво, острые осколки костей и выбитый глаз.

Ключи у него на шее… быстрее. Сидя на корточках, она схватила цепочку обеими руками и сильно дернула. Цепочка оборвалась, она повалилась навзничь, но тут же судорожно поднялась на ноги. Потеряв направление, в котором была дверь, она повернулась кругом, пытаясь нащупать, услышать заложенными от треска пламени ушами путь к спасению. Вот бок кровати, с какой

стороны? Она опять споткнулась о тело и остановилась, прислушиваясь.

Бом-бом, бом-бом — стучали часы. Бом-бом, бом-бом. Она оказалась в гостиной. Бом-бом, вот поворот направо.

Дым уже раздирал горло. Бом-бом. Вот дверь. Замочная скважина под ручкой. Только бы не уронить ключи! Наконец щелкнул замок. Она рывком распахнула дверь. Воздух. Вниз по пандусу! Воздух. Она рухнула в траву. Потом, встав на колени, поползла прочь от горящего дома.

Рив выпрямилась, не вставая с колен, хлопнула в ладоши и, услышав отзвук хлопка от дома, продолжала ползти, глубоко вдыхая прохладный воздух, пока не нашла в себе сил встать, потом побежала, натолкнулась на что-то, снова побежала.

49

Найти дом Фрэнсиса Долархайда оказалось непросто. В «Гейтуэе» располагали только номером абонентского ящика в Сент-Чарльзе.

Подчиненным шерифа Сент-Чарльза пришлось даже обратиться в отделение электрокомпании, чтобы разыскать дом Долархайда по плану инженерных коммуникаций.

Шериф с помощниками встретили группу захвата из Сент-Луиса, переехавшую через реку, и, выстроившись в колонну, все, не включая сирен, двинулись по шоссе номер 94. Помощник шерифа сел вперед рядом с Грэмом, управлявшим первой машиной, и показывал дорогу. Крофорд, сидящий сзади, сунул голову между ними, навалился грудью на спинку переднего сиденья, нетерпеливо посасывая зажатую в зубах спичку. На въезде в Сент-Чарльз с севера движение было неинтенсивное: навстречу им попались только пикап с детьми, междугородный автобус компании «Грейхаунд» и аварийный тягач.

Вскоре они увидели зарево пожара.

— Вон он! — крикнул помощник шерифа. —

Вон его дом горит!

Грэм придавил педаль газа. Зарево становилось все ярче и расплывалось по небу по мере того, как они, мчась по шоссе, приближались к пожару.

Крофорд нетерпеливо щелкнул пальцами, и ему передали микрофон автомобильной рации.

— Всем группам, это горит его дом. Быть наготове. Сейчас он может как раз уходить от дома. Шериф, пожалуйста, обеспечьте на дороге пикет.

Толстый столб дыма и искр, кренясь над полями в юго-восточном направлении, завис прямо над ними.

— Вот здесь, — сказал помощник шерифа, — сверните на гравий.

И тут они увидели женщину, черным силуэтом маячившую на фоне охваченного пламенем дома — как раз в тот момент, когда она услышала приближение машин и подняла руки, чтобы привлечь их внимание.

И тут вверх и в стороны взметнулся огненный смерч. Горящие балки и оконные рамы круто взлетели вверх, медленно описывая светящиеся окружности в вечернем небе. Пылающий микроавтобус опрокинуло набок. Оранжевый узор горящих деревьев вдруг разорвался и погас. Взрыв ухнул с такой силой, что задрожала земля

и закачались полицейские машины.

Женщина лежала на дороге лицом вниз. Под огненным дождем падающих на дорогу обломков к ней бросились Крофорд, Грэм и помощник шерифа. Кто-то с оружием в руках пробежал мимо нее к дому.

Крофорд принял Рив у помощника шерифа, сбивавшего у нее с волос искры.

Он взял ее за руки, вглядываясь в ее лицо, багровое от всполохов пожара.

— Фрэнсис Долархайд. Где Фрэнсис Долархайд? — спросил он, легко встряхивая ее за плечи.

— Он там, — сказала она, показывая рукой, черной от гари, в сторону, от которой несло жаром. — Он там… погиб.

Ее рука бессильно опустилась.

— Точно погиб? — Крофорд впился взглядом в ее невидящие глаза.

— Я была там… с ним.

— Расскажите мне все, пожалуйста.

— Он выстрелил себе прямо в лицо… Я попала в… то, что осталось от его лица… Он поджег дом. Потом застрелился. Он лежал на полу, а я попала рукой в то, что осталось от его лица. Можно, я сяду?

— Да-да, конечно, — спохватился Крофорд.

Он сел вместе с ней на заднее сиденье полицейской машины, обнял ее за трясущиеся плечи, а она рыдала, уткнувшись ему в щеку.

Грэм стоял на дороге и смотрел, как бушует пламя, пока ему не стало нестерпимо жечь кожу лица.

Луна едва проглядывала сквозь занесенные ветром высоко в небо клочья дыма.

50

Утром подул теплый влажный ветер. Он гнал рваные облака над почерневшими дымоходами, оставшимися от дома Долархайда. Над полями полого стлался тонкий дымок.

Редкие капли дождя падали на головешки, тихо взрываясь паром и пеплом.

Поодаль стояла пожарная машина, ее проблесковый маячок вращался.

Начальник отдела взрывчатых веществ ФБР Айнсуорт, бывший морской пехотинец, стоял с Грэмом у пепелища, с подветренной стороны, и наливал себе кофе из термоса.

Айнсуорт поморщился, как от зубной боли, увидев, что начальник местной пожарной бригады пытался достать что-то из пепла граблями.

— Слава богу, еще не остыло, а то бы прямо туда полез, — сказал он, понизив голос. Вообще-то с местными начальниками он держался подчеркнуто любезно, но сейчас — наедине с Грэмом — отводил душу. — Ну да ладно, придется лезть в эту грязь. Скоро здесь будет такой бардак, что сам черт ничего не разберет. Не успеешь

оглянуться, и сюда налетит хренова туча помощничков из местных. Сожрут свои оладьи, в сортире посидят, подумают — и тут как тут!

Пока из Вашингтона не пригнали любимый спецфургон Айнсуорта, тому приходилось обходиться тем, что удалось привезти с собой на самолете. Вытащив из багажника полицейской машины выцветший вещевой мешок военного образца, он извлек из него специальное термостойкое белье фирмы «Ноумекс», асбестовые ботинки и комбинезон, сшитый из жаропрочной ткани.

— Опиши-ка взрыв поподробнее, Уилл.

— Была световая вспышка, яркая, но короткая. Потом пламя у основания стало темнее. Все взлетело вверх — оконные рамы, плоские куски кровли, крупные обломки — и попадало на поле вокруг дома. Сильная ударная волна, а потом словно порыв ветра. Он как бы вырвался, а после его засосало обратно. Казалось, что воздушная волна почти погасила пожар.

— А пламя сильное было, когда пошла воздушная волна?

— Сильное, пламя аж через крышу вырывалось, выбивалось из верхних и нижних окон. И деревья горели.

Айнсуорт подозвал двух пожарных и велел им быть наготове с брандспойтом. Третий, надев асбестовый костюм, должен был стоять рядом с тросом от лебедки на случай, если на Айнсуорта что-нибудь упадет.

Он расчистил проход в подвал, над которым теперь светило небо, и полез вниз, преодолевая бурелом обугленных бревен. Находиться в таком пекле было возможно лишь несколько минут, Айнсуорт ходил в подвал восемь раз.

Эти труды были вознаграждены всего лишь металлической пластинкой с рваными краями, но находка его явно обрадовала.

С красным, мокрым от пота лицом он вылез из своего комбинезона и тяжело опустился на подножку пожарной машины. На плечи ему кто-то набросил прорезиненный пожарный плащ.

Он сдул со своей находки слой пепла и положил ее на землю перед собой.

— Динамит, — объяснил он Грэму, — смотри, видишь, металл вот тут как лист папоротника? Судя по размеру, пластина могла быть крышкой сундука. Сундук с динамитом. Да, видимо, так оно и было. Хотя он взорвался не в подвале. Я думаю, взрыв произошел на первом этаже. Вон, видишь, на какой высоте срезано дерево, там,

где пролетела мраморная столешница. Ударная волна шла горизонтально. Динамит был чем-то защищен, пламя дошло до него не сразу.

— Ну а что с останками?

— Останки есть останки: всегда что-нибудь остается. Будем просеивать пепел. В общем, много не обещаю, но ты его получишь — в маленьком пакетике.

Уже рассвело, когда Рив Макклейн, находившейся в больнице «Ди-Пол», дали успокоительное. Лекарство подействовало, и она наконец погрузилась в сон. Она не хотела, чтобы женщина-полицейский отходила от ее кровати. В течение всего утра она просыпалась несколько раз и тут же протягивала руку, чтобы убедиться, что та не ушла.

Проснувшись, она захотела есть. Завтрак принес Грэм.

Как ему вести себя? Иногда пострадавшему легче, если с ним разговаривают сугубо официально. Грэм решил, что Рив Макклейн — не тот случай.

Он представился.

— Вы его знаете? — спросила Рив у женщины-полицейского.

Грэм показал удостоверение, но оно не понадобилось.

— Я знаю, что он из ФБР, мисс Макклейн.

В конце концов она рассказала ему все о своих отношениях с Фрэнсисом Долархайдом. У нее першило в горле, и она часто замолкала, чтобы пососать кусочки льда.

Работать с Рив было легко — она с готовностью отвечала даже на самые неприятные вопросы. Она прервала разговор только раз, попросив его выйти. Женщина-полицейский поднесла ей тазик, и съеденный завтрак вышел обратно.

Когда Грэм вернулся в комнату, ее бледное личико было вымыто.

Наконец он получил ответ на последний вопрос и захлопнул блокнот.

— Больше мы к этой истории не вернемся, — пообещал он, — но я бы хотел увидеться с вами снова. Просто так, посмотреть, как у вас идут дела.

— Ну конечно. Я всегда подозревала, что произвожу на мужчин неизгладимое впечатление.

В первый раз за все время их разговора он увидел слезы на ее глазах и понял, что ее гложет.

— Простите, вы бы не могли оставить нас на минуту? — попросил он женщину, взяв Рив за руку. — Послушайте меня, пожалуйста. Какой бы ни был этот Долархайд, вы человек нормальный.

Вы мне рассказали, что он был добр и внимателен к вам. И я готов в это поверить. Но это результат вашего на него воздействия. В конце концов, он же не смог вас убить, не смог вынести зрелища вашей смерти. Специалисты, которые нам помогают, говорят, что он пытался остановиться. Почему? Потому что вы ему помогли и тем самым наверняка спасли несколько жизней. Вы считаете, что вам достался сумасшедший? Нет, он был нормальный, но упрятанный в личину сумасшедшего. Лично с вами все в порядке. Если вы позволите себе думать иначе, то вы просто простофиля. Я вернусь через день или пару дней навестить вас. Я все время общаюсь с полицейскими и время от времени должен видеть и нормальных людей. А вы пока подумайте, какую вам прическу сделать.

Она покачала головой и махнула рукой, чтобы он уходил. Может, она и улыбнулась, но он не успел разглядеть.

Грэм позвонил Молли из отделения ФБР в Сент-Луисе. К телефону подошел дедушка Вилли.

— Это Уилл Грэм, мать, — крикнул он в сторону. — Здравствуйте, мистер Грэм.

В том доме его всегда звали «мистер Грэм».

— Моя старуха тут говорит, он покончил с собой.

Она смотрела шоу Донахью, так прервали, чтобы сообщить. Да, посчастливилось вам, можно сказать. Вам, ребята, теперь ловить его не надо. Нам, налогоплательщикам, хоть за это платить не придется. И что, действительно белым оказался?

— Так точно, сэр. Блондин скандинавской наружности.

Родители отца Вилли были по происхождению скандинавы.

— Пригласите, пожалуйста, Молли к телефону.

— А вы что, теперь обратно во Флориду собираетесь?

— Да, скоро поеду. Молли дома?

— Мать, ты слышишь? Он с Молли хочет поговорить. Молли в ванной, мистер Грэм. А внук опять завтракает. Ходил верхом кататься, ну и… тут ведь воздух какой! Посмотрели бы вы, как уплетает. За обе щеки, можно сказать. Килограммов на пять поправился. Вон Молли идет.

— Привет.

— Привет, радость моя.

— Можно тебя поздравить?

— Да, вроде можно.

— Я работала в саду. Мамамма выбежала из дому и сказала мне, когда по телевизору сообщили. Когда вы на него вышли?

— Вчера, поздно вечером.

— Почему ты мне не позвонил?

— Боялся разбудить мамамму.

— Нет, она смотрела Джонни Карсона.[25] Ты не представляешь, как я рада, что тебе не пришлось его брать.

— Я здесь еще задержусь немного.

— Дней на пять?

— Не знаю. Может, и не так долго. Я так хочу скорей тебя увидеть, девочка моя.

— Я тоже хочу. Как только ты окончательно освободишься.

— Сегодня среда. К пятнице уже, наверное, точно…

— Уилл, на следующую неделю мамамма пригласила из Сиэтла всех родственников Вилли, и…

— К черту мамамму. И вообще, что это за слово такое?

— Когда Вилли был совсем маленький, он не мог выговорить…

— Поехали домой.

— Уилл, я же тебя ждала. Они Вилли почти не видят, и пара лишних дней ничего не…

---

[25] Примечания: 25

Джонни Карсон — ведущий популярной американской телепередачи компании Эн-би-си.

— Приезжай одна, а Вилли оставь там. Уж на то, чтобы его на самолет посадить, твоей свекрови хватит. И знаешь что… Давай-ка остановимся в Новом Орлеане. Там есть шикар…

— Нет, не остановимся. Я тут работаю. Временно, в магазине сувениров. Надо дать им пару дней — подыскать замену.

— Молли, Молли, что происходит?

— Ничего. Ничего не происходит… Мне было так грустно, Уилл. Ты знаешь, я приехала сюда после смерти отца Вилли. — Она говорила «отец Вилли», как будто это была должность, и никогда не называла покойного мужа по имени. — Тогда мы, вся семья, оказались здесь вместе, и я тоже как-то собралась, успокоилась. Я и сейчас взяла себя в руки, и я…

— Вот только я подвел — остался в живых, да?

— Ну зачем ты так?

— Как так? Ну зачем я как?

— Чего ты злишься?

Грэм закрыл глаза.

— Алло, ты меня слышишь?

— Я не злюсь, Молли. Поступай как знаешь. Я тебе позвоню, когда здесь все закончится.

— Ты бы мог приехать сюда.

— Нет, не мог бы.

— Но почему? Места тут на всех хватит. Мамамма бы…

— Молли, они меня не любят, и ты знаешь почему! Стоит им только на меня взглянуть, как они вспоминают сына.

— Ты к ним несправедлив, и, вообще, это неправда.

Грэм вдруг почувствовал, как он устал.

— Тогда слушай правду. Это зануды, меня от них тошнит! Что, скажешь, не так?

— Не смей так говорить!

— Им парень нужен! Может, они и тебя любят, может быть, если они вообще о тебе вспоминают! Но им нужен парень, поэтому они и тебя пускают — как приложение! Но уж я им никак не нужен! А они мне и подавно. Мне нужна ты! Во Флориде. И Вилли, когда ему надоест пони.

— Ты бы выспался — полегче станет.

— Вряд ли. В общем, слушай, я тебе позвоню, когда тут появится какая-нибудь определенность.

— Позвони, что ж не позвонить.

И она бросила трубку.

— Сволочная жизнь! — простонал Грэм. — Что за сволочная жизнь!

Крофорд заглянул в комнату.

— Это ты сказал «сволочная жизнь»?

— Я сказал «сволочная жизнь».

— Ладно, не вешай нос. Сейчас звонил Айнсуорт с места происшествия. Он кое-что для тебя нашел. Сказал, чтобы мы сейчас же к нему ехали, а то местные его со всех сторон обложили.

51

Айнсуорт осторожно ссыпал пепел в новенькие жестяные банки из тех, в которых продают краску, когда на пожарище появились Грэм и Крофорд.

Айнсуорт был в пепле с ног до головы, а над ухом у него раздувался волдырь от ожога. Его подчиненный, Дженовиц, работал внизу, в подвале сгоревшего дома.

Рядом с пыльным «олдсмобилем», стоящим на дороге, беспокойно метался высокий неуклюжий человек. Он побежал наперерез Крофорду и Грэму, когда те пересекали двор.

— Крофорд — это вы будете?

— Да, я.

— Я Роберт Дьюлейни, коронер[26] этого графства.

Он сунул им визитную карточку. Вверху было напечатано: «Голосуйте за Роберта Л. Дьюлейни!»

Крофорд ждал.

---

[26] Примечания: 26

Коронер — следователь, в обязанности которого входит расследование насильственной или внезапной смерти.

— Ваш сотрудник располагает вещественными доказательствами, которые должен был передать мне.

— Простите за причиненное беспокойство, мистер Дьюлейни, но сотрудник действовал в соответствии с моими указаниями. Вы пока посидите в своей машине, а я пойду и со всем разберусь.

Дьюлейни не отставал.

Крофорд резко обернулся:

— Будьте так любезны, мистер Дьюлейни, сядьте к себе в машину.

Айнсуорт улыбался. На почерневшем лице белели зубы: все утро он просеивал через сито пепел.

— Как начальнику отдела, мне особенно приятно в этот знаменательный день…

— …пудрить вам мозги, — закончил Дженовиц, выбираясь из-под обугленных балок подвала. — Знаем, слышали.

— Разговорчики в строю, рядовой Дженовиц. Принесите интересующие нас предметы.

Он кинул Дженовицу связку автомобильных ключей.

Из багажника машины Дженовиц вытащил длинную картонную коробку. Ко дну коробки

проволокой был прикручен остов ружья со сгоревшим ложем и деформированным от жара пламени стволом. В другой коробке, поменьше, находился почерневший автоматический пистолет.

— Пистолет сохранился лучше, — сказал Айнсуорт. — Посмотрим, что скажут баллистики. Проснись, Дженовиц, а то замерзнешь.

Дженовиц принес три полиэтиленовых пакета, в которых хранят продукты, и передал их Айнсуорту.

— Смирно! Равнение на середину!

Лицо Айнсуорта вдруг стало серьезным. Сейчас он исполнял охотничий ритуал. «Того и гляди, мазнет мне по лицу теплой кровью убитого бизона», — подумал Грэм.

— Ну, приятель, и поползали мы тут… — сказал Айнсуорт, вручая пакеты Грэму.

В одном пакете лежали часть обугленной берцовой кости сантиметров десять — пятнадцать и шарообразный конец — бедренной. В другом находились часы. В третьем — вставные зубы. Пластина челюсти была обуглена и сломана наполовину, но эта половина содержала хорошо знакомый им боковой резец.

Грэм подумал, что следует что-то сказать.

— Спасибо. Большое спасибо.

У него закружилась голова, и на секунду все поплыло перед его глазами.

— …музейный экспонат, — услышал он, очнувшись. — Даже жалко отдавать этому индюку надутому, а, Джек?

— Придется отдать. Но в отделе коронера в Сент-Луисе работают неплохие профессионалы. Они сделают для нас хорошие слепки.

Крофорд со своими людьми совещался с коронером у его машины.

Грэм остался один на один с домом. Он слышал, как в трубах свистит ветер. Он надеялся, что Блум приедет сюда, когда поправится. Наверное, приедет. Грэм хотел узнать как можно больше о Долархайде. Он хотел узнать, что здесь происходило, как рождался Дракон. Но сейчас он был сыт этим делом по горло.

С верхушки почерневшей трубы раздалось пение пересмешника.

Грэм засвистел в ответ.

Он ехал домой.

52

Грэм улыбнулся, когда лайнер легко поднял его и, разворачиваясь в ослепительно ярких лучах солнца на юго-восток, понес прочь от Сент-Луиса, в сторону дома.

Там его ждут Молли и Вилли.

— Давай сейчас не будем искать виноватых. Я тебя встречаю в аэропорту, милый, — сказала Молли по телефону.

Он надеялся, что со временем из этого расследования в памяти останутся только те редкие моменты профессионального удовлетворения, когда он любовался работой преданных своему делу специалистов. Профессионализм встречается в любой области, если, конечно, достаточно понимаешь в деле, чтобы его увидеть.

Благодарить Ллойда Боумена и Беверли Кац выглядело бы как высокопарный жест, поэтому, позвонив, он просто сказал им, что ему было приятно снова поработать с ними.

Его немного беспокоило только одно — чувство, которое он испытывал, когда в Чикаго Крофорд положил трубку и сказал: «Это „Гейтуэй“», —

взрыв бешеной, животной радости, до сих пор ему неведомой.

Ему не давало покоя, что этот момент вдруг оказался самым счастливым в его жизни; тогда в Чикаго, в душной комнате присяжных, он уже знал.

Он не стал рассказывать Ллойду Боумену об этом ощущении. Зачем? Тот и так знал.

— К вашему сведению, когда Пифагора осенило, когда он понял, что открыл свою теорему, он принес в жертву Музе сто быков, — заметил Боумен. — Нет ничего приятнее озарения, правда? Не отвечайте, удовольствие продолжается дольше, когда им не делишься.

По мере приближения к дому и к Молли нетерпение Грэма росло. Спустившись с трапа самолета в Майами, он пересек летное поле, направляясь к «Дядюшке Лулу» — старенькому «Дугласу-3», который совершал рейсы в Марафон.

Ему нравился «дуглас». Сегодня ему все нравилось.

«Дядюшку Лулу» построили, когда Грэму не было и пяти лет. Обшивка крыльев у выхлопных патрубков была покрыта слоем копоти. Грэм не сомневался в надежности самолета. Он бежал к нему с радостью богатого туриста, проплутавше-

го в джунглях целую неделю.

Они летели над островом; в иллюминаторе уже показались огни Исламорады. Грэм видел белые гребешки набегающих волн. Через несколько минут самолет уже снижался над аэродромом Марафона.

Все было как и тогда — в первый раз. Тогда он тоже прилетел на «Дядюшке Лулу» и потом часто приходил в сумерки на аэродром полюбоваться, как, опустив закрылки, медленно, уверенно совершает посадку старенький самолет. На выхлопных патрубках плясали язычки пламени, а за освещенными иллюминаторами виднелись спокойные лица пассажиров.

Да и на взлете старенький самолет радовал глаз. Правда, когда он, делая пологий вираж, уходил на север, становилось печально и как-то пусто на душе, а в воздухе, казалось, стоял горький дух расставания. Скоро он понял, что ему можно смотреть только на посадки и встречи.

Все это было до того, как он встретил Молли.

Издав последний стон, самолет замедлил свой бег и неторопливо стал выруливать на посадочной полосе. Грэм увидел Молли и Вилли: они стояли за забором из металлической сетки, прямо под прожекторами. Вилли стоял перед ней. Он

словно прирос к месту и не шелохнулся, пока Грэм не подошел к ним. Только после этого он позволил себе сбежать от взрослых. Грэм по достоинству оценил это.

Ростом Молли была метр семьдесят, как и Грэм. Когда целуешь женщину не наклоняясь, это приятно щекочет нервы, может быть, потому, что так целуются в постели — там все одного роста.

Вилли вызвался нести его чемодан. Вместо этого Грэм вручил ему дорожный чехол с костюмами.

Молли вела машину по дороге, ведущей на мыс Шугалауф. Грэм узнавал знакомые места, выхваченные светом фар, дорисовывал в воображении то, что оставалось во мраке.

Распахнув дверцу машины во дворе дома, он услышал шум прибоя.

Вилли пошел в дом, водрузив его костюмы себе на голову, низ чехла при этом хлопал ему по икрам.

Грэм рассеянно стоял во дворе, отгоняя комаров от лица.

Молли положила руку ему на щеку.

— Знаешь, что нужно сделать первым долгом? Зайти в дом, пока тебя комары не сожрали.

Он кивнул. В глазах у него стояли слезы.

Она помедлила, опустила голову и, взглянув на него из-под игриво заломленных бровей, произнесла:

— Прошу вас, сэр, здесь вы получите мартини, жареное мясо, лобзания и прочее. — И, отвернувшись, пробормотала: — А также счета за электричество, водопровод и долгие беседы с моим ребенком.

53

Грэм и Молли очень хотели, чтобы между ними ничего не изменилось, чтобы они жили как раньше.

Потом они поняли, что по-прежнему — не получается, и эта невысказанная истина поселилась в их доме как незваный гость. Они пытались достучаться друг до друга, но взаимные заверения в любви, которыми они обменивались и днем и ночью, словно встречая на пути невидимое препятствие, уходили в пустоту.

Никогда Молли не казалась ему такой красивой. С болью ощущая растущую дистанцию между ними, он мог теперь только издали восхищаться ее врожденной грацией.

Она старалась относиться к нему хорошо, но, побывав в Орегоне, Молли воскресила прошлое.

Вилли все это чувствовал. Он был холоден и подчеркнуто вежлив с Грэмом, подчас доводя того до белого каления.

Пришло письмо от Крофорда. Молли принесла его вместе с другой почтой, но Грэму ничего не сказала.

В конверт был вложен снимок семьи Шерманов, напечатанный с кинопленки. Не все сгорело во время пожара, пояснил Крофорд в письме. Во время поисков в поле нашли эту фотографию и еще несколько предметов, разнесенных взрывом на большое расстояние от дома. «Им, видимо, было суждено стать следующими жертвами, — писал Крофорд. — Теперь они спасены. Я подумал, что тебе это будет интересно».

Грэм показал письмо Молли.

— Посмотри. Вот ради чего это все было нужно, — сказал он, — понимаешь?

— Я понимаю, — ответила она, — честное слово, понимаю.

Сверкая в лунном свете, в воде играла пеламида. Молли привычно делала бутерброды, они ловили рыбу, разжигали костер, но все было както не так, как раньше.

Дедушка и мамамма прислали Вилли фотографию пони, и он повесил ее на стенку в своей комнате.

Шел пятый день после приезда Грэма домой. Завтра Грэму и Молли предстояло возвращаться на работу в Марафон, и сегодня они отправились ловить рыбу в прибрежных волнах. Огибая небольшой мыс, они прошли с полкилометра до

места, где, как помнилось, был неплохой клев.

Грэм решил поговорить с ними обоими начистоту.

Рыбалка не пошла с самого начала. Вилли демонстративно отложил удочку, которую Грэм специально снарядил для него, и достал спиннинг, что подарил ему перед отъездом дед.

Они молча просидели с удочками часа три. Несколько раз Грэм пытался завязать разговор, и каждый раз неудачно.

Он устал им не нравиться.

Грэм поймал четырех рифовых окуней, используя в качестве наживки рачков.

Вилли не поймал ничего.

Он все забрасывал большую блесну с тремя тройными крючками, также подаренную дедом. Слишком торопился, снова и снова забрасывая блесну в море, слишком быстро подводил ее к берегу, и скоро его лицо раскраснелось, а футболка прилипла к спине.

Грэм шагнул в набегающую волну и, дождавшись, когда она откатится, набрал в ладони пригоршню мокрого песка, обнаружив там двух шевелящих клешнями рачков.

— Молодой человек, а такую наживку не хотите попробовать?

Он протянул рачка Вилли.

— Я буду ловить чем ловлю. Это блесна моего отца, разве ты не знаешь?

— Нет, — буркнул Грэм.

Он посмотрел на Молли.

Она сидела, обняв себя за колени, и смотрела вдаль на альбатроса, высоко парящего в небе. Наконец она встала, стряхивая с джинсов песок.

— Пойду сделаю бутерброды, — объявила она.

Пока Молли не было, Грэма подмывало поговорить с мальчиком наедине. Нет. Вилли всегда будет смотреть на то, как относится к Грэму мать. Надо подождать, когда придет она, и тогда поговорить всем вместе. Откладывать больше нельзя.

Молли вернулась раньше, чем ее ждали, и без бутербродов. Она быстро шагала по песку, твердо укатанному волнами прибоя.

— Звонит твой Крофорд. Я ему сказала, что ты перезвонишь позже, но он говорит, что это очень срочно, — сказала она, рассматривая ноготь на пальце, — так что поспеши.

Грэм покраснел. Он резко воткнул конец удилища в песок и быстро зашагал к дюнам. Напрямик было быстрее, чем вдоль берега, особенно если идешь налегке и нечему цепляться за густой кустарник, которым поросли дюны.

Войдя в заросли молодого кедра, он услышал тихое пощелкивание, принесенное порывом ветра, и, опасаясь гремучей змеи, стал внимательно смотреть себе под ноги.

Вдруг он увидел под кустами чьи-то ноги в ботинках, и одновременно его ослепил блик от стекол бинокля. Внезапно перед ним выросла фигура в хаки, и он взглянул в желтые глаза Фрэнсиса Долархайда.

От страха у Грэма бешено заколотилось сердце. Щелкнул курок. Грэм пнул поднимающийся перед ним пистолет ногой, и тот полетел в кусты, успев полыхнуть бледно-желтым на солнечном свете пламенем.

Грэму обожгло грудь слева, он упал навзничь и, съехав вниз головой по склону дюны, оказался на пляже. Сильно оттолкнувшись, Долархайд прыгнул вслед, стремясь приземлиться ему на живот обеими ногами. Не обращая внимания на тонкий вскрик, раздавшийся у самой кромки прибоя, он прижал Грэма коленом к песку и, ухнув, со всего маху ударил его ножом. Чудом минуя глаз, лезвие глубоко воткнулось Грэму в щеку.

Долархайд навалился всем телом на рукоятку ножа, стараясь вогнать лезвие в мозг.

Подбежав, Молли со свистом взмахнула спин-

нингом, и тяжелая блесна хлестнула Долархайда по лицу, вонзая в щеку тяжелые длинные крючки. Она размахнулась, чтобы нанести второй удар, и катушка, взвизгнув, стала разматывать леску.

Получив новый удар, Долархайд взвыл, схватившись рукой за лицо, и впившиеся в лицо крючки вонзились теперь и в ладонь. Он выдернул нож свободной рукой и бросился за Молли.

Грэм перекатился на живот, поднялся на колени, затем на ноги. Дико выпучив глаза, захлебываясь кровью, он побежал прочь от Долархайда, пока не рухнул на песок, потеряв сознание.

Молли неслась к дюнам. Вилли бежал перед ней. Долархайд не отставал, волоча за собой спиннинг, пока тот не зацепился за кусты. Взвыв от боли, Долархайд встал как вкопанный, только тогда догадавшись, что нужно перерезать леску.

— Беги, малыш! Беги, родной! Не смотри назад! — кричала, задыхаясь, Молли.

У нее были длинные ноги, и ей приходилось помогать бегущему мальчику, подталкивая его перед собой. Треск кустов за ними раздавался все ближе.

Когда Молли с сыном выбежали из дюн, Долархайд отставал от них метров на сто. Когда

подбегали к дому, расстояние сократилось почти наполовину. Оказавшись в доме, они бросились по лестнице вверх. Она рванула на себя дверцу шкафа в комнате Грэма и крикнула мальчику:

— Лезь сюда, быстро! И носа не высовывай!

Вбежав на кухню, пока не готовая дать отпор, она стала лихорадочно заряжать револьвер с помощью обоймы-ускорителя.

Молли забыла принять правильную стойку, забыла совместить мушку с прицелом, но вспомнила, что револьвер нужно крепко держать обеими руками, и, когда дверь разлетелась от страшного удара снаружи, она тут же выстрелила, пробив пулей дыру в его бедре.

— М…чка…а!

Он стал сползать вниз по дверному косяку, и она пальнула ему в лицо. Затем еще раз, когда он оседал на пол. И когда он наконец растянулся у стены, она подбежала и всадила оставшиеся две пули в лицо, видя, как ему на подбородок падают лоскуты разодранной кожи, а от дульного пламени тлеют волосы.

Вилли разорвал на полосы простыню и пошел искать Уилла. У него дрожали ноги, и, переходя двор, он несколько раз падал.

Молли не пришло в голову вызвать шерифа и

«скорую помощь». Те приехали сами. Она была в душе, когда в дом вбежали люди с пистолетами на изготовку. Она яростно терла себе кожу на лице, волосы, смывая кровь и осколки костей. Помощник шерифа, отделенный от нее занавеской душа, стал задавать ей вопросы, но она не могла говорить.

Кто-то поднял наконец телефонную трубку, из которой раздавался голос Крофорда, находящегося в Вашингтоне, и сообщил ему, что произошло в доме. Это Крофорд, ожидая, когда к телефону подойдет Грэм, услышал выстрелы и связался с шерифом.

— Не знаю, как он. Вон его несут, — сказал полицейский, увидев в окно, что пронесли носилки с Грэмом, и заключил: — Да, видно, плохо дело.

54

На стене над больничной койкой висели часы. Цифры на них были крупные, различимые даже сквозь пелену боли и транквилизаторов.

Когда Грэм смог наконец открыть правый глаз, первое, что он увидел, был циферблат. Он сразу понял, где находится, — в реанимации. Грэм знал, что в его положении нужно почаще смотреть на часы. Движение стрелок подбадривало его, показывая, что на свете все преходяще, пройдет и его боль.

Вот для этого их сюда и повесили.

Сейчас стрелки показывали четыре часа, но Грэм не знал — дня или ночи. В сущности, ему было все равно, лишь бы стрелки не останавливались. Он опять провалился в забытье.

Когда он снова открыл глаза, часы показывали восемь.

Сбоку кто-то сидел. Он осторожно посмотрел туда. Это была Молли. Она смотрела в окно. Как она похудела! Он хотел ей что-то сказать, но стоило ему чуть открыть рот, как левую часть головы пронзила дикая боль.

Он чувствовал, что у него в голове и груди пульсируют артерии — но не в такт, а подчиняясь какому-то синкопированному ритму. Когда Молли уходила, он все-таки сумел промычать что-то ей вслед.

В окне брезжил свет, когда его тело стали тянуть и тащить в разные стороны, делать с ним такое, что у него вздулись вены на шее.

Желтоватый свет. Над ним — лицо Крофорда.

Грэму удалось подмигнуть. Крофорд в ответ улыбнулся, и Грэм увидел, что у того между зубами застрял кусочек шпината.

Странно. Крофорд почти не ел овощей.

Грэм пошевелил лежащей на одеяле рукой, как будто писал что-то.

Крофорд подсунул ему под руку свой блокнот и вставил между пальцами карандаш.

«Как Вилли, нормально?» — написал Грэм.

— Да, он прекрасно себя чувствует, — сказал Крофорд. — И Молли тоже. Она сидела у тебя, пока ты спал. Долархайд убит. Теперь уже точно. Я лично снял отпечатки пальцев и велел Прайсу сравнить. Никаких сомнений. Его больше нет.

Грэм нарисовал вопросительный знак на листе блокнота.

— У нас еще будет время поговорить. Я снова

приду. Тебе станет получше, и я все подробно тебе расскажу. Меня к тебе пустили всего на пять минут.

«Сейчас», — написал Грэм.

— С тобой врачи еще не разговаривали? Нет? Ты, можно сказать, выкарабкался. У тебя полностью заплыл глаз от гематомы — результат удара ножом в лицо. Это пройдет. Тебе удалили селезенку. А зачем она вообще нужна? Вон Прайсу еще в Бирме удалили, в сорок первом, и ничего, прекрасно себя чувствует.

По дверному стеклу настойчиво постучала медсестра.

— Нужно идти. Ну никакого уважения к федеральным органам! Не успеваешь «здрасьте» сказать, уже за дверь выставляют. Ладно, еще увидимся.

В комнате ожидания реанимационного отделения среди других посетителей с серыми от усталости лицами сидела Молли.

Крофорд подошел к ней:

— Молли, я…

— А, Джек, — сказала она. — А ты ничего выглядишь, не то что некоторые. Слушай, а может, пересадим ему твое лицо?

— Ну зачем ты так, Молли?

— Ты видел его лицо?

— Да.

— Сначала я думала, что не смогу посмотреть на него, но потом посмотрела.

— Врачи все сделают как надо. Мне доктор обещал. Они чудеса творят. Хочешь, с тобой кто-нибудь поживет? Приехала Филлис, и если…

— Нет. Ты уже сделал для меня все, что мог.

Она отвернулась, роясь в сумочке в поисках салфетки. Он увидел письмо, когда она открывала сумочку; конверт из дорогой розоватой бумаги. Такой конверт он уже встречал.

Крофорду ужасно не хотелось это делать. Но выхода не было.

— Молли.

— Что еще?

— Это письмо в сумочке для Уилла?

— Да.

— Это тебе сестра передала?

— Да, письмо она мне отдала. А вот цветы от его так называемых друзей из Вашингтона остались у медперсонала.

— Можно на письмо взглянуть?

— Письмо я отдам ему самому, когда он захочет.

— Пожалуйста, дай мне посмотреть это пись-

мо.

— Зачем?

— Затем, что он не должен читать письмо… именно от этого человека.

Наверное, на его лице появилось какое-то особое выражение. Она посмотрела на письмо и уронила его на пол вместе с сумочкой и всем содержимым. По полу покатилась губная помада. Наклонившись, чтобы собрать ее вещи, Крофорд услышал, как она уходит, быстро стуча каблучками.

Сумочку он отдал дежурной сестре.

Крофорд знал, что Лектеру практически невозможно достать то, чем он был бы не прочь воспользоваться, но с Лектером рисковать не следовало.

Он попросил какого-то интерна[27] просветить письмо в рентгеновском кабинете. Затем осторожно разрезал перочинным ножом конверт с четырех сторон и внимательно оглядел, нет ли на внутренней поверхности конверта или на самом письме каких-нибудь пятен или пыли; в Чесапикской больнице для невменяемых преступников при санобработке используют щелочь, кроме

---

[27] Примечания: 27

Интерн — молодой врач, проходящий практику при стационаре.

того, там, как и в любом крупном стационаре, есть аптека.

Убедившись, что ничего опасного в конверте нет, он стал читать письмо.

> Дорогой Уилл!
>
> Вот и Вы теперь чахнете в больничной палате. Вас мучает боль, меня — отсутствие книг. Об этом позаботился мой ученый коллега. Согласитесь, Уилл, что мы с Вами живем в эпоху серости, посредственности. Она и не жестока, и немудра. Настоящим проклятием стали для нас полумеры. В любом рациональном обществе меня бы или прикончили, или не лишали бы книг.
>
> Желаю Вам скорейшего выздоровления. Надеюсь, лицо Вам поправят и Вы не останетесь уродом.
>
> Я часто о Вас думаю.
>
> ***Ганнибал Лектер***

Интерн взглянул на часы.

— Я вам еще нужен?

— Нет, — ответил Крофорд. — Где тут сжигают мусор?

Когда через четыре часа снова стали пускать посетителей и Крофорд вернулся, он не нашел Молли ни в комнате ожидания, ни в палате.

Грэм не спал. Увидев Крофорда, он тут же нарисовал на блокноте вопросительный знак, а под ним написал: «Д. убит?»

Крофорд рассказал, как все было. Грэм пролежал не шелохнувшись, наверное, не меньше минуты, затем написал: «Как скрылся?»

— Значит, так было дело, — начал Крофорд. — Сент-Луис. Долархайд, должно быть, искал Рив Макклейн. Он пошел к ней в лабораторию, когда мы были на «Гейтуэе», и засек нас. Его отпечатки нашли в котельной — только вчера обратили внимание, что там открыто окно.

Грэм нацарапал на блокноте: «Тело?»

— Видимо, он подсунул нам тело некоего Арнольда Лэнга: он числится пропавшим. Его машину нашли в Мемфисе с вытертыми отпечатками пальцев. Слушай, они меня скоро отсюда выгонят, давай я лучше по порядку. Итак, Долархайд знает, что мы приехали. На кинофабрике он от нас ускользает и едет на станцию «Сервко суприм», это на пересечении бульвара Линдберга и автострады номер двести семьдесят. Там работает Арнольд Лэнг. Рив Макклейн рассказала, что

у Долархайда была стычка с каким-то заправщиком в позапрошлую субботу. Надо думать, это был Лэнг. Он убивает Лэнга и везет тело к себе домой. Затем он едет к Рив и видит, что она обнимается на крыльце с Ральфом Мэнди. Он убивает Мэнди и прячет тело в кустах.

В палату вошла сестра.

— Послушайте, я сотрудник ФБР при исполнении служебных обязанностей! — простонал Крофорд. Он быстро заговорил, пока сестра тащила его за рукав к двери: — Он усыпил Рив хлороформом и отвез к себе домой. Там уже лежал труп Лэнга, — раздалось уже из коридора.

Чтобы узнать, чем все кончилось, Грэму пришлось ждать еще четыре часа.

— В доме он стал морочить ей голову, ну, ты понимаешь: «Убить тебя, что ли, или не убивать», — начал Крофорд, едва переступив порог. — А ты знаешь, зачем он заставил ее пройти через процедуру с ключом? Первый раз она снимала ключ с его шеи, значит, снимая во второй и не зная, что это труп Лэнга, она как бы засвидетельствовала его, Долархайда, смерть. Ну, чтобы она нам потом рассказала, как собственными руками трогала его тело. Ну хорошо. Он, значит, вешает ей лапшу на уши: «Я не могу видеть, как

ты будешь гореть» — и все прочее, а сам стреляет в голову Лэнга из ружья двенадцатого калибра. Лэнг для него оказался настоящей находкой. У того своих зубов не было. Может быть, Долархайд знал, что верхнечелюстная дуга и не такой пожар выдерживает, — кому ведомо, что он знал. Как бы там ни было, перед тем как загорелся дом, во рту Лэнга этой дуги уже не было. Он выстрелом размозжил Лэнгу голову и тут же бросил на пол что-то тяжелое, например стул, имитируя стук падающего тела. Но еще до того он повесил ключ ему на шею. Итак, Рив ползает по комнате, пытаясь найти ключ. Долархайд, видимо, находится тут же, наблюдая за ней из какого-нибудь угла. У нее заложило после выстрела уши, и она не слышит, что он в комнате. Он поджигает мебель, но бензин в огонь пока не подливает. А бензин у него под рукой, в комнате. Она благополучно выбирается из дома. Если бы она запаниковала, налетела бы, скажем, на стену, оцепенела бы там от страха или еще что-нибудь, то, будь спокоен, он бы ее оглушил и выволок наружу. Она потом и сама бы не помнила, как выбралась. Чтобы его план сработал, она должна была остаться живой и невредимой. А, черт, опять эта медсестра идет!

Грэм быстро написал: «А машина?»

— С машиной он, конечно, придумал блестяще, ничего не скажешь, — сказал Крофорд. — Он понимал, что микроавтобус придется оставить у дома. Вести две машины одновременно невозможно, а с другой стороны, ему нужна еще одна машина — скрыться с места преступления. Что он делает? Он заставляет Лэнга прицепить микроавтобус к тамошнему аварийному тягачу. Затем убивает Лэнга, запирает станцию и едет домой на аварийке, буксируя микроавтобус. Потом оставляет тягач позади дома — там через поля проходит грунтовая дорога, — садится в микроавтобус и едет за Рив. Итак, она благополучно выбралась из дома, а он выволакивает из подвала динамит, обливает все вокруг бензином и выскакивает из дома через заднюю дверь. Он отгоняет тягач обратно на станцию, бросает его там, а сам уезжает уже на машине Лэнга. Как видишь, никаких концов. Пока мы восстанавливали всю картину, я чуть было с ума не сошел. Но все-таки он оставил свои пальчики на буксирной сцепке тягача. Видимо, это его мы тогда встретили на дороге, когда ехали к его дому… Слушаюсь, мэм. Считайте, что я уже ушел.

Грэм хотел кое-что спросить, но было уже поздно.

В следующую пятиминутку его посетителем была Молли.

Грэм написал «Я люблю тебя» на блокноте Крофорда.

Она кивнула и взяла его за руку.

Через минуту он написал на блокноте: «Как Вилли?»

Она кивнула.

«Он здесь?»

Она слишком быстро взглянула на него, прочитав вопрос. Затем чмокнула губами, как будто целует, показав глазами на приближающуюся сестру.

Он не пускал ее, держа за большой палец руки.

«Где?» — снова написал он, подчеркнув вопрос два раза.

— В Орегоне, — ответила она.

Потом в последний раз пришел Крофорд.

Грэм уже написал вопрос заранее. Крофорд прочитал: «Зубы».

— Бабушкины, — ответил Крофорд. — Те, что мы нашли на пожарище, принадлежали когда-то его бабушке. Полицейское управление Сент-Луиса разыскало некоего Неда Вогта, пасынка матери Долархайда. Вогт видел бабушку Долархайда, когда был ребенком, но до сих пор не забыл ее зубы.

Помнишь, я звонил тебе в тот день, когда у вас объявился Долархайд? Мне как раз позвонили из Смитсоновского института. Они наконец получили зубы из Миссури и смогли ими заняться в свое удовольствие. А зубы того стоили. Там обратили внимание, что верхняя часть была сработана из вулканита, а не из акрила, которым пользуются сейчас. Вулканитом уже лет тридцать как не пользуются. Но у Долархайда был еще один протез — современный, акриловый, — точно такой же по размеру, как и бабушкин. Мы нашли его на месте пожара. Специалисты в Смитсоновском институте исследовали его особенности — там какие-то пазы, выступы — и утверждают, что он изготовлен в Китае. А старые челюсти были швейцарские. При нем нашли ключ, в Майами в камере хранения он держал огромный альбом — что-то вроде дневника. Жутко становится, когда читаешь. Он у меня, если захочешь, потом посмотришь. Слушай, мне сейчас надо лететь в Вашингтон. В конце недели постараюсь вырваться обратно. Как ты здесь, не пропадешь без меня?

Грэм начертил вопросительный знак, затем зачеркнул его и написал: «Не пропаду».

После того как ушел Крофорд, вошла медсестра. Она ввела демерол в капельницу. Очертания ци-

ферблата стали размытыми, и минутная стрелка начала ускользать от его внимания.

Грэм задумался, воздействует ли демерол на чувства человека. Он мог удержать Молли еще какое-то время, используя в качестве привязи свое изуродованное лицо. Во всяком случае, пока его не поправят окончательно. Но это было бы нечестным и дешевым трюком. И вообще, зачем ее удерживать? Он куда-то проваливался и желал только одного — чтобы ему не снились сны…

Сны все-таки были. Они наплывали, сменялись воспоминаниями, затем возвращались, но боялся он напрасно — ему не снилось, что от него уходит Молли, не снился Долархайд. Это был бесконечно долгий сон-воспоминание о поездке в Шайлоу,[28] изредка прерываемый ярким светом, удушьем и шипением воздуха в манжете тонометра.

Стояла весна. Вскоре после того, как он застрелил Гэррета Джекоба Хоббса, Грэм поехал в Шайлоу.

Стоял мягкий апрельский день. Он перешел асфальтовую дорогу и вышел к Кровавому пруду. Недавно прошли дожди, и вода в пруду поднялась. Круто спускающийся берег зарос молоденькой

---

[28] Примечания: 28

Шайлоу — национальный парк в штате Теннесси, место кровопролитного сражения времен Гражданской войны, произошедшего в 1862 г.

травкой, исчезающей в кристально-прозрачной воде, и казалось, что и там, на глубине, все дно покрыто нежно-зеленой порослью.

Грэм знал, что здесь произошло в апреле 1862 года.

Он сел на землю, чувствуя сквозь брюки влажную почву.

Мимо проехал какой-то турист. Когда его машина исчезла за поворотом, Грэм увидел, что на дороге что-то шевелится. Оказалось, проехавшая машина раздавила полоза. Змея лежала на середине дороги, свернувшись в бесчисленные восьмерки, черная — сверху, бледно-желтая — снизу.

Хотя пригревало ласковое весеннее солнце и Грэм даже вспотел, от Шайлоу исходил какой-то зловещий холод.

Поднимаясь с травы, Грэм почувствовал, что влажные брюки прилипли сзади к ногам. У него вдруг закружилась голова.

Перед ним лежала, свернувшись, змея — одно кольцо на другом. Он помедлил, потом схватил ее за хвост, ощутив гладкую сухую кожу, и, широко размахнувшись, щелкнул ею, словно кнутом.

Мозги из разлетевшейся головы полетели в пруд. Навстречу из глубины поднялся лещ.

Грэм тогда решил, что Шайлоу — проклятое место, и вся эта красота, раскинувшаяся перед ним, насколько хватал глаз, показалась ему зловещей…

Он плыл. В зыбком сознании сменялись воспоминания и наркотические сны. Теперь он видел, что Шайлоу не зловещее привидение, но равнодушная красавица, спокойно наблюдающая за тем, что происходит в ее владениях. Ее непростительная красота лишь подчеркивала равнодушие Зеленой Машины — Природы. За приветливыми пейзажами Шайлоу скрывалась усмешка.

Грэм очнулся. Он смотрел на бестолковые часы, но не мог перестать думать.

Природа не знает слова «милосердие». Какими им быть — милосердными или жестокими, — выбирают люди благодаря особым органам, которые отличают их от рептилий — существ с крошечным мозгом.

Грэм прекрасно знал, что в нем самом есть все, изначально необходимое для порождения убийства. Впрочем, пожалуй, и для милосердия.

Однако он слишком хорошо разбирался в анатомии убийства, и это не давало ему покоя.

Он стал думать о темных, звериных инстинктах, открывающихся в глубине рода человеческо-

го, в душах людей цивилизованных, о зловещих сигналах из глубины подсознания и задал себе вопрос: а что, если эти инстинкты сродни уродливым вирусам, от которых пытается защититься наш организм? А что, если эти инстинкты во всей их первобытной жестокости — действительно вирусы, из тех, что идут на изготовление вакцин?

Теперь он точно знал, что заблуждался, думая, что Шайлоу проклято. Нет, прокляты мы, люди.

А Шайлоу? Шайлоу на это наплевать.

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это — томление духа…

Книга Екклесиаста